

Карин Кармон

*Карнавал
со слезами*

Annotation

Семь лет назад Стэйс Трупер, чей брат-близнец был жестоко убит, а его убийцу так и не нашли, предпочла уехать подальше от семейной трагедии и своего прошлого — в Торонто. Она верила, что худшее позади, пережито, но оказалось, что сильно заблуждалась. Самый страшный кошмар в её жизни только начинался.

Часть I. Глава 1

15 июня 2015 года, Торонто, Онтарио.

Проклятое приглашение на свадьбу сестры никуда не исчезло, не растворилось в воздухе, не рассыпалось пеплом в пальцах, повинуюсь моему тайному желанию. Устроив западню, оно терпеливо поджидает в прихожей, как охотник — жертву: белоснежный прямоугольный конвертик, а на нём каллиграфическим почерком, буква к буквке — мои имя и адрес, всё так же валяется на столике.

Что же делать?

Захлопываю входную дверь, прислоняюсь к ней спиной, сползаю на пол. В отчаянии обхватываю руками согнутые колени. Прикусываю нижнюю губу, чтобы не разрыдаться.

Полгода назад похожую проблему я решила легко. Ни на мгновение не позволила себе задуматься, что чувствую по поводу предстоящего бракосочетания бывшего жениха и подруги детства. Ни где, ни как, ни почему, ни кому из них пришла в голову идиотская мысль позвать меня на свой праздник. В моём положении это стало бы непозволительной роскошью, поэтому всё было до банального просто: не читая, я выкинула приглашение в мусорный контейнер по дороге на парковку. Понадобилось бы — с лёгкостью соврала бы, что ничего не получала. Никогда. Если бы вообще ответила на их звонок. Но, слава богу, им хватило ума не звонить с выяснениями.

Наша с Майком несостоявшаяся свадьба семь лет назад — первая и, возможно, последняя отменённая брачная церемония за всё существование Риверстоуна. Она должна была стать спасительным лекарством для города. Доказательством, что горе ничтожно в сравнении с счастьем, что любовь сильнее беды. Но я не смогла. Предпочла убраться оттуда, увозя с собой за тысячи километров невидимый для остальных «хлам». Для большинства горожан эта часть воспоминаний теперь — всего лишь досадное прошлое. Убитый неизвестными единственный сын кандидата в мэры, сломленная тяжёлой утратой семья, слетевшая с катушек сестра-близнец...

Чем дальше полиция не находила убийцу, тем старательнее в Риверстоуне пытались как можно скорее всё забыть. Выкинуть подальше любые болезненные, неприятные последствия весенней трагедии, как разбросанный на ухоженных газонах мусор. Ведь если не видеть, можно не помнить, а потом и вовсе сделать вид, что ничего никогда не происходило. Так проще принять неизбежное.

Я не смогла спросить, что означали предсмертные слова моего брата. Сама не верила, что Майк может быть замешан в его убийстве, ведь они были лучшими друзьями с самого детства. Не нашла в себе сил перебороть страх: что будет, если ошибаюсь? Что, если мои подозрения подтвердятся? Я не хотела... не могла и не собиралась обвинять Майка голословно, поэтому скрыла свой последний разговор с братом от полиции и родных. А потом поняла, что не могу жить дальше, вечно сомневаясь. Отменила свадьбу, наплела ерунды про надоевший, скучный городок. Заявила всем, что достойна большего, и уехала. В один конец, не желая думать, что когда-нибудь, рано или поздно, придётся вернуться. Пусть и на время.

Что ж, по-своему я тоже лечила раны Риверстоуна, одновременно разрушая его традиции.

А теперь загнанные в самый потаённый, самый тёмный и глубокий уголок мысли и

чувства берут долгожданный реванш. Ведь сомнение подобно плесени — бесшумно, неумолимо оно разъедает душу. И казавшийся прочным замок рушится на глазах.

...Зима в Торонто оказалась гораздо мягче, чем дома. Даже здесь, в Оквилле, почти на окраине «Золотой подковы» — никаких сугробов выше человеческого роста, никаких морозов под сорок. Нулевая температура, колеблющаяся вверх-вниз в пределах нескольких градусов. Единственный недостаток — всё, что успевало растаять за день, ночью основательно подмерзло, превращая стоянку у дома в каток.

Но я быстро приноровилась: возвращаясь с работы домой, парковалась задним ходом впритык к лестнице, и тогда по утрам можно медленно скользить до заботливо посыпанной солью улицы. Первый раз, когда по неопытности пришлось проделать то же самое задом, стал доходчивым уроком. Мне чудом повезло остановиться за сантиметр до того, как я снесла соседский забор и впилилась в столб.

Поэтому и сейчас, привычно маневрируя в темноте, я припарковала машину у самого входа. Прихватив с переднего сидения бумажный пакет с продуктами, вылезла наружу и чуть не выронила его из рук от неожиданности — на каменных ступеньках двухэтажного коттеджа, где я снимала двухкомнатную квартиру, сидел Майк.

— Привет, — невозмутимо поздоровался он, поднимаясь. Небрежно стряхнул с брюк прилипший снег.

— Ка...к ты меня нашёл?

Сестра проболталась? Она была единственной, кому я удосужилась сообщить новый адрес. На всякий случай. Вот только появление Майка вряд ли под ним подразумевалось.

— Это всё, что тебя интересует? Мы не виделись полгода. Даже не говорили.

— Логичное продолжение после слов: «Всё кончено. Не ищи меня». — Злиться и грубить было проще, чем начинать прислушиваться к себе и анализировать, что чувствую сейчас, когда Майк так близко. Стоит, как ни в чём не бывало, щурится, как будто на улице не темень, а ярко светит солнце. — Не находишь?

— Как видишь, нахожу, — не остался в долгу он. Поёжился. — Может,пустишь всё-таки в дом? Холодно.

— Неужели? — Стоять и препираться действительно глупо, и я направилась вверх по лестнице. — В Риверстоуне сейчас минус двадцать восемь и метель.

— Приятно, что следишь за нашей погодой, Стэйс.

Я молча передёрнула плечами, свободной рукой пытаюсь открыть болтавшуюся через плечо сумку.

— Вдвойне приятно лицезреть твою эмансипацию в деле, но в принципе... — Майк наверняка сейчас улыбался. — Я могу подержать пакет. Если ты мне доверишь, конечно.

Не доверяю, хотелось крикнуть в ответ, и в этом как раз проблема. Но я опять промолчала, продолжая воевать с молнией на боковом кармашке сумки. Тихо выдохнула, радуясь, что она наконец-то сдалась, а пальцы уже нащупали ключи. Ещё через мгновение замок открылся.

Я распахнула дверь, нащупала сбоку на стене выключатель, перешагнула через порог. В полном молчании вошла в дом, опустила на стол пакет с продуктами и только тогда обернулась, с удивлением обнаружив, что Майк остался стоять снаружи.

В кожаной тёмно-коричневой куртке на меху, в чёрных джинсах и рыжих зимних ботинках на рельефной подошве он почему-то казался выше, чем я помнила. Тёмно-русые волосы отросли и непривычно свисали на лоб тонкими прядками. Лицо бледное,

осунувшееся, глаза уставшие.

Едва ощутимым холодком по позвоночнику пронёсся страх: вдруг Майк пришёл, чтобы убить меня, как когда-то брата. И тут же сменился ужасом от того, что я способна даже гипотетически допустить такую возможность. А потом, уже знакомым до боли сомнением, смешанным с чувством вины, сжать мои внутренности в огненный кулак.

Я вопросительно посмотрела на Майка:

— Ну, и долго ты собираешься там стоять?

— Я не стану вламываться в твой дом без приглашения.

— Да заходи уж, раз приехал.

Его не пришлось просить дважды. Майк закрыл за собой дверь и бросил хмурый, оценивающий взгляд по сторонам.

— Не беспокойся, я живу одна.

— Я в курсе.

— Неужели...

— Ага. Брат проверил, — улыбнулся он. — На всякий случай.

— Твой брат? — удивилась я.

— Да, он теперь работает в полиции. Как отец. Ты разве не знала?

— Ясно. — Конечно, я не знала. Не знала, потому что не потрудились поинтересоваться. Я вообще старательно избегала разговоров обо всём, что хотя бы косвенно имело отношение к бывшему жениху, но озвучивать это ему не собиралась. Нарочито небрежно распахнула пальто, сдёргивая шарф. — Ну, и зачем ты приехал?

— В прошлый раз мы не договорили, — Майк сделал шаг навстречу, сокращая и без того пугающе близкое расстояние между нами.

Я попятилась.

— Разве?

— Ага. Ты предпочла соврать. Я сделал вид, что поверил, — он продолжал приближаться. — А вчера подумал, что прошло достаточно времени и мы вполне можем поговорить начистоту.

— Я всё сказала тог...

— Стэйс, пожалуйста! — Майк остановился совсем близко. — Не начинай снова мне врать. И не пытайся убедить, что вот это вот всё, — он выразительно обвёл глазами комнату, — то большее, о котором ты якобы мечтала и которого тебе не хватило дома.

— Ты не поймёшь, — еле слышно пробормотала я.

Корить себя в том, что я так и не смогла задать страшный вопрос вслух, а потому сбежала из Риверстоуна, бессмысленно. Майк жив и здоров. С ним ничего не случилось. Значит, один из вариантов, о котором мучительно напоминала совесть, можно смело откинуть в сторону. Что бы ни имел в виду мой брат, умирая, это явно не было предупреждением, что Майку грозит опасность. Ответ в любом случае не имел значения. Я бы продолжила сомневаться.

— Попробуй. Я — умный. И всё ещё люблю тебя. Всё ещё хочу, чтобы ты стала моей женой, Стэйс. А ты, — Майк скользнул взглядом по моей груди, — всё ещё носишь моё кольцо. Как ты думаешь, что это значит?

Вспоминать ту февральскую ночь, ставшую для нас с Майком последней, мне странно. Вместе с щемящей тоской чувствую, как растёт возбуждение, как опьяняющим, манящим в омут теплом оно растекается внизу живота. словно сейчас, а не много лет назад, ледяные

пальцы Майка прикасаются к моей горячей коже. словно в эту секунду, а не миллионы прожитых после мгновений, мои губы находят его и жадно целуют.

С досадой смотрю на конверт. К сожалению, поступить с приглашением так же, как полгода назад, не получится. Мои родные не заслуживают такого. Сестрёнка не виновата в моих ошибках и страхах и уж точно не специально, назло мне, решила выйти замуж за сводного брата Майка по старинной традиции Риверстоуна: двадцать первого июня в день летнего солнцестояния в Саду невест. Именно так, как собирались пожениться мы: под открытым небом, в украшенной белыми гиацинтами резной беседке в тени плакучих ив.

Заводная мелодия выводит из размышлений. Вздрагиваю, понимая, что всё ещё сижу на полу в коридоре, а по щекам градом катятся слезы. Вытаскиваю из бокового кармана пиджака мобильный, бросаю мельком взгляд на экран и обреченно вздыхаю — мама. Придётся ответить.

Как можно увереннее здороваюсь:

— Привет.

— Стэйси? — после короткой паузы настороженно интересуется она. — Ты в порядке?

— Да-да, всё отлично, — изо всех сил стараюсь придать голосу беззаботные нотки. — Простыла, наверно. — Не дожидаясь следующего вопроса, озвучиваю на него ответ: — Я получила приглашение, мам. Как раз собиралась вам звонить.

Моя сестра счастлива и ни в чём не виновата. А я не имею права омрачать ни её счастье, ни счастье своей семьи. Однажды я уже это сделала. Второго раза не будет.

— Значит, ты приедешь?

Заставляю себя улыбнуться.

— Конечно приеду, мам.

А потом вернусь обратно в Торонто — в знакомый, пусть и ненастоящий мир. Буду зализывать потревоженные встречи с прошлым раны в уютной квартире-студии, любоваться шикарным видом на острый шпиль Си Эн Тауэр и фиалками на окне. А ещё — молиться, чтобы самая младшая сестра выскочила замуж где-нибудь в Вегасе. Повторять предстоящую пытку не хочется даже в перспективе далёкого-предалёкого будущего.

Короткий телефонный разговор помогает остановить рыдания, грозившие закончиться настоящей истерикой. Не то чтобы я окончательно успокаиваюсь и расслабляюсь, но хотя бы перестаю всхлипывать. Теперь можно попытаться собраться с мыслями и обдумать всё, о чём сознательно не позволяла себе вспоминать целый день с той самой минуты, как утром открыла дверь посыльному.

Ехать на свадьбу придётся, хочу я или нет. Это факт, особенно теперь, когда пообещала матери. Рассчитывать на то, чтобы сразу после венчания незаметно улизнуть обратно в Торонто, не приходится. Мама не зря предупредила, что на торжественную часть приглашены без малого человек сто: друзья, родственники, деловые партнёры и даже администрация города. Для остальных горожан собираются устроить праздник в парке, а значит, там будет весь Риверстоун от мала до велика. Кто-то притащится из любопытства поглазеть на местную элиту в свадебных смокингах и вечерних платьях, кто-то придёт из уважения, остальные — ради бесплатных угощений и танцев. И для большинства моя персона — один из пунктов развлекательной программы. Не главный, но весомый.

С досадой швыряю пиджак на покрывало двуспальной кровати. Рывком расстегиваю молнию на брюках, рискуя сломать хрупкий пластмассовый замочек. Я не люблю быть в центре внимания. Никогда не любила... А уж идея становится если не «хлебом», то

«зрелищем» на свадьбе сестры пугает меня до чёртиков.

Горько усмехаюсь. Если уж совсем откровенно, толпа гостей — меньшее из зол в предстоящем возвращении. Пусть глазают, пусть провожают меня долгим взглядом и шепчутся за моей спиной. В конце концов всё это можно пережить и забыть, как очередной страшный сон. Уехать из родного города — ещё не преступление. При тех обстоятельствах — даже закономерность. Ни у кого нет причин меня ненавидеть. Никто не посмеет ни в чём меня упрекнуть. Никто, кроме Майка и его семьи. Вот с кем на самом деле я боюсь встречаться даже взглядом.

Его жена сухо поздоровается и отвернётся. Она обижена на меня с тех пор, как я свела на нет наше общение после отъезда из Риверстоуна. Не страшно да и не важно уже. Глупые детские клятвы о вечной дружбе не выдержали на поверку даже первых ударов взрослой жизни, сразу дав трещину, а потом и вовсе развалились на части. Захочешь — не склеишь. А я и не собираюсь. Тем более теперь, когда моя дорогая подружка детства — давно не девушка брата, а жена Майка. Моего Майка. Нам с ней вообще не о чем говорить.

Младший брат Майка наверняка вырос, возмужал и всё так же пылко и яростно готов вступить в схватку с любым, кто посмеет обидеть его героя. Есть вещи, которые никогда не меняются, как не меняются люди. Мне сильно повезёт, если он промолчит при встрече.

Их мать, наоборот, не проронит ни слова, но именно её молчание красноречивее всех обидных эпитетов, какими мог бы наградить младший из Бэков. Спокойный, пронизательный взгляд мудрой женщины, в старшем сыне которой я посмела усомниться.

Мне всегда казалось, что ей известны настоящие причины моего отъезда. До сих пор охватывает желание провалиться сквозь землю, стоит вспомнить наш с ней последний разговор и на прощание — её многозначительное: «Надеюсь, ты знаешь, что творишь, Стэйси. На твоём месте, милая, я бы обдумала всё снова. А потом ещё раз. Хотя врагу не пожелаю быть сейчас на твоём месте». Да уж... Я с удовольствием поменялась бы с каждым, только вот желающих не нашлось.

Но всё это цветочки по сравнению с реакцией Майка на моё появление. Хотя не так уж и важно, что он сделает, что скажет и скажет ли мне вообще. На самом деле уже не имеет значения, как Майк посмотрит, если всё-таки решит удостоить меня взглядом, или отвернётся презрительно и демонстративно, как в нашу последнюю встречу. Станет ли показательно обнимать жену или, наоборот, отойдёт от неё за километр. Мне всё равно будет одинаково больно видеть любимый взгляд пронзительно серых глаз, ставший невыносимо чужим.

Рассчитывать на помощь Логана не приходится. Пусть он — единственный, с кем в Риверстоуне, кроме членов семьи, я до сих пор поддерживаю близкие отношения. Но в когда-то кристально прозрачной, полноводной реке нашей дружбы течение с годами ослабло, а подводных камней лишь прибавилось. К тому же Логан — всё ещё лучший друг Майка. Неизвестно, на чью сторону встанет, если ему придётся делать выбор. В юности было проще, выбирать не требовалось. Мы все были как детальки слаженного механизма. И Логан — балагур, шутник, вечный двигатель вечеринок и автор почти всех наших безумств. Пятое, но никогда не лишнее колесо телеги, которая уверенно двигалась вперёд, пока был жив мой брат. Пятое, так и не ставшее запасным, когда брата убили. И всё развалилось на части.

Средняя сестра слишком занята собственной свадьбой, ей не до моих личных сражений. Младшая — слишком молода, хотя порвёт за меня в клочья любого. Я невольно улыбаюсь, представляя её фееричную баталию с кем-нибудь из приглашённых. Тоже выход, если бы не

одно существенное «но». Устраивать скандал на свадьбе дочери мэра и сына мирового судьи — точно не то воспоминание, которым хочется наградить родной город.

С губ срывается нервный смешок. Пальцы машинально тянутся к висящему на цепочке помолвочному кольцу, которое я так и не вернула Майку. Столько времени прошло, но сейчас мне кажется — всего лишь неделя. От силы — месяц. В итоге всё сложилось совсем не так, как я надеялась и хотела. Убийца брата до сих пор не найден и, что самое ужасное, скорее всего по моей вине.

Со вздохом подхожу к окну, прислоняюсь лбом к прохладному стеклу. Снаружи вечерний город живет яркой и независимой жизнью. Искрит переливающимися огнями на фоне антрацитового неба и торопливо летит навстречу ночи, чтобы, скинув сладкую дрему, встретить рассвет в лучах поднимающегося над «озером сияющих вод» солнца.

В Торонто легко затеряться среди спешащих людей и машин, погрузиться в омут большого города и раствориться в его шуме. И даже тогда я остаюсь пусть крошечной, но частью чего-то огромного и важного. Одинока, но не одна. В Риверстоуне всё иначе. Там я не одна, но смертельно одинока. И уже навсегда.

Задумчиво кручу в руках сотовый. Продолжать копаться в воспоминаниях не имеет абсолютно никакого смысла. Гораздо полезнее сосредоточиться на настоящем, пока я окончательно не расклеилась. А если и пускаться в путешествия по прошлому, то лишь с одной целью — напомнить себе тот эмоциональный пинок, что позволил шесть с половиной лет назад встряхнуться: найти престижную, хорошо оплачиваемую работу в Торонто, купить квартиру в даунтауне и убраться из Оквилла, где даже стены напоминали о Майке.

Сумела тогда, сумею снова. Всё вернется на круги своя, просто нужно пережить эту свадьбу. А для этого мне необходимы союзники. Кто-то, кто надёжно прикроет «тыл», пока мои силы и внимание направлены на охрану личных границ, на случай, если прошлое объявит войну по всем фронтам.

Глава 2

Многоквартирные небоскрёбы мегаполиса хороши уже тем, что, проживая в одном доме, ты не имеешь ни малейшего представления о соседях. Разве что случилось нечто из ряда вон выходящее. Или ты постоянно сталкиваешься с одним и тем же человеком в лифте по утрам, и уже через неделю по инерции начинаешь приветливо здороваться и улыбаться, хотя ничего о нём толком не знаешь. В лучшем случае — на каком этаже он живёт и каким одеколоном пользуется после бритья.

О Ридже у меня не было даже такой «ценной» информации. Мы не пересекались на парковке, не сталкивались в холле у лифта, не пытались одновременно засунуть монетку в одну и ту же стиральную машину в прачечной — ничего такого, что в фильмах предвещает знакомство.

На первое Рождество без брата я вместе с семьёй уехала к родне отца в Ванкувер. Наверное, так всем было легче справиться с пустотой, образовавшейся после гибели Стива. Но Пасху мама решила справлять дома в Риверстоуне, а я, только-только оправившись от встречи с Майком в Оквилле, не собиралась подставлять себя под новый удар. Не хотела заново переживать и без того кровоточащий разрыв, поэтому уцепилась за спасительное «так много работы, не вырваться», превратившееся с годами в мою палочку-выручалочку по умолчанию. И осталась в Торонто.

О том, что Ридж существует, я узнала совершенно случайно, когда собиралась на Пасхальный Парад с коллегами из офиса, любезно пригласившими присоединиться к их дружной компании.

...От неожиданности я застыла у входной двери, одной рукой удерживая вставленные в замок ключи, другой — прижимая к груди внушительных размеров пакет с коробкой, до отказа набитой шоколадными яйцами.

Темноволосый высокий парень почему-то босиком и голый, если не считать болтавшееся на бёдрах махровое полотенце, нервно дёргал ручку двери в квартиру напротив. Судя по напрягшимся мышцам — с силой, но совершенно напрасно и явно не замечая, что уже не один на лестничной площадке.

Я вежливо кашлянула, чтобы привлечь его внимание. Сработало — сосед обернулся, но чересчур резко, от чего полотенце, и так державшееся на честном слове, поползло в бок и через мгновение уже валялось на полу.

Он ойкнул, стыдливо пытаюсь прикрыть ладонями место, которым при других обстоятельствах мог бы гордиться. Я запоздало отвернулась, уставившись на металлические створки лифта. Ещё через мгновение осознала, что прекрасно вижу соседа в их отражении — как тот подхватил упавшее полотенце и суетливо пытается снова замотаться в него. Не сдержавшись, рассмеялась. Обернулась к нему, встречаясь взглядом.

Он смущённо уставился в пол, шмыгнул носом и зачем-то пустился в объяснения:

— Я вот собрался побриться, но выбило пробки... Вышел, а дверь сквозняком захлопнуло... Проклятие! Чёртов замок... Сто лет собираюсь сменить, и вот... — он растерянно пожал плечами, отпуская полотенце, но сразу же вцепился в его края левой рукой, а правой беспомощно подёргал за ручку двери.

— Надо позвать слесаря... — Я осеклась, мысленно ругая себя. Тоже мне, нашлась Капитан Очевидность!

— Да, конечно... Надо бы... Но мобильник остался в квартире, а спуститься вниз к консьержу в таком виде я ещё не созрел. Пока ты не появилась, находился на стадии отрицания. — Сосед беспомощно покосился на закрытую дверь. — Эх, был бы Циклопом, проблема решилась бы мгновенно.

— Кем?..

— Циклопом... Ну, Скотт «Слим» Саммерс, — он бросил на меня оценивающий подозрительный взгляд. — Неужели не смотрела «Люди Икс»?

— Смотрела, конечно.

— И что? Не понравилось?

— Предпочитаю «Тайны Смолвиля».

— А, понимаю... — многозначительно протянул он, присвистнув. — Красивые глаза Кларка Кента.

— Вообще-то, мне больше нравится Оливер Куинн. — Я пожалала плечами, удивляясь, что оказалась втянута в дурацкую дискуссию о фильмах на лестничной площадке с голым соседом. — Если хочешь, можешь позвонить с моего телефона.

— Да? — В синих и по-детски озорных глазах появился робкий огонёк надежды. — Было бы супер!

— Без проблем. Только придётся подержать яйца.

— Что подержать, прости?.. — Его симпатичное смуглое лицо изумлённо вытянулось.

Я невольно закатила глаза. Протянула ему пакет:

— Вот это подержи, говорю.

— Там — яйца? — недоверчиво поинтересовался он, но коробку взял. Осторожно, одной рукой снизу, второй продолжая цепляться за полотенце. — Чьи?

— Шоколадные.

— Так ты «Пасхальный заяц», что ли? — расплылся в широкой улыбке сосед. — А я — Ридж. Ридж Спенсер...

Уверенно тыкаю указательным пальцем в кривляющуюся физиономию-иконку на экране сотового. Торопливо набираю сообщение: «Ридж, надо поговорить. Срочно. Ты уже дома?»

Не проходит и трёх секунд, как мобильный оповещает о полученном ответе: «Я в Мидтауне. Буду минут через двадцать. Заходи и не забудь печенки. Ты обещала». И ухмыляющийся смайлик в конце.

Впервые за целый день искренне улыбаюсь. Печенки так печенки. Чтобы получить его «да» в ответ на авантюру, которую собираюсь предложить, я готова завалить печеньем с миндалём всю квартиру Риджа.

Двадцать минут тянутся медленно. Слишком. Но всё же заканчиваются. Для верности решаю выждать ещё пять, чтобы не обрушиваться на друга прямо на пороге. За это время успеваю ополоснуться в душе, трижды переодеться, чтобы в итоге вернуться к первоначальному выбору: чёрной футболке и голубым поношенным джинсам. Заплести косичку, сменить её на хвост, чтобы снова распустить волосы. Придумать страшный «форс-мажор» на работе и вынужденно пропустить свадьбу Эми. В разыгравшейся фантазии сначала угнать, а потом, для верности, взорвать самолёт вместе с собой. И ещё устроить несколько природных катаклизмов, из-за которых федеральные власти обязательно отменят даже поезда между Торонто и Эдмонтоном.

«Передумала? — вопрошает звуковое сообщение ехидным голосом Риджа, как раз когда

я мысленно оцениваю шансы на возникновение цунами в водах Онтарио. — Или печенки зажала?»

С улыбкой подхватываю приготовленную упаковку и мчусь в квартиру напротив.

Ридж, по обыкновению босиком, в серых брюках и розовой рубашке с расстёгнутыми верхними пуговицами колдует на кухне над тремя бутылками вина с двумя глубокими бокалами в руке. Расстояние не позволяет прочитать, что написано на этикетках, но я ещё от двери успеваю заметить, что две из них, с красным и белым, уже откупорены.

— Присоединишься к дегустации? — предлагает, не оборачиваясь, он.

— Давай. — Кладу печенье на микроволновку. — Хуже не будет.

— Белое? Красное?

Выхватываю из рук Риджа оба бокала, залпом опустошаю один за другим. Под изумлённым взглядом опускаю их на стойку и выдвигаю ногой высокий белый табурет.

— Даже так? — Ридж забирается на такой же табурет напротив меня. Разливает по бокалам белое вино, делает маленький глоток. С видом знатока смакует, удовлетворённо причмокивая. Потом вопросительно смотрит на меня, видимо, предлагая начать разговор первой.

Я уже придумала с десяток вариантов, как это сделать, пока дожидалась Риджа. То заходя издалека, пускаясь в пространственные объяснения о своей семье, брате и Майке и о том, почему мне так тяжело вернуться в родной город даже на один уикенд. То сокращая историю до необходимого минимума. Но здесь и сейчас выдаю чистый экспромт и сама удивляюсь тому, что слышу:

— Ридж, ты бы согласился жениться, например, на такой, как я?

— Я что?.. — Он изумлённо таращится на меня. Затем хватает бокал и залпом выпивает вино.

Понимаю, что смягчить удар не выйдет. Остаётся только вперёд и напролом:

— Абстрактно и гипотетически. Ты мог бы жениться на мне?

— В смысле... Что конкретно ты спрашиваешь, Стэйс? Мог бы физически или... — осторожно, не сводя с меня пристального взгляда, спрашивает Ридж. Пожалуй, впервые за всю нашу шестилетнюю дружбу он не бросается в ответ своими вечными шуточками.

— Физически? Да нет же! — Размахиваю руками и едва не роняю на пол одну из бутылок. Ридж успевает её перехватить. — Прости. Я имею в виду, ты бы мог притвориться, что собираешься на мне жениться?

— Притвориться? — хмурится он. Сосредоточенно наливает себе чудом уцелевшее красное вино. — Почему я должен притворяться?

— Потому что на самом деле ты не хочешь.

— Почему ты так решила?

— А ты что... хочешь?

— А ты предлагаешь? — Ридж внимательно на меня смотрит.

— Конечно нет!

— Ясно. — Он ловко соскакивает на пол и исчезает за моей спиной. — Тогда зачем спрашиваешь?

Задумчиво придвигаю к себе бокал. Неторопливо отпиваю, чувствуя, как алкоголь приятной, успокаивающей теплотой окутывает внутренности. Нет, так просто в лоб не объяснить. Придётся говорить с Риджем на его языке.

— Помнишь фильм «Жених напрокат»?

— Чего это ты вдруг о нём вспомнила? Тебе же он никогда не нравился. А зря, между прочим. Малруни там неплох, — Ридж влезает обратно на табурет с вазочкой фисташек. — Да и Кэт в исполнении Дебры такая милашка. Обожаю эпизод, когда он целует её у машины в самом начале. У Дебры ещё такое офигевшее лицо и...

— Помнишь, почему она наняла себе жениха?

Мечтательная улыбка моментально исчезает с его лица.

— Ты... это... тебе... — Ридж недоверчиво буравит меня глазами исподлобья. Тыкает себя в грудь указательным пальцем. — Я?

— Эми... Это моя средняя сестра... — Ужасно боюсь, что Ридж откажется, даже не дослушав, и стараюсь говорить как можно быстрее: — Она выходит замуж. Церемония венчания через пять дней. В это воскресенье. В Риверстоуне. И я прошу тебя поехать со мной на свадьбу в качестве моего неофициального жениха.

Ридж не спешит отвечать. Какое-то время задумчиво крутит в руке бокал, наблюдая, как вино лихо закручивается в маленькую воронку.

— Что конкретно ты имеешь в виду, Стэйс?

— Что мы с тобой совсем недавно начали встречаться. Что ни о какой помолвке речи не идёт, и вообще не факт, что мы поженимся... Чтобы потом я могла сказать, что мы расстались. И всё.

— То есть на «жили долго и счастливо» в нашем только что родившемся любовном романе нет никаких шансов? — как-то странно усмехаясь, спрашивает Ридж.

— Не смешно.

Мне действительно не до смеха. До ужаса дурацкая ситуация, но ничего другого мне в голову не пришло. Ридж — единственный, к кому я могу обратиться с такой просьбой. Не нанимать же, в самом деле, жениха напрокат. А даже если бы я наняла, ни у кого никогда не получится притвориться так же естественно, как умеет Ридж. Харизматичный журналист, за словом в карман не лезет и сборища сливок общества ему не впервой. Не растеряется. Мы с ним знакомы целую вечность, за столько лет изучили все привычки друг друга. И самое главное — ему я могу смело доверить свой тыл.

— Да в общем-то ты права, не смешно... — бормочет Ридж. Ехидно добавляет: — Ещё пять минут назад я, не задумываясь, назвал бы тебя самым искренним и прямолинейным человеком, кого знаю.

Обидные по сути слова не звучат, как обвинение. Простая констатация факта. Но всё равно режут по живому.

— Это не совсем обман, Ридж. — О да, конечно, не совсем обман. Всего лишь очередная ложь. Во спасение, а значит, святая.

Я хватаюсь за спасительное вино и отвожу взгляд.

— Слушай... А шафер на свадьбе Эми — тоже твой бывший? Как в фильме? — вдруг спрашивает Ридж.

— Угу.

Незачем нагружать друга ненужной информацией. Какая разница, что шафером Скотта будет Логан, а не Майк. Для Риджа все они, весь Риверстоун — маленькое приключение на один длинный уикенд. Уедет и забудет. А уж если с кем и придётся общаться, так только с моими родными, для которых тема прошлого — табу. Даже для любопытной Дэниз, вызвавшейся, по словам матери, встречать меня в аэропорту добровольно и по собственной инициативе.

Ридж снова вскакивает.

— Ты куда?

— Принесу лэптоп. Надо заказать билеты в Эдмонтон.

— То есть, ты не против? Поедешь со мной на свадьбу?

— Считай, своё «Согласен взять в жёны» я уже произнёс, — нахально подмигивает мне он.

— Ты — чудо! Не представляешь, что это значит... Ты! Я тебя обожаю! С меня гора печенья! — Из груди вместе с облегчением вырывается бурная радость. — Подожди, сбегая за кредиткой.

— Вот ещё! Причуды невесты буду оплачивать сам. Ты, — Ридж останавливается, вполборота глядя на меня, — только предупреди семью, что мы приедем вместе. Вряд ли они в курсе нашего романа, раз я узнаю о предстоящей свадьбе меньше, чем за неделю. А ведь ещё надо купить подарки.

— Точно! — вспоминаю я. Хмурюсь. — Подарки...

Ридж насмешливо кривится:

— Хочешь сказать, ещё ничего не купила?

Мотаю головой.

— Почему? Ты что, тоже узнала о свадьбе только сегодня? — удивляется он.

— Конечно, нет, — снова вру.

Не объяснять же, что последние три месяца с помолвки сестры я вполне успешно делала вид, будто свадьба — вовсе не прямое продолжение обручения и не его логичное завершение. Что предпочла не думать об этом, оставив проблему на потом. Что Эми тянула с приглашением до последнего момента, чтобы у меня не осталось шансов что-то выдумать и, как всегда, не приехать. Что с самого утра, получив приглашение с уведомлением, я не нахожу себе места и схожу с ума. Да и как такое объяснить? Придётся рассказывать всё.

— Просто не подумала о подарках. Не люблю свадьбы.

— Супер. Ты — ненормальная, знаешь об этом? — выносит вердикт Ридж. Бросает на ходу, исчезая в комнате: — Завтра после работы поедem по магазинам.

— Как скажешь, милый. — Прячу горькую усмешку за бокалом. Почему-то вспоминаю последние слова Майка, когда он уходил от меня в Оквилле, и мысленно признаю, что бывший жених чертовски прав. Для человека, который ненавидит ложь, я слишком много вру.

19 июня 2015 года, Эдмонтон, Альберта.

Три дня пролетели незаметно и, как ни странно, относительно спокойно: без истерик, без нервотрёпки, в работе и суете, связанной с предстоящей поездкой.

Я изредка отстранённо ловила себя на мысли, что готовлюсь к отъезду так, будто возвращаться в Торонто не собираюсь или, во всяком случае, не скоро, а ведь уезжаю из города всего лишь на один уикенд и уже во вторник вернусь. И тут же гнала покалывающую тревогу прочь, снова погружаясь в работу с головой и обрывая на корню любые попытки представить, что же ждёт меня в Риверстоуне. Толку фантазировать, проигрывая всевозможные варианты, если всё равно произойдёт что-то, о чём я даже не думала? Только зря трепать нервы и накручивать себя. У меня и без этого большое воображение.

Будет как будет. В конце концов это не моя свадьба — в центре внимания окажутся Эми и Скотт. К тому же, я приеду не одна, а с Риджем, и вокруг — толпа дальних и близких родственников, давно не видевших друг друга. Всего-то четыре неполных дня, которые рано или поздно закончатся, и здравствуй, Торонто, с привычными буднями. И масса времени на анализ: кто, что, когда сказал и как посмотрел.

На фирме проблем с неожиданным отпуском не возникло. Пожилой босс с доброжелательной улыбкой и, кажется, вполне искренне пожелал счастья молодым и всей моей семье. А потом очень вежливо попросил меня закончить срочные дела, остальные передать коллегам, чтобы не пришлось беспокоить меня, если в моё отсутствие возникнут какие-либо проблемы. И я из кожи вон лезла, чтобы оставить всё в идеальном порядке. Даже успела «причесать» электронную почту, тщательно разобрав по папкам архива все скопившиеся документы и переписку с клиентами.

После работы меня «развлекал» Ридж, сразу же вошедший в роль потенциального зятя Мадам Мэра Риверстоуна. С завидным энтузиазмом два вечера подряд он возил нас по городу в поисках подарков.

Во вторник мы отправились в «Шервей Гарденс» и «Городской центр Скарборо», а в среду, так ничего и не выбрав накануне, пришлось прогуляться по Спадина-авеню с заездом в торговый центр Йоркдейл. В конце концов, презенты для молодожёнов и остального семейства, включая отца Скотта, купили в антикварном ювелирном магазинчике «Синтия Файндлей Антикс» недалеко от моего офиса, куда я предлагала отправиться с самого начала. Но почему-то мысль, что бриллианты — лучшие друзья девушек, да и парней тоже (пусть некоторым из них пошёл шестой десяток), приглянулась Риджу далеко не сразу. Но, слава богу, он тоже выдохся и в итоге согласился даже на то, чтобы купить по одному подарку на двоих, а не от каждого из нас по отдельности.

Главный плюс всех этих «хождений по мукам» заключался в том, что по возвращении домой сил хватало только принять душ и упасть в постель, чтобы утром воскреснуть от звонка назойливого будильника. Я засыпала мгновенно, проваливаясь в темноту без каких-либо сновидений. Никаких тягостных мыслей, никакой бессонницы. Даже чемодан пришлось паковать впопыхах поздно вечером, за несколько часов до выезда в Пирсон и под брюзжание Риджа с кухни о том, что мы опоздаем.

Естественно, мы успели. Приехали в аэропорт вовремя, рейс не отменили, компактный самолёт не взорвался, не рухнул вниз и благополучно приземлился в Эдмонтоне точно по

расписанию — в семь пятнадцать утра. К Риджу, проспавшему весь полёт, вернулась привычная болтливость. Ко мне — тревога с волнением.

Только сейчас, со смесью страха и радости скользя глазами по знакомым видам главного аэропорта Альберты за огромным — во всю стену, панорамным окном, я по-настоящему осознаю реальность происходящего.

Что ж... Ещё каких-то полтора часа, и мы окажемся в Риверстоуне. Можно сказать, Рубикон перейдён, пути назад нет. Или есть?

— А знаешь, я вспомнил ещё один фильм по нашей теме, — громко сообщает мне Ридж, возвращаясь к разгрузочной ленте багажа с металлической, поскрипывающей тележкой.

— Нашей теме?..

— Ненастоящих жениха и невесты, — охотно поясняет он, аккуратно складывая пополам летнюю куртку. Несмотря на ранний час, за окном приветливо светит солнышко, а электронное табло заверяет о вполне тёплой для местного лета температуре — плюс семнадцать по Цельсию. — «Предложение» с Буллок и Рейнольдсом. Помнишь? Они ещё отправились на Аляску к его родным, чтобы жениться и избежать депортации...

— Не знаю, как ты, но я не планирую выходить замуж в эти выходные.

— Как? Нет?! — Ридж с наигранным ужасом хватается за сердце, чем сильно пугает стоящую в метре от нас старушку. — Я ошеломлён и уничтожен новостью, но вынужден с прискорбием сообщить, — уже тише и без пантомимы продолжает он, — что это вовсе не то, о чём я думал, когда вспомнил про фильм. Не догадываешься?

Вопросительно поднимаю на него глаза:

— Ну?

— Им пришлось спать в его доме в одной постели, — заговорщически шепчет Ридж, многозначительно подмигивая: — Между прочим, я храплю. И лягаюсь.

— А...

Хочется ответить, что нам это вряд ли грозит. Наверняка меня поселят в моей бывшей комнате, а Риджу предоставят спальню для гостей, если вообще не отправят в местную гостиницу, арендованную для многочисленной родни. И тут же осознаю, что понятия не имею, как выглядит теперь родительский дом. Почему-то никогда об этом не спрашивала, а родители и сёстры никогда не рассказывали, но ведь за семь лет многое могло измениться. Или даже должно. Тем более, папа не раз шутил, что ждёт не дожждётся, когда же я выйду замуж и перееду к Майку, чтобы превратить мою комнату в тренажёрный зал.

— Ты хотя бы предупредила, что прилетишь не одна? — по-своему расценив моё замешательство, уточняет Ридж.

С усмешкой киваю:

— Типа того.

Врать по телефону и рассказывать красивую, слаженную любовную историю не хватило духу, и я предпочла поставить в известность короткой смской Дэниз, попросив обо всём позаботиться и сообщить родителям. Младшая сестра, конечно же, мгновенно забросала вопросами. Пришлось пообещать отчитаться при встрече.

— Это на наречии Альберты означает «нет»?

Бросаю выразительный взгляд на электронное табло над головой:

— Это означает, что нам уготовлен допрос с пристрастием, который начнётся минут через пять. Как, где, когда, почему, — многообещающе усмехаюсь. Уж если кто и мог переговорить Риджа, так это моя младшая сестра. — Готовься. Дэниз так просто не

отстанет. У неё хватка, как у бульдога, а ехать до дома долго. Ну, а там к ней присоединится Эми.

— Не сгущай краски, — хитро щурится друг. — Судя по фотографиям, твои сёстры очаровательные, безобидные, милые девушки.

— Одно другому не мешает, — пожимаю плечами.

— Волнуешься? — вдруг спрашивает Ридж.

— Есть немного, — признаюсь я, пряча взгляд. Показываю рукой на движущуюся у ног ленту с чемоданами. — Кажется, наши.

Я никогда не рассказывала Риджу в деталях, что произошло и почему я решила уехать из Риверстоуна. Тем более, почему не хочу возвращаться. Мне казалось, что за все годы нашей дружбы ему хватало того, что он знал обо мне с первых дней знакомства — Стива убили, убийцу не нашли. Мать одержала победу на выборах и стала мэром, отец взял на себя управление адвокатской компанией, Эми уехала в университет, Дэниз повзрослела, а мне стало тесно в родном городе. Лишь однажды, двенадцатого мая, в первую годовщину со дня смерти брата, когда Ридж застал меня в слезах у машины, я рассказала чуть больше — о часах брата и кольце Майка, которые хранила. Без имён и подробностей. Но даже сейчас, когда по собственной инициативе я тяну друга на мучительную встречу с собственным прошлым, говорить о нём сложно. И отчаянно хочется надеяться, что не придётся рассказывать больше, чем Риджу уже известно.

— Ты сильно его любила? — Вопрос больше смахивает на утверждение.

— Ты о ком? — зачем-то уточняю, хотя и так догадываюсь, кого конкретно имеет в виду Ридж. Машинально протягиваю руку к груди, чтобы коснуться болтавшегося на цепочке кольца, и, словно от удара током, отдёргиваю, вспоминая, что предусмотрительно оставила его дома в шкатулке с украшениями.

Ридж молчит. Наклоняется вперёд, ловко подхватывает сначала мой чёрный с жёлтыми полосками по бокам чемодан, а следом свой — тёмно-синий с привязанной к ручке красной шёлковой ленточкой. Опускает их на тележку, выпрямляется с лукавой улыбкой:

— Имей в виду, пару раз нам придётся показательно целоваться на людях.

— Целоваться?..

— Иначе нам никто не поверит, — Ридж деловито хмыкает, разворачивая тележку в сторону выхода. — Так что не вздумай захватить мне по физиономии, если не хочешь, чтобы они догадались.

— Они?..

Какого чёрта я постоянно переспрашиваю, как идиотка?!

— Улыбайся, любимая, — слишком проникательный Ридж обнимает меня за талию, притягивая к себе. Второй рукой решительно толкает тележку с водружёнными на неё чемоданами. — Да здравствуют четыре дня притворства. И да поможет нам Бог!

— Аминь, — выдыхаю я. Послушно иду рядом, тревожно считая собственные шаги, как будто меня ведут на казнь.

Шестнадцать до стойки таможни, за которой зевает сонный индус в униформе аэропорта. Восемь до стеклянных дверей в зал, бесшумно распахнувшихся перед нами. Ещё три, чтобы переступить невидимый порог, за которым гудит шумная толпа встречающих. Два, чтобы нервно покрутить головой по сторонам в поисках сестры.

Один, чтобы почувствовать на глазах тёплые мужские ладони. Вздоргнуть от неожиданности, упереться затылком в чей-то подбородок и вдохнуть знакомый аромат

бергамота, розмарина и кедра с едва уловимой примесью яблока.

— Логан! — хватаю его за пальцы.

— Узнала, зараза! — довольно посмеиваясь, подтверждает он. Убирает руки, чтобы в следующую секунду заграбастать меня в крепкие объятия, приподнять в воздухе, как ребёнка, покружить и снова прижать к себе.

Мы так и застываем. Логан не спешит отпускать, я — вырываться.

— Ридж Спенсер, — доносится сбоку. В голосе Риджа сквозит неприкрытое изумление.

— Брэдли Логан, — он ослабляет хватку, отпуская меня и разворачиваясь к нему. С широкой, дружелюбной улыбкой протягивает руку. — Можно просто Логан. С тобой без обнимашек, лады?

Ридж отвечает на рукопожатие.

— Жаль. А я-то уже размечтался...

Несколько секунд они с интересом разглядывают друг друга, а я — их. Вместе и по отдельности. На фоне статного Риджа, почти на полголовы выше, в элегантной, дорогой светлой рубашке, чёрных брюках и начищенных тёмных ботинках коренастый, широкоплечий Логан в серой толстовке с короткими рукавами, в голубых, выдавших виды джинсах и серых же кроссовках с синими вставками по бокам выглядит милым медвежонком.

— Ты изменился, — невольно озвучиваю мысли, тщетно пытаюсь понять, что именно стало другим. Всё та же привычная двухдневная щетина на загорелой коже, короткие, торчащие в разные стороны тёмно-русые волосы, озорные голубые глаза. И все же не такой, каким я запомнила друга в последнюю встречу. Будто он помолодел лет на пять.

— Ты — нет, — Логан оборачивается, оценивающе смотрит на меня с ног до головы и расплывается в счастливой улыбке. — Такая же любимая зараза, — и снова притягивает к себе, крепко обнимая правой рукой за плечи.

— Вы же не виделись лет семь, — то ли спрашивая, то ли утверждая, нарушает молчание Ридж.

— Лет?! Скорее, месяцев, — ржёт Логан. — Шифруешься, что ли? — он многозначительно подмигивает мне. Продолжает, обращаясь к Риджу: — Вообще-то, мы каждый январь ездим кататься на лыжах. Это как минимум...

— Каждый год? — уточняет Ридж, и я готова поклясться, что вопрос звучит так, как если бы он действительно приходился мне женихом. Причём, довольно ревнивым. — Вдвоём?

— Когда как, — Логан если и замечает, то вида не подаёт. — В этот раз пришлось брать заразу с довеском, — он кивает на меня. — Сразу двух сестёр и нашего драгоценного жениха. Ладно, так и будем тут стоять, как идиоты? — он смеётся, хватаясь за тележку. — Пошли уже. В машине наговоримся.

— А где Дэниз? — вспоминаю я. Останавливаюсь, кручу головой по сторонам, с удивлением отмечая, что мы чуть ли не в полном одиночестве стоим в зале — остальные успели разойтись.

— Я вместо неё, — коротко бросает на ходу Логан. Едва заметно передёргивает плечами, перехватывая мой взгляд. Как будто бы смущается, но лишь на мгновение. В следующую секунду на лице друга сияет привычная, озорная улыбка. — Ну, ты же понимаешь, что я не мог пропустить твоё явление народу, да ещё в сопровождении жениха, — он лукаво подмигивает и как ни в чём ни бывало толкает тележку к выходу.

— Понимаю. Просто удивлена, что Дэнис согласилась уступить тебе пальму первенства или хотя бы не увязалась вместе с тобой, — усмехаюсь. — Боюсь представить, что тебе пришлось пообещать взамен.

— Да, я такой, — не оборачиваясь, с коротким смешком отвечает Логан.

— Вот это меня и пугает, — чувствуя на себе пристальный взгляд, оборачиваюсь к Риджу.

«Жених» одаривает меня ехидной ухмылкой. Слава богу, молчаливой. И всё же кое-что объяснить придётся. Кажется, лучше прямо сейчас.

— Брэдли — близкий друг семьи, — подхватывая Риджа под ручку, как и положено влюблённой, я медленно бреду за Логаном. — Мы выросли вместе, учились в одном классе. Родители много лет дружили, а потом, когда его погибли в аварии, — чуть тише добавляю я, — мама взяла над ним шефство. Брэдли был лучшим другом Стива.

— Поэтому любовно зовёт тебя заразой?

— Это моё детское прозвище.

— Сгораю от любопытства узнать, каким образом ты его заслужила, — хмыкает в ответ Ридж.

— Я расскажу... — Крепче сжимаю его руку. Поднимаю на него глаза, встречаясь взглядом. — Потом. Ладно?

— Хорошо, — он ласково улыбается. — Устала?

— Нет... Просто... — неловко бормочу я. — Хочется побыстрее оказаться дома.

— У родителей? — уточняет Ридж, придерживая перед нами тяжёлую дверь на выходе.

— Вообще-то, в Торонто, — из груди вырывается нервный смешок. Я отворачиваюсь, делая вид, что любуюсь голубым небом. — Здесь уже давно не мой дом.

На парковке выясняется, что Логан не только где-то раздобыл эликсир молодости, но и сменил старенький серый кроссовер на новый семиместный внедорожник Форд Эксплорер. Чёрный, сверкающий в лучах солнца автомобиль определённо выделяется и, конечно, привлекает внимание.

Падкий на красивые игрушки Ридж моментально забывает обо всём. Сначала, как маленький мальчишка из провинции, которого впервые привезли в парк аттракционов, он в немом восхищении таращится на машину, чем безусловно заслуживает расположение Логана. Затем они вдвоём кружат вокруг внедорожника. Логан сыпет техническими характеристиками с таким видом, будто как минимум половина из них — его личная заслуга. Ридж нелепо разевает рот и громко мычит.

Невольно представляю, как реагировал на покупку Майк. Как похлопывая Логана по спине, он уговаривал друга пустить его за руль. Как светились от удовольствия светло-серые глаза, как изгибались в искренней улыбке тонкие губы, обнажая ровные зубы, а на переносице причудливым изгибом ложились две морщинки. И противный, саднящий в горле комок величиной с горошину, с которым удавалось справляться всё это время, пока мы шли к машине, неожиданно вырастает в размерах.

Торопливо залезаю на заднее сидение и захлопываю дверь. В отчаянии кусаю нижнюю губу, прислушиваясь к себе.

Вот! Начинается. То, чего я боялась больше всего. То, почему не хотела сюда возвращаться. Пустота. Пустота, которую ничем никогда не заполнить. Пустота, с которой научилась жить в Торонто. Бездна, в которую не страшно заглядывать. Но здесь и сейчас она словно отражение в мутном, потрескавшемся зеркале смотрит на меня глазами Майка.

Коварно улыбается его беззаботной, привычной и родной улыбкой и выпускает на свет тени прошлого.

Ни Логан, ни Ридж ничего не замечают. Когда оба удосуживаются засунуть чемоданы в багажник и сесть в машину, мне удаётся взять себя в руки и даже беспечно улыбнуться, пряча тоску глубоко внутри.

Мы покидаем стоянку аэропорта и съезжаем на шоссе. Из колонок негромко играет музыка. Летний пейзаж мелькает за окном зелёным лесом, одинокими, невысокими домиками, яркими вывесками бензоколонок и броскими рекламными щитами.

Я по-прежнему сижу сзади, Ридж — впереди рядом с Логаном. Разговор с автомобилем плавно переходит на спорт. Не встречаю, не пытаюсь сменить тему на что-то более интересное. Молча наслаждаюсь короткой передышкой перед бурей, когда посыпятся вопросы родных, на которые придётся отвечать и улыбаться. И снова всем врать.

Стоило бы использовать поездку, чтобы сосредоточиться, задуматься, решить, что и как делать дальше. Что говорить и кому. Что позволить чувствовать, что — запретить. Не получается. Хочется оттянуть, насладиться коротким миготом настоящего, не вспоминать о прошлом и не раздумывать о будущем. Просто быть. Просто жить. Дышать. Здесь и сейчас.

Риверстоун, Альберта.

До Риверстоуна мы доезжаем быстро и без приключений.

С неподдельным удивлением обнаруживаю, что город совсем не изменился, словно его законсервировали. Или прокляли, заставив замереть во времени. Как будто и не прошло столько лет. Те же аккуратные белые двухэтажные домики с серыми покатыми крышами и подстриженные лужайки на окраине. Те же трёхэтажные здания из красного кирпича, яркие пятна клумб с цветами, неприметные, давно выгоревшие на солнце вывески магазинов и банка, ленивые прохожие.

Спокойная, размеренная жизнь провинциального городка. Та, что могла быть у меня, не задай я умирающему брату вопрос, к ответу на который оказалась не готова.

Пару раз перехватываю цепкий, внимательный взгляд Логана в зеркале заднего вида и, хочется надеяться, достойно выдерживаю испытание. А Ридж энергично и очень естественно — настолько, что даже я в какой-то момент верю в его искренность, восхищается местными видами. Даже приоткрывает окно, чтобы высунуть голову, и поёт дифирамбы чистейшему горному воздуху, о котором в загазованном Торонто можно только мечтать.

Родительский дом тоже абсолютно не изменился. Единственное новшество — невысокая, метра полтора от земли металлическая ограда по периметру. В остальном — будто я уехала семь дней, а не лет тому назад. Наш пряничный домик, как называл его Стив.

Логан останавливает джип напротив калитки и первым выбирается из автомобиля. Распахивает передо мной дверь и помогает вылезти.

— Ты с нами? — спрашиваю, пока Ридж вытаскивает чемоданы из багажника.

— Нет, зараз. К сожалению, нужно в офис. Кое-что закончить, зато потом... — Логан выразительно округляет глаза. — Заеду за тобой, — добавляет он, обращаясь уже к Риджу, — около восьми. Будь готов.

Сразу же напрягаюсь:

— К чему?

— К разврату и алкоголю, как минимум, а дальше, как получится, — Логан корчит мне рожу и с хохотом хлопает Риджа по плечу. — Сегодня же мальчишник! Оторвёмся по полной программе!

— Какой ещё мальчишник?

— Обыкновенный. Что с тобой, зараза? Это же лучшая часть свадьбы. Правда последняя холостяцкая вечеринка немного пошатнула мою веру в мальчишники. Знаешь, было как-то грустно, — словно на что-то намекая, многозначительно добавляет он. — Смахивало на поминки. Но я собираюсь взять реванш.

— Так ты — шафер Скотта? — со странной ухмылкой уточняет Ридж.

— Ага! Классный пацан, — расплывается в довольной улыбке Логан. — Увидишь, будет мегаджигакруто!

Внутри всё холодеет. Я почти не дышу.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Я же совсем забыла, что так и не удосужилась уточнить детали. Теперь Ридж справедливо считает Логана моим бывшим, от которого я сбежала практически перед свадьбой, что, конечно же, прекрасно объясняет моё прозвище. Но это полбеды,

потому что можно легко расставить все точки над *i*, только тогда придётся рассказать и про Майка, который тоже обязательно явится на мальчишник и там познакомится с Риджем.

Великолепно. Мегаджигакруто.

— Ридж никуда не поедет! — заявляю я. Слишком резко, громко, нервно. Плевать! — Он не сможет!

— Э... — ухмыляется Логан. Нахально бросает мне: — Зараза, ты меня удивляешь. Чтс с тобой? Между прочим, поводок надо отпускать время от времени, иначе порвётся, — хмыкает он, бросая выразительный взгляд на мрачного Риджа. — Ты планировала запереть его в спальне или забрать с собой на девичник? Тогда поезжай лучше с нами, — продолжает лыбиться Логан. — Выпрыгнешь из торта. Я всё организую. Увидишь, такого сюрприза точно никто не ждёт. Уверен, Майк будет в восторге, — с хохотом добавляет он.

В этот момент его хочется убить. Или хотя бы врезать по ржушей, наглой физиономии кулаком за то, что впервые за шесть лет он называет в разговоре со мной имя Майка. Но не успеваю не то, что ударить, а даже возмутиться.

Из дома несутся к нам навстречу Дэниз и Эми.

И сейчас, спустя столько лет, вспоминать о прошлом нелегко. Неудивительно, что последние шесть я старательно пыталась всё забыть. Стереть навсегда. Только напрасно.

Стоило оказаться в родном городе, как память услужливо выдаёт даже то, что, казалось, уже давно пережито и похоронено.

...Мысли путались, цепляясь за отдельные фразы и резкие звуки, и снова проваливались в чёрную воронку. Раз за разом, бесконечно долго, и это начинало раздражать.

Я злилась, но круговорот остановить не удавалось. С каждой новой попыткой получалось чуть лучше и дольше зацепиться за реальность и осознать происходящее, но в итоге всё опять сменялось звенящей темнотой.

Неизменным оставался только запах. Резкий, горьковатый, от которого саднило в горле. В одно из пробуждений я вспомнила — так пахнет фенол.

Когда сверху в очередной раз донеслись приглушённые голоса, я почти силой заставила себя разлепить тяжёлые веки. И тут же зажмурилась от яркого электрического света.

— Где я? — шурясь, попыталась приподняться. Не вышло, но хотя бы глаза привыкли к люминесценту. Я с удивлением заметила склонившегося надо мной пожилого мужчину в очках и тёмно-голубом медицинском костюме. За ним — неровный, в грубых трещинах потолок, сероватая стена и такая же дверь. Слева что-то монотонно пищало. Пара секунд — тишина, а потом снова пронзительный и громкий писк. — Я в больнице?

— Да, — подтвердил догадку врач с приветливой улыбкой. Резко выпрямился, отчего редкие прядки темных волос с проседью упали на широкий, в глубоких морщинах лоб. — Помнишь, как тебя зовут?

— Стэйс. Стэйс Трупер, — ответила я, машинально отмечая, как хрипло звучит мой голос.

— Отлично, — доктор довольно покачал головой. — Тогда доброе утро, Стэйс Трупер.

— А что слу...

Договорить мне не дали. Лицо врача исчезло, появилось другое — папино. Бледное, испуганное, с лихорадочно блестящими глазами.

— Какое там доброе!.. — затараторил он. — Куколка, ну и напугала ты нас! Не приходишь в себя, не просыпаешься целые сутки! Мы с мамой...

Его слова терялись, не доходя до моего сознания. Я чувствовала, что отключаюсь. Отчаянно ещё раз попыталась приподняться и оглядеться, но даже просто крутить головой не получалось — мешали какие-то провода и пластиковые трубки. Последние, казалось, были везде. В носу, на руках, груди и не только. Не давали дышать, двигаться... Мышцы болели, будто долго и упорно занималась физкультурой, в горле першило. А мозг отказывался соображать.

Через миг серый потолок сменился темнотой.

Когда я пришла в себя, ни отца, ни врача не было. Тишина, нарушаемая равномерным писком приборов. Я снова уставилась в потолок, изо всех сил стараясь не закрыть глаза. Сглотнула, облизала пересохшие губы. Очень хотелось пить.

— Очнулась, спящая красавица? Ну ты даёшь! — воскликнул легко узнаваемый мужской голос. Раньше, чем я увидела, уже знала — передо мной стоит Стив. Как отец, такой же бледный, растрёпанный и растерянный. — О чём ты вообще думала?! — брат упёрся руками в железный поручень кровати и навис надо мной. — Решила покончить с собой? Мы чуть с ума не сошли! Майк вообще... Мама запретила ему приходить. Он сейчас с Логаном в полиции.

— Что... — Говорить было не просто. Я словно заново училась связывать буквы в слова. — Что случилось?

— Ты что?.. Ничего не помнишь? — Стив нахмурился.

— Нет, — я пошевелилась и тут же пожалела об этом. По телу прокатилась волна боли, будто до этого меня положили под пресс и переломали все кости.

— Серьёзно? — цинично хмыкнул брат.

— Серьёзно, Стив. — Голова раскалывалась так, что на раздражение не оставалось сил.

— Ладно, — он задумчиво покусал нижнюю губу. Заговорил медленно, будто подбирал слова, и такая задача давалась ему не просто. — Ты поругалась с Майком на вечеринке Мишель. Потом вы сидели у него в автомобиле, на... — брат запнулся, а потом тихо, вкрадчиво произнёс, уставившись на собственные пальцы: — На обочине. У моста... Ты разозлилась и выскочила... На дорогу...

— И меня сбило машиной? — Это бы объяснило сильную боль, как будто меня переехал грузовик.

— Да... тебя задело, — Стив кивнул. Отцепился от кровати и сунул руки в карманы чёрной, потёртой кожаной куртки. — Отец Логана успел затормозить, но... шёл дождь, их бээмвуху занесло, и...

— И... — Внутри похолодело от промелькнувшей догадки. Нет, только не это. Только не они! Не по моей вине! Нет, боже, нет...

Брат молчал, избегая смотреть мне в лицо.

— И, Стив?! Джеки и Роберт в порядке?! — Голос сорвался на крик. Я судорожно, со свистом втянула в лёгкие воздух, уже зная, что услышу в ответ. В панике, не разделяя, какие чувства преобладают: боль, ужас, страх или вина, повторила: — Стив, скажи, что они в порядке...

— Они погибли, — поднимая на меня хмурый взгляд, глухо пробормотал брат. — Слетели с моста вниз. Прямо на скалы, — он едва заметно пожал плечами. — У них не было никаких шансов, Стэйс...

Осторожно возвращаю обратно на полку позолоченную статуэтку — награду за первое место в Чемпионате по хоккею юниорской лиги, вручённую много лет назад Логану, как

капитану команды. Но он отдал её Стиву, утверждая, что благодаря их центральному нападающему они с Майком сумели забить тогда столько шайб и выиграть. Спорно, но всё равно благородно. Их троице не было равных на льду, и у каждого достаточно причин забрать приз себе. В этом весь Логан, справедливый и великодушный. Пусть его частенько хочется убить, как сегодня утром.

— Чему ты там улыбаешься? — слышится за спиной мамин голос.

Оборачиваюсь:

— Вы всё-таки превратили комнату Стива в музей.

Мама успела переодеться и сменить домашний брючный летний костюм на шёлковое вечернее платье цвета спелой сливы с треугольным вырезом на груди, а теперь пытается совладать с правой серёжкой в той же цветовой гамме.

— Давай, помогу, — предлагаю я, приближаясь.

Мама кивает.

— Скажи спасибо, что твою отец не превратил в джакузи, как собирался, — добродушно смеётся она.

— По-моему, в тренажёрный зал, нет? — Крохотный замочек покорно сдаётся, и я отступаю назад.

— А получился ещё один музей, — с нажимом замечает мама. — Надеюсь, благодаря Риджу твоя... наша жизнь вернётся в нормальное русло.

— Смотри что ты подразумеваешь под «нормальным руслом».

— Например, что дочь рассказывает матери о женихе не за пять минут до его приезда на свадьбу средней сестры через переписку с младшей.

Иронично улыбаюсь. Ну вот! Наконец-то прозвучал упрёк, которого я ждала с первой минуты, как только переступила порог родительского дома.

Как ни странно, этого не случилось ни во время представления «жениха» семье, ни позже — за завтраком. Все мило и естественно общались. Так, словно давно знакомы. Ридж, как я и предполагала, прекрасно справлялся с ролью и моментально очаровал всех. Сестёр — дорогими подарками, которые выудил из чемодана с ловкостью заправского Санты. Отца — шуточками и любовью к остротам. Маму — чётким и совпадавшим с её мнением по поводу отделения Квебека.

Мне, как я и думала, досталась моя старая комната. Риджа поселили в той, что когда-то принадлежала Логану. Никто не донимал расспросами, не задавал наводящих вопросов о возможной дате ещё одной будущей свадьбы в семье Трупер. Почти не пришлось врать.

— Прости, мам. Просто случилось всё так быстро... Я ведь не собиралась его приглашать. До последнего момента, — я не обманываю. Можно сказать, говорю чистую правду, если опустить некоторые нюансы. — А потом подумала, что вместе с ним мне будет не так... сложно.

— Сложно? По-моему, милая, ты сама всё усложняешь. С самого начала, — многозначительно добавляет она: — Не Майк отменил вашу свадьбу, а ты. Значит, были причины. Рассталась и точка. Твой дом — здесь. Это Майк пусть ищет пятый угол.

Его имя режет мне слух, словно грязное ругательство. Сговорились они, что ли? Сначала Логан, теперь мама. Или появление Риджа само собой снимает заклятие не упоминать Майка всуе?

— Дело не в... Майке.

Произнести его имя оказывается проще, чем услышать, но я всё равно злюсь. Прошное

лезет из всех углов, напоминая о себе. Пусть к этому я худо-бедно успела подготовиться, пока ворочалась днём без сна в своей же бывшей комнате, где время остановилось ещё семь лет назад. Но обсуждать — всё так же невозможно, как и раньше, и делать этого я не собираюсь. Тем более с мамой, которая недолго любила Майку если не всегда, то с той самой аварии, когда погибли родители Логана и чуть не погибла я сама.

— Не помню, чтобы мы эту тему открывали, мам. Но давай сразу закроем.

— Ссоритесь? Уже? — из коридора за моей спиной доносится добродушный отцовский голос.

— Дискутируем, — мама миролюбиво улыбается, подаёт папе руку.

Отец нежно перехватывает её пальцы, притягивает к себе, обнимая маму за плечи, целует её в висок.

Я невольно расплываюсь в довольной широкой улыбке. Вот оно — реальное подтверждение из плоти и крови, что настоящая любовь существует. И появившееся облако раздражения невесомой струйкой сигаретного дыма испаряется в воздухе.

— Мама просто хочет сказать, Куколка, — отец правой рукой обхватывает меня за талию и прижимает к себе, — что мы тебя любим и сильно скучаем.

— Знаю, пап. — Благодарно чмокаю его в щеку и утыкаюсь лицом в плечо, с наслаждением вдыхая уютный и знакомый с детства запах кедра и едва уловимую примесь табака. В отличие от матери, резавшей по живому без анестезии, отец всегда умел найти правильные слова. — Я тоже скучаю.

— И мы! — Дэниз вклинивается между родителями, втаскивая за собой в образовавшийся круг и Эми.

— «Сила Труперов, правила Труперов» в действии, а? — она со смехом озвучивает предвыборный лозунг матери, обнимая отца.

— А как же иначе? Вместе и навсегда, — добавляет мама. — В горе и радости.

— Вместе и навсегда, — шёпотом повторяю я, крепче прижимаясь к родителям. Если действительно существует жизнь после смерти, если каким-то образом Стив может видеть нас вот такими, в обнимку, вместе, в его комнате, он наверняка счастливо улыбается. Так же, как я сейчас.

— Ты не обязан это делать. — Я стою, прислонившись плечом к дверному косяку, и наблюдаю, как Ридж крутится перед зеркальной раздвижной дверцей шкафа.

— Знаешь, я всегда считал, что фиолетовый мне идёт. Но почему-то сейчас... Что-то я не уверен... — Он критично оглядывает себя с ног до головы и останавливает взгляд на вышитом на грудном кармашке справа принте чёрной розы.

Ручная работа и очень дорогая, купленная две недели назад на показе какого-то друга-дизайнера, куда нас затащил Ридж. Помешанный на шмотках, он не жалеет на них денег. Рубашки идут отдельным списком программы, к ним у него особая слабость. В начале нашего знакомства я даже думала, что Ридж — гей. Потом несколько раз застучала его с разными подружками, что развеяло все мои сомнения. Ридж любит женщин и, судя по звукам, им нравится, как он это делает.

— Как думаешь, эта рубашка меня старит? — продолжает рассуждать он. — Или эти брюки? Может, лучше надеть джинсы?

— У тебя они есть?

— Обижает! — Ридж перехватывает мой взгляд в зеркале. Пожимает плечами: — Взят

на всякий случай. А ещё ковбойские сапоги. Специально купил. Подумал, вдруг мы решим кататься верхом в горах.

— Верхом? Ты имеешь в виду на лошадях?

Он с воодушевлением кивает:

— Здесь же они есть?

— Есть.

У Логана целая конюшня, например. Только откуда Ридж об этом знает? Неужели сёстры растрепали?

— Ну вот, — с довольной улыбкой заявляет Ридж, возвращаясь к созерцанию собственного отражения и сомнениям. — Может, все-таки лучше тёмно-синюю?

— Ты же знаешь, что не обязан подыгрывать и идти на этот дурацкий мальчишник, правда? Если хочешь, мы можем остаться дома. Посмотрим какой-нибудь фильм, — предлагаю я. — Или съездим в ресторан. Или можем пойти с родителями на званый ужин. Не так увлекательно, как кино, конечно... Но если тебе необходимо общение, там будет вся моя родня.

— Ну-ка, иди сюда, Стэйс.

— Зачем?

— Просто подойди. Пожалуйста.

— Ну? — нехотя отлипаю от дверного проёма и делаю несколько шагов вперёд. Смотрю в упор на Риджа, чтобы не видеть себя.

— Посмотри, — требует Ридж, не сильно, но настойчиво разворачивая меня за плечи к дверце шкафа. Сам отступает на шаг, оказываясь позади.

— Не хочу! — Я упрямо мотаю головой, по-прежнему не поднимая глаз.

Я терпеть не могу зеркала. В детстве они внушали страх, теперь — раздражают. Мне совсем не нравится то, что я там обычно вижу.

— Посмотри, я сказал, — повторяет он. Хватает меня за подбородок, вынуждая выпрямиться и уткнуться взглядом в саму себя. — Я не стану спрашивать, что видишь ты. Я расскажу, что вижу я. Красивую молодую женщину, но почему-то грустную, испуганную и напряжённую, как будто над её головой держат бетонную плиту, и она вот-вот рухнет.

Выразительно закатываю глаза:

— Не придумывай.

— Смотри сама.

Я заставляю себя внимательно взглянуться в отражение.

— Ладно, ты прав. Я немного грустная. Но не испуганная. Просто я устала и...

— Да-да, — с насмешливой улыбкой перебивает он. — У тебя всегда в запасе десяток «просто». Это вообще твоё любимое слово, ты заметила? — Последняя фраза звучит, как утверждение, и я не спешу отвечать. — Как насчёт того, чтобы хотя бы раз попробовать сделать проще? — Ридж рывком разворачивает меня к себе. — Просто дыши, Стэйс. Просто будь. Просто живи. Просто чувствуй. И выдыхай, это самое главное. А дальше — по обстоятельствам. Ты — сильная. У тебя получится. А если нет — у тебя есть сёстры, родители и я. Твой надёжный тыл.

— Тебе бы коучинг проводить, — пытаюсь отшутиться. — За деньги. Соберёшь целые стадионы.

— За меня не беспокойся. — Сбить его с темы не получается. — Я справлюсь. Правда, справлюсь, Стэйс. Я — большой мальчик, который вполне в состоянии пережить ещё одну

холостяцкую вечеринку. Позаботься лучше о себе. Переоденься. Сними эти дурацкие джинсы, надень красное короткое платье. Помнишь, я тебе подарил на день рождения? Я положил его в твой чемодан. И туфли на каблучке тоже. Распусти волосы и намажь губы самой яркой помадой. Лучше — красной, — Ридж хитро щурится. — У тебя вряд ли есть, но я видел у Дэни. Она наверняка тебе одолжит.

— Всё-то ты видел, — смущаясь, бормочу я. — Зачем всё...

— Затем, что ты могла не приезжать сюда вообще, но всё же решилась. Я догадываюсь, — он снова говорит серьёзным тоном, — как это нелегко. Догадываюсь, почему. Но ты здесь, поэтому сделай себе одолжение. Оторвись по полной. Выплесни всё, что накопилось у тебя в душе. Перестань убегать и прятаться. Позволь себе чувствовать. Проживи эту боль. Поставь точку. Настоящую, жирную. После которой, как в фильмах — финальные титры под музыку. Увидишь, станет гораздо легче.

Обескураженная его словами, молчу.

Ридж прав, чертовски прав. Все эти годы я убегала, а оказалось, что неслась по кругу. Не позволяла себе вспоминать, думать, говорить о прошлом, о Майке... Почему-то решила, что это выход. Что если делать вид, что чего-то не существует, оно и правда исчезнет. Но в итоге превратила душу в помойку, годами таская сомнения, страхи и ошибки тяжёлым бременем. Невысказанное только множилось и ещё больше тянуло вниз.

Да, мой родной город почти не изменился, но только внешне. Жизнь здесь продолжалась. Столько всего случилось, люди встречались, расходились, сходились, забывали и влюблялись снова. Даже Майк с Мишель теперь женаты. Совсем уже насмешка судьбы, учитывая, что именно из-за неё мы поссорились в ту ночь, когда произошла авария.

А я, создав вокруг видимость благополучия, горстями глотала антидепрессанты и сознательно строила замки, только всё равно погрязла в тлене прошлого и не сдвинулась даже на миллиметр. Как будто умерла со Стивом. И лучше бы умерла, чем жить вот так, как я...

А ещё лучше — если бы брат остался жив.

— Ладно, — нарушаю повисшее в комнате молчание. Улыбаюсь, признавая правоту Риджа. — Я переоденусь и пойду на девичник. Обыграю всех в бильярд. И даже, может быть, напьюсь до чёртиков, а потом влезу на барную стойку и буду горлопанить песни под караоке. Может быть, даже не вернусь ночевать, — лукаво подмигиваю. — Но завтра тебе придётся кормить меня аспирином и жалеть.

— Супер! Звучит, как дьявольски удачный план, — смеётся он, отпуская меня и легонько подталкивая к двери. — Иди уже, а то не успеешь.

— Хорошо. — Я делаю несколько шагов, но останавливаюсь в проёме и оборачиваюсь. — Знаешь, мне, наверное, стоило сразу всё рассказать тебе. Логан — не...

— Ничего не желаю слушать! — перебивает Ридж. Встречается со мной взглядом, слегка наклоняя голову вбок. — Ты ничего не должна мне объяснять. Серьёзно, Стэйс. Я с удовольствием повеселюсь и скоротаю холостяцкий вечерок с твоими друзьями без того, что ты расклеишь на них бейджики с пояснениями, кем они были раньше в твоей жизни. Пусть всё останется так, как есть. Просто, как ты любишь. Просто я, просто Логан, просто Скотт, просто кто бы там ни пришёл ещё.

Просто Майк, мысленно продолжаю за него.

Всё правильно. Просто Майк, ничего не усложняя.

Теперь он просто Майк.

— Спасибо, Ридж, — я благодарно улыбаюсь.

— Всегда, — он шлёт мне воздушный поцелуй.

Снаружи кто-то сигналиит. Несколько раз, настойчиво. И тут же оживает мобильный Риджа.

— А вот и Логан, — хитро произносит он. — Мне пора. А ты не скромничай! — Ридж и шутку грозит мне пальцем. — Красное платье, высокий каблук и яркая помада, Стэйс. И мир у твоих ног.

...Логан постарался на славу. Городок оказался именно таким, как мы с Майком и просили. Узкие мощёные улочки, ряды небольших магазинчиков, уютные кафе и ресторанчики, кованные, фигурные фонари. Маленький мирок, затерявшийся среди гор и лесов, вдали от суеты, с гостиницей, похожей на древний замок, где пусть не очень высокие потолки, но кровати — с балдахинами, светильники — имитирующие подсвечники, стены — под дерево и камень, и в каждом номере настоящий камин, огонь в котором наполняет комнаты теплом и уютом.

Именно так, как мы мечтали провести День всех влюблённых: Майк и я, с выключенными телефонами, подальше от всех — до ближайшего крупного города километров триста. Недалеко, если светит солнце, бесконечность — по заснеженной дороге.

За временем мы не следили. Только когда вдоволь нагулялись, когда осмотрели едва ли не каждый уголок, настал черёд лыж. Подъёмник находился на окраине: три вагончика доставляли желающих на другую сторону ближнего, невысокого склона. Там можно было взять на прокат или приобрести снаряжение, одежду и забраться выше в горы.

Это было вчера.

Сегодня о катании на лыжах лучше забыть. Снег шёл всю ночь и останавливаться не собирался. Далёкие острые шпили гор практически скрылись за белой пеленой; мягкие, крупные, похожие на вату, хлопья постепенно укутывали деревья и все вокруг. Не спеша, неизбежно заваливало дорогу, отрезая нас от остального мира.

Майк спал, обняв обеими руками подушку. Чему-то улыбался во сне. Я сидела рядом, обхватив согнутые колени, смотрела, как танцуют за окном снежинки, и ждала, когда он проснётся.

Я любила зиму, особенно февраль. Если бы зависело только от меня, мы бы поженились прямо здесь и сейчас, а не в июне. Но спорить с мамой, которой приспичило устроить пышное торжество с тремя сотнями приглашённых, бесполезно. А пойти против её воли — себе дороже. Она и так-то не в восторге от будущего зятя.

Осторожно, чтобы не разбудить, наклонилась вперёд, нежно коснулась губами тёплой колючей щеки Майка. Поддавшись соблазну, снова забралась под одеяло и уткнулась лбом в его горячую обнажённую спину — прямо в упругую ложбинку между лопаток. С наслаждением вдохнула такой знакомый, родной запах.

Никуда не хотелось спешить. Скоро, слишком скоро нам придётся вернуться домой, и чудесная сказка закончится. Начнутся будни, вернутся проблемы и заботы. Но сейчас об этом не обязательно думать. Вообще — о будущем. И даже о прошлом. Лишь жить этим мигом, наслаждаться, верить, что это и есть — счастье...

— Господи, как же я тебя люблю, — шепнула я, сильнее обнимая Майка.

Он пошевелился, нашёл мою руку, ласково сжал. Сонно пробормотал:

— Я тоже люблю тебя. И всегда буду...

— О чём задумалась, Стэйси?

Вздрагиваю, возвращаясь в реальность. С удивлением оглядываюсь, вспоминая, где нахожусь. Пробегаюсь глазами по стойке, за которой сижу в одиночестве. Встречаюсь взглядом с Ирэн. Она стоит напротив, внутри бара, и по-хозяйски натирает бумажной салфеткой чистые бокалы.

Мать Майка всё такая же: собранная, подтянутая, с неизменной приветливой полуулыбкой на губах. В фиолетовом платье-футляре, строгих очках и с распущенными до плеч тёмными волосами она кажется сейчас даже выше и моложе.

— Я...

Ирэн застала меня врасплох. Я не предполагала встретить её здесь, хотя Дэниз, отвечавшая за организацию девичника, предупредила ещё днём, где пройдёт вечеринка — в баре Бэк. Станный выбор, учитывая обстоятельства — две недели назад сестра рассталась с Лиамом. Не говоря уже о нашем с Майком прошлом... Но сестра уверяла, что идея изначально принадлежала Мишель, и что Ирэн не возражала, а менять планы в последний момент накладно.

С тем, что с бывшей подругой так или иначе мне придётся встретиться и, наверное, даже поговорить, я смирилась ещё ночью в самолёте. Днём раньше, днём позже, на девичнике или непосредственно на свадьбе — значения не имело. Причин враждовать у нас с Мишель не было, дружить — тоже. Но я почему-то убедила себя, что мать Майка предусмотрительно уйдёт из бара до того, как начнётся вечеринка. И действительно, когда мы приехали туда одними из первых, Ирэн не было.

Она наклоняется вперёд, аккуратно расставляя шоты. Затем выпрямляется и опускает на стойку между нами бутылку с текилой:

— Не возражаешь, если выпьем за нашу встречу? Всё-таки столько времени прошло.

Хмурясь, пожимаю плечами — максимум, на что я способна в данный момент. Тотальный игнор устроил бы меня больше, чем душевные беседы тет-а-тет с несостоявшейся свекровью.

— Брэдли заходил вчера. Рассказал, что ты приезжаешь.

— Рассказал или предупредил? — невольно усмехаюсь.

— Я рада, что ты решилась, — невозмутимо продолжает Ирэн с намертво прилипшей к губам печальной улыбкой, словно не расслышала мой выпад. Уверенным, тренированным движением наливает текилу сначала мне, потом себе. Отставляет бутылку в сторону. — Знаешь, в глубине души я боялась, что ты не приедешь, и венчание Эми постигнет та же участь, что и свадьбу моего сына, на которую я приглашала тебя зимой, — Ирэн салютует мне в воздухе шотом. — Кстати, ты прекрасно выглядишь. Прямо конфетка. За тебя, милая!

На мгновение лишаюсь дара речи. Не то чтобы первоначальная теория о том, что приглашение на свадьбу Мишель и Майка было послано одним из них, выглядела логичней, но признание Ирэн окончательно сбивает меня с толку. И злит.

— Зачем? Сделать мне больно?

— А тебе разве было больно?

В последнюю секунду успеваю заткнуться, сообразив, что и так выдаю себя с головой. Теперь даже самое уверенное «нет» прозвучит фальшиво и нелепо.

Ирэн залпом отправляет содержимое шота в рот. Морщится:

— Ух, крепкая... Нет, милая, — она качает головой. — Конечно, нет. Я не хотела причинять тебе страдания. Ну, может, самую малость, — Ирэн печально улыбается. — Чтобы заставить тебя задуматься и переосмыслить некоторые вещи. Надеюсь, ты не дашь моему непутёвому сыну совершить ещё одну страшную ошибку. Но, видимо, ошиблась я. Или не судьба. Так тоже бывает. Иногда двум любящим людям просто не суждено быть вместе, милая.

Я ошарашенно хлопаю глазами. Не похоже, чтобы Ирэн издевалась или иронизировала.

Кажется, она говорит серьёзно и искренне. Но то, что она только что заявила мне, не укладывается в голове. Брак с Мишель — ошибка? Почему? Майк не стал бы жениться, если бы не хотел... Или не считал, что должен. Неужели в этом дело? Что ещё успела натворить бывшая подружка? А даже если и так, почему Ирэн надеялась, что я вмешаюсь?

Оглядываюсь, пробегаясь по лицам пришедших на девичник девушек. Бар постепенно заполняется, но Мишель среди гостей не видно. И слава богу. Не хватало, чтобы она ненароком услышала наш странный разговор.

— Брэдли сказал, ты приехала не одна, — мягко добавляет Ирэн, внимательно наблюдая за мной. — Скажи, Стэйси, ты счастлива с ним? Так, как была с Майком?..

— Я... — замолкаю на полуслове. Обмануть не получается, сказать правду — тоже. Искренний ответ потянет за собой десятки новых вопросов, а в итоге мы увязнем в признаниях, легче от которых никому не станет. Разрушать брак Мишель с Майком и вообще как-то вмешиваться в их жизнь в мои планы не входит точно, даже если его собственная мать считает женитьбу большой ошибкой.

— Не повторяй глупостей моего сына, ладно? Вы и так с ним натворили достаточно, — с печальной усмешкой бросает мне Ирэн. — Прости. Ещё увидимся, — она кивает на прощание и неторопливо уходит прочь, вдоль стойки к выходу.

В ту же секунду рядом, на соседний стул, садится Дэниз.

— Ты в порядке? — сестра выразительно косится в сторону удаляющейся фигуры Ирэн: — Что она тебе наговорила?

— Так... ерунда. — Заставляю себя улыбнуться. Беззаботно и непринуждённо, как мне кажется.

— Да конечно! — фыркает Дэниз. — Поэтому у тебя физиономия, как у фарфоровой куклы, да? Рассказывай уже, — требует сестра.

Что ж... Маленькая Дэни выросла и превратилась в своенравную красотку, не обделённую мозгами и проницательностью.

— Сначала объясни, как тебя угораздило связаться с Лиамом, а потом ещё и бросить его.

— Ирэн что?.. — Дэниз кивает на только что закрывшуюся за хозяйкой бара дверь. — Говорила обо мне?

— Нет, — я со вздохом качаю головой. — Обо мне. Спрашивала, как у меня дела, — лучше уж полуправда, чем откровенная ложь. Сестра всё равно не отстанет. Она и так проявила несвойственное ей терпение, не набросившись с расспросами ещё дома. — Насколько я поняла, Логан успел разболтать, что я приехала не одна. Вот Ирэн и решила поинтересоваться, счастлива ли я.

— Ну и?

— В смысле?

— В смысле, ты счастлива? — Дэни исподлобья внимательно на меня смотрит. — Со мной можешь не притворяться. Я пойму.

— Хорошо, не буду. У меня всё отлично. — Это даже не ложь. У меня ведь правда всё замечательно.

— А, знаешь... Ридж милый, — ухмыляется вдруг сестра. Приподнимается на стуле, перегибается через стойку, чтобы дотянуться до чистого шота. Затем по-свойски придвигает к себе начатую бутылку, оставленную Ирэн, и садится обратно. — Я его помню. Он — твой сосед, — она ловко наливает нам текилу, словно заправский бармен. — Из квартиры

напротив, да?

— Откуда ты?..

— Ну... — Дэни хитро улыбается. — Пока ты работала, я осматривала местные достопримечательности. Он — одна из них. Мы вместе в лифте поднимались, я запомнила. Видный и симпатичный. Кстати, ты ему сильно нравишься. Надеюсь, у него получится тебя разморозить. Вообще-то вы неплохо смотрите вместе, — сообщает сестра тоном опытного эксперта по отношениям. — Ладно, давай, что ли, выпьем, — она выразительно обводит глазами бар: — Всё-таки девичник. Раз Эми запретила стриптиз, хотя бы напьёмся.

Я молча поднимаю шот, все ещё переваривая услышанное. Хорошо, хватило ума не ляпнуть утром, когда представляла Риджа родным, где мы познакомились.

— Кстати, — добавляет сестра: — А насчёт Лиамы ты сама виновата.

— То есть?

— Ну, я бы давно тебе рассказала, но ты же сама просила о них не упоминать.

— Я не предполагала, что ты... что у вас... Нет, подожди. Сначала я должна выпить. За нас, сестрёнка! — Ладно, выкла... — пытаюсь отдышаться. Ирэн права: текила и правда крепкая. — Выкладывай подробности. Что там у вас стряслось?

— Значит, братья Бэк — больше не табу? — хихикает Дэни, ёрзая на стуле.

— Учитывая, что мы сидим в баре Ирэн, пьём её текилу, которую сами себе наливаем, — я бросаю выразительный взгляд на суетившегося бармена на другом конце стойки, вокруг которого собралась пёстрая стайка пришедших повеселиться девушек. Ухмыляюсь: — Думаю, выслушать, как ещё одна из Трупер разбила сердце ещё одного из Бэков, я вполне в состоянии.

— Ничего я ему не разбивала! — возмущается Дэниз. Опять приподнимается, чтобы вытащить из заднего кармашка узких, потёртых джинсов начатую пачку сигарет с воткнутой в неё голубой зажигалкой. Протягивает мне: — Будешь?

— Нет, спасибо. Здесь разве можно курить?

— Мне — можно. Это же закрытая вечеринка дочерей мэра. А ты бросила, что ли? — недоверчиво хмыкает сестрёнка.

— Типа того. Перекурила, и пока не тянет. — Наблюдаю, как Дэни с наслаждением затягивается. В очередной раз поражаюсь, как быстро повзрослела сестра. Когда я уезжала в Торонто, она была ещё угловатым подростком, а теперь ей уже двадцать один — возраст, когда всё кажется проще, чем есть на самом деле. Когда впереди — целая жизнь и никакого страха. Океан возможностей, планы и свобода. — Так что там с Лиамом?

— Он прикольный. — Дэни откидывается назад, выпуская в высокий, отделанный деревом потолок тоненькую струйку дыма. Суетливо крутит головой, снова вскакивает, перегибаясь через стойку, чтобы через мгновение плюхнуться обратно с металлической пепельницей в руке. — Но слишком правильный. Знаешь, такой... опекун.

— Опекун? — повторяю я со смехом. — Это как?

— Ну... Постоянно оберегает тебя, заботится... Скучно. Им бы с Эми замутить. Они прям созданы друг для друга. Мистер и миссис Честь и Порядок. Хотя, — сестра хватается за бутылку, — Скотт мне тоже нравится.

— Лиам — полицейский. Они обычно такие... — я пытаюсь подыскать подходящее слово.

— Отмороженные? — Дэниз придвигает ко мне наполненный шот.

— Правильные и скучные.

— Ну, не скажи. Вот его начальник, например... Новый шериф, ты его не знаешь, — сестра затягивается и мечтательно улыбается. — Прелесть что такое! У него такой взгляд, знаешь... Смотришь на него, и хочется, чтобы приковал тебя к спинке кровати наручниками. А потом устроил сезон садо-мазо, как в «Оттенках», с плётками и дельтапланами, — она громко, наигранно стонет: — Возьми меня, Брайан! Ещё, Брайан! Пожалуйста, ещё! — не обращая внимания на покосившегося на нас бармена и толпу подружек вокруг, принимается часто и громко дышать: — Да, Брайан! Да! Ещё! Не останавливайся!

— Уймись, — торопливо хватаю сестру за руку. Пытливо смотрю ей в глаза: — Надеюсь, вот это вот всё... не из твоего личного опыта с шерифом?

— Нет. Пока нет, — хохочет Дэниз. — Но было бы круто! Лиам, конечно, потом бы повесился. Или застрелился, — добавляет она без малейшего намёка на то, что сама мысль об этом её каким-то образом если не пугает, то хотя бы смущает.

Алкоголь медленно, но верно делает своё дело. Внутреннее напряжение улетучивается, сменяясь каким-то бесшабашным спокойствием и лёгкостью.

Я искренне сочувствую сейчас Лиаму. Пожалуй, он — единственный во всём Риверстоуне, кто мечтает не появляться на свадьбе Скотта и Эми больше, чем я. Удивительно, как они вообще с Дэни сошлись хотя бы на время. Яркая, громкая, легкомысленная сестра привлекала внимание, но, как ураган, безжалостно сметала всё на своём пути, а младший брат Майка с детства рос тихим, флегматичным, до одури послушным и правильным. Он легко мог ей увлечься, но выдержать напор и энергию Дэниз способен далеко не каждый. Для таких, как Лиам, она противопоказана.

— Бедняга.

— Ничего, переживёт. То, что нас не убивает, делает сильнее. Так ведь?

— Надеюсь. Мы с тобой — прямо настоящее проклятие для сыновей Ирэн. Странно, что она со мной заговорила.

— Кстати! — Насмешливое выражение на лице сестры сменяется серьёзной миной. Дэниз почему-то шепчет: — Ты знала, что Ирэн и папа раньше встречались?

— В каком смысле встречались?

— В прямом. Давно. Ещё в школе. До мамы.

— С чего ты взяла? — Ни отец, ни Ирэн никогда об этом не упоминали. Не то чтобы теперь, спустя почти сорок лет, это что-то меняет в моей жизни.

— Я видела фотографии.

— Дома?

— У Логана в берлоге, — Дэниз виновато отводит глаза, глубоко затягивается и смотрит на кончик тлеющей в руке сигареты. — Он хранит все старые альбомы. Из-за родителей.

— Ты была у Логана дома?

— Конечно. Сто раз, — слишком быстро и как-то неестественно отвечает сестра. — Ты тоже была. И Эми. Что такого?

Несвойственное Дэни смущение, дрогнувший голосок, моментально всплывшие в памяти обрывки утренней беседы в аэропорту наводят на мысль, которую никак не получается чётко сформулировать. И как на неё реагировать — я ещё тоже не понимаю, но бурная молодость отца и Ирэн в миг утрачивают для меня какое-либо значение.

— Дэниз, ну-ка, посмотри на меня.

— Что? — она вскидывает голову, неохотно встречаясь со мной взглядом.

— Вы... — замолкаю, не зная, как озвучить промелькнувшую догадку. Но этого и не требуется. Бравый эпатаж сестры куда-то испаряется, ярко-подведённые огромные синие глаза, как два бездонных колодца на худеньком личике, виновато блестят и подтверждают мои догадки без слов. — Чёртов Логан! Вот засранец, а... — выдыхаю я. Залпом опустошаю очередной шот с текилой. — И давно?

— Ну... После моего дня рождения...

То есть роману как минимум месяца три.

— Лиам знает? Вы поэтому расстались?

— Да, но он ничего не знает. Никто не знает... то есть не знал... До тебя. Даже Майк

— Сестра смахивает сейчас на вывалившегося из гнезда птенца: испуганная, неопытная неумёха, но пытается не подать вида, что ей страшно, и всерьёз надеется, что выглядит большой птицей, которая в любой момент вспорхнёт и улетит.

Мне неожиданно становится весело.

Если отбросить в сторону предрассудки, всякое «выросла на его глазах», «пешком под стол ходила» и прочие ханжеские мысли, лучшей пары для младшей сестры, чем Логан, представить сложно. Не зря они всегда ладили. Даже с Майком, которого Дэни боготворила ещё ребёнком, не было такой идиллии и взаимопонимания.

— Мама будет в восторге. Нет, правда, — хохочу я. — Она же обожает Брэдли и всегда хотела, чтобы мы поженились, а теперь... Бойся своих желаний, называется!

— Я не собираюсь замуж, — бурчит Дэни. Наверное, приготовилась к нравоучениям старшей сестры, а взамен получает приступ истерического гогота.

— Ещё не вечер! — Я пытаюсь вообразить физиономию Майка, когда тот узнает о похождениях лучшего друга, отнявшего у единственного брата любимую девушку, и снова давлюсь смехом.

— Вот вы где! Веселитесь без меня? — Оторвавшись от шумной свиты разодетых подруг, к нам подходит Эми. С крохотной, сверкающей диадемой в собранных улиткой на затылке длинных светлых, как у матери, волосах, непривычно ярко накрашенная, раскрасневшаяся и счастливая. Критичным взглядом пробегаются по наполовину опустошённой бутылке текилы, брошенной в пепельнице тлеющей сигарете, недовольно хмурится: — Дэни, только не напивайся, ради бога! Я не потащу тебя домой, как обычно. Останешься блевать здесь.

— Не гундось, — отбивает атаку Дэниз. — Лучше сама сегодня напейся, — она призывно, широко улыбается и протягивает сестре свой шот с текилой. — На! Обещаю, что останусь и буду блевать с тобой.

Наблюдать за сёстрами тоже весело. Такие непохожие и одновременно удивительно напоминающие и словно дополняющие друг друга.

— У меня идея! — Как там советовал Ридж? Быть, жить и чувствовать, не забывая выдыхать? Что ж, разнообразия ради можно попробовать. Тем более, красное платье и туфли на высоком каблуке я уже нацепила. Остаётся напиться до чёртиков и уйти в отрыв. Когда-то у меня это неплохо выходило. — Пошли! Блевать будем потом. Вместе.

Глава 6

— Стэйс Трупер? — уточняет высокий, симпатичный смуглый паренёк в тёмно-зелёной униформе без какого-либо логотипа фирмы. В шумном, накуренном баре, с толпой танцующих девиц под орущую из колонок Кэти Перри, он выглядит совершенно неуместно. Если только...

— Угу, — предвкушая продолжение, подтверждаю я. Наверняка Дэниз не послушалась Эми и заказала стриптизёра. Я бы даже не удивилась, узнай, что во всей этой затее Логан, падкий на шалости, принимал самое активное участие. А поскольку тема полицейских себя определённо исчерпала, неудивительно, что парня попросили нарядиться посыльным.

— Это тебе, — стриптизёр протягивает мне маленький коричневый конверт, даже меньше, чем обычный для писем.

— Почему мне? — удивляюсь, но решаю подыграть. Послушно забираю — конверт оказывается подозрительно тяжёлым, из плотной бумаги.

— Распишись вот здесь.

Посыльный суёт мне под нос некое подобие электронного сканера с маленьким экранчиком сверху и приделанной к нему пластмассовой ручкой без чернил. У них ещё такое смешное название, которое я сейчас не могу никак вспомнить.

Я уверенно ставлю невнятную закорючку.

Всё же странная прелюдия к танцам с раздеванием. Ну прямо как в офисе, когда присылают оригиналы документов.

Однако парень, кажется, и не думает раздеваться. Окидывает ухмыляющимся взглядом танцующих девушек и торопливо исчезает в дверях.

— А... — запоздало реагирую я, понимая, что спрашивать некого.

Хмурясь, кручу в руках конверт, затем осторожно надрываю его сбоку. Внутри оказывается обычный одноразовый мобильник. Явно не самое последнее слово техники. К нему простой канцелярской резинкой прицеплен обычный белый лист с напечатанным посланием: «Загляни в сообщения, хотя смотреть не советую. Тебе вряд ли понравится, но, если решишься, лучше сделай это без свидетелей, дома. Хотя опять же — совсем не обязательно. Поступай, как знаешь. Ты — большая девочка. Друг».

— Друг, как же... — На сомнения уходит минуты две. За это время я успеваю включить мобильник и теперь тупо созерцаю оживший экран. Привычная тревога возвращается и кислинкой жжёт язык, но мне отчаянно хочется верить, что это просто чья-то шутка. Вполне в стиле Риджа или Логана, решившего прислать доказательство их безудержного веселья.

Я осознаю, что, если не посмотрю сейчас, сгрызу себя с потрохами от любопытства, и решительно направляюсь на улицу. Если это всё-таки дело рук Логана, лучше последовать ненавязчивому совету и посмотреть послание в одиночестве. Зря он предупреждать не будет.

После прокуренного помещения свежий, прохладный летний вечерний воздух приятно бодрит. Неторопливо перехожу на другую сторону, останавливаюсь у припаркованной напротив белой хонды, сажусь на капот спиной к бару.

— Ладно, была не была, — со вздохом решительно нажимаю на иконку с видео.

Качество оставляет желать лучшего, но изображение достаточно чёткое, чтобы разглядеть картинку. На мягком бордовом диване, точь-в-точь как в доме Майка, обложив себя чёрными бархатными подушечками, в тёмном, едва доходившем до колена облегающем

платье с оголёнными плечами лежит Мишель. Неяркого света от торшера хватает, чтобы выделить из полумрака её самодовольную улыбку. Но не настолько, чтобы определить, когда сделана запись — полгода назад, год, два или гораздо раньше.

— Стэйс ревнивая, — видимо в продолжение оставшегося за кадром разговора произносит она. Приподнимается на локте, небрежно проводит свободной рукой по длинным распущенным волосам. — Представляешь, как она отреагирует, если...

На экране появляется Майк. Спиной к камере, но вполне узнаваем. Алкоголь моментально испаряется.

— У тебя своеобразное представление о помощи, — судя по тону, Майк пьян: — Может, сразу перейдём к приятной части? — он садится у Мишель в ногах. — Или тебе нравится растягивать удовольствие?

— Нравится, — кивает она. Тоже садится, обхватив руками согнутые колени. — Нет, серьёзно. Почему я?

— Потому что так вышло, милая.

Мишель кривится.

— Не верю. Ты же всегда шарахался от меня, а теперь вдруг... Чтобы забыть...

— Я не забуду! Никогда, ты ведь знаешь, — обрывает её Майк. — Они сейчас вместе... И...

Я замираю. Дышать всё сложнее.

— Ш-ш-ш-ш, — Мишель легонько касается ладонью его губ, вынуждая замолчать. — Попробуй хоть раз просто трахнуть! Без всего этого... Любовь, верность, страдания... Ну хоть разик, а? — она нахально улыбается. Наклоняется, обвивая двумя руками Майка за шею. — Увидишь, тебе понравится.

Мне нельзя это видеть. Нельзя! Стереть к чертям собачьим и выкинуть проклятый телефон на помойку!

Тем временем на экране проворные пальцы Мишель тянутся к футболке Майка. Быстро, уверенно задирают её, обнажая его грудь, живот, скользят вниз к ремню, лаская кожу. Майк, не отрываясь ни на миг от губ Мишель, находит молнию на её платье. Пытается расстегнуть, но, видимо, не получается, и он просто рвёт тонкую ткань вниз.

Огонь из лёгких опускается в желудок. Я всё ещё не отдаю себе отчёта, зачем смотрю, но не могу пересилить себя и выключить запись.

А погружённые друг в друга, Майк и Мишель продолжают целоваться на экране, яростно срывают одежду — следом за платьем на пол падает футболка, джинсы, кружевной лифчик, трусики... Майк прижимает Мишель к спинке дивана, целует её шею, касается губами плеча, находит грудь. Его пальцы сильнее удерживают её запястья, видно, как напряжены все мышцы. А губы скользят дальше — по животу вниз... Через мгновение он сползает на колени прямо на пол, рывком раздвигает ноги Мишель, и с её губ срывается громкий стон. Накрашенные ногти впиваются в плечи Майка и...

И я наконец-то прихожу в себя. Вскрываю с капота, жадно хватая ртом ставший ледяным воздух. Дрожащие пальцы не сразу находят нужную кнопку, чтобы остановить запись.

— Ненавижу! Ненавижу! — Замахиваюсь в темноту, собираясь швырнуть сотовый в кусты.

— Боже, какая драма! — доносится сзади ироничный возглас Мишель.

Я машинально опускаю руку, продолжая сжимать телефон, и резко оборачиваюсь.

Бывшая подруга сильно пьяна. Стоит, раскачиваясь, на последней ступеньке лестницы в крошечном зелёном платьице на тонких бретельках и высоких каблуках. Нагло лыбится. Наверняка она-то и прислала это видео, а теперь пришла насладиться результатом. Что ж, у неё получилось. Слишком точный удар, почти точечный. Ювелирный — в моё самое слабое и больное место.

Так мог поступить только человек, прекрасно меня знавший, а их немного. Пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать. Точно не Логан. Он, сумевший простить мне гибель родителей, никогда бы не опустился до такой низости. Тем более теперь, когда встречается с Дэниз. Хотелось верить, что и не Майк, но если уж семь лет назад я была готова поверить, что он причастен к убийству Стива, тогда мерзкое видео — детская шалость. И всё же бессмысленно. Так уничтожить или пытаться добить он мог бы в самом начале, после Оквилла. Но сейчас, когда официально женат? Глупо и мелочно. А вот для триумфа обиженной подружки детства и юности, для любовно подогретой к моменту моего возвращения мести — вполне.

— Какого чёрта, Мишель?! — сжимая в руке проклятый телефон как гранату, я решительно иду навстречу «подруге». От боли, ярости и алкоголя мысли путаются, в висках барабанной дробью стучит собственный пульс. — Нет, правда, зачем?! У меня богатая фантазия. Я всё прекрасно могла бы представить без наглядных пособий. Если бы захотела. Не обижайся, но я не хотела. Хотя знаешь... — останавливаюсь перед этой сукой, смотрю ей прямо в глаза. — Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Я увидела и оценила. Спасибо.

Мишель выглядит не ахти. Бледная, с размазанной по лицу косметикой, с красными, как будто заплаканными глазами, но жалости у меня не вызывает.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, — передёргивает она плечами. Медленно, растягивая гласные и спотыкаясь на словах, сообщает: — Но я рада, Стэйс, что тебе хуёво. Может, поймёшь, каково было мне, когда ты съебалась подальше и бросила меня одну...

— О, да! — Плевать! Пусть знает, что мне больно. Мишель ведь именно этого хотела — сделать мне больно. Ну вот пусть насладится триумфом. — Картину, как тебе хреново, я ещё долго не забуду. И вряд ли развижу!

Однако она, казалось, не слышит. Или просто слишком пьяна, чтобы сосредоточиться.

— Ты всегда думала о себе. Только о себе, Стэйс! Как последняя эгоистичная сука, — цинично хмыкает Мишель. — Всё всегда крутилось вокруг твоего Величества. И вот прошло семь... Семь грёбаных лет! И ни черта не изменилось! Ты явилась, вся из себя успешная, и всё снова крутится вокруг тебя. Стэйс приехала, у Стэйс есть жених, Стэйс в городе, Стэйс... Стэйс... Стэйс... Ебать! Как мы только жили без Стэйс столько лет?! Как не подошли с тоски?!

— Тебе напомнить, как? — со злостью размахиваю перед её лицом телефоном.

— А что ты можешь мне напомнить? Ты же ничего не замечала вокруг. Никогда! Ты даже Стива считала своей собственностью. А когда его убили, это была только твоя потеря, твоё горе! Больше ничьё! Моё горе тебе по херу! А потом ты взяла и съебалась в туман в темпе вальса! Даже могилы мне не оставила, чтобы приносить цветы и плакать.

— Ты... Не смей! — Сквозь зубы, с ненавистью отчеканиваю: — Никогда не смей говорить со мной о моём брате!

— Видишь?! Видишь?! В этом вся ты! — Мишель со злостью упирается мне в грудь указательным пальцем. — Но он не только твой брат! Он был моим женихом. Я любила его,

понимаешь?! Любила! До сих пор люблю!

Да как она вообще смеет?.. После всего... Наглая, подлая шлюха!

— Любишь?! — я презрительно оглядываю Мишель с ног до головы. — Поэтому ты неслась к Майку в постель при каждом удобном случае? Поэтому вышла за него замуж, да?!

— Ты ничего не знаешь про меня с Майком, — неожиданно твёрдо и спокойно заявляет «подруга». — Мы, как два одиночества, надеялись согреть друг друга. Не вышло. Видела бы ты его, когда он услышал, что ты приедешь, — Мишель горько усмехается. — Майк до сих пор по тебе сохнет, хоть ты и не заслужила.

— Ну ты-то, естественно, заслужила! — Со всей силы швыряю в неё телефоном. — Ты так старалась заслужить. Я же видела, как ты из кожи вон лезла! Сучка! Похотливая, лживая су... — я не успеваю договорить. Сильный, звонкий, оглушительный удар по лицу заставляет меня подавиться ругательством и пошатнуться. На мгновение в глазах темнеет от боли и ярости, сердце бешено колотится.

Я выпрямляюсь, замахиваясь в ответ, но, уже занеся руку, краем глаза успеваю заметить, что мы, оказывается, не одни — дверь в бар приоткрыта, а на пороге толпятся несколько девушек с вечеринки и глазают на нас.

Ну уж нет, такого удовольствия я им не доставлю. Заставляю себя проглотить злость, окидываю Мишель презрительным взглядом. И молча ухожу прочь.

С удивлением понимаю, что, оказывается, успела довольно далеко отойти от бара. Настолько, что теперь быстрее и проще добраться до дома, чем вернуться на вечеринку — всего-то несколько кварталов. А если напрямик через парк, то совсем рукой подать. Минут десять пешком от силы.

Возвращаться на девичник совершенно не хочется. Настроение испорчено, алкоголь давно выветрился, новая попытка опьянеть до нужной кондиции чревата тяжким похмельем наутро. Спасибо, но нет. Мне и так есть, о чём сожалеть. Например, что не приложила Мишель башкой об асфальт за одно только упоминание Стива. Чёртова сучка!

Скинув туфли и подхватив их за тонкие каблуки — по одной в каждой руке — я не спеша иду босиком по прохладной, густой траве аккуратно подстриженного газона. И продолжаю злиться. В первую очередь на себя — за то, что, как последняя идиотка, поддалась на провокацию Мишель. Зачем-то распахнулась, собственноручно подбросив в пекло городских сплетен парочку аппетитных поленьев.

К утру история обростёт новыми пикантными подробностями, которые к церемонии венчания обязательно расползутся небылицами по Риверстоуну, добавив непутёвой дочери Айлин и Джеймса Трупер очередную порцию сомнительной славы. Вот тогда-то мне припомнят всё, даже гибель слетевшего с моста мэра с женой. И опять рикошетом достанется бедному Логану.

В конце концов ничего ужасного я не увидела, чтобы так сходить с ума и подставляться. Всего лишь яркое подтверждение очевидного, о чём я давно знала без дурацких видео — у бывшей подружки и Майка однажды случился секс. Неудивительно. Именно этого и следовало ожидать. На что, собственно, я рассчитывала? Что со старших классов мечтавшая затащить его в постель Мишель не воспользуется возможностью, когда таковая представится? Что дважды брошенный и обиженный Майк вежливо откажется и подастся в монахи? Три раза ха.

И вообще — теперь-то совсем поздно, а потому глупо ревновать, учитывая, что они

полгода как женаты. Подумаешь, когда-то до свадьбы и точно после моего отъезда в Торонто Майк и Мишель переспали и зачем-то засняли секс на видео.

Почему же увиденное так сильно задело, почти как тот их танец на вечеринке много лет назад? Мне ведь уже не семнадцать! Понимала, догадывалась, что происходит, пусть никогда и ни при каких обстоятельствах не позволяла себе об этом думать. И с Майком я давно рассталась. Он — прошлое. Волен поступать как пожелает. Спать с кем хочет, жениться, разводиться. Пойти спрыгнуть с обрыва и убиться о скалы! Всё это вовсе не мои заботы и не имеет к моей жизни никакого отношения.

Не должно иметь, чёрт побери!

Я тоже встречалась и занималась сексом с другими, даже переспала с Логаном три года назад на очередную годовщину гибели брата. Ну да, не от большой любви или желания. Просто одной было невыносимо одиноко и тоскливо, а Брэдли оказался рядом. Родной, милый, великодушный, готовый терпеливо выслушивать мои откровения с бутылкой «Black Velvet». Частичка прошлого, о котором забывать не хотелось. Единственный друг детства, оставшийся у меня.

Я зло ухмыляюсь. Жаль, нам не пришло тогда в голову запечатлеть на камеру пьяные подвиги. А то я могла бы сейчас обменяться с Мишель по старой дружбе компроматом. Почему нет? От вашего дома — нашему, чёрт возьми!

Вот и смотрели бы с Майком на ночь глядя. Вряд ли наше с Логаном рандеву со стороны выглядело хуже. А если учесть, что всё началось в стеклянном лифте, продолжилось в бесконечно длинном коридоре отеля, а завершилось — в джакузи с шампанским, нам вообще полагается Оскар за лучшую эротическую сцену. Мишель же с Майком с трудом дотягивают до пошлого, незамысловатого домашнего порно, при воспоминании о котором начинает мутить.

Я невольно улыбаюсь, замедляя шаг. Задираю голову, любуюсь усыпанным мерцающими звёздами ночным небом. Я и забыла, как здесь красиво. Почему-то в памяти город остался неприветливым, холодным и пасмурным, спрятанным от солнца за громоздкими тучами, которые не спешили проливаться дождём.

Поддавшись порыву, остаиваюсь и опускаюсь на газон, похожий на бархатный огромный ковёр. Сначала просто сажусь на траву, подобрав под себя босые ступни, но через минуту с наслаждением откидываюсь на спину и вытягиваю затёкшие ноги. Шумно вдыхаю в лёгкие прохладный, бодрящий воздух и впервые с момента возвращения в Риверстоун неожиданно чувствую пьянящую свободу и давно забытую лёгкость.

Да пошло всё к чёрту! Город с его жалкими сплетнями, Мишель с обидами и запоздалой мстостью и даже Ирэн с дешёвыми манипуляциями. Я никому ничего не должна. Пусть всё могло и, наверное, должно было сложиться иначе — так, как мы когда-то вчетвером мечтали. Но этого не случилось. Не вышло и никогда не выйдет, потому что важный и незаменимый кусочек идеального пазла утерян навсегда, а без Стива многое лишилось смысла или обрело совсем иной, как в наших с Майком отношениях. В итоге вся наша любовь, как разбитая ваза с отколотой ручкой. Можно годами хранить и оплакивать треснувшее стекло или же избавиться от осколков и попытаться обо всём забыть.

В том, что случилось, уже нет виноватых. Каждый из нас выживал в новой жизни без Стива, как мог, как умел. Майк, мой родной, любимый, заботливый и нежный Майк остался в прошлом — в заснеженном отеле в Манитобе. И точка. Никаких сантиментов, сожалений, мыслей, что было бы, если. Нет больше никаких «если».

Может, даже к лучшему, что убийцу так и не нашли, а я не смогла задать Майку страшный вопрос. Может, именно в этом наше спасение — в отсутствии ответов, которые всё равно не вернут Стива и лишь потянут за собой новые «почему». Сомнительный, но все же шанс начать с нуля, смирившись с утратой. Не знать и сомневаться — легче, чем знать и ненавидеть.

Я закрываю глаза, прислушиваюсь. Громко поют цикады. Над головой, нежно раскачивая ветвистые кроны высоких, столетних деревьев, гуляет беспечный ветерок. Впереди, всего в нескольких сотнях метров отсюда, шумит Атабаска. Глубокая, кристально чистая, полноводная, с разными берегами. Один — высокий, с крутым, отвесным спуском и узкой песчаной полоской внизу у самой воды. Противоположный — низкий, пологий, затянутый камышами, за которыми начинается лес.

Именно там мы с сёстрами развеяли прах Стива. Так, как завещал брат — ранним утром над рекой. Без лишних слов, без пышных похорон, без усыпанной умирающими цветами свежей могилы на городском кладбище.

Мишель не имеет права на упрёки. Тем более теперь.

Только у калитки запоздало понимаю, что опрометчиво отправилась на вечеринку без сотового. Придётся заночевать в гамаке во дворе, пока кто-нибудь из домашних не сообразит вернуться. Но мне везёт. Запасной ключ от родительского дома обнаруживается в старом тайнике, которым пользовались ещё мы со Стивом в юности, и перешедшим по наследству к Эми и Дэниз — в крохотном, едва ли больше спичечного коробка, отверстии сбоку, под второй ступенькой сверху. Благо мне хватает света, чтобы его разглядеть — уходя, мы предусмотрительно оставили включённым наружный фонарь.

Остаток вечера я проведу, нежась в тёплой ванной, а не кутаясь в полинявший, старый плед. Почти как в Торонто: сама по себе, в гордом и привычном одиночестве. Родители предупредили, что задержатся допоздна. Дотрагиваюсь до всё ещё саднящей левой щеки. Сестры тоже вряд ли вернутся скоро, а, зная Логана, Риджа стоит ждать к утру, не раньше. Хорошо бы, чтобы у него всё обошлось сегодня без мордобоя.

Открыв входную дверь и бросив в прихожей туфли, я возвращаюсь на крыльцо, чтобы спрятать ключ обратно в тайник. Затем прохожу в дом и, не включая свет, осторожно, почти на ощупь и стараясь ненароком не налететь на мебель, иду к лестнице.

Шум лихо подъехавшей и резко остановившейся у дома машины застаёт меня, когда я почти поднялась на второй этаж. Вряд ли это родители — папа всегда водит осторожно, как будто только вчера сдал на права, а мама никогда не садится за руль, если они вместе. На Эми тоже не похоже — средняя сестра, как и отец, не терпит лихачеств на дороге. Остаётся младшая.

Замираю на предпоследней ступеньке, прислушиваюсь и одновременно пытаюсь разглядеть в щель между плотными занавесками на окне в гостиной Дэниз, но вместо хрупкой фигурки замечаю два высоких, явно мужских силуэта. Следом с улицы доносятся голоса: один громкий и принадлежащий без сомнения Риджу, хотя не получается разобрать ни единой фразы. Второй — слишком тихий и невнятный. Наверняка Логан.

Машинально ищу глазами часы. Согласно светящимся зелёным цифрам на холодильнике — чересчур рано для возвращения из царства алкоголя и разврата, обещанного на этот вечер. Всего-то половина одиннадцатого. Следующей мыслью мелькает, что у Риджа, как и у меня, тоже нет своего ключа. Зато он обязательно есть у Логана.

Разворачиваюсь, начиная торопливо спускаться. Судя по звучащему громче, но все ещё неразборчиво, голосу, Ридж с Логаном благополучно добираются до крыльца. Когда я, наконец, касаюсь пальцами ручки, снизу податливо щёлкает замок, и дверь широко распахивается, обдавая меня одновременно прохладой улицы и резким, терпким запахом крепкого алкоголя.

В проёме, пошатываясь и неуклюже повиснув на Майке, стоит Ридж. Нижние пуговицы на рубашке расстёгнуты, один конец все ещё заправлен в брюки, второй нелепо торчит наружу. Практически синхронно они отшатываются, рискуя потерять равновесие и слететь с крыльца на бетонную дорожку.

— Ты?! — одновременно со мной восклицает Майк. И, как я, замолкает.

— Мы! — икнув, радостно подтверждает Ридж и счастливо, беззаботно улыбается.

А я не могу пошевелиться. Так и стою, изумлённо хлопая ресницами. Окаменевшие пальцы вцепились мёртвой хваткой в ручку, босые ступни словно приросли намертво к

паркету.

Более нелепой встречи представить не получается. Зато всё, что с такой безмятежной лёгкостью проносилось в голове ещё полчаса назад в парке, летит в тартарары. Все умозаключения и выводы. Спокойствие испаряется, уступив место волнению и неловкому страху. Меня будто придавливает бетонной плитой. Той самой, которая, по словам Риджа, давно висит над моей головой.

Ну вот, дождались, она рухнула прямо на меня, потому что передо мной Майк. Живой, настоящий, а не призрачный, сотканный из миллиона воспоминаний, сожалений и надежд. Из плоти и крови, привычный и совсем незнакомый. До боли родной и чужой одновременно. В кроссовках, неизменных чёрных джинсах и обычной серой футболке, с коротко подстриженными волосами, едва заметной щетиной с первыми проблесками седины. Он хмурится, прикусывая нижнюю губу, и бесцеремонно рыскает по мне цепким, пронзительным взглядом, от которого становится не по себе.

— У Логана замечательные друзья! Майки — особенно, — с искренним восхищением заявляет Ридж. Только сейчас, оторвавшись от созерцания бывшего, я осознаю, как сильно пьян нынешний, пусть и липовый жених. — Было круто! Но чтобы ты знала — я всё равно о тебе думал! Каждую минуту, любовь моя!

Последняя фраза ударяет наотмашь сильнее, чем пощёчина Мишель, и почти отправляет в нокаут. Мне чудом удаётся, не глядя на Майка, выдавить жалкое подобие улыбки.

— Кто лучший?! Логан лучший! Кто лучший?! Логан лучший! — вряд ли заметивший, как я меняюсь в лице, речитативом орёт Ридж, пытаюсь пританцовывать на месте и размахивать руками. Если он и притворяется, то получается на удивление органично. Ни дать, ни взять — упившийся в хлам на мальчишнике холостяк.

— Не спрашивай. — Майк ловко подхватывает за пояс сползающего Риджа. — Поможешь отвести его в вашу спальню?

Я киваю, заставляя себя оборвать эхо последних слов, как приговор звучавших в ушах. Щёлкнув выключателем, обнимаю Риджа с другого бока и осторожно веду его вместе с Майком к лестнице. «Жених» помогать не спешит, как и замолкать. Правой рукой он с силой обхватывает меня за плечи, притягивая к себе, и целует в ту же щеку, куда пришёлся удар пятерни Мишель. Говорит, обращаясь к Майку:

— Мне крупно повезло. Стэйс — супер. Платье, кстати, я подарил! Ей идёт, правда?

— Угу, — живо откликается Майк. — Платье обалдеть!

Мне очень хочется съязвить в ответ, что у Мишель оно определённо круче, но предпочитаю благоразумно промолчать.

Поднять едва державшегося на ногах Риджа по лестнице на второй этаж и оттуда добраться втроём по узкому коридору до комнаты оказывается задачей не из лёгких. Всю дорогу Ридж воодушевлённо продолжает нести ахинею о вечной любви и красоте, призванной спасти наш прогнивший мир.

Майк поддакивает, а я старательно не вслушиваюсь, занимая себя бестолковыми размышлениями о том, какую часть правды о моём прошлом друг почерпнул на сегодняшней вечеринке. В итоге прихожу к закономерному выводу: лучше уж пусть Ридж поёт дифирамбы, рассказывая, какие платья купил и куда водил, чем озвучит сейчас, кем он на самом деле мне приходится и почему приехал на свадьбу Эми.

Мне заранее стыдно, если Ридж вдруг решит блеснуть откровениями. А у него, плюхнувшегося с размаху на кровать, открывается второе дыхание. Ему явно хочется

праздника, а вовсе не спать, хотя он с трудом может сидеть и даже язык заплетается.

Майк стоит напротив, прислонившись к деревянному косяку.

— Мы с тобой, — доверительно сообщает мне Ридж, цепко перехватывая мои запястья, — как выпавшие из сказки в обычный мир влюблённые. Помнишь, как в «Зачарованной»?

Я неопределённо пожимаю плечами, предоставляя пьяному другу право трактовать моё движение так, как ему захочется. Надеяться, что мягкий свет из коридора не позволит Майку узнать бывшую комнату Логана, это верх оптимизма, граничащий с наивностью. Что ж, можно считать, красноречивую и обстоятельную иллюстрацию-ответ на «вашу спальню» он вполне получил и без моих объяснений — на полуторной кровати с трудом умещается немаленький и буйный Ридж, а значит, мы явно не спим здесь вместе.

— Ты — моя Жизель, а я — принц Эдвард, — заявляет друг и начинает петь, беспощадно фальшивя: — Я ме-ечта-ал о по-оце-е-е-елу-у-е и-и-и-и-исти-и-и-и-инно-ой лю-любв-и-и-и-и-и!

Мне с большим трудом удаётся высвободиться из его цепких объятий. Меньше всего происходившее напоминает диснеевскую сказку или даже мультик. Скорее сдобренный хорошей порцией цинизма фарс.

— А я типа Роберт? — нарушает молчание Майк.

— Ты типа идёшь домой к жене! А ты, — я перехватываю хмельной взгляд Риджа, — замолкаешь и спишь. Ясно? Больше ни звука!

Как ни странно, но плохо скрываемое раздражение производит эффект. Он покорно сникает, укладываясь на бок, и сворачивается на кровати, как ребёнок, калачиком. А Майк, отлепившись от двери, исчезает в коридоре. Наверное, благородно предоставляя мне возможность попрощаться с любимым без свидетелей.

— Спасибо, я оценила, — резко бросаю ему, выходя за ним следом.

Майк не отвечает. В полном молчании мы спускаемся вниз, почти доходим до двери. И он вдруг с улыбкой, без тени иронии или сарказма предлагает:

— А может, угостишь меня кофе?

С опаской перехватываю его взгляд. Никогда, даже в самых оторванных от реальности мечтах или, наоборот, кошмарах я не представляла, что когда-нибудь нам доведётся вот так встретиться. Остаться практически наедине, в Риверстоуне, в доме нашего детства и юности, где каждый миллиметр наполнен общими воспоминаниями, где стены и мебель видели нас совсем другими. И я понятия не имею, как себя вести сейчас. Как и что говорить, как держаться, куда смотреть. Что лучше — игнорировать, язвить или быть милой, обходительной. Или же убийственно вежливой.

— Серьёзно? — обращаюсь не сколько к Майку, сколько к самой себе. Передо мной на расстоянии вытянутой руки, если не ближе, стоит бывший жених. Мужчина, без которого я не представляла своей жизни и с которым предпочла расстаться, которому могла доверить любую тайну и в котором усомнилась, подозревая в причастности к убийству брата. Тот, кого долго и безуспешно пыталась забыть, стереть из памяти, тот, кого училась ненавидеть, но продолжала любить. С кем опасалась оставаться наедине и кого, как оказалось, ревновала даже спустя столько лет. К его жене.

Господи, да что со мной не так?! Почему безумно горько и одиноко, как будто я осталась одна в целом мире? Почему так дрожат руки? Почему мне хочется уткнуться в грудь Майка, жадно вдыхать родной запах, когда нужно вытолкать его вон? Почему мечтаю

вернуться назад во времени, снова почувствовать наше «вместе»? Почему до слёз больно понимать, что этого никогда не случится?

А Майк, словно издеваясь, ведёт себя абсолютно естественно и непринуждённо. Смотрит, говорит, улыбается так, будто все последние несколько лет мне просто приснились. Ничего не случилось, мы будто никогда и не расставались. И, вполне возможно, в воскресенье вовсе не моя средняя сестра выходит замуж, а я сама.

— Ты права. Поздновато для кофе, но я подумал, было бы глупо упускать такую возможность. — Смеющиеся серые глаза лукаво щурятся: — На свадьбе нам вряд ли удастся поговорить наедине, а потом ты уедешь, — он пожимает плечами.

Я открываю рот, собираюсь заявить, что не вижу ни одной темы для разговора. Что нам не о чём говорить и незачем встречаться, что ему лучше уйти. А потом осознаю, что просто не в состоянии всё это сейчас проговорить вслух.

Майк прав, другой возможности побеседовать начистоту у нас больше не будет.

Устало киваю и иду на кухню:

— Пошли. Кофе, правда, не обещаю. Есть пиво.

— Пиво даже лучше.

— Ты ведь нарочно это подстроил, да? — открыв холодильник, озвучиваю свою догадку.

— Сначала определи «это», — коронная фраза Майка в любом споре. Даже не оглядываясь, я могу с лёгкостью представить, как его губы расплываются в хитрой улыбке.

— Пьяный Ридж, совершенно безвозмездная развозка по домам, как минимум, — я возвращаюсь к столу, опускаю на него две бутылки. Сажусь на стул, скрестив ноги. Не то чтобы я всерьёз подозревала, но вряд ли удивилась бы, узнай, что пьяная Мишель у бара и телефон с сексуальными откровениями — тоже часть какого-то тайного плана. Даже Ирэн с якобы отправленным приглашением на свадьбу, пусть всё это пахнет самой настоящей паранойей и грозит новым витком «свиданий» с психологом в Торонто.

— Ошибаешься. — Майк усаживается на стул напротив. Умелым, резким движением откупоривает крышки. — Спаивать женихов на мальчишниках — прерогатива Логана. Он вне конкуренции.

— Ридж — не жених, — сдуру бросаю я, выхватывая из его рук бутылку. Понимаю, что только что выдала себя, и сбивчиво пытаюсь выкрутиться: — В смысле, послезавтра. На свадьбе, — делаю торопливый глоток, чтобы хоть как-то скрыть смущение.

— Ну Логана, предположим, такие нюансы сегодня не волновали, — Майк смеётся и, точь-в-точь как его мать в баре, поднимает в воздухе пиво в мою честь: — За тебя, Стэйс! Ридж прав, ты — великолепна.

— Спасибо, — машинально благодарю и молчу, не зная, стоит ли возвращать комплимент или лучше промолчать. Пока размышляю, Майк продолжает:

— Второе тоже не верно. — Он пьёт прямо из бутылки. — Всех должен был развозить по домам Лиам, но, — Майк невозмутимо улыбается, — твоя сестрёнка и из него сделала алкоголика. Мало ей убитой печени Логана.

Я бросаю на него хмурый взгляд. Вряд ли он имеет в виду Эми.

— Да ладно, не притворяйся, — бывший жених небрежно проводит в воздухе рукой и опять расплывается в широкой, без тени злости или раздражения, улыбке. В этом Майк тоже похож на Ирэн. — Ты наверняка в курсе, вы же с ним не разлей вода. Если, конечно, Дэниз не призналась тебе ещё раньше.

— Ты это про что сейчас? — осторожно пытаюсь уточнить прежде, чем в очередной раз за вечер ляпну что-то, о чём придётся сожалеть.

— Про то, что наш толстокожий, непробиваемый Логан без памяти влюбился в Дэни. Почти спился, мучаясь угрызениями совести, но потом всё-таки решил отбить её у Лиама.

— Ты откуда?.. — Я со стуком опускаю на стол недопитую бутылку. — Он тебе сам рассказал?

— Нет, ты что! Логан всё ещё мучается, как мне это получше подать, чтобы не схлопотать по шее. Но я же не слепой. Знаешь, вы с ним удивительно похожи. Совершенно не умеете притворяться.

— А ты умеешь? — я в упор смотрю на него.

— А ты как думаешь? — Майк мрачнеет, но взгляда не отводит. Чуть наклоняет голову на бок, радостная улыбка превращается в печальную ухмылку, смеющиеся искорки в серых глазах — в ледышки. От него словно веет холодом. — Вот мы и подошли к главной теме нашего разговора, — он качает головой. — Нет, Стэйс. Я не умею притворяться. И в отличие от вас с Логаном даже не пытаюсь, но это абсолютно не важно, потому что ты всё равно сомневаешься. Не доверяешь мне. Настолько, что поверила, будто я — убийца Стива.

— Ты... откуда? Я... — В горле пересохло, язык прилип к нёбу и стал бетонным.

Столько лет я боялась озвучить подозрение или хотя бы просто спросить. И не смогла. Не решилась. А теперь Майк не только об этом знает, но способен произнести страшные, беспощадные слова вслух. Сказать их так, как будто это он обвиняет меня, а не наоборот.

— Не сразу, но постепенно понял. Ты не могла в один миг разлюбить и исчезнуть. И вся эта чушь про маленький город и упущенные возможности. Я знал, что ты врешь. С самого начала. Не понимал, почему, — он не сводит с меня пристального свинцового взгляда. — Тогда в Оквилле я видел, что ты мучаешься, как разрываешься. Как хочешь что-то сказать, но не решаешься. Гонишь, хотя по-прежнему любишь. А потом понял. Это единственное, что могло встать между нами. Убийство Стива. Только оно могло так изменить тебя. Заставить бросить всё, отказаться от нас, сбежать. Но знаешь, что самое ужасное? — Майк ухмыляется. — Не то, что ты вообще могла предположить такое. Что я убил Стива. Нет. Я верю, что у тебя были основания подозревать. Без понятия, какие, но сто процентов были. В противном случае ты бы не уехала. Ты бы боролась за нас, — он поднимается, обходит стол и встаёт около меня. Совсем близко. — Пожалуйста, посмотри на меня, Стэйс.

Я не могу. Отчаянно мотаю головой, опустив глаза в пол. Тогда Майк обхватывает моё лицо ладонями, вынуждая поднять на него взгляд.

— Самое ужасное, что мне когда-либо пришлось пережить, не считая гибели отца, убийства друга и смерти моего не родившегося ребёнка — это твоё молчание, Стэйс. Ты могла... нет, ты должна была мне рассказать! Признаться. Бросить в лицо. Всё, что угодно, только не врать. Не молчать.

— И тем самым обвинить тебя в убийстве Стива? — я стараюсь вырваться, но не выходит. Майк держит крепко, больно впечатывая пальцы в мою кожу. — Прости, но я не смогла! — Не получается съязвить, и голос срывается на предательский крик. Я путаюсь в собственных эмоциях, сжимаюсь под его пронзительным, прожигающим насквозь взглядом. Вместо обвинений зачем-то оправдываюсь: — Не смогла, понимаешь?! Стив сказал... что ты... Я просто хотела знать, кто это сделал, — визгливый голос дрогнул, превращаясь в отчаянный шёпот: — А он назвал твоё имя, понимаешь? Твоё, Майк. Я не была готова. Я не знала, что с этим делать.

— Что именно сказал тебе Стив? — отчеканивает он. И каждое брошенное им слово ранит, будто удар плетью.

— Майк. Осторожно.

— И всё?

— Да.

— Когда это случилось?

— В больнице. А потом его увезли, и он... и больше не...

— Ты должна была мне всё рассказать. Сразу же, — Майк бледнеет и, наконец, отпускает меня, пятясь назад. — Или хотя бы родителям. Пойти в полицию. Всё, что угодно. Только не молчать. Не сбегать. Не так, Стэйс.

— Я должна была? — вскакиваю. — А ты ничего не должен был? Например, приехать, когда догадался? Или хотя бы позвонить! Мы могли бы... не знаю. Не исправить, но хотя бы поговорить!

— Зачем?

— Стало бы легче.

— Кому легче, Стэйс?

— Мне легче! Да, мне стало бы легче! — Перед глазами совсем некстати мелькают фрагменты видео из телефона. И я понимаю, что теряю контроль, но не могу остановиться: — А ты что сделал?! Бросился за утешением к Мишель, правда? Не придумал ничего лучше как переспать с ней, а потом ещё и жениться. После всего, что случилось между вами тогда. После аварии. После... Чёрт, Майк! Она была невестой твоего друга! Убитого друга! Но тебе плевать! Ты всё равно это сделал, прекрасно зная, почему я уехала! Да, Майк?! И что? Стало легче, трахая без любви?! Ты попробовал просто трахнуть, как она просила?! Без всего этого. «Любовь, верность, страдания». Разик или больше? Тебе полегчало?!

— Я... — Майк как-то странно смотрит на меня, со смесью жалости и недоумения. Но не вины. — Это уже не важно, Стэйс. Я рад, что мы поговорили. Ещё увидимся, — резко развернувшись, он идёт к двери.

А я продолжаю стоять, сжимая кулаки. Молча и обречённо наблюдаю, как Майк отдаляется, открывает дверь, переступает порог, выходит на улицу и направляется к машине. Через мгновение доносится стук калитки, жалобно взвизгивает сигнализация машины. Ещё через несколько секунд слышится шум хлопнувшей дверцы и заведённого двигателя, а затем автомобиль резко срывается с места.

Вздрагиваю, как от удара. Хватаю со стола недопитую бутылку пива. В порыве отчаяния, злости, боли, обиды — всего, что душит и рвётся наружу еле сдерживаемым криком, — замахиваюсь, швыряя в стену. Жаль, не в голову Мишель. Закрываю глаза и прикусываю до крови губу, чтобы не разрыдаться.

— Стэйс, ты в порядке? — в дом влетает бледная, перепуганная Эми. За ней — Дэниз. Обе оборачиваются, бросая беглый взгляд на усыпанный осколками пол. Снова смотрят на меня. — Мы видели машину Майка, — тараторит средняя сестра. — Я хотела войти, но Дэни велела не вмешиваться. Мол, вам надо поговорить. Видишь, как поговорили? — недовольно бурчит она, оборачиваясь к младшей сестре.

— Дэниз права, — сквозь слёзы пытаюсь улыбнуться. — Нам надо был... — предательский комок в горле заставляет подавиться на полуслове. Разрыдаться, падая на пол. Успеть подумать, что единственное хорошее за весь вечер, а может, и за все последние семь лет — Майк не виновен.

Теперь я в этом уверена. Лучше поздно, чем никогда.
Конец первой части.

Слёзы принесли лишь временное облегчение. На смену рыданиям хлынули непрошенные мысли вперемешку с воспоминаниями. Но хотя бы хватило сил успокоить перепуганных сестёр и отправить их переодеваться, а самой подняться к себе. Класный девичник получился, ничего не скажешь. Хорошо, родители до сих пор не вернулись и Ридж не проснулся, а то могло быть ещё увлекательней.

Таблетка обезболивающего, видимо, не дошла или просто отказывается действовать, и голова раскалывается на части. То ли от выпитого алкоголя, то ли от переживаний, то ли от всего вместе. Хочется хоть на время забыться и просто провалиться в сон без сновидений, однако заснуть не получается.

Я сажусь на постели, подогнув под себя крест-накрест ноги. Бормочу сквозь зубы проклятия, упираясь спиной в деревянное изголовье кровати, и массирую пальцами виски.

Чёртовы стены давят на психику, как будто меня запихали в капсулу времени и насильно вернули в прошлое. Днём так остро не ощущалось, но сейчас, после бурного вечера, погруженная в полумрак комната юности сводит с ума сильнее воды, капающей из крана в абсолютной тишине. Все эти грамоты, плакаты, вещи и даже плюшевые игрушки, среди которых добрый десяток подаренных мне Майком, смотрят будто бы с немым укором и посмеиваются над моей тупостью.

Всё-таки я — законченная дура. Так мучительно долго тянуть и сомневаться, чтобы в итоге проорать в истерике самый важный вопрос, который боялась задать все эти годы. Стараться забыть и снова возвращаться к одному и тому же тоскливому, безнадёжному пониманию: что бы ни ответил Майк, я никогда не смогу быть до конца уверенной в нём. Так зачем тогда спрашивать?

А тут вдруг случайно услышать его ответ и следом осознать, что верю. Вот так просто — верю и всё. Знаю, уверена, чувствую — Майк не виновен.

Только что со всем этим делать теперь — у меня ни малейшего представления. Оставить как есть, вернуться в Торонто, словно ничего ровным счётом не произошло? Ходить на работу, видеться по вечерам с Риджем, улыбаться его шуткам, пить вино. Ведь не смогу. Не смогу! Свихнусь от тоски, сожалений, ещё одной тысячи «если».

И ведь никакой альтернативы. Разве что попробовать встретиться с Майком, ещё раз поговорить, но уже спокойно, начистоту. Попытаться понять, что каждый из нас чувствует, где находится, на какой прямой, и какова вероятность, чтобы они снова пересеклись в пространстве?

Только станет ли он вообще со мной разговаривать?

Я усмехаюсь. Неужели всерьёз допускаю такую возможность — опять сойтись с Майком? После всего? Вот так запросто? Поговорить, извиниться, начать с начала или продолжить оттуда, где всё оборвала сама?

Чёрта с два так будет. Время не лечит, зато меняет. Людей, обстоятельства, желания. Учит жить с тем, что совсем недавно казалось нереальным.

Майк женат на Мишель, хочет иметь от неё детей, раз бросил мне в лицо про выкидыш. Вряд ли он был настолько неосторожен, чтобы зачать ребёнка с ней случайно. Но уж точно речь не шла про аборт. Майк бы никогда не позволил прервать беременность даже последней городской шлюхе, если бы считал себя отцом.

Значит одна попытка обзавестись потомством была, или же беременность «подружки» — та самая причина, по которой он женился на Мишель. Вот это бы многое объяснило, в том числе — странные слова Ирэн про ошибку и её приглашение на их свадьбу. Но даже если так. Пусть брак не по любви и трещит по швам, и Майк до сих пор меня любит, главная проблема заключается совсем в другом: он не простит мне молчание и предательство. Никогда не сможет доверять.

Майк прав — я должна была рассказать сразу. Не родителям, не полиции, а ему. В первую очередь. Как есть. Посмотреть, что из этого выйдет. Позволить Майку объяснить странные совпадения, рассказать свою версию. Так было бы гораздо честнее и справедливее.

Вряд ли последние слова Стива хоть как-то могли приблизить к раскрытию убийства, но моё признание помогло бы нам с Майком разобраться. Даже, если бы он сказал или сделал что-то, что только усилило мои сомнения, я бы знала об этом наверняка, пережила, почувствовала на собственной шкуре, а не предполагала бы. Это стало бы фактом, без намёка на сослагательное наклонение. Вот тогда бы и решала, идти ли с этим в полицию или нет, говорить кому-нибудь или молчать дальше, а вместо этого трусливо сбежала, предав всех: брата, семью, Майка, друзей. И всё ради чего? Чтобы сидеть здесь сейчас в слезах и соплях, не желая мириться с упрямой действительностью и фантазировать о шансах на «камбэк»?

Я с тяжёлым вздохом подтягиваю согнутые колени к груди, утыкаюсь в них подбородком и обхватываю руками. Молодец! Поломала так, что ничего не склеишь. Ещё и Риджа притащила в город, познакомила с семьёй и вынудила притворяться. Теперь ведь не скажешь: «Простите, я пошутила, мы вовсе не жених и невеста, а так... просто хорошие друзья и соседи».

Хотела точку? Вот и получай, идиотка!

Из коридора доносится осторожное поскрёбывание, через секунду в проёме появляется голова Дэниз, а затем и сама сестра. На удивление, не в пижаме. Потёртые узкие джинсы превратились в тёмно-синие блестящие леггинсы, открытый топ — в свободную, длинную рубашку в голубую клетку, туфли — в белые с золотыми кнопками сникерсы. Косметики на лице меньше не стало, зато распущенные волосы трансформировались в озорной хвост на макушке. Судя по всему, в ближайшие несколько часов спать сестрёнка не собирается.

Она протискивается в комнату, тихо закрывает за собой дверь.

— Мне надо уйти. Прикроешь? — Дэниз умоляюще складывает ладони у груди. — Обещаю, завтра вернусь до примерки. Никто ничего не заметит. А Эми скажи, что я уже сплю.

— Ты к Логану, что ли, собралась?

Сестра, продолжая заискивающе улыбаться, кивает.

— А ты уверена, что это хорошая мысль? Скорее всего он напился и... И не самая лучшая компания сейчас, особенно, если... — я многозначительно замолкаю.

— Не один?

— И это тоже. — Зная Логана, если ему понадобился праздник разврата, он себе его обязательно устроил. А вот как на загул отреагирует младшая сестра, выяснять даже в теории не хочется. — Главный вопрос, где он теперь. Сомневаюсь, что уже вернулся домой и собирается на боковую.

— Где — ни разу не вопрос, — Дэниз ловко извлекает из кармана на груди сотовый. Размахивает им в воздухе, хитро щурясь. — Я прекрасно знаю, где. Это не далеко, на машине

минут пятнадцать. Приеду и верну домой в целости и сохранности, пока Брэд не наделал глупостей.

— Ты что?.. Отслеживаешь его?

— Ну, — мнётся сестра, пряча телефон. — Это только на сегодняшний вечер. Потом я удалю приложение. Наверное.

Не сдержавшись, громко охаю. Великолепно! Что там Логан говорил про отпущенный поводок? Других учит, а сам не заметил, как на него нацепили намордник. Ещё чуть-чуть, и кастрируют.

— Считаешь, это подло? — с вызовом спрашивает Дэниз.

— Считаю, что для Логана на мальчишнике в самый раз. — Уж кому-кому, но точно не мне читать сейчас мораль о взаимном доверии между влюблёнными. — Только как ты объяснишь, что нашла его там. Он же не сообщал тебе адрес, где они будут?

— Ерунда! Скажу, что Майк проболтался, когда привёз к нам Риджа. А завтра он даже не вспомнит об этом.

— А если Лиам тоже там и увидит вас вместе? — осторожно интересуюсь я. Не хватает, чтобы между ними завязалась драка, когда Майка нет. Он — единственный, кто может приструнить обоих. Хотя почему нет? Вполне вероятно, после всех откровений решил вернуться на вечеринку, чтобы утопить горечь разочарования в алкоголе. На его месте я поступила бы именно так.

— Тогда скажу, что меня прислала за ним ты, когда узнала, в каком состоянии Ридж, — заявляет Дэниз. — И вообще. Если я приехала за Брэдом, это вовсе не делает нас автоматически любовниками.

— Ну смотри, — я пожимаю плечами. Брэд, значит? Так Логана ещё никто никогда не называл. На моей памяти точно. — Мне начинать волноваться уже?

— Ты же всё равно будешь, — усмехается Дэниз. Посылает мне воздушный поцелуй почти так же, как частенько делает Логан, когда добивается своего в споре. — А я буду за тебя.

— Ладно, договорились. Только когда приедете к нему, обязательно отпишись, поняла? Я не хочу проснуться утром и обнаружить...

— Без проблем, сис, — Дэниз торопливо машет на прощание и, юркнув за дверь, исчезает в темноте коридора.

Моему одиночеству не суждено длиться долго. Буквально через минуту в комнату заглядывает Эми. В отличие от младшей, средняя сестра определённо не планирует выволакивать жениха из лап любвеобильных стриптизёрш. С влажными после душа волосами, в розовом шёлковом халатике и смешных тапочках-поросятах, без грамма косметики — простая и домашняя. Только на лице играет спокойная улыбка, под которой Эми без особого успеха пытается замаскировать тревогу.

— Дэни уехала? — спрашивает она. — К Логану? Или не сказала?

Врать бессмысленно.

— К Логану.

— Вот засранка, — сестра возмущённо всплёскивает руками.

— Не злись. У неё дурная наследственность. Помнишь, как я после больницы сбегала к Майку через крышу, когда мама запретила нам встречаться, а вы со Стивом меня покрывали?

— Ага, — Эми скидывает тапочки и садится на постель, поджав под себя босые

ступни. — Я сначала не соглашалась. Считала, раз мама против, значит, так правильно, но Стив переубедил. У него был настоящий талант. Даже чёрта бы уговорил исповедаться.

Мы молчим. Вспоминать брата легче не становится, каждый раз непроходящая тоска острием ножа вбивается в сердце.

— Так ты знаешь про них с Логаном? — зачем-то уточняю я, хотя и так понимаю, что ответ утвердительный. Я не удивлена. Эми никогда не была душой, а раз уж я сама догадалась почти сразу, то живя рядом с Дэни...

— Мне рассказал Скотт, — она плотно прикрывает за собой дверь и проходит вглубь комнаты. Садится на краешек кровати. — Он видел, как они целовались в её машине на заправке в Хинтоне, когда возвращался из больницы.

Один из минусов маленького городка — захочешь, не спрячешься. В итоге последним, кто не в теме, по закону жанра окажется самый заинтересованный — Лиам. Зато, когда узнает, это будет та ещё бомба.

— Насколько я понимаю, у них всё серьёзно. Тебе Логан признался?

— Нет, — качаю головой. — Дэниз. Но она уверена, что про них никто не знает. Зря. Майк, оказывается, тоже в курсе.

— По-моему, она ещё в баре порывалась удрать. Но ты вышла, потом появилась Мишель. Вы. В общем, я решила, что Дэниз передумала, раз поехала со мной искать тебя.

— Прости, что испортила тебе девичник, — я с сожалением сжимаю её руку в своих ладонях.

— Почему испортила? Наоборот, такой экшен. Ещё долго не забудут, — смеётся Эми. — А, главное, гости до сих пор веселятся.

— Всё равно, так глупо получилось.

— Что вы с Мишель снова не поделили?

— Как ты думаешь? — я многозначительно смотрю на Эми.

— Не-е-е-ет, — она выразительно округляет глаза. — Не может быть! Из-за Майка, что ли?

— Ну... — я тщательно подбираю слова. Рассказать про видео или ограничиться короткой версией? — Я назвала Мишель шлюхой. Ей не понравилось. Дальше ты знаешь.

— Мило, — хмыкает Эми. — Надеюсь, на свадьбе вы не собираетесь устраивать разбор полётов. Такого, — она нарочито строго качает головой, шутливо грозя пальцем, — я так просто не спущу. Это должно быть моё шоу. Я и так долго ждала. Слишком долго.

— Я постараюсь, но ничего не обещаю. — Воображение всюду рисует красочную картину, как на глазах изумлённой толпы родственников и гостей мы с Мишель начинаем выяснять отношения, а потом между нами завязывается драка. Интересно, Майк сунется нас разнимать или предоставит брату-полицейскому право наводить порядок? — За мной должок после сегодняшнего цирка.

— Уж постарайся. Даже не верится, — мечтательно произносит сестра, словно смакует каждую букву: — Завтра я стану миссис Худ.

— Не волнуйся, — я сильнее сжимаю её пальцы. Эми заслужила быть счастливой. — Насколько я помню, мистер Худ без ума от своей невесты и никому не позволит испортить ваш праздник.

Я отлично помню, как и когда сошлись Эми и Скотт — почти сразу после убийства Стива. В тот страшный май каждый в нашей семье справлялся с горем, как мог. Логана не было — он улетел в Ньюфаундленд на трек по Long Range Traverse за несколько часов до

смерти брата и вышел на связь только через полтора месяца. Я замкнулась, погрязнув в сомнениях и чувстве вины, потом отменила свадьбу и уехала в Торонто раньше, чем Логан вернулся в город. Мама с головой погрузилась в расследование и выборы, отец нашёл спасение в работе. Дэниз, как самую младшую, конечно же, окружили заботой и отправили в Ванкувер к тёте и кузине на лето, а вот на долю средней выпало гораздо меньше внимания. Из нас троих Эми считалась негласной любимицей брата, но Стива не стало, и ей пришлось возвращаться в университет и переживать трагедию практически в одиночку.

Сестра тогда училась на юридическом в Эдмонтоне, а Скотт, которого она знала с детства, там же — на медицинском. И как раз стажировался в больнице в Хитоне, куда привезли раненого брата. Именно благодаря Скотту мы узнали подробности о случившемся гораздо раньше, чем нам удалось рассказать врачам и полицию. А потом Скотт взял негласное шефство над Эми, так нуждавшейся в поддержке и заботе. И за это я до сих пор испытываю к нему огромную благодарность.

Спокойный, рассудительный, доброжелательный, светловолосый, с милой, озорной улыбкой и лучистыми карими глазами он сильно отличался от сероглазых тёмных Бэков, но легко мог бы сойти за родного сына Ирэн. Впрочем, между собой они ладили и дружили с детства, задолго до того, как отец Скотта и мать Майка и Лиамы поженились. Если бы не стычки время от времени Майка с отчимом, так и не смирившегося с гибелью родного отца и не желавшего признавать за Патриком негласный авторитет, семью Худ-Бэк можно было бы назвать образцовой.

— Но ты всё равно постарайся, — на полном серьёзе просит Эми, накрывая свободной рукой мою ладонь. — Мишель — не плохая. Ей тоже не сладко пришлось.

— Я знаю. Просто... мне было бы легче это признавать, если бы она не выскочила замуж за Майка.

— Ну выскочила, — в её голосе слышится искреннее недоумение. — Что это меняет? — простодушно пожимает плечами сестра. — Ты же сама его бросила.

— О, да! Броси... — предательский комок в горле снова напоминает о себе. — В этом и дело.

Эми несколько секунд пытливо разглядывает меня.

— Ну-ка, рассказывай, — требует она. — В чём дело? Что с тобой происходит?

— Ты о чём? — пытаюсь невозмутимо улыбнуться, чтобы хоть как-то избежать расспросов. Если сейчас заговорю, меня будет не остановить. Вывалю на Эми всё, что наболело: про Стива, про свои подозрения, про настоящую причину расставания, про бесполезные попытки забыть и отдалиться, про липовые отношения с Риджем, всё то вранье, что я годами возводила, как крепостную стену, вокруг собственной жизни. Вряд ли счастливой невесте нужны такие откровения накануне свадьбы. — Мне нечего рассказывать.

— Ну да, — недоверчиво кривится Эми. — Заметно. Можешь начать с конца. О чём вы говорили с Майком, что он вылетел отсюда как ошпаренный, а ты швырялась бутылками в стены?

— Мы... — Необходимо что-то придумать, но, как назло, в голову не приходит ничего, что бы хоть отдалённо смахивало на правду. Я растерянно моргаю, встречаясь с сестрой взглядом, и вдруг, неожиданно для себя, начинаю рассказывать. Сбивчиво, путано, но искренне, уже не стараясь утаить детали, как-то сгладить углы, смягчить: — Помнишь, когда на Стива напали, его нашёл Лиам? Недалеко от их дома, на пустыре. Он заметил брошенную машину и решил проверить, а потом вызвал скорую и полицию.

— Конечно помню. И?..

— Лиам пытался дозвониться до Майка, но тот не отвечал. Тогда Лиам позвонил мне. Я возвращалась с Эдмонта, поэтому приехала в больницу раньше всех. Туда как раз привезли Стива, — перевожу дыхание, машинально отмечая, как меняется в лице Эми. — Перед тем, как его забрали в операционную, я успела спросить Стива, кто... это сделал... с ним.

— Он тебе ответил?

— Я не уверена, что это был... ответ. Сейчас не уверена. Но тогда считала иначе.

— Он ответил?

— Да. В этом всё дело. Стив назвал Майка. А потом добавил всего одно слово — осторожно.

— Что? — бледнеет Эми. — Стив что, обвинил в нападении Майка?

— Нет. — Сейчас я в этом уверена. — Понимаешь. Его ответ не звучал как обвинение. Стив не сказал что-то вроде: это сделал Майк, берегись. Мне вообще теперь кажется, что он хотел о чём-то предупредить меня. Или Майка. Может, считал, что ему тоже грозит опасность. Или... не знаю, — замолкаю, осознавая, что пытаюсь обелить Майка. И себя заодно. — Потом Стива увезли в операционную и...

— И ты всё это время молчала? — По тону сестры невозможно определить, сердится ли она или шокирована рассказом.

— Да, — я смотрю на свои пальцы. — Сначала собиралась поговорить с Майком, но время шло, я всё больше сомневалась. Не могла поверить, что он способен. Боялась убедиться. — Бросаю виноватый взгляд на сестру. — Это же Майк и... Мне не хватило духу. Я надеялась, что полиция выйдет на убийцу и всё само собой решится, но ничего не происходило. Расследование зашло в тупик. Они даже нож не нашли и...

— Почему ты ничего не рассказала мне?! — с укором спрашивает Эми. — Вместе мы... не знаю... — её голос дрожит, в глазах блестят слёзы.

— Ты вернулась в Эдмонтон, а я до последнего надеялась, что как-то разрешится, что... Не хотела тебя пугать. И втягивать во всё это. Майк казался таким искренним. Я видела, что он переживает, что ему тяжело, и хотела верить, что не обманывает. Однажды спросила, где он был, когда на Стива напали, почему не отвечал на телефон. Я ведь тоже ему звонила, не только Лиам. А он... он сказал, что спал и не слышал. Мне показалось, что врёт. То ли скрывает что-то, то ли... не знаю. Что-то в его голосе. С той минуты всё пошло наперекосяк. В каждом слове, жесте, разговоре я пыталась заметить фальшь. Убеждала себя, что так нельзя, и снова сомневалась. А позже случайно у них дома услышала, как Патрик жаловался Ирэн, что не может найти какой-то разделочный нож. Мол, тот всегда лежал в ящике на кухне, а потом исчез, — я, стараясь подавить рыдание, задерживаю дыхание.

Тогда в один миг всё перевернулось. Каждая фраза Майка воспринималась двояко. Я постоянно анализировала, пытаюсь разобраться, где правда, где ложь. Изводила себя, желая верить и понимая, что не выходит. Накручивала, вздрагивала от прикосновений, избегала оставаться наедине, почти не целовала и одновременно отчаянно хотела верить в невиновность Майка. Убеждала себя, что стала параноиком, обещала каждый вечер начать новый день с вопроса и раз за разом откладывала. А потом сломалась. И сбежала.

— В конце концов, я поняла, что свихнусь, если останусь. Что если спрошу, всё равно не поверю и продолжу сомневаться. Что никогда не прощу себе, если кому-то расскажу, а потом выяснится, что Майк невиновен. У него ведь даже алиби не было на тот вечер. Он ждал меня и...

Эми вытирает мокрое от слёз лицо:

— А сегодня, насколько я понимаю, ты наконец-то решилась поинтересоваться. Что же Майк ответил?

— Что он догадывался, почему мы расстались. Не сразу. Позже. После Оквилла. Что моё молчание — предательство. Что он не способен притворяться и врать. Что я должна была рассказать ему, родителям и полиции сразу же, ничего не скрывать.

— Он прав, — сестра сердито смотрит на меня. — Знаешь, что я сделала бы на его месте? Вот это, — она замахивается и бьёт меня наотмашь. Не сильно, но ощутимо. Многострадальная щека вспыхивает острой, жгучей болью.

— Заслужила. — Не опускаю глаз, выдерживая гневный взгляд сестры.

— Заслужила. Ты хоть понимаешь, что ты натворила?

— Понимаю. Теперь понимаю. Если это имеет какое-то значение, то чувствую я себя препаршиво.

— Нет, не понимаешь! — Эми вскакивает, принимаясь метаться по комнате: — Ты же с ума всех свела! Заставила нас играть в дурацкую молчанку, шарахалась от Риверстоуна, как будто тут все прокажённые. Я извелась, придумывая, как вынудить тебя приехать на свою свадьбу! Боялась, что откажешься! Что... А ты! Это же!..

— Не кричи. Разбудишь Риджа. Он ничего не знает и не обязательно ставить его в известность, — прошу я.

— Ты! — Эми сердито всплёскивает руками, бросает на меня испепеляющий взгляд. Но всё же продолжает гораздо тише: — Ты вообще себя слышишь? Ему-то зачем врать? Вы встречаетесь. Рано или поздно придётся рассказать.

— Ты ошибаешься, — с нажимом, многозначительно перебиваю я. — Мы — просто друзья. Соседи. Я не хотела ехать одна и уговорила его притвориться женихом.

— Ты... вообще! Ты соображаешь, что творишь, Стэйс?!

Понимаю, что бессмысленно оправдываться, поэтому виновато молчу.

— Ты ж завралась, как... Испортила жизнь себе, Майку, Мишель, так ещё и своего соседа втянула!

Ругаться шёпотом не получается. Мне уже всё равно, проснётся ли от наших криков Ридж и что подумает.

— Ну допустим, Мишель я ничего не портила! — Моментально вспоминаю про видеозапись. — Это я по уши в дерьме и страданиях. А она — жена Майка и вся в шоколаде!

— В каком ещё шоколаде?! — Эми замирает посреди комнаты. Возмущённо закатывает глаза: — Ты что, правда думаешь, что они счастливы? Что у них брак по любви? Что после всего, что между вами было, Майк взял и влюбился в твою подругу?

— Влюбился или нет, не знаю. А вот представить их интимную жизнь в картинках могу легко! Спасибо твоей драгоценной подруге, она позаботилась и об этом.

— Что ты несёшь, Стэйс?!

Гаже, чем сейчас, вряд ли возможно. Сестра имеет право злиться, кричать, обвинять, врезать мне по физиономии ещё раз. Даже выгнать меня из дома и возненавидеть, никогда больше не видеть и не разговаривать. Вычеркнуть из своей жизни навсегда. Так же, как остальные: Майк, родители, Дэниз. Но обвинять в страданиях бывшей подруги — это удар в спину. Мишель я лично ничего плохого не сделала! Всего лишь освободила дорогу к желанному телу Майка.

— Сегодня в баре посыльный принёс мне телефон с запиской. Там — видеозапись, как

Мишель переспала с Майком. Моему счастью не было предела, Эми! Поэтому я ушла с девичника.

— Что?! — Её лицо вытягивается от изумления.

— То, что слышала. Мишель так кстати появилась на улице. Насмехалась, обвиняла в какой-то ерунде. Заявила, что Майк меня до сих пор любит, а я, видите ли, не заслужила. Что я отняла у неё Стива, что считала его своей собственностью, что я — эгоистка. Центр Вселенной. Конечно, я взбесилась.

— А... — Сестра мрачнеет. Снова садится на постель, нервно сцепив руки в замок на коленях. — С чего ты взяла, что видео прислала Мишель?

— Ну а кто ещё, Эми?! — передёргиваю плечами. — На видео только они. Вдвоём. У него дома. Значит снимал кто-то из них, а Майк бы ни за что не стал.

— То есть теперь ты ему веришь? — с иронией замечает Эми.

— Теперь верю. И да, я — идиотка. Знаю.

— Ладно, — после тягостной паузы нарушает молчание Эми. — Я тоже ему верю. Майк бы не стал снимать такое видео и присылать тебе. Тем более убивать Стива. Кое в чём Мишель точно права.

— Неужели? И в чём же?

— После всего, что ты тут рассказала, ты абсолютно не заслуживаешь, но Майк до сих пор тебя любит. Ты его, кстати, тоже.

— Да не важно это теперь, — вздыхаю я. — Вся наша любовь. Он — женат, я возвращаюсь в Торонто. А после моих откровений сегодня он даже смотреть на меня не захочет, не то, что разговаривать. Начнёт плевать только от одного упоминания моего имени.

— Майку понадобится время, чтобы переварить и успокоиться. И тебе. Мне — тоже. И знаешь... Сейчас я даже не понимаю, что сильнее: злюсь на тебя или жалею.

— Ты имеешь полное право злиться. Жалеть не обязательно. Я знаю, что виновата, Эми.

— И всё же. Придётся с этим как-то жить, — она грустно улыбается. — Правда, теперь я сомневаюсь, кто из вас с Дэниз дурнее, но люблю обеих.

Я осторожно, опасаясь реакции Эми, дотрагиваюсь до её руки.

— Думаешь, ты сможешь меня простить?

Она сплетает наши пальцы.

— Конечно. Ты же моя сестра. Главное, чтобы ты сама себя простила.

— Это вряд ли. На Майка я тоже не рассчитываю. Так что придётся довольствоваться вашим прощением.

— В смысле, нашим? — Эми хмурится. — Ты собираешься всё рассказать родителям?

— Наверное, стоит, — неуверенно отвечаю я. — Раз уж.

— Не вздумай!

— Неожиданный совет от борца за справедливость и честность, — невольно ухмыляюсь я. — Предлагаешь промолчать и врать им дальше?

— Нет. Предлагаю не портить мою свадьбу, — Эми снисходительно улыбается. — Я и так начинаю жалеть, что позвала тебя. По-моему, идея держаться подальше от Риверстоуна — не самая плохая. Шучу конечно. Но насчёт откровений — вполне серьёзно. После стольких лет пара дней ничего не изменит.

21 июня 2015 года, Риверстоун, Альберта.

...Мы устроились вокруг низкого стеклянного круглого столика в гостиной, прямо на полу, набросав на ковёр мягкие диванные подушки. Вечеринка давно закончилась, последние гости разошлись, даже Стив и Логан ушли, уведя с собой изрядно набравшуюся Мишель. Ирэн с Патриком вместе с мальчиками ещё рано утром уехали на побережье и вернутся только послезавтра. Огромный дом в нашем распоряжении на весь уикенд, причин стесняться и сдерживать желания больше не было.

Я, любуясь, наблюдала, как Майк настраивает гитару, как уверенно берёт первые аккорды, как прислушивается к мелодичному звучанию струн, потревоженных умелыми тонкими пальцами. Выпитый алкоголь явно действовал на него благотворно. Из глаз исчезло смущение, взгляд подобрел, стал мягче, нежнее. Движения, жесты — такими плавными.

— Я люблю эту. Леонарда Коэна, — он выпрямился, поудобнее перехватил гриф, чуть наклонился вперёд. Я не раз слышала, как он поёт, но сейчас голос казался ещё более тягучим, завораживающим и возбуждающим одновременно: — «Если тебе нужен возлюбленный — я сделаю для тебя всё. А если тебе нужна любовь иного сорта — я приму для тебя другое обличье. Если тебе нужен спутник — возьми меня за руку, а если ты в гневе хочешь хорошенько врезать мне — вот он я! Я — твой мужчина»

Я тонула в его красивых глазах. Обычно светло-серые, в полумраке они казались темнее — почти синими, как вода Джорджиан-Бей, и будто гипнотизировали. Хотелось сидеть так вечно, совсем рядом, сходя с ума от волнительной близости, прикасаться друг к другу, слушать, как Майк поёт, таять под его влюблённым взглядом.

Когда он замолчал, я шепнула, облизывая пересохшие губы:

— Мне очень нравится твой голос.

— Я тебя люблю, Стэйс Трупер, — перебил он. Осторожно отложил гитару в сторону.

Наверное, целую минуту, если не больше, мы молча пожирали друг друга глазами.

— Я тоже... люблю тебя, Майк Бэк. Я... хочу... — я потянулась навстречу его губам.

Он ответил на поцелуй, нежно, но с ощутимой силой притянул к себе. Через мгновение подхватил меня на руки, понёс из гостиной вверх в спальню, но в коридоре остановился, опустил на пол. Прижал к стене, продолжая целовать в губы, в шею, скользнул выше, к уху. Шепнул, слегка прикусывая мочку:

— Наша последняя возможность не наделать глупостей, — Майк отстранился, чтобы видеть мои глаза. — Или продолжим?

Я обвила его шею руками:

— По-моему, самой большой глупостью будет остановиться. Я хочу тебя. Хочу сделать это с тобой. Сейчас.

— Тогда иди сюда, — Майк властно обхватил пальцами мой затылок. Снова поцеловал.

Какие-то несчастные несколько шагов до его комнаты показались бесконечными. Он опустил меня на кровать, торопливо стянул с себя толстовку, следом на пол полетела моя водолазка и джинсы.

— Я никогда ещё, — прерывисто дыша, прошептал Майк.

— Я тоже, — смущённо улынулась я, приподнимаясь на локтях. Страх, о котором рассказывала Мишель, не было. Лишь сводящее с ума желание, когда каждой клеточкой

хотелось отдаваться ласкам, растворяясь в водовороте чувств и новых, неиспытанных ещё ощущений. Я не боялась, всецело доверяя Майку. То, что мы оба чувствовали сейчас, не могло причинить мне боль.

За окном продолжал падать снег. Рваные белые хлопья кружились, плавно опускаясь в тусклом свете уличного фонаря. Вдалеке на фоне ночного неба мерцали огни засыпавшего города. Обычный поздний зимний вечер, ставший вдруг необыкновенным, особенным, принадлежавшим только нам, и который мы вряд ли забудем...

Вздрагиваю, почувствовав холодное, отрезвляющее прикосновение гладкого стекла к горячему лбу. Аккуратно сползаю с подоконника, выпрямляя затёкшие ноги, лениво потягиваюсь.

Несмотря на раннее утро за окном вовсю сияет ослепительное солнце, как будто природа решила внести посильную лепту в сегодняшнее торжество. На лазурном небе — ни единой тучки, зелёные клёны вдоль дороги неподвижно замерли в безветрии. Милый, уютный, безмятежный Риверстоун просыпается. Такой родной и вместе с тем — чужой, незнакомый мир, где мне — не место. Теперь уже не место. Без Стива и Майка я здесь лишняя.

Вчерашний день, как ни странно, прошёл быстро, спокойно, без происшествий и очередных разборов полётов. Учítывая, когда и в каком состоянии все разошлись по кроватям, неудивительно, что первой, кто «проснулся», стала Дэниз. Она же и подняла всех на ноги. Я, глядя на младшую сестру, которая с аппетитом изглодавшей за долгую зиму волчицы уплетала традиционные по субботам панкейки, невольно завидовала неиссякаемой энергии, когда после бессонной ночи в компании Логана Дэни как ни в чём ни бывало порхала невесомой, красивой бабочкой по дому. Остальные, включая меня саму, даже к полудню напоминали оживших мертвецов.

Остаток дня «съелся» в последних приготовлениях к свадьбе: примерка платьев, проверка заказов и кейтеринга для традиционного фуршета после венчания, торжественный обед в кругу родственников в кантри-клубе, плавно перетёкший в ужин. Хуже всех пришлось Риджу, мучившемуся от непроходящего похмелья. Таблетки помогли снять головную боль и тошноту, но за весь день друг почти не притронулся к еде, хлебая кофе и минералку чуть ли не вёдрами. Впрочем, в его состоянии я обнаружила определённые плюсы — он не донимал расспросами, не тащил на прогулки по окрестностям, тем более верхом, не сыпал остротами и шутками. Вообще, мало чем напоминал брызжущего энтузиазмом и идеями обычного себя. А семейство, за исключением сестёр, благополучно сочло такое поведение за природную скромность, что только добавило Риджу плюсов в глазах многочисленной родни. Кое-кто из тётушек даже умудрился прозрачно намекнуть, что, мол, как хорошо, что следующая свадьба в нашей семье состоится в Торонто.

Я не переубеждала, не объясняла, не комментировала, старательно пряча мысли за любезной улыбкой и позволяя каждому думать то, что ему хотелось. Мне вообще каким-то чудом удалось сохранить тот настрой, с каким я заснула после долгого разговора с Эми. Обречённое равнодушие, наверное, самое точное определение. Два дня, которые надо просто пережить. Без размышлений, без кардинальных решений, без форсирования событий плыть по течению и беречь силы, чтобы добраться до берега.

Всё, что случилось — случилось. Потом, позже, у меня будет время на остальное — мысли, чувства, эмоции, сожаления, решения и даже поступки. Потом, позже, я обязательно приеду в Риверстоун снова, но уже одна, без Риджа. Расскажу родителям, признаюсь Логану,

извинюсь перед Мишель. Может быть, даже поговорю с Майком. Кто знает. Вдруг он захочет меня слушать.

Сегодня самое главное — свадьба Эми. Сегодня — сауна, массаж, визажист, гости, торжественный проход, церемония бракосочетания, фуршет, танцы. Сегодня я снова увижу всех — Майка, Мишель, Ирэн, буду стоять совсем рядом. Сегодня впервые за семь лет встречусь с Лиамом и даже прошествую с ним под ручку по усыпанной лепестками алых роз дорожке к алтарю следом за женихом и невестой. Сегодня я надену счастливую маску и, играя, сосредоточусь исключительно на своей роли. Без чувств, эмоций и драм. Сегодня надо пережить, а завтра я уеду.

«Торжественный зал» под открытым небом утопает в зелени. Импровизированный потолок из веток цветущей плакучей ивы и висячих гирлянд белой глицинии создаёт ощущение сотканного из белоснежных цветков шатра. Проход между деревянными скамейками для гостей украшен мохнатыми лапками папоротника и гиацинтами, бетонная дорожка задрапирована в белый шёлк и усыпана лепестками красных роз. Декораторы постарались на славу — Сад невест изнутри выглядит потрясающе. Мелькает мысль, что мама, как всегда, оказалась права — вот она, настоящая сказка для невесты. Моя свадьба могла быть такой же красивой, если бы...

— Нравится? — Мама подходит ко мне, жестом отпуская шофёра.

— Очень романтично, — искренне подтверждаю я. — Настоящее чудо!

Мы вдвоём приехали самыми первыми, даже раньше семьи жениха, которая по традиции должна встречать гостей на входе. Но мама никогда особо не церемонилась, а став мэром Риверстоуна, позволяла себе вносить определённые коррективы в устоявшийся порядок. Например, за организацию свадьбы она взяла у Патрика только половину суммы, покрывающей расходы, остальное с отцом оплатила сама и не просто активно вмешивалась, но практически руководила всем процессом от и до. Единственное, что с лёгкостью отдала в руки Ирэн, так это организацию фуршета и праздника для горожан в парке, справедливо решив, что той, как хозяйке бара-ресторана, это удастся «на ура», а её саму избавит от утомительных и «вредных для фигуры» проб. Собственно, поэтому мы и оказались здесь сейчас: чтобы убедиться лично, что всё идеально и готово для свадьбы.

Скотт с Патриком и всеми Бэками разом ожидают с минуты на минуту. Дэниз и Ридж остались, чтобы помочь отцу и Эми, и должны появиться практически перед венчанием. Я бы с удовольствием поменялась с младшей сестрой местами, чтобы торчать дома до самой церемонии, но мама решила иначе, и я без споров подчинилась, раз уж заочно согласилась играть свою роль.

— Приветствую вас в столь знаменательный день, — слышится за спиной зычный, низкий, важный голос Патрика Худа. Мы с мамой, как по команде, оборачиваемся. — Вау, — уже не молодой, но по-прежнему в прекрасной форме, хотя на голове почти не осталось волос, отец Скотта восхищённо цокает языком, разглядывая наши наряды. — Айлин, ты великолепна! Настоящая королева. Молодеешь с каждым днём. Если бы не знал Стэйси с рождения, подумал, что вы — сёстры, — продолжает разливаться соловьём он. — Стэйси, ну а ты бесспорно — красавица. Как всегда. Рад снова видеть тебя.

Жаль, я не могу ответить тем же. Конкретно ему — абсолютно точно не могу. Я наклоняю голову, пряча под псевдоулыбкой молчаливого смущения ехидную усмешку. Поразительно, прошло столько лет, а я всё так же на дух не выношу Патрика, каждое его

слово вызывает во мне подсознательное желание искать подвох и огрызаться, хотя видимых причин нет и не было. Он всегда относился ко мне с искренней, по крайней мере на первый взгляд, симпатией.

Являясь мировым судьёй свыше двадцати пяти лет, Патрик давно снискал уважение в городе и окрестностях Риверстоуна. Особенно после того, как женился на вдове шерифа с двумя маленькими детьми, сам будучи отцом-одиночкой. Однако необъяснимая неприязнь, которой я заразилась от Майка ещё в детстве, с годами так и не утихла. Впрочем, на Скотта она не распространялась. И, слава богу, сын Патрика и жених Эми в одном флаконе подходит к нам вовремя. Как раз когда его отец выдаёт довольно двусмысленную фразу:

— Наконец-то я дождался до того дня, когда наши семьи всё же породнятся.

— Не обращай внимания, — шепчет мне на ухо Скотт, заключая в объятия. — Папа сам не знает, что несёт. Нервничает из-за мамы. Она ведь тоже придет на мою свадьбу. — Громче, обращаясь к будущей теще, он добавляет: — Айлин, отец прав. Вы — королева. Говорят, надо посмотреть на мать, чтобы узнать, как будет выглядеть невеста в будущем. По моему, я не прогадал, — отпускает свою порцию лести жених. Впрочем, у него это получается естественно и не заставляет невольно в ухмылке вскидывать бровь. К тому же Скотт не врёт — мама на самом деле шикарно смотрится с собранными на затылке в причудливую причёску светлыми волосами и кремовом облегающем длинном платье с открытыми плечами, перетянутом на груди и вокруг талии кружевными лентами на тон темнее с вшитыми в них стразами. — Ничего, если я украду старшую дочь, пока средняя не приехала? — Не дожидаясь разрешения, Скотт подхватывает меня под руку и ведёт обратно к воротам в Сад.

— Поздравляю, — запоздало спохватываюсь я. — Из тебя получился красавец-жених. Загляденье просто! Светлый фрак тебе очень к лицу.

— Ты тоже ничего, — задорно улыбаясь, произносит он.

— О, да, — хмыкаю я. Останавливаюсь у каменных ступенек, ведущих вниз к дороге. По собственной воле ни за что бы не надела шёлковое золотистое облегающее платье в пол с полностью оголённой спиной, но одинаковые наряды подружкам невесты выбирала Мишель и, конечно же, думала только о себе. — Мы с Дэниз выглядим как инкубаторские куры. Только она моложе, ей проще. А я — старая, дряхлая, бледная курица.

— Зато с Мишель вы как близнецы. Даже причёски такие же.

— Не уверена, что это комплимент.

От слов Скотта хочется сразу же распустить волосы, тем самым разрушив сложную конструкцию из подколотых локонов на затылке, на которую парикмахер угробил часа два. Плевать! Лишь бы не быть похожей на Мишель. Некстати вспоминаю, как в детстве, немало не заботясь о чувствах родителей подруги, её в городе называли в шутку (или на что-то намекая) «Потерянной Трупер». Правда, тогда нам обоим это нравилось, и мы даже старались носить похожую одежду и копировали друг дружку. К старшим классам это прошло само собой — Мишель предпочитала рядиться в мини-юбки и открытые блузки, я же таскала джинсы и однотонные футболки под свитер. Тогда же я неожиданно вытянулась за лето и оказалась вдруг самой высокой девушкой на потоке, почти одного роста с Майком и Логаном, и выше подруги аж на целых пять сантиметров, которые Мишель довольно искусно «сравнила» каблуками.

И сколько бы я ни разглядывала фотографии, никогда не замечала явного внешнего сходства между нами, но в городе Мишель упрямо продолжали звать «Потерянной Трупер».

А когда после похорон родителей Логана подруга начала встречаться со Стивом, наша фамилия прилипла к ней намертво. Никто и не сомневался, что однажды эти двое поженятся, только обернулось всё иначе. Была Трупер, стала Бэк.

Нет. Я не буду думать об этом сейчас. И заводиться тоже не буду.

Беззаботно улыбаюсь Скотту, меняя тему:

— Значит, твоя мама решила приехать на свадьбу единственного сына?

Кажется, в последний раз я видела Шэрон на его Первом Причастии.

— О, да, — копируя мой тон, смеётся Скотт. — Потоптались по твоей большой мозоли, прыгаем на мою.

— Прости, я не специально, — смущаюсь я.

— Ладно, заслужил. И вообще, должен был ещё вчера к вам заехать с визитом вежливости. Но не смог. Реально не смог. Провалился в постели с головной болью. Не знаю, чем напоил нас Логан, но похмелье было ужасным.

— Ридж тоже мучился весь день. Правда, ему не повезло валяться в кроватке.

— Он мне понравился. Юморной такой, весёлый, с ним легко, — Скотт вальяжно поправляет полы фрака. — Так вот, о чём мы говорили? А, да. Пойми, я не мог её не пригласить. В конце концов мы ведь одна семья. Пусть немного «с приветом».

— Ты сейчас о ком? О маме или Мишель?

— Вообще-то, я говорил про мать, но, — он заразительно хохочет. — Ты права, подходит к обеим. А уж про семью «с приветом» — в десятку! Учитывая всё. — Скотт с хохотом проводит в воздухе рукой.

— О, да! У девочек Трупер явно слабость к сыновьям Ирэн. Даже у «Потерянной».

— Тогда я — исключение? Или у Эми генетический сбой? — продолжает веселиться Скотт.

— При всём уважении к Шэрон, — я бросаю на него выразительный взгляд, — но ты тоже сын Ирэн, хоть и не родной. Вырастила тебя она. Так что почти Бэк. И тебя я тоже люблю.

— Тоже? — лукаво вздёргивает правую бровь Скотт.

— Я... Ты... — смущённо замолкаю и отвожу взгляд.

— Кстати, об этом, — из его голоса исчезают весёлые нотки. — Ко мне вчера приходил Майк. Он всё рассказал.

— Что всё? — замираю я.

— Про последние слова Стива и почему ты уехала.

— Зачем? — я встречаюсь со Скоттом взглядом. — В смысле, что он хотел.

— Узнать, с медицинской точки зрения, мог ли твой брат в том состоянии, — он грустно вздыхает. — Мог ли Стив быть адекватен настолько, чтобы правильно воспринимать и анализировать реальность.

— Что? Зачем? Ничего не понимаю.

Судорожно выдыхаю. Уже знакомый страх липким холодом проникает внутрь.

— Вчера Майк опять расспрашивал брата, не упустил ли он что-нибудь в тот вечер, когда нашёл Стива. Но Лиам клянётся, что тот был без сознания, — тихо объясняет Скотт. — По твоим словам выходит, что Стив тебя узнал и даже смог произнести несколько фраз. Видимо, ему вкололи обезболивающее и привели в чувство по дороге в больницу. Но насколько ясным было сознание Стива в тот момент, неизвестно. Под воздействием лекарств или от болевого шока он легко мог путать имена, события, даже время. Я так и

ответил Майку. Ещё предложил поговорить с отцом, — он разводит руками. — Такие дела, правда, не в его компетенции, но может дать совет.

— И он поговорил?! — нервно озираюсь в ту сторону, где несколько минут назад я оставила мать в обществе Патрика. Внутри всё цепенеет от одной только мысли, что будет, если.

— Честно, не знаю.

— Чёрт! Мама не в курсе. Вообще не в курсе. Если Майк... Если твой отец что-то ей скажет. Ты понимаешь, что будет?! А Эми просила подождать, — чуть не плача, бормочу я. — Чтобы я не испортила вашу свадьбу. А теперь... Из-за меня...

— С ума сошла? — Скотт заботливо притягивает меня к себе, обнимает за плечи, позволяя уткнуться лбом во вкусно пахнущую мужским одеколоном шею. Шепчет, как будто утешает маленького ребёнка, проговаривая вслух очевидные, но понятные только взрослым вещи. — Майк — не идиот, он не стал бы рассказывать такое даже своей матери, не то что моему отцу. Он поделился со мной. Ещё сказал брату. Потому что я — врач, а Лиам — полицейский, мы можем помочь. И ты права, мы — братья. Мы — одна семья. Кому ещё доверять, если не семье? Ты ведь тоже рассказала Эми, жаль, что только сейчас, но это не важно, — Скотт крепче прижимает меня к своей груди. — Стэйс, милая. Майк никогда не навредит тебе. И мне. С Эми тоже всё будет в порядке, вот увидишь. Ты ничего не испортила.

— Ещё как испортила, — я борюсь с подступившим к горлу комком, изо всех сил стараясь не расплакаться. — И сейчас, и раньше... когда... Майк никогда меня не простит. Он...

— Он уже простил, — Скотт тянет меня за плечи назад, вынуждая отстраниться и встретиться с ним взглядом. — Ну же, ты что? Он же тебя обожает, глупышка.

Я упрямо мотаю головой:

— Он не может меня обожать. Он должен меня ненавидеть. Вы все... Ведь я... столько всего... Нельзя после такого.

— Можно. Ты же его любишь? Любишь. До сих пор. И это ведь Майк. Разве он перестал восхищаться волками, хотя они убили его отца и чуть не оставили без брата? Ну-ка, соберись! — Скотт ободряюще улыбается мне и щёлкает по носу. — Нельзя раскисать. Сегодня же моя свадьба! А ну, быстро улыбайся! — он шутливо грозит пальцем. — Не хватало, чтобы пришли гости, а мы тут стоим, рыдаем в обнимку. Представляешь, что наплетут твоей сестре? — смеётся он. — А нам с ней ещё клятвы произносить.

— Точно, — я невольно улыбаюсь. — Просто не ожидала, что Майк... расскажет...

— Он хочет возобновить дело об убийстве твоего брата. Но ты же знаешь, так просто это не сделать. Нужны веские основания. С точки зрения старого шерифа оно отправлено в архив и закрыто за неимением улик. Новому нужны причины.

— Ага, — мрачно хмыкаю я. — Убийцу до сих пор не нашли, орудие убийства — тоже, мотив больше смахивает на отмазку, зато дело отправили пылиться на полку. При том, что мать убитого — мэр города.

— Знаешь, — Скотт оглядывается по сторонам, мельком взглянув на часы. — Поговорим об этом потом. В более подходящем месте. Хорошо? Сейчас все начнут собираться.

Словно в подтверждение его слов снизу со стороны дороги доносятся приближающиеся голоса. Через мгновение из-за разросшегося куста черёмухи выходит Ирэн в сопровождении

сыновей и Логана. Замыкают шествие Мишель с родителями. Подруга — моя точная копия. Только босоножки отличаются — сантиметров на пять выше и все из тоненьких позолоченных ремешков.

Её родители, хотя и не являются официальной свитой жениха и невесты, тоже разделились. Миниатюрная Клэр в открытом длинном платье малахитового цвета и, как и дочь, на высоченной шпильке. Коренастый Грегори — в темно-зелёном костюме-тройке, в таком же, под цвет платья супруги, галстуке. Наряд Ирэн, по традиции, выдержан в том же стиле, что и у матери невесты. Такое же длинное облегающее кремовое платье, но на бретельках и с кружевной лентой в стразах на талии, без дополнительной полоски на груди. Логан, Лиам и Майк выглядят точь-в-точь как Скотт — в светло-серых фраках, лишь на тон темнее, чем у жениха, в белых рубашках, черных галстуках и ботинках. Но без маленького букетика на груди, как у жениха. Лиам заметно возмужал и из всех, пожалуй, единственный, кто сильно изменился. Даже взгляд более взрослый, осмысленный.

Моё первое осознанное желание — исчезнуть. Удрать, спрятаться, сделать вид, что я не заметила, развернуться и уйти, оставляя Скотта с его семьёй встречать остальных гостей. Но он то ли догадывается, то ли чувствует это. Изящно подхватывает меня под руку, отрезая все пути к бегству.

А сзади доносятся голоса матери и Патрика. И впервые за этот день я радуюсь, что отец попросил Риджа остаться дома, чтобы сопровождать их с сёстрами.

Рядом со Скоттом я чувствую себя уверенней, будто бы на своём месте. Не лишняя, не чужая, пусть в этом ощущении не прослеживается вообще никакой логики. Зато под ручку с Риджем мне бы хотелось провалиться сквозь землю. Возможно, с ним вместе.

Когда Патрик с мамой подходят к нам, Ирэн как раз успевает подняться по невысокой, всего в пять ступенек, каменной лестнице.

— Айлин, Скотти, Стэйси, — в знак приветствия она кивает с очаровательной улыбкой.

— Ирэн, чудесно выглядишь, — отзывается мама, направляясь к ней навстречу и целуя в обе щеки.

Пока они обмениваются любезностями, я невольно вспоминаю слова Дэни про отца и Ирэн. Интересно, мама в курсе их прошлых отношений? Кажется, она переехала в Риверстоун из Джаспера за два года до окончания школы. Или чуть позже. Но, видимо, успела «навести шороху», как сказал бы Логан, а в итоге даже закончить школу «Королевой бала». Так что, если на кого и пенять за нашу дурную наследственность.

Следом за Ирэн на площадку у входа в Сад поднимается Майк с братом и Логаном. Он почтительно кивает моей матери в знак приветствия, затем встречается со мной взглядом и неожиданно улыбается. Широко, ласково, как будто кроме нас вокруг ни души. И я моментально чувствую, как слабеет хватка Скотта. Ещё через мгновение он и вовсе отпускает мою руку.

— Привет, Стэйс, — Майк останавливается передо мной, обнимает, целуя в щеку. Шепчет, обжигая ухо горячим дыханием: — Ты потрясающе выглядишь, — и как ни в чём не бывало переключается на Скотта, уступая место младшему брату.

— Лиам, — я первой нарушаю молчание. Теперь, когда он всё знает, наверняка причин для его недовольства стало больше. Но Лиам, как ни странно, расплывается во вполне искренней, дружелюбной улыбке, становясь ещё больше похожим на брата и мать.

— Привет, — он, как и Майк, заключает меня в объятия и целует в щёку: — Ты прощена и помилована, — а затем отстраняется и с той же невозмутимой улыбкой добавляет

громче: — Рад тебя видеть, Стэйс. Добро пожаловать домой!

Я тут же оказываюсь в крепких и знакомых объятиях Логана.

— Любимая зараза! — шумно протягивает он. Продолжая удерживать, шепчет: — Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь. Я бы и сам рассказал, но Кнопка опередила, — и беззаботно смеётся, отпуская. Затем смотрит на Скотта и сжимает его в тиски. — Поздравляю, братишка! Рад за тебя!

Передо мной останавливается Мишель. Позади неё, как два ангела-хранителя, замирают её родители. На лицах — вежливые улыбки с примесью печали, как будто пришли не на свадьбу, а на чьи-то поминки.

— Мишель! — Я делаю шаг навстречу. Пусть мы уже давно не подруги, но Стив любил её. С ней брат чувствовал себя счастливым, собирался жениться, создать семью, иметь детей. И это единственно важно сейчас, за это надо цепляться и хранить в памяти. Все мы ошибались, никто не без греха. — Прости меня, — я осторожно, словно своим прикосновением могу причинить ей боль, обнимаю Мишель.

Она на секунду замирает и даже, кажется, перестаёт дышать. Потом судорожно выдыхает:

— Это ты меня прости, Стэйс.

— Что, сегодня без мордобоя, девочки? — вездесущий Логан стоит рядом. Обхватывает нас за талию. — Ну и отлично. Как в старые добрые времена.

И я расслабляюсь. Вокруг — семья и друзья, никто меня не ненавидит, не проклинает. Мне совершенно нечего опасаться — ведь у нас праздник — свадьба Эми и Скотта. И сейчас уж точно не до горестных мыслей: что было, что будет.

События мелькают, как в калейдоскопе. Минут двадцать мы все стоим у ворот, встречая прибывающих гостей. Потом там остаются только Скотт с Ирэн и мамой, а все остальные проходят внутрь к накрытым столам и общаются с приглашёнными уже там.

Ко мне постоянно кто-то подходит, о чём-то спрашивает или наоборот рассказывает, с кем-то знакомит или просит представить. То и дело встречаюсь издали взглядом с Майком, но не выдерживаю и отвожу глаза. Лишь отмечаю, что он и Мишель не ходят вместе парой, успеваю этому обрадоваться и тут же ругаю себя за такие мысли. Потом появляется Логан и сообщает, что невеста в пути. К этому моменту нервничают уже, кажется, все.

Скотт занимает место у алтаря в ожидании Эми. Гости с шумом постепенно рассаживаются по местам и затихают. Логан с Лиамом и Майком уходят на противоположную сторону дожидаться начала церемонии, а мы вдвоём с Мишель оказываемся в отведённой для подружек невесты каменной закрытой беседке, расположенной недалеко от входа в парк, где обычно прячутся от дождя влюблённые парочки. Мы с Майком бывали здесь не раз. Наверняка и Стив приводил сюда Мишель.

Мы с ней теперь абсолютно чужие, нам не о чём говорить. Кажется, любая тема чревата перерасти если не в ссору, то в новые взаимные упрёки или обиды.

— Наверное, я должна многое тебе объяснить, — нарушает молчание она.

— Переживу без твоих объяснений.

Мы сидим на белых пластиковых стульях, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди. Словно защищаемся друг от друга. Попросить прощение, чтобы завершить нашу последнюю ссору, оказалось гораздо легче, чем сохранить столь хрупкое, как первый лёд, перемирие. Только сейчас по-настоящему осознаю, насколько непреодолима образовавшаяся между нами за все эти годы пропасть. Теперь неважно, когда и с чего началось отчуждение. Лишь то, к чему мы обе пришли, имеет значение.

Пауза затягивается.

Мишель хмурится, покусывая верхнюю губу. Вздыхает. Отчаянно, обречённо.

— Знаешь, в чём наша проблема, Стэйс?

— Только одна? А ты стала оптимисткой.

— Мы никогда не говорили с тобой начистоту. С той самой аварии. Ты ведь помнишь вечеринку на моё семнадцатилетие?

Помню ли я?! Она что?.. Издевается? На языке крутится десяток язвительных ответов но я ограничиваюсь простым кивком.

— Знаешь, почему я хотела вас поссорить?

— Удиви меня.

— Я тогда очень тебе завидовала, Стэйс.

Сдержанно рвущееся наружу раздражение всё сложнее.

— Тоже мне новость! Тебе всегда нравился Майк и...

— Нет! Не в этом дело.

— Да ну? И в чём же, Мишель?

— Майк мне не нравился. Ну... В том смысле, чтобы что-нибудь с ним замутить. Мне всегда нравился Стив, ты же знаешь.

— Ага. Поэтому ты полезла с пьяными танцами и поцелуями к Майку. А теперь ты у нас почтенная миссис Бэ...

— На бумаге, Стэйс! Только на бумаге! — перебивает Мишель. — Но я сейчас не об этом. Можешь просто выслушать, не перебивая?

Мне не нужны её объяснения. Ни тогда, ни сейчас. Что это в итоге меняет? Ровным счётом ничего. Но я молчу, позволяя бывшей подруге выговориться.

— В то время я не влюблялась. Ты ведь помнишь? Я жила, как мотылёк, — она усмехается, взмахивает руками словно крыльями, — порхала с цветка на цветок в поисках вкусной пыльцы и удовольствий. И пока вы с Майком не начали встречаться, я даже не задумывалась о любви и отношениях. Было весело, меня всё устраивало. Пока ты не изменилась.

— Опять я виновата? Как мило.

— Ты стала другой, Стэйс. Как будто светилась изнутри. Майк тоже. Знаешь, вы были такие знакомые, родные и одновременно — совсем другие. Связанные в одно целое, где мне не осталось места. Я почувствовала себя ненужной, одинокой. И я испугалась. Не понимала, куда лезу и насколько всё бесполезно. Просто пыталась вернуть нас с тобой, нашу близость. Чтобы всё снова было как раньше.

— Офигеть! Поэтому ты повисла на Майке? Чтобы меня с ним поссорить?

— Да. Я хотела, чтобы ты увидела и... Ты ведь всегда была собственницей и параноиком, даже в детстве, — Мишель виновато улыбается. — Но я и представить не могла, чем всё кончится. Клянусь! Если бы я знала. Но я просто хотела, чтобы ты бросила Майка и вернулась ко мне. Глупо, знаю, — она тяжело вздыхает и опускает взгляд.

Глупо не то слово. Но ничего не меняет. И мне даже не жаль, что все эти годы я отказывалась об этом говорить. Предпочла оставить в прошлом, как советовал Логан и как просил Стив. Толку теперь от этих признаний?

— Джеки и Роберт разбились, твоя мать как с цепи сорвалась, Майк сходил с ума, Логан заболел. А ты избегала меня, — продолжает свою исповедь Мишель. — Это было тяжелее всего. Думаешь, я не понимала, что всё случилось по моей вине? Что Логан меня ненавидит, ведь это я убила его родителей. И чуть не убила тебя.

— Неправда. Он никогда такого не говорил. Он вообще никого никогда не обвинял.

— Не обвинял, но в душе. Он наверняка думал не раз, что всё могло сложиться иначе, если бы не я.

— Думал конечно. Мы все об этом думали. Но случилось, как случилось.

Если бы я осталась и выслушала Майка. Или хотя бы не выпрыгивала из машины. Если бы Майк остановился в другом месте или вообще никуда меня не повёз. Если бы не шёл дождь, если бы мы перенесли вечеринку, как собирались.

— Случилось из-за меня, Стэйс, — она смотрит мне прямо в глаза и кажется такой искренней. — Я притворялась, что мне плевать. Но на самом деле... Не знаю, что было бы со мной дальше, если бы не твой брат. Может, не так, как у вас с Майком, но у нас с ним тоже всё было по-настоящему.

— Стив очень любил тебя, — признаю я. — Знаешь, своей любовью он исцелил даже меня. Научил, как простить тебя и забыть тот вечер.

— Но ты не простила, — горько усмехается Мишель.

Пожимаю плечами. Это тоже теперь не имеет значения.

— Простила. Настолько, что хватало никогда об этом не думать и не вспоминать, пока

полгода назад не узнала, что ты собираешься замуж за Майка. А теперь ещё это видео.

— Могу представить. Я видела... ну, эту запись... на телефоне, — бывшая подруга мрачнеет. — Ты никогда мне не поверишь, но я всё равно скажу — это не я.

— Не ты? И кто же тогда? Твой двойник?

Мишель виновато опускает глаза.

— На видео я. Но не я прислала его тебе. И записала тоже не я.

— Значит Майк? — Мне трудно сдерживать сарказм: — Или вы заказали съёмку заранее? Сделали несколько дублей.

— Да нет же! Кстати, я рассказала ему о нашей ссоре. И про запись тоже, — мямлит она. — Но мы оба не представляем, кто мог. И зачем.

— Вы оба значит. Прекрасно.

Не могу не заводиться. Не получается. Чувствую, как в животе всё переворачивается, а глаза снова застилают ревность. Где черти носят сестёр?! От дома до Сада десять минут езды.

Вскакиваю, нервно жестикулирую.

— Слушай, давай лучше сменим тему. Поговорим о... не знаю... О гладиолусах твоей мамы. Она всё ещё их выращивает? Расскажи мне об этом. Я хочу слушать про гладиолусы Клэр!

— Стэйс, я понимаю, ты злишься. Но мы должны разобраться! Должны выговориться, — Мишель поднимается следом за мной. — Только так сможем попытаться наладить...

— Да ничего мы не наладим! Ничего не исправим, понимаешь?! Давай просто обо всём забудем, ладно?

— Почему, Стэйс?

— Потому! Потому что я не имею права вмешиваться в ваши отношения! Не имею права никого винить! Я не хочу быть судьёй! Не хочу думать о вашем ребёнке, не хочу вообще думать про вас, пойми ты.

— Ребёнок не Майка! — опять перебивает Мишель, останавливая мои крики. И, видимо, предвидя следующий вопрос, поясняет скороговоркой: — Он не знает об этом. Я не хочу, чтобы знал.

— Что?..

— Я только хотела, чтобы у моего сына был хороший отец. Поэтому переспала с ним, поэтому вынудила его жениться. Но это всё не важно уже. Я люблю другого, мы разводимся. А Майк любит тебя. Всегда любил. Вы ещё можете помириться. Начать с начала.

Я открываю и закрываю рот, не в силах выдавить ни звука. Никак не получается выразить словами то, что чувствую.

Снаружи доносятся голоса. Мы с Мишель оборачиваемся.

В беседку заглядывает ещё один наш клон на сегодняшний вечер.

— Папа с Эми ждут у машины, — тараторит младшая сестра. — Ридж предупредит Бре... Логана. Мы с ним выходим первыми. Потом ты, — она смотрит на Мишель: — С Майком. Следом ты, — Дэниз переводит взгляд на меня, — и Лиам.

Дэниз исчезает так же внезапно, как появилась.

— Мы не договорили, Стэйс. Возвращайся сюда после церемонии, — Мишель хватая меня за руку. Умоляюще смотрит в глаза. — Пожалуйста! Всё так запуталось, но мы ещё можем исправить. Нам просто нужно поговорить. Во всём разобраться раз и навсегда. Ради Стива.

Всю церемонию я не могу сосредоточиться. Как в бреду иду за руку с Лиамом вдоль прохода до алтаря. С какой-то отрешённой рассеянностью наблюдаю за Эми, приближавшейся к нам под руку с отцом. Сестра заметно волнуется, но и это тоже я отмечаю на автомате.

Пока жених с невестой произносят клятвы, я почти не слушаю, растерянно пробегаюсь по лицам сидящих гостей. Мысленно перебираю общих знакомых, в кого могла бы влюбиться Мишель. Насколько могу ей верить.

Убеждаю себя, что не стоит возвращаться в беседку. Признаю раз за разом, что не смогу не вернуться. Начинаю ругать бывшую подругу и тут же корю себя, что на самом деле радуюсь фальшивому браку Майка, где даже ребёнок — не его. И не сразу понимаю, что священник только что объявил Эми и Скотта мужем и женой.

— Где-то минут через двадцать, — шепчет мне Мишель. — Приходи сразу после того, как поздравят молодых и начнётся фуршет.

Киваю в ответ. Я всё ещё не уверена, что хочу знать подробности. Но и не знать, когда услышала такой синопсис, тоже не хочу.

Сначала время тянется бесконечно. Потом, за поздравлениями и разговорами, я отвлекаюсь и теряю счёт минутам. А когда вспоминаю, понимаю, что прошло уже больше получаса.

Оглядываюсь — подруги нигде не видно. Наверное, она терпеливо ждёт меня в беседке. И направляюсь туда.

Где-то за гранью сознания мгновения превращаются в секунды, становятся минутами, летят дальше, а я продолжаю стоять, не в силах даже переступить через порожек. Глаза на автомате впечатывают в память каждую мелочь: безвольно обмякшие вдоль туловища руки с длинными матово-розовыми ноготками; задранный подол платья; неглубокая ссадина на голени; сломанный каблук на одной из позолоченных босоножек; посеревшее неподвижное лицо; перекошенный от страха или боли рот. На груди с левой стороны торчит воткнутый по самую рукоятку охотничий нож.

И кровь. Много крови. Тоненькой струйкой она стекает по губам и щеке Мишель, сочится из грубых, рваных порезов на обнажённой спине, алым ореолом растекается вокруг головы и дальше вниз к поясице.

Мне нельзя ни к чему прикасаться. Да и вряд ли я могу спасти подругу, даже если она каким-то чудом ещё жива. С этой минуты Беседка влюблённых — место преступления. И единственное, что я должна теперь сделать — как можно быстрее вызвать скорую и полицию. Потом найти отца с мамой. И ещё родителей Мишель. Рассказать, что здесь произошло, в секунды разбить их мир вдребезги. Снова. Как уже было семь лет назад.

...Звякает больничный лифт. Металлические дверцы, подрагивая, разъезжаются в стороны. В ярко освещённом холле приёмного покоя пахнет лекарствами и ещё, едва ощутимо, сыростью.

Я, продолжая сжимать в руке сотовый, неуверенно делаю шаг вперёд и останавливаюсь. Моргаю, задерживая дыхание, и тут же судорожно выдыхаю — как мне кажется: шумно, со свистом. Успеваю подумать, что всё ещё не верю. Стив не мог. Только не он. В полиции наверняка напутали или...

За полукруглой регистрационной стойкой звонкой трелью взрывается телефон, и

служащая, милостивая пожилая блондинка, что-то тихо говорит в трубку. Хмурится, встречаясь со мной глазами.

— Мисс Трупер?

Прячу сотовый в карман плаща, киваю.

Сзади доносятся громкие голоса. Из соседнего лифта, наверное, служебного, в спешке выскакивают два санитара, помогают третьему вытолкнуть в коридор каталку. На ней, неуклюже свесив перепачканную в крови руку, лежит мой брат.

В отчаянии бросаюсь к нему.

— Стив!

— Мисс! Мисс! Вам туда нельзя! — слышу вслед, но даже не собираюсь останавливаться.

Распихиваю санитаров, подскочив к каталке.

— Стив... — прижимаю пальцы брата к своей груди. — Стив.

Землистые веки дрожат, всегда смеющиеся голубые глаза больше не улыбаются. Пересохшие окровавленные губы едва слышно шепчут:

— Стэйси.

Кто-то хватает меня за предплечье, намереваясь увести, но я только сильнее цепляюсь за ладонь брата.

— Кто это... с тобой сделал?.. — всхлипываю, замечая, как его лицо, похожее на восковую маску, искривляется от боли. Машинально наклоняюсь к нему, телом закрывая от стоящих рядом людей.

— Майк... Осторожно... — успеваю прочитать по губам, когда на помощь санитарам приходит охранник.

— Мисс, вашему брату необходима срочная операция, — он тянет меня в сторону, вынуждая отпустить руку Стива. — Пройдёмте, пожалуйста, со мной. Ваша мать скоро будет...

В ушах опять звучит монотонный голос врача. Как семь лет назад, он снова и снова повторяет страшные слова, смысл которых доходит до меня не сразу: Стив не выжил. Нападавший не оставил ему ни единого шанса на спасение. Уже чудо, что его довели до больницы — слишком большая потеря крови, задеты жизненно важные органы. Мой брат умер прямо на операционном столе.

А теперь Мишель.

Судорожно выдыхаю, ощущая, как ставший ледяным воздух дерёт мне горло, как проникает внутрь, впиваясь миллионом осколков. Потом оцепенение исчезает, выпускает меня из плена, выбрасывая яростной волной в безжалостную действительность. Медленно отступаю назад, собираясь выбежать из беседки, но в последнюю секунду замечаю, как дрогнули веки Мишель. В уши вонзается её обжигающий шёпот:

— Ты... пришла... хорошо... опоздала...

Бросаюсь к ней, падаю рядом на колени, нахожу пальцами её холодную руку, прижимаю к своей груди.

— Держись! Пожалуйста, только держись! Ты не можешь умереть, слышишь?!

Господи, ну почему она? Почему?! Да, я злилась, может, даже ненавидела Мишель, но никогда не желала ей смерти.

Взгляд выхватывает резную рукоятку ножа, и слова застревают в груди невысказанной болью, смешанной с ужасом. В голове тревожным эхом всплывает весёлый голос жениха,

полтора часа назад насмежавшийся над тем, что в платьях подружек невесты, с одинаковыми причёсками мы с Мишель похожи на близняшек. Что, если нас перепутали? Что, если запланированной жертвой на свадьбе сестры должна была стать именно я, а подруга по нелепой случайности оказалась на моём месте?.. Что, если кто-то очень сильно не рад моему возвращению? Что, если?.. Если бы я пришла раньше, возможно, Мишель бы не пострадала. И сейчас на каменном полу в луже крови лежала бы я сама.

— Прости меня. Ты... Я не хотела. Клянусь, не хотела!

Но подруга, кажется, не слышит. Растерянно смотрит сквозь меня куда-то вверх. Сипло, со свистом хрипит:

— Майк... Осторожно... — Зрачки Мишель сливаются с радужкой и превращаются в чёрные бездонные дыры. Посиневшие губы дрожат, искривляясь в слабой улыбке. — Стив... Наконец-то. — Мутный взгляд гаснет, тёмные глаза стекленеют, превращая лицо в безжизненную маску.

— Нет, господи, нет... нет! — трясущимися руками пытаюсь нащупать пульс. Напрасно — сердце Мишель больше не бьётся.

Она мертва. Убита. Но я отказываюсь это принять, отказываюсь верить. Жду, что она снова заговорит, только ничего не происходит.

Трудно, невыносимо трудно дышать. Грудь будто сжало в тиски и не отпускает. Тысячи мыслей яркими, короткими вспышками проносятся в голове одновременно и так быстро, что ни за одну из них не получается ухватиться.

Со всех сторон слышны отголоски громкой, весёлой музыки, радостный женский смех, обрывки шумных разговоров. Не чётко, будто бы издалека, словно уши залило водой. Так бывало, когда в детстве, дурачась с братом, я с разбега прыгала с высокого обрыва прямо в озеро в Джаспере. Мир вокруг взрывался оглушительным хлопком, а потом исчезал, затихая под водяной толщей, чтобы опять возникнуть, когда мои ноги едва касались дна и меня выталкивало на поверхность.

Вот только сейчас никак не получается выплыть.

Тянусь к рукоятке ножа и тут же отшатываюсь. Мне надо вызвать полицию... Надо позвонить... Но сотовый остался дома. Я даже сумочку не взяла, решив, что во время свадебной церемонии она будет только мешать.

Перед глазами как в калейдоскопе мелькают лица родных и друзей. Стоит мне произнести два страшных слова: «Мишель убита», как вся их... наша жизнь расколется на части. В моей власти оттянуть время, дать всем крошечную возможность насладиться торжеством ещё чуть-чуть. Но всё равно ни одной из подаренных минут не хватит. Их всегда ничтожно мало.

Вскакиваю с колен, путаясь в длинном подоле. Он насквозь пропитан ещё тёплой кровью подруги и теперь противно липнет к лодыжкам, мешая двигаться. Не успеваю сделать и двух шагов, как налетаю на Майка. Цепляюсь за его плечи, чтобы не упасть.

Он, неестественно бледный, подхватывает меня. Не моргая, смотрит на жену и почти не дышит. В глазах — недоумение и боль. Губы слабо шевелятся, будто хочет что-то сказать, но не может. Лишь однажды я видела Майка таким, ещё в детстве, когда мы наткнулись в лесу на его отца, растерзанного волками.

По-летнему яркий солнечный свет в проёме беседки закрывает высокая коренастая фигура.

— Мика! — рычит за спиной незнакомый хриплый голос.

Ещё через миг коротко стриженный мужчина в чёрном костюме-двойке склоняется над окровавленным телом и тоже пытается нащупать у Мишель пульс. Что-то нечленораздельно бормочет, сжимая левую руку в кулак.

Высвобождаюсь из объятий Майка и отступаю назад. Только сейчас замечаю, что я вся в крови Мишель и Майк теперь тоже. На белоснежной рубашке и расстёгнутом сером фраке бурые пятна — на животе, груди и даже плечах.

Незнакомец стоит рядом, буравит нас с Майком мрачным, тяжёлым взглядом, одновременно вытаскивая из внутреннего кармана пиджака сотовый. Нажимает на кнопку и, видимо, дождавшись ответа, коротко приказывает:

— У нас убийство. Вызывай криминалистов и остальных! Перекрыть парк! Сам ко мне в беседку. Да, у ворот. Выполняй! — он прячет телефон обратно. Грозно надвигается на нас. Наверняка полицейский или кто-то из охраны матери. — Какого чёрта здесь?.. Кто?.. — он похож на раненого зверя, готового растерзать любого за одно неосторожное движение. Переводит полный ненависти взгляд с меня на Майка и обратно. — Кто это?.. Кто её... так?..

— Я пришла, когда она... уже... так... — не получается связно объяснить. Слова путаются, мысли тоже. Шумно втягиваю воздух, стараясь унять дрожь. Почти силой заставляю себя не смотреть в сторону лежащего на полу мёртвого тела. Снова пытаюсь объяснить, тщательно подбирая слова: — Мишель просила меня встретиться здесь после церемонии. Чтобы поговорить. Потому что завтра с утра я уезжаю... Когда я пришла, она уже лежала на полу... такой. Я хотела вызвать скорую и полицию, но не было телефона. Потом она очнулась и позвала меня и... — нервно передёргиваю плечами, как будто этот жест может объяснить всё, что случилось дальше, в том числе появление Майка в беседе.

— Она говорила тебе что-нибудь перед... смертью? — По тону и взгляду незнакомца не получается определить, верит ли он мне.

— Да.

— Что?! — в синих неестественно блестящих глазах плещется неприкрытое презрение.

— Что хорошо, что я опоздала и пришла позже. Потом назвала имя моего брата... он был её женихом. Давно. И ещё сказала «Стив, наконец-то».

— И всё?!

— Всё, — вру, выдерживая пристальный взгляд. Что бы ни имела в виду умирающая Мишель, я не собираюсь давать этому сумасшедшему дополнительный повод наброситься на нас.

— Брайан, это Стэйси Трупер, — Майк неожиданно выходит вперёд, закрывая меня собой — так, что я оказываюсь у него за спиной, — сестра Стива.

— Для тебя — шериф Лински! — с неприкрытой злобой рявкает тот. — Кто из вас?..

— Серьёзно?! Ты в своём уме, Брайан?! Ты правда считаешь, что я... Или она? Что мь убили мою жену на свадьбе моего брата и сестры Стэйс?! — последнее предложение Майк произносит едва ли не по слогам.

Почти физически ощущаю, как неприятно скребут по сердцу эти два слова «моя жена» даже теперь, когда Мишель умерла с именем Стива на губах. Майка убитая подруга тоже упомянула, но об этом я подумаю позже. Решительно встаю рядом с ним, чувствуя обнажённым плечом плотную ткань костюма. Раз уж разъярённый незнакомец — новый шериф, а не местный сумасшедший, причин его бояться нет. Просто нужно всё объяснить. Хотя бы попытаться.

— Мы договорились встретиться здесь. Я и Мишель. Позавчера мы поругались. По глупому недоразумению. — Некстати мелькает мысль: я совсем не представляю, что Мишель сделала с мобильником, который принёс на девичник посыльный. Ладно, об этом я тоже подумаю потом. — Она лежала на полу в крови. С ножом в груди, — невольно бросаю короткий взгляд на её неподвижное лицо и отворачиваюсь. — Затем пришёл Майк... и... и...

— И вы решили на радостях обняться прямо около его мёртвой жены! — грубо перебивает шериф, продолжая пронзать нас хмурым взглядом. — Так сказать в знак вновь обрётённой свободы.

— Брайан! — обрывает его Майк.

— Шериф! — снова исправляет тот.

— Что здесь?.. — В беседку вбегает Лиам. Останавливается в проёме, нервно озирается: — Чё-ё-ёрт! Кто?.. Как? Зачем?.. — он смотрит меня, потом — на Майка.

— Все вопросы отличные, Бэк. Дождись Джексона с бригадой. Потом отвезёшь старшего братца, — шериф кивает на Майка, — в участок. Там и узнаем ответы.

— Но...

— Стэйси Трупер, — он делает шаг ко мне, ловко вытаскивая из-под пиджака прикреплённые сзади к ремню наручники. — У тебя есть право хранить молчание. Всё сказанное может быть использовано против тебя на суде.

— Что? — я ошарашенно перевожу взгляд с него на Лиама.

Неужели они думают, что я способна убить Мишель? Мозг отказывается в это верить. Но упрямая действительность убеждает в обратном: шериф Лински останавливается совсем близко, я даже чувствую его тяжёлое, прерывистое дыхание на своём лице. Недвусмысленно трясёт передо мной наручниками, продолжая говорить:

— У тебя есть право пригласить адвоката.

— Брайан, ты окончательно слетел с катушек?! — вмешивается Майк с каким-то необъяснимым спокойствием. Как будто не нас с ним практически только что обвинили в убийстве.

— Нет, но тебе бы хотелось, да, Майки? — язвительно парирует шериф. — Чтобы всё начать сначала, да? Исправить недоразумение под названием «брак», так, Майки?

— Я понимаю твоё горе. Серьёзно, — Майк не огрызается. Смотрит на шерифа с жалостью, без презрения или цинизма. Они словно говорят о чём-то своём, продолжая начатую ещё раньше, не здесь, дискуссию. Майк бросает короткий взгляд на Мишель, встречается глазами с молчащим и бледным, как мел, братом, снова пристально смотрит на шерифа: — Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Правда, понимаю. То, что здесь произошло, ужасно. Поверь, ни один из нас не рад её смерти. Ты можешь арестовать Стэйс, можешь арестовать даже меня, но это ошибка. Мы никого не убивали. И в глубине души ты это знаешь.

— Посмотрим, — тот ухмыляется мне в лицо. Требует: — Руки!

Я не сразу, но все-таки покорно подставляю запястья, смотрю на свои пальцы, перепачканные в успевшей засохнуть крови. Морщусь от боли, когда шериф грубо защёлкивает наручники.

— Брайан, Майк прав, — Лиам делает шаг вперёд. — Послушай, это же Стэйс. Она не могла. Она бы ни за что...

— Субординация, лейтенант Бэк! — останавливает его шериф. Бросает на Лиама злой взгляд. — Не вздумай устроить тут самодеятельность! Ответишь головой. Смотри, я предупредил! — он опускает глаза на окровавленное тело Мишель и поспешно отворачивается. Грубо командует, хватая за предплечье и подталкивая к проёму: — На выход!

Снаружи доносится протяжный вой полицейской сирены.

— Ничего не бойся и молчи, — Майк печально, но ободряюще мне улыбается. — Дождись отца.

Хочется огрызнуться, что без него знаю. Сама адвокат, понимаю, что нужно делать в таких ситуациях. Но сил хватает лишь на слабый, обречённый и благодарный кивок. Мысль, что Майк не сомневается в моей невиновности, вызывает только дополнительное чувство вины и стыда. Он мне верит, пытается защищать даже сейчас, застав в крови рядом с трупом убитой жены, а ведь я усомнилась в нём при куда менее тяжких обстоятельствах.

Со стороны дороги к нам торопливо спешат полицейские. Часть в форме, остальные — в штатском. Вокруг беседки успели развесить черно-жёлтую полосатую ленту, за которой по периметру собралась толпа зевак.

Представляю, как выгляжу — в испачканном в крови платье, в наручниках, испуганная, — и леденею. Внутри всё обрывается от ужаса, горя и стыда одновременно. Не получается осознать, что только что произошло. Как из подружки и сестры невесты в считанные минуты я превратилась в главную подозреваемую в убийстве подружки?

Сжимаюсь, ощущая себя идущей на костёр ведьмой. Судорожно вздыхаю, когда оказываюсь внутри полицейской машины на заднем сидении, подальше от пронизывающих насквозь взглядов. Утыкаюсь лбом в холодное стекло. А через мгновение рыдаю, понимая, что ещё никогда в жизни не чувствовала себя так гадко. Я наивно надеялась, что худшее позади, пережито, но оказалось, что заблуждалась. Самый страшный кошмар в моей жизни только начинается.

Я никогда не должна была возвращаться в Риверстоун.

Кажется, в помещении не хватает воздуха несмотря на равномерное гудение работающего кондиционера. Окон нет, только одна-единственная металлическая дверь за спиной шерифа Лински.

Растерянно пробегаюсь взглядом по однотонным тёмно-серым стенам комнаты для допросов, заставляя себя не думать о том, что по-прежнему сижу в платье, насквозь пропитанном кровью Мишель. Раз уж мне не позволили переодеться, придётся потерпеть. Хотя бы наручники сняли и разрешили умыться после того, как взяли отпечатки пальцев. Доставлять удовольствия шерифу ещё одной просьбой я не буду. Пусть считает, что я сломлена и испугана. По крайней мере до тех пор, пока сама не разберусь, чем же так насолила новому начальнику полиции Риверстоуна.

Слава богу, младший из Бэков не присутствует на моём допросе. Некоторые вещи проговаривать при нём мне сложно, пусть позже он всё равно узнает, если уже не наблюдает из соседней комнаты. По той же причине я отказываюсь от адвоката, хотя Майк советовал дождаться отца. Нет уж, сама вляпалась, сама буду выпутываться. С папой мне в любом случае предстоит поговорить откровенно и наедине, без полицейских. Многое из того, что придётся объяснять и как-то оправдывать, им лучше не слышать.

Времени, проведённого в полицейской машине по дороге в участок, хватило, чтобы вспомнить всё, собраться с мыслями и, как ни странно, сосредоточиться на главном. Лински с подчинённым не спешат, неторопливо задают вопросы по кругу. Явно не просто так — скорее всего ждут заключения коронёра и криминалистов.

— В каких отношениях ты находишься с мистером Логаном?

— Брэдли Логан — мой близкий друг.

Я старательно помогаю тянуть время.

Пусть, в отличие от отца и брата, я выбрала административное право, общего курса по уголовному хватает с лихвой, чтобы знать — у полиции всего несколько часов предъявить мне официальное обвинение. На что бы ни надеялся шериф, в его распоряжении будут в итоге только косвенные улики, на которых дело не построишь. Значит, рано или поздно, ему придётся меня отпустить. Вот тогда я дам волю эмоциям, слезам и переживаниям. А пока надо держаться.

— Насколько близкий? — в тоне шерифа слышится неприкрытое ехидство. В очередной раз появляется уверенность, что ему известно о вещах, которые по определению он знать не может.

...Я пошевелилась, шумно вздохнула. Вытянулась, отпихивая подушку в сторону, лениво перевернулась на спину и окончательно проснулась. Несколько секунд бестолково смотрела в потолок, силясь вспомнить, где нахожусь. Не получалось.

— Доброе утро, — послышался справа сиплый, сонный, но всё равно легко узнаваемый голос Логана.

Я обернулась, удивлённо таращась на лохматого, загорелого друга. Он лежал рядом, на той же кровати совсем близко, на боку, под одним одеялом на двоих, подперев голову согнутой в локте рукой. Как ни в чём не бывало улыбался.

— Логан, мы... Мы что?.. Мы нет!

— Ага. Мы очень даже да.

Я выругалась и резко села. В следующую секунду поняла, что полностью обнажена, и стыдливо натянула пододеяльник по шею.

— Интересная реакция. Хотя что-то подобное я и ожидал от тебя услышать, — насмешливо хмыкнул Логан. — Неужели так плохо было, зараза?

— Я не... — Раздавать оценки или оправдываться, убеждая, что совсем не это имела в виду, я не собиралась. Вскочила с постели, потянув за собой одеяло и на ходу заворачиваясь в него. Слишком поздно поняла, что зря, потому что Логан моментально оказался на кровати абсолютно голый. — Чёрт, — я поспешно отвернулась. Молча уставилась в окно. Попыталась вспомнить, что случилось накануне, но не вышло. Значит, точно набралась «по горлышко». Позже, как уже бывало, память обязательно вернётся и выдаст всё в мельчайших подробностях, хотя в данном случае я бы дорого дала, чтобы «временная амнезия» не проходила никогда. — Ты что-нибудь помнишь? — наконец решилась спросить я, продолжая тупо таращиться на зелёные лужайки пустого парка за стеклом.

— Смутно. И это не повод забирать у меня одеяло.

Я изумлённо обернулась:

— Что?

— Верни одеяло, говорю, — Логан рассмеялся. — Между прочим, прохладно. Тебе тоже не рекомендуется топтаться босиком на холодном полу.

— Мы хотя бы предохранялись? — я вновь уселась на кровать, старательно глядя другу в лицо, пока тот укрывался.

— Кажется, да. В крайнем случае, — он скорчил невинную физиономию, — я признаю ребёнка. Назовём его Терренс. Или Зак. Если будет девочка, то...

— Где мы?

— Всё ещё в Сиэтле, — Логан снова бесхитростно рассмеялся. — В каком-то отеле. Представляешь, забыл название. Но это ведь не важно? Наверняка где-то тут написано, — он потянулся назад к тумбочке.

Какого чёрта?! Я в негодовании всплеснула руками. Мы оба совершили этой ночью непростительную ошибку — напились и переспали, а Логан ведёт себя так, будто ровным счётом ничего не произошло.

— Ты... можешь перестать это делать?

— Что делать?

— Естественно реагировать на идиотские поступки.

— А как я должен реагировать на идиотские поступки? — он сел.

— Сожалеть... не знаю... — Я перехватила его ироничный взгляд и смущённо замолчала, сильнее кутаясь в одеяло.

— Зараз, — Логан наклонился, ласково провёл тёплыми пальцами по моей щеке. — Наверняка в этом отеле где-то есть вкусный и, надеюсь, очень горячий кофе. И лёгкий завтрак. Булочки, джем. Там, — он кивнул на окно, — красивая весна. Мы можем одеться, перекусить, потом отправиться на прогулку по городу, как собирались вчера. Затем вернёмся сюда пообедать или отправимся на шоппинг. Или вообще никуда не пойдём. Можем оставаться здесь столько, сколько ты захочешь. Только, пожалуйста, давай вести себя, как взрослые люди, а не как два идиота.

— Я пытаюсь, но... Это не просто, Логан. Я никогда не думала, что ты и я... А теперь...

— Что теперь? Предлагаешь вернуться по домам, никогда больше не видеться, даже не разговаривать?

— Конечно нет.

— Тогда прекрати. Допустим, мы переспали. Никто не умер. Я бы даже повторил, — он лукаво прищурился. — На трезвую голову, чтобы запомнить, как это... с тобой. Может, то, что случилось, вовсе не ошибка.

— А что же? Любовь? — насмешливо фыркнула я.

— Просто секс. Хороший, старый, добрый секс. Из которого вовсе не обязательно создавать проблему. Поэтому я сейчас пойду в душ, а все разговоры будут потом, — Логан, совершенно не стесняясь, слез с кровати. — Ты, кстати, можешь присоединиться.

— Спасибо за разрешение, — ехидно бросила я вслед.

Пару минут сидела, прислушиваясь к шуму льющейся воды в ванной. А потом неожиданно для себя поняла, что не жалею. Ни о чём. Ни о том, что случилось ночью, ни о том, что хочу сделать в данную минуту. Уж лучше ошибаться, но хотя бы изредка оживать, чем чахнуть день за днём в одиночестве и тоске.

Что ж, я не идеальна. И устала. А ещё измучена и несчастна. Похожа на безликую тень. Так что, если хочется бездумно наслаждаться, чтобы снова чувствовать себя желанной, красивой, я могу позволить себе такую роскошь. Просто побыть сейчас соблазнительной женщиной. Без любви, без обязательств, без размышлений и планов. Без будущего. И прошлого.

Логан прав. Хороший, старый, добрый секс с хорошим, старым, добрым другом, которому можно доверять, как самой себе. Даже больше. К чёрту! Я и так слишком много анализирую, ещё больше — сожалею. Обо всём сразу и заочно. И всё равно ошибаюсь.

— Так-то лучше, — довольно улыбнулся Логан, когда я шагнула к нему в душевую кабинку прямо под горячие струи.

Я недвусмысленно надавила на его плечи, прижимая Логана спиной к кафелю. Коснулась поцелуюем его груди, громко шепнула, опускаясь ниже — на живот и дальше:

— По-моему, вот так — ещё лучше.

Требовательный голос шерифа возвращает меня из воспоминаний:

— Ты не собираешься отвечать на мой вопрос?

— Прости, задумалась. Прослушала, — вру с заискивающей улыбкой. — Ты не мог бы повторить?

— Насколько мистер Логан твой близкий друг? — вместо шерифа произносит второй полицейский. Щуплый блондин, примерно одного возраста с Лиамом.

— Очень близкий. Почти как брат, — тщательно обдумывая каждое слово, отвечаю я. — Мы вместе выросли. Его родители с детства дружили с моими, а потом он практически жил у нас до совершеннолетия, — с вежливой улыбкой поясняю: — После их смерти, согласно завещанию, мама официально оформила апотропус и стала опекуном Брэдли.

— Поэтому мистер Логан встречал тебя с женихом в аэропорту позавчера? — интересуется шериф, продолжая буравить хмурым взглядом.

— Не совсем понимаю, какой смысл ты вкладываешь в слово «поэтому», — пожимаю плечами. — Боюсь, ответить на этот вопрос может лишь сам мистер Логан. Лично я понятия не имею, почему именно он приехал за нами в аэропорт.

— Неужели не спросила? — многозначительно ухмыляется Лински. — Вы же такие близкие, хорошие друзья.

Сейчас он вызывает сильное желание ему врезать. Со всей силы, кулаком по физиономии, чтобы надолго стереть с лица поганую ухмылку. В голове назойливо крутятся

слова Майка о том, что он понимает, как чувствует себя шериф, а вместе с ними мелькает нечёткая догадка-объяснение, однако ухватиться за неё и развить мысль не получается.

— Именно поэтому не спросила. — Я заставляю себя проглотить раздражение и улыбнуться. Нельзя поддаваться. Если сейчас потеряю самообладание, наговорю такого, что отправлюсь напрямиком в «Эдмонту». — На самом деле я ожидала увидеть в аэропорту одну из своих сестёр. Дэниз. Но, видимо, планы в последний момент изменились. И, кстати, — чтобы увести от скользкой темы отношений с Логаном, признаюсь: — Мистер Спенсер не совсем мой жених. Не настоящий.

— В каком смысле ненастоящий? — Глумливая улыбка исчезает. Лински хмурится и наклоняется вперёд, скрещивая на груди руки.

— В прямом, — продолжая натянуто улыбаться, поясняю я. — Мы не состоим с мистером Спенсером в любовной связи. И никогда не состояли. — Рано или поздно они обязательно допросят и его. Не факт, что Ридж солжёт. И не должен. В конце концов теперь, когда речь идёт об убийстве, а его так называемая «невеста» объявлена главной подозреваемой, наш глупый обман — не просто невинная ложь во спасение. Уж лучше я признаюсь первой и избавлю его от необходимости лжесвидетельствовать. — Ридж Спенсер — всего лишь мой друг и сосед в Торонто. Я попросила его об одолжении поехать вместе со мной на свадьбу сестры.

— Значит, — встревает в разговор щупленький помощник шерифа, — вы признаете, что обманули... — он замолкает, видимо, мысленно подбирая правильную «целевую аудиторию» для моей лжи.

— Я признаю, что несколько преувеличила нашу с ним связь в глазах своей семьи. Понимаете, — я, не сдержавшись, горько усмехаюсь. Ирония судьбы. Боялась, что пьяный Ридж проговорится Майку, а в итоге рассказываю об этом сама и не где-нибудь, а в полицейском участке на допросе: — В определённом возрасте при определённых обстоятельствах незамужней женщине приходится идти на ухищрения, чтобы избежать дотошных расспросов родственников о своей личной жизни, особенно, если такая женщина присутствует на свадьбе младшей сестры и не собирается замуж в ближайшем будущем.

— Так. Значит, — шериф мрачно глазеет на меня. Складывается впечатление, что он изо всех сил старается добавить новый кусочек пазла в общую схему и так, чтобы тот не разрушил общую картину. Но судя по недовольной гримасе у Лински не получается. — Что именно ты пыталась скрыть о своей личной жизни?

— Её полное отсутствие.

— Кто ещё знал об этом обмане?

— Надеюсь, никто, кроме Эми. Это мо...

— Я в курсе, кто такая Эми, — перебивает шериф. Переглядывается с помощником. Тот едва заметно кивает и выходит. — Хорошо, — продолжает он, когда мы остаёмся одни в комнате. — Давай вернёмся к сегодняшним событиям, — Лински пробегаётся глазами по собственным записям от руки на обычном, печатном листе, вложенным в бумажную папку. Пытливо смотрит на меня: — В каких отношениях ты состоишь с мужем убитой — Майком Бэком?

— Ни в каких.

— Неужели? — саркастически протягивает Лински, и желание отходить его по физиономии вспыхивает с новой силой. — Я слышал, у вас, напротив, очень богатая история.

— Мы встречались. Собирались пожениться, но расстались семь лет назад, и я уехала в Торонто, — холодно бросаю я. Не то чтобы не догадывалась, что в конечном итоге придётся обсуждать и это тоже, но удовольствия от процесса не получаю. — Вот и вся наша богатая история. С тех пор мы с Майком не общались и не виделись. Встретились позавчера, когда он привёз с мальчишника Риджа к нам домой.

— Почему вы расстались? — Тон, каким шериф задаёт вопросы, подсказывает, что эта часть допроса ему определённо доставляет удовольствие. О себе такого я сказать не могу. Как выразился Скотт, сейчас мы топчемся на самой большой моей мозоли.

— Это не имеет отношения к тому, что случилось с Мишель. Я не...

— А, по-моему, имеет, и самое прямое, — грубо перебивает Лински. Ударяет по столу кулаком, невольно вынуждая меня вздрогнуть. Его глаза, как совсем недавно в беседке, опять наливаются безумным и плохо контролируемым гневом: — Здесь я решаю! Ты отвечаешь на вопросы! Ясно? Почему вы, чёрт побери, расстались?

У меня получается выдержать его взгляд. Страх нет, зато появляется стойкая уверенность: для шерифа гибель Мишель — не просто жестокое преступление, каких за всю историю Риверстоуна не случилось, не считая убийства Стива. Это что-то очень личное.

В памяти всплывает последний разговор с подругой.

— Теперь я люблю другого мужчину и собираюсь развестись, — заявила Мишель.

Следом спокойный, без намёка на раздражение или злость голос Майка:

— Я понимаю твоё горе, Брайан.

А затем язвительный, переполненный болью и ненавистью выпад шерифа:

— Тебе бы хотелось, правда, Майки? Чтобы всё начать сначала, да? Исправить недоразумение под названием «брак»!

И пазл складывается.

Брайан Лински и есть тот самый мужчина, ради которого Мишель собиралась развестись. А Майк, конечно же, обо всём знает или догадывается и с точки зрения полиции прекрасно подходит на роль мстительного, ревнивого мужа, убедившего любовницу избавиться от назойливой, неверной жены, вместе и разом решить все проблемы. Это объясняет злость, граничащую с ненавистью к нам обоим, потому что в глазах шерифа, заставшего нас в обнимку у тела убитой любимой женщины, виноваты только мы с Майком. А чтобы увидеть всю иррациональность версии, её нелогичность, он должен, как минимум, успокоиться, осмыслить и пережить случившееся.

— Мы расстались, потому что после гибели брата я была... несколько не в себе.

С кем бы Майк не поделился моими последними откровениями, от меня никто не получит подтверждения. Я буду всё отрицать. Да, я была не в себе. Да, запуталась и слетела с катушек. Именно так, как уже считает добрая половина города и только уверится в этом, услышав, кого задержали за убийство Мишель. В конце концов данные об обращении к психологу, рецепты на сильные антидепрессанты легко подтверждаются. Пусть лучше проверяют, насколько прошлое могло повлиять на настоящее, пусть проводят психическую экспертизу на мою вменяемость. На всё это понадобится время, за которое, вполне возможно, шериф успеет трезво взглянуть на ситуацию. Или же появятся упрямые факты, улики, которые он отрицать не сможет и откажется от идиотской версии.

— Что вы делали вместе с мужем погибшей в беседке?

Переживали одно из страшнейших мгновений в жизни — то, что я могла была ответить, и это была бы самая настоящая правда. Стояли, обнявшись, рядом с телом Мишель — другая

правда, которую увидел шериф, и которая прекрасно вписывается в его бредовую теорию.

— В тот момент я плохо соображала, что происходит. Даже не заметила, когда Майк появился. Но, — я встречаюсь взглядом с полицейским, уверенно добавляю: — Ни один из нас её не убивал. Это я помню точно.

— Говори за себя! — озлобленно бросает Лински.

— Хорошо. Я не убивала. Когда я пришла в беседку, Мишель уже была ранена. Майка там не было, — твёрдо добавляю: — Значит, он тоже не мог этого сделать.

— Он мог выйти как раз перед твоим приходом, а затем вернуться.

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что... жертва мертва, — с запинкой произносит шериф. Пожимает плечами, цинично хмыкая: — Или добить. Надеюсь, он сам всё расскажет. Хотя настоятельно рекомендую тебе сделать это первой.

— То есть, — я решаю озвучить догадку: — Ты считаешь Майка убийцей, но арестовал меня, чтобы я обвинила во всём его? По-твоему, мы — сообщники?

— Мой опыт не раз подтверждал, что влюблённая женщина готова пойти ради любимого на очень и очень большие безумства. Врать, скрывать улики, покрывать преступление — сущая мелочь, — он буравит меня пристальным взглядом.

Чёрт, дорого бы я дала сейчас, чтобы знать наверняка, что известно Брайану о нашем с Майком прошлом. Да и о настоящем тоже. Вполне возможно, Майк поделился вчера с Мишель правдой об истинной причине расставания. Почему нет? Она ведь рассказала ему про видео. Может, они и не были идеальными супругами, но врагами — вряд ли. В любом случае, мне не стоит показывать, насколько я в курсе событий и жизни Бэков. Тем более упоминать про возможный развод, не исчезнувшие чувства, неизвестно от кого неизвестно почему не родившегося ребёнка Мишель, которого Майк считал своим. Я — чужая в городе. Ничего не знаю и узнавать не планировала. Приехала только на свадьбу и собираюсь вернуться в Торонто. Конец истории. Не хватает, чтобы нелепыми откровениями я только усилила подозрения в адрес Майка.

— Я не настолько влюблена и уж точно не безумна. Поверь, сомнения на этот счёт были, но я их ликвидировала. У меня даже справка есть. Для работы. Я ведь тоже адвокат, как и вся моя семья, — говорю я. Уверенно, чётко, холодно добавляю: — Не в моих правилах нарушать закон. Поэтому, если бы я была уверена, что Майк — убийца, я бы не стала его покрывать. Мишель — подруга детства, бывшая невеста брата. Я бы...

— Поверь, я слышал о вашей нежной дружбе, — зло хмыкнув, перебивает шериф. — Напомни, по какому поводу вы поругались позавчера?

— А, — испуганно начинаю я, но затем вспоминаю, что сама ляпнула о ссоре в беседке. Было бы странно, если бы Лински пропустил такое немаловажное признание мимо ушей. — Мы обе были пьяны. Слово за слово, всплыли старые обиды. — Про видео я не скажу ни слова. По крайней мере, до тех пор, пока не буду уверена, что шерифу известно и про него тоже. — Мишель считала, что я её предала, когда уехала из города и начала новую жизнь. Я думала иначе.

— Поэтому она залепила тебе пощёчину? — с неприкрытым злорадством интересуется шериф. Кажется, у него неплохо получается направлять горе мужчины, только что потерявшего возлюбленную, в русло едва сдерживаемого гнева и едких насмешек.

— Она влепила мне пощёчину, потому что я назвала её шлюхой, — теперь уже я злорадно смотрю на побледневшего шерифа. — В тот момент, когда Мишель пыталась

уверить меня, что всегда любила только моего брата, это единственное, что пришло мне в голову. Впрочем, теперь я сожалею, что не поверила, ведь Мишель умерла с его именем на губах. Так что она действительно любила одного Стива, — последнее предложение проговариваю совершенно искренне. Что бы ни происходило в жизни бывшей подруги, но, умирая, она думала только о двух мужчинах, и имени Брайана Лински среди них не прозвучало. — Признаю, что между нами существовали некоторые разногласия. Именно их мы и собирались обсудить, для этого договорились встретиться. Жаль, слишком поздно.

— Майк Бэк тоже собирался присутствовать при вашем разговоре? — с осязаемым презрением спрашивает шериф.

— Нет, насколько я знаю.

— Тогда как ты объяснишь, что он тоже пришёл и так... кстати... Может быть, даже принёс с собой нож?

— Майк не... — Не важно, как и почему там оказался Майк. Я видела его глаза в тот момент. Я уверена: он — не убийца. Но не только Майк появился в беседке очень «кстати». Однако готовый сорваться с губ вопрос-подозрение не успеваю озвучить шерифу.

В комнату без стука входит белобрысый помощник. Бросает на меня хмурый взгляд, жестом подзывает шерифа. Лински нехотя встаёт, и они вместе исчезают за дверью. Правда, буквально через несколько секунд возвращается Брайан. Раздражённо швыряет на стол новую папку, падает обратно на стул, скрестив на груди руки, и откидывается на неудобную спинку. Выдержав паузу, встречается со мной взглядом:

— Только что пришли результаты экспертизы. На ноже, которым, по всей видимости, убили Мишель, нашли кое-что ещё, — шериф замолкает.

— Отпечатки пальцев?! — вырывается у меня. — Вы знаете, кто — убийца?

— К сожалению, нет, — качает головой Лински. — Но у нас есть повод считать, что тем же самым оружием был убит и твой брат.

— Что?..

Только сейчас осознаю, что всё это время с момента появления шерифа в беседке я думала об одном — Майк не мог убить Мишель, — и совершенно не задумывалась. По-настоящему не задумывалась, кто же мог. И почему. Было ли убийство Мишель связано с гибелью Стива или даже должно быть связано, ведь так больше никто не погибал в родном городе. Оказалось, что да. У полиции есть веские доказательства — его кровь на воткнутом в грудь Мишель охотничьем ноже. Это единственное, что они могли обнаружить за такой короткий срок.

— В связи с новыми уликами, — тон шерифа меняется. Теперь в нём не слышатся нотки злобы или ненависти. Обычный, ровный, бесстрастный голос полицейского. — Я должен возобновить дело об убийстве твоего брата. Конечно, я официально сообщу об этом твоим родителям. Позже. Мне необходимо ещё кое-что проверить. В данный момент ты свободна, но тебе запрещено покидать пределы Риверстоуна. Так что с возвращением в Торонто придётся повременить. Твоему другу мистеру Спенсеру — тоже. Конечно, он получит официальное уведомление после допроса. Ещё нам понадобятся твои вещи.

— Какие вещи?

— Платье и туфли. Для экспертизы, — объясняет шериф. — Я попросил привезти тебе другую одежду, чтобы ты переоделась. Потом ты можешь возвращаться домой. Завтра будут готовы результаты вскрытия, и нам снова придётся тебя допросить.

Машинально киваю, почти не слушая дальнейшие разглагольствования Брайана. Меня

больше не считают убийцей, но сейчас это почему-то совсем не имеет значения.

«Майк хочет возобновить дело об убийстве твоего брата. Но ты же знаешь, так просто это не сделать. Нужны веские основания. С точки зрения старого шерифа оно отправлено в архив и закрыто за неимением улик. Новому нужны причины», — проносятся в голове недавние слова Скотта.

Что ж, теперь причин достаточно.

Приходится чуть ли не силой заставлять себя перечитывать собственные показания, раз за разом возвращаясь к одному и тому же предложению и вникая в смысл написанного. Как в тумане слушать объяснения, послушно брести за тучной полицейской по длинному коридору в душевую кабинку, где можно, наконец, смыть с себя кровь Мишель и переодеться.

Всё происходящее здесь и сейчас будто утрачивает смысл. Даже не спрашиваю, кто привёз мне чистое белье, носки, джинсы, футболку, кроссовки. Память беспощадно выдаёт вырванные куски из прошлого, когда я ещё верила, что полиция сможет выйти на след убийцы Стива. И снова я отчаянно пытаюсь найти ответ, чем и кому могли помешать мой брат и его бывшая девушка. Почему оба, умирая, говорили о Майке? Словно о чём-то предупреждали. Его или меня? Правильно ли я поступила, ни тогда, ни сегодня ни слова не сказав об этом полиции?

Пелена спадает, когда за мной захлопывается массивная дверь участка. Я с удивлением обнаруживаю, что на улице давно стемнело. Растерянно останавливаюсь на ступеньках, пытаюсь сообразить, куда идти. Почему-то я была уверена, что снаружи меня встретят родители или кто-нибудь из сестёр. В тот же миг чувствую, как сильные мужские руки подхватывают сзади за плечи, а знакомый, обычно насмешливый и ехидный, но иногда, как сейчас, безумно заботливый и ласковый голос Логана шепчет:

— Всё, всё, родная. Не плачь. Всё закончилось.

Я вытираю слёзы и прикусываю нижнюю губу, чтобы окончательно не разрыдаться. Закончилось? Вряд ли. Слышу тихий голос Майка:

— Пойдём.

Оборачиваюсь и вижу его улыбку. Нежно, но крепко он обнимает меня за талию и осторожно ведёт через дорогу к припаркованному на стоянке чёрному форду. Я не сопротивляюсь. Позволяю, как ребёнка, довести себя до машины и усадить на переднее сидение, рядом с Логаном. Майк садится сзади. Они оба всё ещё в свадебных фраках.

— Куда? — спрашивает Майк, обращаясь к другу.

— Предлагаю ко мне. Придёте в себя, всё спокойно обсудим и... — Логан мельком смотрит на экран зажатого в руке телефона и протягивает сотовый мне: — Это Ридж. Уже пятый звонок за полчаса. Ответишь?

— Нет, — я мотаю головой. — Сможешь скинуть смску, что я с тобой и в порядке? Чтс потом всё объясню, когда вернусь?

— Я лучше отвечу. Отшивать по смс как-то не в моём стиле, — Логан торопливо вылезает из джипа. Захлопнув дверцу, удаляется от машины. — Ридж, старина! Прости, что не отвечал. Тут такое дело, — его голос стихает, и я не могу разобрать ни слова из того, что он говорит.

— Хочешь, отвезём тебя к родителям? — Майк дотрагивается до моего плеча. — Поговорим потом.

Я представляю, как придётся объяснять семье, что произошло. Как я оказалась в беседке с Мишель, почему пришла туда. Рассказывать и о том, что только что узнала о деле Стива. Признаваться или снова отмалчиваться, потом обсуждать случившееся с Риджем, сообщать ему про допрос, про Майка, что завтра мы с ним не сможем вернуться в Торонто, как

планировали. И понимаю, что я не готова. Пока — не готова.

— Нет, — оборачиваюсь к Майку, встречаюсь с ним взглядом: — Я больше не хочу убегать. От тебя — не хочу. Логан прав. Нам надо поговорить и многое выяснить. Я хочу знать правду. Должна. Тогда пойму, что делать дальше.

— Уверена? Твои сильно переживают. Брэдли еле убедил их остаться дома, когда отвозил Дэни за одеждой. Они волнуются и ждут, а я никуда не денусь. Обещаю, — он печально улыбается, совсем невесело шутит: — Максимум, меня арестуют. Но ты всегда сможешь навестить меня в следственном изоляторе, если не уедешь в Торонто.

— Не получится уехать. С меня взяли подписку о невыезде. — Я нахожу его руку и крепко сжимаю холодные пальцы в своих. Честно признаюсь: — Я очень жалею, что уехала тогда, Майк. Что не рассказала тебе про Стива, что скрывала. Не представляешь, как сильно жалею. Ведь многого можно было бы избежать, если бы.

— Могу представить, о чём ты сейчас думаешь. Но это неправильно. А главное, бессмысленно. Я тоже много в чём виноват. И он, — Майк кивком указывает на спешащего к машине Логана. — Но такие мы. Испорченные. Даже ведём себя сейчас до одури нормально. Естественно, будто нам не больно. Что уже странно, учитывая, что случилось. Но на самом деле нам всем очень больно.

— Уф, еле отвязался, — Логан с шумом влезает на переднее сидение, захлопывает дверцу. Небрежно швыряет телефон в отделение под ручником. — Ридж твердил, что хочет слышать твой голос. Как будто я тебя похитил, ей-богу. Пришлось наврать, — он бросает на меня хмурый взгляд, на секунду задерживается глазами на наших с Майком, сцеплённых в замок на моём плече, пальцах. — Значит, ко мне в берлогу.

Погода переменилась. К порывам пронизывающего до костей ветра добавился морозящий дождь. Пока ещё не сильный, но готовый перерасти в настоящую летнюю бурю, он настойчиво накапывает, оставляя влажные маленькие точки на лобовом стекле.

Логан включает дворники, круто берёт руль влево, разворачивая автомобиль. Когда-то вместе с родителями он жил на той же улице, что и моя семья. Позже, вступив в права наследства, продал двухэтажный коттедж и перебрался в охотничий домик за городом. Постепенно переделал его, обустроил по своему вкусу и назвал берлогой. Туда-то мы и направляемся сейчас.

Я провожаю взглядом освещённое прожекторами двухэтажное кирпичное здание полицейского участка. Практически везде горит свет. Наверняка Лински вызвал на работу всех без исключения, и внутри офис шерифа смахивает на разворошённый улей. Но снаружи — ни души. Поразительная тишина, никаких репортёров, сводивших с ума и не дававших шагу ступить семь лет назад. Пара-тройка служебных машин у входа — и всё.

— Я думала, здесь соберётся толпа журналистов, — бормочу я.

— Подожди, ещё налетят. Будет нам счастье, — бурчит Логан. Бросает хмурый взгляд в зеркало заднего вида и прибавляет скорость. — Пока все, что притащились на свадьбу, дежурят у беседки в Саду. Или у дома подкарауливают.

— У наших со Стэйс — точно, — озвучивает мрачный прогноз с заднего сидения Майк.

— Поэтому мы едем ко мне. Туда им не пробиться.

Я не сомневаюсь. Логану досталось шумихи в юности, и он ненавидит журналистов до мозга костей. Мне повезло больше, мать официально стала мэром, когда я переехала в Торонто, а там единственным представителем прессы, приблизившимся ко мне, оказался Ридж. Своих лазутчиков местные газетёнки так далеко не посылали, или те просто не

смогли меня разыскать. Адрес в Оквилле знали единицы, а в квартиру в даунтауне так просто было не попасть. Гостей я не принимала, охранникам и консьержу оставила чёткие указания — пускать только по предварительной договорённости. Так что, если кто и старался разузнать подробности о жизни старшей дочери нового мэра, вряд ли ему удалось, а потом и вовсе убийство Стива утратило новизну, исчезнув из местных новостей.

Но теперь всё разом возвращается. По спирали — новым витком старой трагедии с дополнительными подробностями и ещё одной драмой, разыгравшейся на свадьбе родной сестры Стива Трупера.

Вряд ли совпадение.

Убийца имел массу возможностей прикончить Мишель где-нибудь на тёмном пустыре, как поступил с моим братом, но всё же предпочёл хладнокровно и жестоко зарезать её прямо в Саду, в беседке Влюблённых — в какой-то паре сотен метров от алтаря. Если, конечно, он собирался убить Мишель, а не меня.

Я беспомощно вжимаюсь в спинку кресла, пытаюсь скинуть с себя охвативший ужас. Но липкий, вязкий страх застревает комом в горле, не позволяя вздохнуть и даже пошевелиться. Вспоминаю, как брела через парк после вечеринки, как безмятежно валялась на траве с закрытыми глазами. Возможность незаметно, ничем не рискуя, избавиться от меня у убийцы была.

— Сюда репортёры боятся соваться, — пускается в рассуждения Майк.

Как ни странно, его голос успокаивает, внушает мне пусть призрачное, но убаюкивающее ощущение безопасности, и лёд оцепенения исчезает. Может, прогулка по дремучему лесу дождливым вечером — не самое разумное, что стоит сейчас делать, однако здесь, рядом с Майком и Логаном, я чувствую себя защищённой.

— Ждут пресс-релиза, обещанного шерифом. На расстоянии. Лински их на дух не выносит, потому не церемонится. Никогда не думал, что такое скажу, но в этом смысле Брайан с успехом составил конкуренцию даже тебе, Логан.

— Что есть, то есть, — признает друг. — Даже твоему Риджу досталось, Стэйс. Он-то, видимо, думал, что если заявится в качестве журналиста из Торонто, ему постелют в участке ковровую дорожку до кабинета шерифа и охотно поделятся деталями следствия. Не тут-то было. Нарвался на Брайана и огрёб.

Мучаясь угрызениями совести, я смотрю на дорогу. Зачем только потащила Риджа с собой? Сидел бы в Торонто и грыз печеньки, а теперь оказался в адском пекле, не имея ни малейшей возможности убраться подальше от Риверстоуна, пока я разбираюсь с прошлым, вдруг ставшим не только настоящим, но и будущим.

Расспрашивать Логана, что происходило в Саду после известия об убийстве и нашем аресте, не хочется. Не говоря уже о незабываемом общении с «очень вежливым шерифом», пообещавшим новый допрос.

— Могу представить, что он услышал от этого мудака!

Бедняга. Я притащила Риджа с собой, наобещав красивый уикенд с прогулками верхом по горам и пышный, весёлый семейный праздник, а в итоге сначала его напоили, потом заставили общаться с назойливыми тётушками прямо с похмелья, не дав как следует оклематься. Промурыжили весь вечер, подняли ни свет ни заря. Мы не то, что не гуляли, а почти не общались. Даже после церемонии не успели поговорить, потому что я, сбитая с толку признаниями подруги, торопилась на встречу с Мишель. А дальше вообще кошмар.

— Да ладно, не переживай. Он вроде не злится. Беспокойся — это да, — Логан

перехватывает мой взгляд, кивком указывая на лежащий внизу между кресел сотовый. — Хочешь, позвони. Хотя бы успокоишь его, что мы тебя не похитили.

— Мы?!

— Ну да. Мы с Майком.

— Ты сказал ему про Майка?!

— Не надо было? Прости, я решил, так лучше. Надо же как-то объяснить, куда мы едем.

— Боже мой! — Я обречённо закатываю глаза. — Теперь Ридж бог весть что подумает.

Он же ничего не знает. — Сажусь на кресле боком, чтобы видеть всех, виновато смотрю на Майка: — Про нас с тобой не знает. Да практически ничего, что здесь... — Снова перевожу взгляд на Логана. — Наверное, всё ещё считает, что ты был моим женихом, а я тебя бросила, поэтому зовёшь меня заразой.

— Тогда я вообще всё правильно сделал! — лыбится он. — Мы с тобой не одни. С нами Майк. Меньше поводов ревновать. Не тройничок же мы решили сообразить сразу после ареста.

— Да у него вообще нет поводов ревновать, Логан!

— Не понял.

— Мы с Риджем просто друзья. Были во всяком случае, — пожимаю плечами. — После общения с шерифом и всего, что тут... Вряд ли останемся друзьями.

— Погоди. Так вы с ним не спите? — он бросает на меня удивлённый взгляд. — Зараза, ты что, наврала всем, что ли? А как же?..

— Логан, лучше заткнись, — обрывает его Майк. Внимательно смотрит на меня, но в глазах светятся довольные, озорные искорки. Ну ещё бы! — Я уверен, Ридж всё поймёт. Если нет, то когда мы со всем разберёмся, ты найдёшь способ объяснить ему ещё раз. Так, чтобы он понял. Настоящих друзей не теряют. Ненастоящие уходят сами.

— Философ прямо. Но насколько я понимаю, сейчас наша самая большая проблема — не Ридж, а шериф, — подхватывает Логан без тени иронии или ехидства. — Та ещё заноза в заднице. Весь город в кулаке держит, плюс журналистов отпугивает. Зато это объясняет, почему именно его взяла на работу Айлин. Аж из самого Юкона заказала на смену старине Джерри.

Не помню, чтобы мама когда-либо выказывала нелюбовь к журналистам. Да и пост мэра, пусть небольшого провинциального городка, требовал умения работать с прессой. Очередной шериф, как ставленник главы администрации, вовсе не новость и уж точно не преступление. Скорее закономерность. Отец Майка тоже получил эту должность благодаря лучшему другу — отцу Логана, ставшему мэром. И тем не менее Райан Бэк считался лучшим шерифом округа. Правда, вряд ли это грозит Лински.

— Что значит заказала? Зачем?

— Чтобы иметь при себе хорошего сторожевого пса, — Логан бросает на меня короткий, многозначительный взгляд и снова смотрит на дорогу. — Брайан — личный питбуль твоей матери. Преданный и беспощадный, который никого не подпустит ближе, чем нужно. И которого можно спустить с цепи, когда нужно.

— В смысле?

— Насколько я понял, Айлин планирует остаться на третий срок, а выборы через год. Так что он ей понадобится. Желающих занять тёплое, уютное креслице мэра всегда хватало. Патрик Худ, например, — Логан переглядывается с Майком в зеркале заднего вида.

Я никогда не задумывалась, чем конкретно приходится заниматься матери. Должность

мэра Риверстоуна, удалённого даже географически от большой политики, мне заманчивой не представляется. Все заботы только о подстриженных газонах, новых школах и вовремя оплаченной парковке. Да ещё сбор налогов для пополнения без того небедной казны муниципалитета, находящегося на территории провинции с самым высоким ВРП во всей стране. И всё это, чтобы потом с голливудской улыбкой в красивых нарядах блистать на благотворительных приёмах под ручку с отцом. Последнее маме нравилось больше всего. Слава богу, эту её страсть не унаследовал никто из нас. Эми, как и я, предпочитает держаться в тени. Дэниз, несмотря на бравату, тоже не рвётся под свет софитов. Даже аккаунт в Инстаграм не открыла, как большинство сверстников. А вот отчим Майка, точь-в-точь как моя мать, любит покрасоваться на пафосных сборищах местной элиты.

— Пока что мамин питбуль вцепился в меня.

— Чтобы подобраться ко мне, — подхватывает Майк. — Ты — всего лишь удобный способ это сделать. Оказалась на месте преступления со мной в обнимку почти сразу после убийства, вся в крови жертвы. Заявила, что пришла первой, что поссорилась с Мишель накануне. Шерифу ничего не оставалось, как тебя задержать, надеясь, что ты наверняка что-то знаешь, видела, но скрываешь, чтобы обелить меня. Не так уж он и заблуждался в этом смысле. Почему ты ему сразу не сказала?

— Потому что не сказала! Ни сразу, ни потом.

— Чёрт, ты снова! Не надо врать ради меня, Стэйс. Ничем хорошим это не кончится, — Майк шумно вздыхает. — Как чувствовал. Хорошо хоть, сам не ляпнул на допросе. Подумал, если ты признаешься, они обязательно спросят. Но не спросили.

— А я и не врала! Просто не сказала ему всё, что слышала. Не самая плохая мысль, кстати. Учитывая, что, как ты говоришь, шериф решил повесить убийство Мишель на тебя, а я практически получила подтверждение этому из его уст.

— Спасибо, но...

Качаю головой, перебивая:

— Никаких «но», Майк. Если ты так настаиваешь, мы ещё можем вернуться обратно. Признаюсь во всём шерифу. Так и так. Знаете, я тут случайно забыла, но неожиданно вспомнила. Всё ему расскажу. И про Стива тоже! — Я злюсь и тараторю. — Бьюсь об заклад, Майк, следующую ночь ты точно проведёшь в камере. Хочешь?

— Не хочу, — невесело улыбается он.

— Вот и я так подумала.

— Спасибо, — Майк улыбается шире. — Без «но».

— Чему ты радуешься?

— Что ты мне веришь и не сомневаешься, — просто отвечает он.

Да. Я верю. И не сомневаюсь. И даже не понимаю, как могло быть иначе. Как позволила так накрутить себя, так всё запутать? Вообще допустить мысль, что Майк способен хладнокровно зарезать Стива и бросить подышать на пустыре?

— Эй! Сказала, не сказала! Всё, не всё! — вмешивается Логан, сворачивая на трассу. — Вы сейчас о чём оба?

Вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, правда ли он не знает или придуривается. Раз уж Майк поделился со Скоттом и братом, то, по идее, сообщил бы и лучшему другу. Не успел или не захотел?

— Он не в курсе, — заверяет меня Майк. — Объяснишь сама или мне?

Значит просто не хватило времени рассказать.

— Я отменила свадьбу и уехала в Торонто, потому что перед смертью Стив на мой вопрос, кто пытался его убить, ответил: «Майк. Осторожно».

— Ни фиги себе! — Логан хмуро смотрит на Майка в зеркало заднего вида: — А ты знал и ничего мне не сказал?

— Не знал. Никто не знал. Я призналась ему только вчера, когда он привёз Риджа к нам. Потом Эми, — не удержавшись, многозначительно продолжаю: — Пока ты развлекался с Дэниз.

Логан резко сворачивает на обочину. Останавливает машину, дёргает ручник вверх и настороженно смотрит на меня, нервно покусывая нижнюю губу:

— Ты ему...

— Нет, — перебивает Майк. — Но если ты до сих пор жив, беспокоиться не о чём.

— Ещё вас вместе видел Скотт и рассказал Эми, — невольно улыбаюсь я. — А вот с Лиамом и моими родителями будешь объясняться сам.

Логан кивает, продолжая хмуриться:

— Почему ты не рассказала про Стива раньше? Хотя бы мне?

— Потому что к тому моменту, когда ты вышел на связь, я достаточно накрутила себя и почти поверила, что...

— Что Стива убил я, — подхватывает Майк.

— Офигеть! — Логан изумлённо таращится на нас пару секунд. Нервно взъерошивает уложенные гелем короткие волосы. — И вы так спокойно об этом говорите? Это же... Вы... В голове не укладывается! Я же думал, вы... Не знаю, что думал, идиот! Расстались, бывает. Но не так. Не...

— Это не всё, — перебивает его Майк. — Сегодня, когда я вошёл в беседку, Мишель пыталась мне что-то сказать. Предупредить или... Не знаю.

— Ты уверен? — бледнеет Логан.

— Как ты объяснишь её фразу: «Майк, осторожно»? Она обращалась ко мне, я уверен.

— Я тоже слышала. И, кстати, ничего у неё не спрашивала. Ну как Стива тогда в больнице. Мишель вообще не на меня смотрела, когда это говорила.

— То есть, — Логан мрачнеет ещё больше. — Тебе грозит опасность? Я так это понимаю.

Майк пожимает плечами:

— Если Стив имел в виду то же самое, что и Мишель, то уже лет семь, как грозит. Но, как видишь, я жив.

— Как ты вообще там оказался так быстро? — спрашиваю я.

— В беседке? — Майк спокойно, уверенно смотрит мне в глаза. Я киваю. — Увидел, как ты уходишь. Пошёл следом. Думал, что смогу перехватить тебя где-то. Наедине. Чтобы поговорить.

— И вы оба промолчали об этом в полиции, так? — укоризненно качает головой Логан. — Молодцы, что я могу сказать.

— И не собираюсь ничего им говорить. Брайан только и ждёт какого-нибудь эдакого признания. Думаешь, он будет разбираться? В его-то состоянии, Логан?

— Ты о чём? — не понимает он. Или искусно притворяется.

Я поочерёдно смотрю на них:

— Майк, ты ведь знал, что у шерифа роман с Мишель?

— Знал. Мы это обсуждали, когда договаривались развестись, — признаёт он. —

Задолго до твоего приезда.

Я едва не проговариваюсь о том, что услышала от Мишель про ребёнка, но в последний момент затыкаюсь. Об этом мы с Майком поговорим позже и без свидетелей. Бросаю на Логана выразительный взгляд.

— Понимаешь теперь, за какую версию ухватится шериф, если мы расскажем?

— Пусть ухватится. Он ничего не докажет.

— Но и охрану к Майку не приставит. Предпочитаю не сбивать шерифа с толку глупыми версиями. Пусть изучает факты, ищет улики. Мало ли кто что сказал. Скотт считает, что Стив мог путать события и время. Мишель, я уверена, тоже. И вообще, я же не прятала... — только сейчас осознаю, что ни Майк ни Логан ещё не в курсе. — Знаете, почему нас отпустили? На ноже, которым убили Мишель, нашли кровь Стива.

— Что?.. — вырывается у них практически в унисон. — Ты уверена?

— Ну, почти. Нашли какие-то улики, доказывающие, что это тот же самый нож, каким зарезали моего брата. Так мне сказал Лински. Сами подумайте. Что ещё они могли обнаружить? Не записку же убийцы с признанием.

— Так. Мы все должны успокоиться, — Логан хватается за руль, снимая машину с ручника. — Всё это надо хорошенько обмозговать. Не пороть горячку, — Кажется, в первую очередь он обращается к самому себе. — Сейчас приедем, перекусим, примем душ и всё обсудим ещё раз. Спокойно, без нервов.

Снаружи берлога Логана ни капли не изменилась. Только огромные, высокие ели вокруг двухэтажного деревянного здания с покатой крышей стали ещё больше. Растопырив мохнатые лапы, они стойко сносят порывы ветра с дождём и едва заметно покачиваются в темноте.

Я вспоминаю, какое здесь звёздное небо при ясной погоде. Сегодня оно затянуто чёрными низкими облаками. Как будто природа не может смириться с тем, что случилось днём, и мстит людям.

Внутри дом тоже почти не изменился. На первом этаже всё такая же просторная светлая гостиная, отделанная натуральным деревом с огромным, настоящим камином и развешенными по всем стенам охотничьими трофеями вперемешку с оружием. Логан утверждал, что всё — настоящее. Я никогда не пыталась убедиться, хотя один раз Майк со Стивом всё-таки умудрились стащить огромный арбалет и высадили из него лобовое стекло в машине брата.

Справа от гостиной — большая кухня, слева у лестницы — кабинет. Наверху пять или шесть спален. Внизу — переделанный под домашний кинотеатр подвал с баром и даже бильярдным столом. Обычно именно там мы собирались все вместе. Раньше. В прошлой жизни.

— Так, я в душ! — сообщает Логан, когда мы втроём останавливаемся в ярко освещённом холле у лестницы. Расстёгивает фрак и, видимо, чувствуя на себе мой пристальный взгляд, замирает: — Что?..

Я указываю на бурые пятна на его белоснежной рубашке: от груди до ремня на брюках.

— Да, жутковато, — он оглядывает себя. — Кто-то в суматохе опрокинул на меня поднос с красным вином. Ты же... — Логан хмурится. — Ага, скажи ещё, что это кровь, и я убил Мишель!

— Если не возражаете, я тоже в душ, — Майк проводит рукой по тёмно-красным разводам на своём фраке: — Это, к сожалению, не вино. Одолжишь мне свою футболку и какие-нибудь джинсы?

— Без проблем, — Логан на ходу оборачивается: — Стэйс, мы быстро. Справишься?

Я киваю и провожаю их взглядом. Медленно прохожу в гостиную, сажусь на диван и оглядываюсь.

Здесь, как ни странно, дежавю сильнее, чем в доме родителей. Всё — мебель, картины, даже тёмные занавески на огромных окнах будто нашёптывают, что ничего не изменилось. Но разум упрямо твердит обратное, напоминая, что так, как было, не будет никогда. Стив не ворвётся с террасы в дом, весь в снегу, заразительно гогоча над очередной пошлой шуткой Логана, а Мишель не устроит фотосессию на бильярдном столе. Их больше нет. Убиты.

Мы с Майком тоже изменились. Пусть многое уже высказали друг другу, но далеко не всё. Это лишь верхушка айсберга. Берлога помнит нас всех совсем другими: счастливыми и вместе несмотря ни на что.

Хочется плакать, только слёз нет.

Я вскакиваю с дивана и мчусь вверх. Прохожу по коридору мимо комнаты Логана, прислушиваюсь. Из спальни напротив тоже доносится шум льющейся воды. Я осторожно заглядываю туда и без стука вхожу. Дверь, ведущая в ванную, распахнута настежь. На полу

бесформенной кучей свалена одежда.

Я не решаюсь идти дальше, громко зову:

— Майк!

Слышу стук дверцы душевой, следом — торопливые шаги босых ног по кафельному полу, и через секунду Майк стоит в проёме в клубах пара, мокрый, завёрнутый по пояс в белое махровое полотенце.

— Почему Мишель? — спрашиваю в надежде, что он поймёт вопрос правильно.

Он понимает.

— Потому что Сиэтл. Ты и Логан.

Я виновато опускаю голову:

— Как ты узнал?

— Он рассказал. Не сразу. И не мне. Но я услышал. Было больно. Очень.

— Давно?

— В последнее Рождество, перед тем, как уехал к тебе на очередные покатушки. А я напился и... — он многозначительно замолкает. — Потом Мишель сообщила, что ждёт от меня ребёнка. Дальше ты знаешь.

Знаю. И почему-то совсем не злюсь. Впервые за последние несколько дней — не злюсь. Слишком хорошо понимаю, что произошло. И даже видела — как. Единственное, что мешает мне оставить всё это в прошлом — видеозапись с девичника.

— Ты сделал это видео у себя дома с Мишель, а потом прислал мне? Хотел отомстить?

— Нет, — Майк делает шаг навстречу. Осторожно, словно его прикосновение может причинить мне физическую боль, берёт мои пальцы в свои ладони. — Я бы никогда, Стэйс. Даже понятия не имею, кто мог и почему его прислали тебе. Ещё одна тайна, которую нам предстоит разгадать. Ты мне веришь?

— Угу. — Встречаюсь с ним взглядом и тону в сером водовороте. — Логан был... Это не...

Майк не позволяет договорить. Выдыхает, прикасаясь своими губами к моим:

— Я люблю тебя, Стэйс. Всегда любил. Всегда буду. Прошлое уже не важно. Тем более ваше с Логаном.

Правильно. Не важно. Пусть прошлое останется в прошлом хотя бы на мгновение.

— Я тоже люблю тебя, Майк. И всегда буду.

Здесь и сейчас важны только мы. Настоящие.

Потом, позже, мы перебираемся в джакузи. Нежимся в тёплой бурлящей воде, из которой совсем не хочется вылезать. Майк прав, мы — испорченные.

— С тобой потрясающе хорошо, — шепчет он, наклоняясь вперёд. Целует горячими губами в висок. — Знаешь, я не думал, что когда-нибудь мы с тобой снова... вот так. — Майк крепче прижимает меня к своей груди. — Это неправильно, но теперь я всегда буду бояться тебя потерять.

— Я тоже. — Переплетаю свои пальцы с его, устраиваюсь поудобнее. Так, чтобы, отклонив голову назад, я могла видеть его глаза. — Прости. Я должна была тебе верить и ничего не скрывать. Ни тогда, ни сейчас.

— Чего ещё я не знаю? — спокойно спрашивает Майк. Без иронии, страха или злости. Так, словно уверен, что сможет принять любое новое признание.

— Это снова о Мишель. Наверное, не совсем подходящий момент, — вздыхаю я. Смотрю Майку в глаза, покусывая нижнюю губу. — Извини. Не могу не думать об этом.

— Рассказывай.

— Ладно. Пока мы сидели в беседке и ждали Эми и венчания. Мишель мне много чего наговорила, а я...

Господи, если бы я только знала, что это наш с ней последний разговор! Если бы выслушала её, может, вопросов, на которые я не нахожу ответов, было меньше.

— Вы снова поругались?

— Нет. Мишель хотела в чём-то мне признаться, объяснить. Чтобы мы могли... Не знаю. Понять друг друга. Но я не хотела всё заново перетряхивать. А она не унималась. Начала вспоминать ту проклятую вечеринку.

— Знаю, — Майк крепче сжимает мои пальцы. — Она мне тоже говорила. Давно пыталась убедить, что я не виноват, что Роберт и Джеки погибли из-за неё.

— Родители Логана погибли из-за меня, Майк. Я выскочила из машины и бросилась к ним под колёса. Это меня спасал Роберт, когда... Если кто и виноват, то я. Или никто.

— Тогда никто. Просто роковое стечение обстоятельств. Это и есть твоё страшное признание?

— Нет. Я... я сказала Мишель, что ревную её к тебе.

— Что? Прямо так и сказала? — улыбается Майк.

— Почти. И тогда, — отчаянно стараюсь подыскать нужные слова, чтобы смягчить правду. А потом всё-таки выдаю как есть: — Мишель заявила, что переспала с тобой специально. Чтобы ты поверил, что её ребёнок от тебя, и женился.

Майк меняется в лице. Изумлённо таращится на меня несколько секунд. Затем осторожно, как будто боится подавиться воздухом, делает вдох и медленно, словно только что научился говорить, произносит:

— Она сказала, чей?

— Нет. Якобы хотела, чтобы у ребёнка был хороший отец. Видимо, настоящий им не был.

Прежде, чем Майк успевает отреагировать, в коридоре что-то с грохотом падает на пол, слышатся невнятные ругательства, следом — тяжёлые шаги. Ещё через мгновение в дверь комнаты настойчиво стучат.

— У нас гости, — громко сообщает Логан.

Морозящий дождик сменяется настоящим летним ливнем и отчаянно барабанит по жестяной крыше, решительно бьётся в окна наперегонки с ветром. Начнись такая непогода с раннего утра, свадьбу пришлось бы перенести в закрытый павильон с ограниченным количеством гостей без огромного парка и каменных беседок под боком, и, может быть, Мишель осталась бы в живых. И тогда ничего, что произошло потом, тоже не случилось бы. Не было бы ни допроса, ни охотничьего домика Логана в лесу, ни...

Я нехотя и одновременно со стыдом признаю, что ни за что на свете не хотела бы лишиться нашего с Майком сегодняшнего разговора, поцелуя и всего, что последовало за ним. Станным, необъяснимым образом, вопреки логике, здравому смыслу и приличиям мне потребовалось заново раствориться в Майке. Ощутить его близость, подчиниться и не сопротивляться больше головокружительной истоме, пробегающей по телу горячими волнами от его прикосновений. Позволить себе на мгновение умереть, чтобы заново родиться, а затем, открыв глаза, увидеть перед собой его раскрасневшееся лицо, светящийся счастьем любимый взгляд и довольную улыбку. Воочию осознать — я всё ещё безумно

люблю и по-прежнему до безумия любима.

Вряд ли всему этому суждено было случиться сегодня, если бы Мишель осталась жива, что бы ни происходило между нами, а значит, своему вновь обрётённому счастью я обязана убитой подруге. И её убийце. От этой мысли очень легко сойти с ума, погрязнув в бесполезном болоте из сожалений и страхов, поэтому лучше не анализировать. По крайней мере, не сегодня.

— Жалеешь? — Будто догадываясь, о чём я старательно пытаюсь не думать, Майк тихо продолжает: — Наверное, считаешь, что мы поторопились. — Он уже оделся и теперь стоит напротив, терпеливо дожидаясь, пока я, сидя на краю кровати, закончу возиться со шнурками на новых кроссовках, которые, как назло, не спешат поддаваться. — Прости, но с тобой я не умею иначе. В смысле находиться рядом, но не вместе. Никогда не умел. Поэтому и не пытался больше за все эти годы как-то сблизиться с тобой, — со вздохом добавляет Майк. — Оказалось, что некоторые вещи на расстоянии принять проще. Но позавчера, когда ты приехала, я просто не смог. Почувствовал, что должен тебя увидеть, потому и повёз Риджа к вам. Надеялся, что ты вернулась или вот-вот придёшь. Ты ведь никогда не любила вечеринки. А сейчас... Это странно, но такое чувство, будто бы... Не знаю. Словно мы и не расставались вовсе.

Шнурки наконец сдаются. Я выпрямляюсь, встречаясь с Майком взглядом.

— Не жалею. И мы не торопимся. Мы... — Я слишком хорошо понимаю, что Майк имеет в виду. От начала и до конца. — Мы просто такие. Испорченные, помнишь? Ты сам сказал. Поэтому вместе, поэтому любим несмотря на всё, что случилось.

— И всегда будем, — с улыбкой перебивает он, протягивая мне руку. — Только вряд ли остальные смогут это понять. И принять тоже.

— Плевать! — Хватаюсь за тёплую ладонь Майка и рывком поднимаюсь с кровати. Если я начну сейчас думать обо всех, среди которых, возможно, прячется убийца брата и Мишель, точно свихнусь. Пока достаточно предстоящих объяснений Риджу и позже — моим родителям.

— Согласен. Мне тоже наплевать, но хочу, чтобы ты знала, — Майк прижимает меня к себе, сцепив пальцы в замок на моей пояснице. — Я не жду, что ты вернёшься обратно в Риверстоун ради меня. Мы вовсе не обязаны жить здесь, как планировали раньше. Тебе не придётся бросать свою жизнь и друзей. Если захочешь, я готов переехать в Торонто или куда скажешь.

— Мы обязательно это обсудим. Потом, позже. Когда разберёмся и сможем уехать отсюда. Когда узнаем, кто... — мой голос предательски дрожит, но я заставляю себя закончить: — Кто убил моего брата и Мишель. Я, — решительно мотаю головой, — больше не сбегу, пока не буду знать правду. — И тут же виновато добавляю: — Постараюсь не сбежать. Но ты же меня знаешь. Я могу попытаться, если...

— Никаких «если», Стэйс. Я никогда больше не позволю тебе сбежать, — без тени улыбки заявляет Майк.

— Ловлю на слове, потому что... Боюсь, скоро весь мой боевой настрой улетучится. Я снова начну накручивать себя и придумывать небылицы. Особенно если Ридж меня не простит.

— Он настолько для тебя важен?

— Да, Майк. Очень. Если со мной что и случилось хорошее за все эти годы без «нас», так это Ридж. Он — мой друг. Настоящий. А я его подставила.

— Всё будет хорошо, вот увидишь. Пусть не сразу, постепенно, — Майк нежно касается поцелуем моих губ, сильнее прижимая к себе. — Не обещаю, что смогу всё уладить, но клянусь постараться.

— Навёрстываете упущенное, да? — Логан бесцеремонно просовывает голову в проём незапертой двери. — А между прочим незваные гости почти на пороге.

— Стучаться — слишком обременительно для лорда, да? — в тон ему подкалывает Майк, оборачиваясь к другу и выпуская меня из объятий. — А, между прочим, мало ли что мы тут делаем.

— Чёрт, всё время забываю, что я у себя дома, — не остаётся в долгу Логан. — Тоже мне, нашли время для хороших манер. Чего стесняться-то? Все свои. Можно подумать, я вас обоих голыми никогда не видел.

Я невольно закатываю глаза. Вот мерзавец, ну не может промолчать!

— Знаешь, Логан, есть множество причин, почему я тебя обожаю и за что благодарна, но иногда еле сдерживаюсь. Как сейчас. Прямо руки чешутся тебе двинуть.

— Кстати, да, — соглашается Майк.

— Тогда вы, надеюсь, не против обсудить ещё один повод мне двинуть? — Логан входит и зачем-то закрывает за собой дверь. — Речь о Кнопке. Вы вроде как в курсе, но я бы хотел уточнить.

— Уточнить что? — не понимаю я. В свете случившегося тайный роман сестры меня волнует меньше всего.

— Ну... Мы с вами так и не обсудили, а она сейчас приедет и... Я, конечно, придурок и всё такое. Зря молчал, — он виновато смотрит на нас. — Надо было раньше всё объяснить. Но больше не хочу ломать комедию и притворяться, что мы не вместе.

— Насчёт придурка ты точно прав, — усмехается Майк. — Хотя бы потому, что всерьёз надеялся скрыть свой роман от меня.

— Волчонок — твой брат, и я подумал... Не знал, как ты отреагируешь.

— Как я мог отреагировать, Логан? Ты — большой мальчик, понимаешь, что творишь. И ты — мой лучший друг и друг моего брата тоже. Вы оба влюбились в одну девушку, она выбрала тебя. — Майк пожимает плечами: — Что ж, бывает. Сами разбирайтесь. Если важно моё мнение, я не против. Но если обидишь Кнопку, я лично оторву тебе башку. И не только башку. А Лиам мне поможет.

— Ясно, — Логан переводит взгляд на меня: — Тоже хочешь мне что-нибудь оторвать?

— Твой дурацкий длинный язык, — я сердито оглядываю его с ног до головы, но вспомнив о программе-шпионе, установленной сестрой на мобильном, невольно улыбаюсь: — Ты сам выбрал наказание. Теперь только успевай отмахиваться.

— Ты это о чём, зараза?

— О том, что я абсолютно не против ваших отношений, Брэдли Кимбл Логан.

Беру Майка за руку. У сестры обязательно есть код от ворот берлоги, так что мы вряд ли услышим звонок в дверь. Ридж и Дэниз наверняка внизу. А значит, меня ждёт ещё один непростой разговор.

— Кстати, раз у нас тут официальный «камбэк» самой скандальной пары города, — Логан иронично вздёргивает бровь. — Исключительно для протокола, Стэйси Полин Трупер и Майк Джозеф Бэк. Я не против, что вы снова вместе. Я даже рад.

— Пошли, клоун.

Он приседает в шутливом реверансе:

— После вас, мистер и миссис «Долго и счастливо».

Когда входная дверь распахивается, мы втроём едва успеваем спуститься в гостиную. На пороге появляется Дэниз в ярко-розовом плаще-дождевике с капюшоном, по которому ручьями стекает вода. На левом плече болтается намочшая чёрная дорожная сумка, в правой руке — влажная подставка-поднос из серого картона, утыканная высокими коричневыми стаканчиками с тёмными крышками из «Тим Хортонса». Сестра опускает их на пол вместе с сумкой, рывком сдёргивает плащ и бросается ко мне. Виснет на шее, заграбастав в объятия, и сдавленно всхлипывает:

— Я так испугалась, когда тебя арестовали. Они чокнулись, если думают, что ты — убийца.

— Ну что ты, глупышка. Они так не думают. Просто я нашла Мишель. Не плачь, родная моя, — я прижимаю сестру к груди, ласково поглаживая по влажным волосам. Только сейчас по-настоящему задумываюсь, что пришлось пережить семье, когда новость об убийстве Мишель и моём аресте дошла до них. — Со мной всё в порядке, видишь? И вообще. Ты так расписала нового шерифа, что я не смогла устоять от соблазна прокатиться с ним до участка в наручниках, чтобы поболтать тет-а-тет. Сказка, а не мужчина.

— Ну да, конечно! — Сестра недоверчиво отстраняется, но всё же слабо улыбается сквозь слёзы. — Ещё скажи, что он тебе понравился.

— А то! Я даже уходить не хотела.

Дэниз отступает назад, продолжая буравить меня глазами:

— Брэд сказал, вы не можете пока вернуться в Торонто.

Я киваю. К сожалению или к счастью, не можем. Встречаюсь взглядом с Риджем. Он как раз входит в дом с моим чемоданом и в таком же как у сестры дождевике, только ярко-жёлтом.

— Ладно, — Дэниз смотрит на стоящих позади меня Майку и Логана. Нагибается ловко подхватывая с пола картонный поднос со стаканами, и тараторит: — Здесь всем кофе. Как вы любите. Я попросила подписать, где какой. Ещё сэндвичи. Они тут, — сестра легонько пинает сумку носком кроссовок. — Ещё там твоя одежда, — она обращается к Майку: — Лиам передал, когда приехал к нам с шерифом. Просил, чтобы ты позвонил матери.

— Обязательно. Спасибо.

— Зачем? — интересуется Логан.

— Затем! — огрызается Дэниз. — Не догадываешься, что ли? Ирэн волнуется. Мама с отцом, кстати, тоже, — в последних словах отчётливо слышится упрёк.

— Приезжал к вам зачем? Я про Волчонка, — спокойно уточняет Логан, забирая у сестры поднос.

— Полагаю, чтобы сообщить мне о затянувшемся на неопределённый срок уикенде, пока шериф беседовал с Айлин и Джеймсом, — вступает в разговор Ридж. — Так что я тоже застрял в Риверстоуне. Вот, — он кивает на стоящий у ног мокрый чемодан, угрюмо смотрит на меня: — Я тоже привёз тебе вещи, раз уж ты решила остаться здесь.

Я молчу. Конечно, Ридж прав, бросая мне это в лицо вот так, будто отвешивая оплеуху. Мишель не ошиблась, обвиняя меня в эгоизме. Сегодняшний день — лучшее тому доказательство. Да, я думала о себе. Ещё о Майке. Родителям и сёстрам не позвонила, а с Риджем даже отказалась разговаривать по телефону, спихнув на Логана, хотя прекрасно знала, кем его считает друг.

Что бы ни сказала сейчас, каждое слово прозвучит как оправдание. А значит — подтверждение вины, признавать которую не собираюсь. Ридж ни черта не знает о моих сражениях с собственными демонами, поэтому судить не вправе!

— Наверное, вы тоже в курсе, что мы — не совсем жених и невеста, — продолжает он, обводя гостиную хмурым взглядом. — В общем, я подумал, что всем будет удобнее, если я переберусь в гостиницу до тех пор, пока не смогу вернуться домой. Только хотел лично убедиться, что ты, — Ридж снова буравит меня взглядом, усмехается, — в надёжных руках. Вижу, что да.

— Зачем, Ридж?! Не надо было никуда уезжать и ничего мне привозить! Почему ты усложняешь? Чёрт! Всё и так сложно!

Господи, как всё так запуталось?! Словно клубок потрёпанных, полинявших старых ниток. Я скрыла правду, заставила Риджа обманывать родных, лететь в Риверстоун, а потом предала, исчезнув и ничего толком не объяснив, только всё равно не чувствую своей вины. Настолько, чтобы посыпать голову пеплом и умолять о прощении. Мне ведь тоже досталось, и нужно было время прийти в себя, переварить, поговорить по душам с Майком. Я не планировала заниматься с ним любовью! Так вышло, но сожалеть и извиняться не собираюсь. Мои с Майком отношения не касаются Риджа. Всё просто: раньше он о них не знал, теперь узнает. Всего-то необходимо нормально, спокойно, без обвинений и оправданий всё обсудить. Мне — объяснить. Риджу — услышать.

— Стэйс в надёжных руках, — неожиданно вмешивается Майк. — В остальном — ты сильно заблуждаешься. Никаких гостиниц! Друзья друзей — наши друзья тоже. В доме полно свободных комнат, правда, Логан?

— Ага, — подхватывает тот, пихая поднос со стаканчиками обратно моей сестре. — Ридж, твой чемодан всё ещё в машине?

— Да.

— Отлично, — Логан с широкой улыбкой выходит вперёд, деловито потирает ладони. — Значит так, ребяташки, план такой. Ты с Майком, — он бросает взгляд на Дэниз, — отправляетесь на кухню и готовите нам ужин. Не одни же сэндвичи жевать. Я иду в машину за твоим, — Логан поворачивается к Риджу, — чемоданом. Потом присоединяюсь к компании на кухне. Тем временем зараза пытается убедить тебя во-о-он в то-о-ом, — он жестом указывает на дверь позади себя, в противоположном конце гостиной, — кабинете, почему она не злобная стерва, какой кажется, а на самом деле — белая и пушистая. Потом мы наконец-то спокойно ужинаем и решаем, как жить дальше в этом дерьмовом мире. Всем ясно?

Никто не возражает. Ридж если и собирается, то не успевает. Все, как по команде, торопливо расходятся: Майк, захватив с пола сумку, уводит Дэниз на кухню, а Логан небрежно набрасывает на себя розовый дождевик сестры — только капюшон на голову, даже не пытаюсь влезть в рукава, — и исчезает за порогом.

Я же марширую в кабинет, отчаянно надеюсь, что Ридж благоразумно последует моему примеру. Хотя бы потому, что он прекрасно знает — ближайшая гостиница находится в десятке километров отсюда, а своей машины у него всё равно нет. Пешком по тёмному лесу в ливень — нелёгкое испытание даже для прожжённых местных путешественников. Ридж же всегда предпочитал организованный туризм: на автомобиле или самолёте с заранее забронированным номером и завтраком в приличном мотеле, как минимум.

Впрочем, если вдруг решится артачиться и показывать характер, отговаривать не стану. Может быть, одолжу фонарик. Дождевик у него уже есть. И скатертью дорога. Далеко не уйдёт. Промокнет, замёрзнет, проголодается и вернётся. Глядишь, станет сговорчивее.

Первоначальный положительный настрой на спокойный разговор улетучивается со скоростью света. Я не нервничаю, лишь тупо злюсь, пусть и понимаю — напрасно. Будь я сейчас на месте Риджа, вполне возможно вела бы себя так же. Или ещё хуже. Только осознание проблемы не ведёт к её решению, а наоборот — уводит непонятно куда в дебри эмоций. И я продолжаю заводиться. Поэтому, когда за другом захлопывается дверь, я сразу

же набрасываюсь на него с обвинениями:

— Какого чёрта ты собрал вещи и ушёл из дома моих родителей?! Я разве просила везти мне чемодан? Трудно было набраться терпения и просто подождать, когда я вернусь? Надо обязательно устраивать драму? Мало всего, что уже случилось, да?!

Ридж, кажется, на мгновение теряет дар речи, но тут же язвительно бросает в ответ:

— Сколько ждать, Стэйс? До утра?! Сутки?! Неделю, общаясь через твоего экс-смсками?!

— Несколько часов. И Логан — не мой экс.

Ридж не слушает.

— Ты хоть понимаешь, каким идиотом я выгляжу в глазах твоей семьи и друзей?! — возмущается он, впервые со дня знакомства повышая на меня голос. — Два дня как придурок разыгрываю из себя жениха! Придумываю на ходу небылицы для твоих кузин! Окружаю вниманием тётушек! Подыхаю от похмелья, потому что имел несчастье согласиться на мальчишник, где твой ненаглядный дружок спойл меня, а потом развёл как последнего лоха! С раннего утра как клоун на арене сыплю остротами и шутками, чтобы понравиться твоему отцу, чтобы что в итоге? Чтобы пришёл шериф и с порога обвинил меня во вранье! Мол, я являюсь не тем, за кого себя выдаю! Представляешь, как на меня смотрели твои родители?! Нет, ты не представляешь. Ты же предпочла не возвращаться домой, а скоротать вечерок со старыми друзьями!

— У меня, по-твоему, пикник был, да?! Я прям всё это время наслаждалась в участке, да?! Ты понятия не имеешь, что мне пришлось пережить за эти три дня. Родители на него смотрели!.. Ой-ой-ой! Да на меня весь город глазел как на прокажённую, когда в наручниках и в крови Мишель вели к машине через парк!

— Это другое!..

— Правильно! Другое! Догадайся с трёх раз, кому из нас было хуже.

— Мне!

— Ты в своём уме, Спенсер?!

— Ты никого не убивала. Твой арест — простая формальность. Недоразумение, которое быстро разрешилось. А я — виновен. И даже не мог сказать ничего в своё оправдание!

— Ты... Ты вообще... Ты!.. — захлебываюсь от возмущения я. — Я не заставляла тебя притворяться! Нравиться моей семье тоже не просила! Подарки и шутки — твоя идея! Как и переться на мальчишник! Я же отказалась, ещё и от Логана огребла напутствия, как отпускать поводок! Но ты же крутой парень! «За меня не беспокойся, Стэйс. Я справлюсь. Правда, справлюсь, Стэйс. Я — большой мальчик, Стэйс. Я способен пережить ещё одну холостяцкую вечеринку». Пережил?! Видел бы себя, каким явился. Да ещё с Майком в обнимку! Из всех мужчин этого чёртового города ты притащил ко мне в дом Майка Бэка и даже не понял, что натворил!

— Какой плохой я! Тебе-то нужен был всего лишь «надёжный тыл»! Лучше безмолвный и на батарееках, который можно спрятать в ящик с нижним бельём подальше от чужих...

— Мне нужен был Майк! Всегда Майк, понимаешь?! Только Майк! — Мой голос срывается на крик. — За него я собиралась замуж, от него сбежала в Торонто, Ридж! Потому что считала... Потому что дура безмозглая! Это его кольцо болтается на цепочке на моей груди, понимаешь?! Как ты думаешь, почему?! Потому что в моей жизни всё всегда было связано с Майком! Я пыталась его если не забыть, то хотя бы возненавидеть! А ты привёл его ко мне в дом ночью! И пока ты напивался в баре, разыгрывая из себя своего в доску парня

для всех, я имела удовольствие выслушивать откровения матери Майка про их с Мишель свадьбу и приглашение, которая она мне послала, чтобы побольнее задеть. Потом лицезреть сексуальные эксперименты подруги, выскочившей обманом за Майка замуж, потому что у Логана слишком длинный язык, а ещё оправдываться перед Майком, получать пощёчины от сестры и бывшей невесты брата! Убитого брата! Чтобы через день видеть, как она умирает на моих руках, а потом выслушивать нелепые обвинения очумевшего от ревности и горя шерифа! Знаешь, почему я рассказала ему про наш фарс? Боялась, что они обвинят и тебя, если узнают первыми! Решат, что тебе есть, что скрывать, что ты — причастен к убийству. Не хотела подставлять, не хотела, чтобы ты врал ради меня полиции, понимаешь?! Думаешь, я всё это планировала?! Так вот у меня для тебя сногсшибательные новости — нет! — Перевожу дыхание и молчу, наблюдая за перекошенным от изумления лицом Риджа, которому явно требуется время переварить услышанное. Гораздо тише и спокойнее продолжаю: — Никто лучше тебя не знает, как я не хотела сюда ехать, как боялась. Ты советовал пережить и поставить точку. Я пыталась. Честно, Ридж. Пыталась. Но столько всего свалилось... и сразу. Ты — мой друг. Один из лучших. Я никогда не хотела тебе навредить. Правда, не хотела. Прости, что втянула во всю эту хрень.

Он молчит. И кажется, ещё чуть-чуть и воздух зазвенит от напряжения.

Я смотрю на водяные узоры стекающих по стеклу капель дождя. Повисшая в кабинете тишина сводит меня с ума, но я не собираюсь больше ни в чём убеждать Риджа. И так слишком много наговорила. Если он не хочет иметь со мной ничего общего, что ж... Это его выбор. Я самолично отвезу в гостиницу и оплачу номер. И буду надеяться, что когда-нибудь потом, когда страсти улягутся, Ридж если не поймёт, то хотя бы простит меня.

— Помнишь нашу поездку в Квебек на мой день рождения? — оборачиваюсь к нему. Ридж молчит, застыл без движения, видимо, всё ещё переваривая брошенные мной в лицо откровения. Хмуро на меня смотрит. — Я как идиотка нацепила тогда новые сапоги и чуть не умерла.

...Я любила и ненавидела осень. Любила за короткое, завораживающее очарование и буйство красок, за конец ненавистного лета, за приближение долгожданной зимы. И ненавидела за всё остальное. За голые уродливые деревья, за жухлую траву, за первый робкий снег, превращающийся в омерзительную грязь едва коснувшись земли. За промозглые серые дни, когда тоска пробиралась в душу, давила на грудь и тянула к горлу костлявые, холодные пальцы. А после смерти брата добавился еще один повод ненавидеть осень.

Постепенно все вокруг смирились и приняли как данность — я больше не праздную свой день рождения. Вообще. А значит, нет необходимости звонить мне с поздравлениями, слать открытки и смски, покупать подарки, устраивать сюрпризы и вечеринки. Только настырный Логан по традиции, начатой им ещё на моё шестнадцатилетие, продолжал упрямо из года в год присылать мне букет бордовых роз. Каждый раз на одну больше.

В этом году Логан превзошёл самого себя. Откуда-то узнав про мой отпуск, позаботился о доставке заранее. И ещё вчера днём посыльный притащил ко мне в офис охапку из тридцати трёх роз, дав повод коллегам лукаво улыбаться и перешёптываться. Слава богу, они понятия не имели о предстоящем уикенде в Квебеке с ещё одним упрямым, нежелающим слушать мои объяснения. Ридж твердил как попугай, что отказываясь праздновать день своего рождения, человек гневит Мироздание, потому что тем самым ставит под сомнение важность собственного появления на свет.

И я устала спорить.

А теперь мы вдвоём с Риджем неслись по скоростной магистрали, утопающей в разноцветных красках осени, через всю Онтарио на восток — в Квебек. Стоило пересечь границы провинций, как надписи и знаки сменились французскими названиями. Я хоть и знала этот язык ещё со школы, но почти не использовала: в Альберте, несмотря на высокий процент франкоговорящего населения, французская речь была редкостью. В Торонто — ещё реже. Иногда по работе сталкивалась с документами на французском, всё ещё отлично понимала смысл, бегло читала, да и писала почти без ошибок, но почти не говорила на нём, потому что жутко стеснялась акцента.

Как ни странно, так далеко от дома в родной стране за всю свою жизнь я ещё не забиралась. Сумбурную поездку в Юкон по делам матери очень давно, где-то за год до рождения Дэни, можно вообще не считать. Я почти ничего не запомнила, кроме скучного, бесцветного номера отеля, в котором просидела с братом и Эми перед телевизором весь день, а вечером мы улетели обратно. От Рождественских каникул в детстве в Канкуне, куда на две недели отправились всей семьёй вместе с Майком, Логаном, годовалым карапузом Лиамом и их родителями, осталось и то больше воспоминаний, несмотря на то, что мне тогда было лет семь.

Ридж не переставал удивлять. Сначала тем, что вообще организовал эту поездку и предпочёл долгое путешествие на машине паре часов полёта из Торонто в Квебек. Теперь, как выяснилось, он не только прекрасно владел французским, непринуждённо и абсолютно без акцента болтая с официантом первого «Тим Хортонса», встретившегося нам во франкоговорящей провинции, но и родился вовсе не в пригороде Торонто, как я наивно считала, а недалеко от бывшей столицы Новой Франции. Его мать умерла много лет назад, отец перебрался в Леви, купил домик прямо на набережной Св. Лаврентия с видом на реку и Квебек-сити. Вот к нему мы и направлялись сейчас. По крайней мере, именно это только что сообщил официанту радостный Ридж.

— Почему ты не предупредил, что мы заедем в гости к твоему отцу? — спросила я, забирая стакан с кофе и бумажный пакетик с черничным кексом.

— Твой французский гораздо лучше, чем я думал, — улыбнулся приятель. Кивнул на свободный столик у окна, прямо у входа. Продолжил, возвращаясь на английский: — Потому что еле уговорил тебя поехать. Представляешь свою реакцию, если бы я сказал, что собираюсь навестить отца вместе с тобой?

Я благоразумно промолчала, понимая, что Ридж прав. Пряча ухмылку, села и с наслаждением вдохнула сводящий с ума аромат свежей сдобы и кофе.

— А теперь возражать глупо и бессмысленно, — Ридж опустил на стул напротив меня. — Ты в моей власти.

— Не будь так уверен. Я всё ещё могу от тебя сбежать и вернуться в Торонто.

— Ладно. Тогда придётся тебя связать. Или приковать к себе наручниками. Нет. Лучше сразу запихну тебя в багажник. На всякий случай, — без тени улыбки бросил Ридж, с преувеличенным вниманием изучая купленный сэндвич с ветчиной. — Не хочу, чтобы ты нарушала мои планы. Я ведь всё продумал до мелочей.

— Неужели? Меня ждут ещё сюрпризы?

— Ну, — он встретился со мной хитрым взглядом. — Пообедаем у папы. Он, кстати, очень милый и воспитанный старикан. А ещё готовит потрясающий путин. Настоящий, квебекский. Объединение! — друг красноречиво причмокнул. — Потом на пароме переберёмся

на другой берег. И, вуаля, мы в Квебек-сити. Я специально заказал гостиницу прямо в Старом городе, чтобы не тратить время на разезды.

— Очень надеюсь, что не «Шато-Фронтенак».

— Нет, — рассмеялся Ридж. — Мои доходы несколько скромнее. Но наш отель тоже чудесный. Тебе понравится.

— Даже не сомневаюсь.

— Погуляем по Королевской площади, там же поужинаем, вернёмся в отель, а с утра отправимся на прогулку по городу. Надеюсь, ты взяла удобную обувь, потому что ходить нам придётся долго. Набережная Губернаторов, поля Абраама, Университетский квартал... А послезавтра — водопад Монморанси...

— Я даже приблизительно не представляла, что нам придётся столько ходить. Но ты вообще не преувеличивал. Так что под вечер я почти не чувствовала ног и мечтала только добраться до номера, чтобы закинуть себя в ванну. А ты продолжал водить меня по музеям, и я тихо ненавидела все эти улицы, парки и мощённые тротуары.

— Почему ты ничего мне не сказала? — Ридж удивлённо вскидывает брови. — Мы могли вернуться в отель. Ты бы переделась. Или что-нибудь купили бы в городе... удобное.

— Мне было стыдно, — пожимаю плечами. — Ты так старался, готовился. Я тоже хотела тебя удивить. Соответствовать духу прогулки. Вот и вырядилась. Новое платье, плащ и сапоги.

— Ты ненормальная, знаешь? — усмехается он.

— Угу. Ты говорил. Неоднократно. А в эти выходные я с лихвой доказала, насколько ты прав.

И снова тягостная пауза. Я мысленно начинаю отсчёт, решая, что если Ридж так ничего и не скажет, на «пять» я просто предложу отвезти его в отель и оставлю всё как есть. Подробности прошлого, объяснения если и будут, то гораздо позже.

— Ты тоже прости меня, — раньше, чем счёт доходит до трёх, говорит Ридж. Угрюмо трясет головой. — Получилось глупо и... Не знаю, что на меня нашло. Ты права, надо было дождаться тебя, а не везти сюда твой чемодан. Но я волновался. Когда Дэниз сказала, что едет к вам, решил, что обязан тебя увидеть. А потом явилась полиция, и я... Просто болван, — он разводит руками, встречаясь со мной взглядом. — Прости.

— Ты прости. Я не должна была срывать и кричать на тебя. Мне, вообще, надо было сразу всё рассказать. Или хотя бы часть. Чтобы ты не фантазировал того... чего не существует.

— Почему Логан называет тебя заразой? — вдруг интересуется Ридж.

Ладно. Откуда-то начинать всё равно нужно.

— В пять лет я подцепила ветрянку. Сразу же выяснилось, что никто из моей семьи ей не болел. Брэдли и его родители — тоже. Только Райан, отец Майка. В общем, мама попыталась меня изолировать, но я каким-то образом успела заразить Майка, а Ирэн... это его мама. Она вот-вот должна была родить и тоже не болела ветрянкой. Тогда Райан накупил продуктов и увёз нас с Майком на месяц из города сюда в охотничий домик. Раньше родители Логана жили по соседству с нами, не здесь. Вот мы втроём и торчали тут на карантине. Зимой, в лесу, без телевизора и мультиков. Райан сутками возился с нами, следил, чтобы мы не чесались, пытался развлекать. Водил на прогулки, устраивал игры, учил узнавать следы на снегу, рассказывал всякие истории про животных. Даже научил нас с Майком читать и заставил вызубрить таблицу умножения. И знаешь, благодаря ему та

ветрянки — одно из моих лучших детских воспоминаний. О Райане — тоже. Он погиб, когда нам было девять. Ну а Логану понравилось слово «зараза», хотя ему никак не удавалось выговорить всю фразу целиком. Вместо «у Стэйси заразная болезнь» он произносил только «Стэйси — зараза». Чем больше его ругали и запрещали, тем чаще он это делал. Так я превратилась в заразу. Правда, позже, в школе, прозвище забылось. А потом... — встречаюсь взглядом с внимательно слушающим Риджем. — Когда нам исполнилось семнадцать, и я убила его родителей. — Замечаю, как меняется в лице друг, и торопливо добавляю: — Не буквально, конечно. Но фактически они погибли из-за меня. Несчастный случай. Логан снова стал называть меня «зараза».

Надо же, годами не всплывавшая история за сегодняшний день упоминается уже в который раз. И Риджу я должна рассказать её в деталях, потому что не хочу ничего от него скрывать или оставлять недосказанным. Пусть узнаёт всю правду, как есть, а затем решает, как ему поступить.

— Я поругалась с Майком на вечеринке Мишель. Здесь, в этом доме. Тогда он был меньше. Это потом Логан перестроил. В общем, я пошла в туалет, а когда вернулась, увидела, что Майк и Мишель целуются. Позже выяснилось, что это она целовала его специально, чтобы нас поссорить, но в тот момент мне было не до деталей. Я психанула, хотела вернуться домой, но не смогла нигде найти ни Логана, ни брата, чтобы они меня отвезли. В итоге поддалась на уговоры Майка поехать с ним. Как ты понимаешь, в машине мы, конечно же, продолжили ругаться. Он пытался объяснить, что случилось на самом деле, а я сходила с ума от ревности, орала на него и не желала ничего слушать. Всё, что мне тогда хотелось — никогда больше их с Мишель не видеть и не слышать. Забыть навсегда, как они танцуют.

Перед глазами снова всплывают кадры из присланного мне на девичнике видео. Чёрт побери! Кто бы это ни сделал, он определённо рассчитывал, что у меня сорвёт крышу, и не ошибся. Вот только зачем? А главное, имеют ли посылный и эта запись отношение к убийству Мишель?

— Шёл сильный дождь, — продолжаю рассказывать я. — Майк испугался, что пока мы орём друг на друга, попадём в аварию. Остановил машину на обочине, попытался меня успокоить, но я не желала его слушать. Хотела всё забыть, не чувствовать вообще ничего. Выскочила на шоссе.

Закрываю глаза, понимая, что из них вот-вот брызнут предательские слёзы.

Жаль, проклятая амнезия не продлилась долго. Я вспомнила всё до мельчайших подробностей буквально на следующий день после того, как пришла в себя в больнице. И собственная память будто в наказание подвергала меня ещё более утончённой пытке, заставляя прокручивать в голове снова и снова всё, что произошло накануне. Секунду за секундой. Медленно. Оглушая пронзительным криком Майка на шоссе и ослепляя яркой вспышкой фар, подкидывая в воздух навстречу падающим каплям дождя и больно роняя на мокрый асфальт.

Родители Логана как раз проезжали мимо нас. Его отец попытался избежать столкновения, но машину занесло и выкинуло с моста прямо в пропасть. На камни. Я осталась жива. Они погибли.

— Я не знал. Прости. Мне не стоило спрашивать.

— Нет, это ты прости. — Заставляю себя посмотреть ему в глаза. — Раз уж потащила тебя сюда и вынудила притворяться, я должна была рассказать тебе сразу. Это и не только.

Многое. У нас с Майком, как выразился шериф, богатая история. Но... Лучше поздно, чем никогда, так ведь? Теперь ты знаешь, что за бетонная плита висела над моей головой.

— Да уж.

— Я очень долго пыталась не вспоминать всё это, Ридж. Наивно надеялась, что смогу обойтись без рассказов. Что после свадьбы мы с тобой сразу вернемся в Торонто и никому не будут нужны подробности моего прошлого. Что для тебя это останется просто ещё одним уикендом. Без последствий.

— Мы уедем, Стэйс. Обязательно, уедем. Не так быстро, как хотелось бы, — сбивчиво говорит он. — Я завтра всё улажу. Позвоню в аэропорт, перенесу билеты. Двух дней же хватит? Не станут же в полиции удерживать нас здесь вечно. Хотя нет. Два дня — мало. Ведь ещё похороны Мишель.

— Погоди, Ридж! — Он так ничего и не понял. Слушал, но не слышал. — Завтра утром я поговорю с отцом. Папа сможет добиться, чтобы тебе разрешили вернуться в Торонто. В конце концов ты — и не свидетель вовсе. Ты даже не знал Мишель и не обмолвился с ней ни словом. Вряд ли у шерифа найдутся веские основания тебя удерживать. Наверняка он просто хотел проверить твои данные, думал, что раз ты связан со мной, а я... Но это уже не важно. Кое-что выяснилось. Мишель убили тем же ножом, каким зарезали моего брата. Поэтому Лински приезжал к моим родителям. Теперь ты сможешь уехать. Может быть, даже завтра. Тем же рейсом. Ничего не придётся отменять или переносить.

— А ты? — хмуро спрашивает Ридж.

— Я останусь здесь, пока полиция... Пока не буду знать, кто убил моего брата и Мишель.

— Чтобы следить за расследованием вовсе не обязательно торчать здесь.

— Ридж, нет, — упрямо качаю головой. — Это не обсуждается. Я не вернусь в Торонто с тобой.

— А как же твоя работа? — обеспокоенно спрашивает он.

— Завтра позвоню в офис, обо всём договорюсь. Сначала возьму отпуск за свой счёт. Дальше будет видно.

— Дальше?.. Убийцу могут искать годами. А в итоге не найти.

— Я знаю. Поэтому не собираюсь ждать, когда они найдут.

— Тогда зачем? Погоди, — Ридж испытывающе смотрит мне в глаза. — Ты что?.. Ты собираешься... Ты с ума сошла?!

— Я ещё не знаю, что собираюсь делать. Честно. Не знаю! Но есть вопросы, ответы на которые я обязана получить. Только задать их шерифу я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— У него был роман с Мишель, она собиралась развестись, чтобы быть с ним. И теперь шериф уверен, что убийца — Майк. Видите ли, по его статистике в большинстве случаев в убийстве жены виноват муж.

— Это не его статистика, — перебивает Ридж. — Это факты, с ними сложно спорить.

— Да плевать мне на такие факты! Майк — не убийца!

Чёрт! Ещё два дня назад сама же подозревала Майка. Сама же поломала наши отношения, сбежала, изводила себя сомнениями, а теперь с жаром доказываю тому, за кого цеплялась как утопающий за соломинку все эти годы, что Майк не способен убить Мишель, а тем более Стива.

— Послушай, я знаю, что ты пытаешься мне сказать. Правда, знаю. Я была на твоём

месте. Знаю, как всё может выглядеть... оттуда. Мне понадобилось семь лет, чтобы осознать, как я ошибалась.

— Ага! — Глаза Риджа победно блестят. Он трясёт в воздухе указательным пальцем, направленным на меня. — То есть ты признаёшь, что сама сомневалась. Поэтому вы расстались, да? И после этого будешь уверять, что...

— Буду, — упрямо повторяю я. — Потому что теперь у меня есть доказательства.

— Какие же? Его слова?

— Его глаза! Я их видела, когда Майк вошёл в беседку. Видела, как он смотрел на Мишель. Понимаешь? Видела! Я знаю его. Знаю. Майк не убивал Мишель. А значит, и моего брата тоже.

— Ты... — Ридж несколько секунд буравит меня пристальным, колючим взглядом. Медленно, вкрадчиво говорит. Так, словно обращается сейчас к собиравшемуся спрыгнуть с моста самоубийце. — Стэйс, милая. Не форсируй события. Не надо. Ты можешь заблуждаться, потому что судишь предвзято. Не видишь всей картинки. Позволь полиции разобраться. Они знают, что делают. Послушай меня.

— Нет, это ты меня послушай! — начинаю терять терпение и предельно ясно отдаю себе отчёт, что вот-вот снова взорвусь, обрушив на голову несчастного Риджа далеко не лестные эпитеты, а потом просто выставлю вон в любую гостиницу. И пусть катится к чертям подальше! — Я семь лет решала для себя эту дилемму. Семь грёбаных лет, Ридж! Ты хоть представляешь, каково это? Я оставила Майка, семью, друзей. Отменила свадьбу, в один миг перечеркнула годы прекрасных отношений. Сомневалась, искала ответы, боялась, надеялась, корила себя, пыталась ненавидеть Майка. Но теперь, — перевожу дыхание, — теперь, Ридж, я знаю. Да, знаю. Уверена, Майк невиновен. Более того, ему может грозить опасность. Поэтому я никуда и ни за что не уеду. Я останусь здесь. С ним. Рядом. И буду искать ответы. Пусть шериф занимается расследованием. Я не собираюсь никому мешать. Но и спрашивать разрешения тоже не стану. Ни у кого. Даже у тебя.

Несколько секунд мы оба молчим и обмениваемся красноречивыми взглядами.

— Ладно! — Ридж побеждённо поднимает руки. — Только не надейся, что так быстро от меня избавишься.

— В смысле?

— В смысле, что я тоже никуда не поеду. Останусь здесь. По крайней мере, до тех пор, пока не буду уверен, что ты в безопасности.

— Мне показалось, или совсем недавно ты вынес вердикт, что я в надёжных руках?

— Я уже извинился за поспешные выводы. Хочешь, могу ещё раз.

— А как же твоя работа? Скажешь в редакции, что нашёл другую? Неужели моим телохранителем?

— Скажу им правду. Что совершенно случайно оказался в эпицентре трагических событий и собираюсь принять участие в расследовании убийства. Или нет. Лучше. Скажу, что хочу провести собственное независимое журналистское расследование, а потом написать статью для газеты. Им понравится. Они ещё и расходы оплатят. За билеты и гостиницу.

— Тебе не придётся жить в гостинице, Ридж.

— Ну не станет же твой Логан терпеть меня в своём доме постоянно.

— Мой Логан — хозяин единственной гостиницы в городе. Даже если ты там поселишься, он всё равно не возьмёт с тебя плату, — устало говорю я. — Можешь

перебраться в мотель, это на трассе за городом. Только, полагаю, оттуда следить за мной будет трудновато. Ты ведь именно этим собираешься заниматься, не так ли? Плюс, тогда тебе понадобится машина.

— Пытаешься меня разозлить или предлагаешь скрытую альтернативу?

— В качестве альтернативы ты всегда можешь остановиться в доме моих родителей. Эми вернётся в свой к Скотту. Дэниз учится. Отец и мать целыми днями торчат на работе.

— Ты тоже там поселишься?

— Да. Или нет. Не знаю, — пожимаю плечами. — Всё зави...

— От чего? — он ухмыляется. — От Майка?

— От обстоятельств, Ридж, — я закатываю глаза. — Давай сразу договоримся. Не пытайся иронизировать и подкалывать. Мне хватает Логана с его дурацкими комментариями. Вас двоих я не вынесу. Если ты, конечно, собираешься мне помогать, а не путаться под ногами.

— Ладно. Прости, — он снова миролюбиво поднимает руки. — Кстати, я считал, что Логан владеет каменоломней, а не гостиницей. Он что-то про это говорил на мальчишнике.

— И тем, и другим. Гостиницу он выкупил сам несколько лет назад. Каменоломня досталась по наследству от матери. От отца — лесопилка. Вполне возможно, он приобрёл ещё что-нибудь с нашего последнего разговора. Кроме джипа, который ты уже видел. Как говорит моя мать, у Брэдли потрясающая деловая хватка и чутьё на прибыль.

Ридж многозначительно вскидывает брови.

— Теперь я понимаю, почему с ним ты сохранила хорошие отношения.

— Да, Логан умеет делать мою жизнь ярче. Во всех смыслах. Но дело не в этом. Мы дружим с детства, он мне как брат.

— А Майк?

— Что Майк?

— Ты поняла вопрос, — Ридж бросает на меня выразительный взгляд. — Я же должен хотя бы приблизительно представлять, на чьей стороне собираюсь воевать.

— Ладно. Майк мне не брат, хотя мы тоже знакомы с пелёнок. Ему не надо ничего делать ярче. Он и есть моя жизнь.

— Доходчиво. — Ридж как-то странно косится на меня, но через секунду на его губах снова играет знакомая, беззаботная улыбка. — Надеюсь, ты не ошибаешься, Стэйс. Но я всё равно с тобой. До конца. Хочется верить, до победного.

— Сомневаешься, что у меня получится докопаться до правды?

— Наоборот. Я уверен, ты докопаешься. Рано или поздно. Только какой ценой? — он усмехается. — Ты и сама знаешь. Будут последствия. Для всех, кто окажется замешан.

— Осторожничаешь? Мне казалось, ты любишь проявлять инициативу и рисковать.

— Не настолько и не во всём. — В его взгляде ни тени улыбки. — Но ты искала надёжный тыл, и я согласился. К тому же, ты — мой друг. Настоящий. И ты в беде, а друзей в беде не бросают.

Дверь с шумом распахивается, и в кабинет врывается Эми. Сейчас она ничем не напоминает очаровательную, воздушную, счастливую невесту. Вместо свадебного платья — тёмно-синий спортивный костюм, такие же сникерсы, с распущенными влажными волосами, бледная, без косметики и с красными, заплаканными глазами. Едва заметно кивает вздрогнувшему от неожиданности Риджу и бросается ко мне:

— Ты уже знаешь про нож?

Конец второй части.

Снаружи беснуется непогода. Буянит неугомонный ветер, неистово обрушиваясь на мохнатые ели, но раз за разом терпит поражение — девственный лес, обступивший плотной высокой стеной охотничий домик, давно привык к капризам природы и стойко сносит удары. Безжалостно хлещет дождь, продолжая барабанить по крыше и стёклам, и заливает двор с террасой. Чёрное с проседью из тяжёлых, неуклюжих туч небо то и дело вспыхивает, раздираемое на части яркими, рваными кусками молний, а потом гремит, постепенно затихая — до очередного оглушительного раската грома.

Внутри, наоборот, тепло и уютно. Мягкий электрический свет струится из резных, деревянных панно на стенах, превращая гостиную в удобный островок посреди бушующего океана, где нашлось место для нас всех. Вкусно пахнет едой, а вместительный деревянный журнальный столик соблазнительно манит расставленными на нём блюдами.

Майк с Брэдли постарались на славу — к привезённым сэндвичам и купленной Скоттом и Эми пицце с ветчиной добавился путин с курицей, овощной салат, тыквенный суп-пюре и даже панированный хрустящий картофель, но я понимаю, что если проглочу хотя бы ещё кусочек, просто лопну.

Впрочем, не я одна. За долгий, нервный день, когда вместо фуршета получили убийство, а на десерт — допрос в полиции, все ужасно проголодались, поэтому жадно и с азартом накинулись на долгожданный ужин. Теперь же, когда желудки забиты вкусной едой, мы все лениво ковыряемся в тарелках.

Наше сборище выглядит естественно. Почти. Потому что вряд ли кому-то удалось хотя бы на секунду забыть, почему мы оказались здесь и сейчас.

Ридж, переодевшись в голубые джинсы и красную футболку с принтом симпатичного озорного лося, купленную, кажется, ещё в Квебеке, сидит в кресле и неспешно потягивает пиво прямо из банки. Скотт, как и Эми, в тёмно-синем спортивном костюме из тех, что обычно продают в Хэтли-Стор или Волмарте, расположился с сестрой на широком мягком диване. Справа от них на таком же диванчике, только двухместном, развалился Брэдли с уютно устроившейся на его коленях Дэниз.

На первый взгляд эта парочка ведёт себя непринуждённо, видимо, осознав, что притворяться больше нет смысла. И я невольно ловлю себя на мысли, что вместе они смотрятся довольно гармонично, несмотря на тринадцать лет разницы. Подтянутый, накачанный Логан в потрёпанных светлых джинсах и голубом свитшоте с капюшоном выглядит гораздо моложе, напоминая себя-студента, но никак не успешного предпринимателя-владельца половины Риверстоуна и окрестностей. У Дэни зато куда-то напрочь испарились присущие ей инфальтильность и бравада.

В отличие от нас Дэниз внешне мало напоминает родителей. Такая же, как у отца, родинка на правой лопатке в форме сердечка — вот, пожалуй, единственное физическое сходство. Да и характером не похожа ни на кого из семьи, вобрав в себя по капле от каждого. От матери взяла врождённую властность, от Эми и отца — настойчивость и упорство, от Стива — пронизательность и потрясающую память на лица. А от меня по иронии судьбы — то, что вряд ли считается достоинством: взрывной темперамент и жгучую ревность. И очень хочется надеяться, что младшая сестра всё же не в курсе моих похождений с Логаном в Сиэтле. К гадалке ходить не надо, и так ясно, как Дэни отреагирует, если узнает про наш

пьяный сексуальный опыт. А уж какие мысли навсегда поселятся в очаровательной головке, я могу представить, не напрягая воображение. Достаточно вспомнить собственные семнадцать. Придётся провести с Логаном объяснительную беседу, в противном случае его простодушная прямота обойдётся нам обоим слишком дорого.

Мы с Майком, по негласно воскрешённой из небытия традиции, сидим рядышком на раскиданных прямо на полу диванных подушках — между Риджем и Скоттом, напротив Дэниз и Брэдли.

Не хватает только Лиам. Скотт заверил, что тот хоть и вынужден сейчас держать дистанцию, всё равно на нашей стороне. Что они успели перекинуться парой слов, и что Лиам ни минуты не сомневается в нашей с Майком непричастности к убийству Мишель. А значит, сделает всё возможное, чтобы оградить нас от последствий, если шериф окончательно слетит с катушек и устроит «охоту на ведьм».

Майк и остальные в этом не сомневаются. Я тоже, но бесит сама мысль, что из-за меня Лиаму придётся рисковать карьерой в полиции и репутацией, не говоря о том, чем может обернуться так называемая «самодеятельность» лейтенанта Бэка. Бедный. Вот уж кому не позавидуешь! Мало того, что Лиаму приходится расследовать убийство невестки на свадьбе сводного брата под чётким руководством её же любовника, так ещё в списке главных подозреваемых — сиблинг и его бывшая. Вдобавок любимая девушка совсем недавно ушла к его лучшему другу, пусть об этом Лиам ещё не знает.

Наша с ним разница в шесть лет казалась в детстве огромной, но после окончания университета почти стёрлась. И всё же Лиам подсознательно очень долго оставался для меня перепуганным насмерть трёхлетним ребенком, чьё ледяное худенькое тельце я пыталась согреть собственным теплом, пока Стив с Логаном не привели на помощь взрослых. А теперь... Теперь очень многое в наших жизнях изменилось, но, как оказалось, старые инстинкты по-прежнему живы.

Стоило мне сблизиться с Майком, как я, повинуюсь многолетней привычке, снова бросаюсь опекать его младшего брата. А потому должна найти способ выйти из сложившегося положения так, чтобы Лиаму не пришлось подставляться из-за нас, пусть сейчас я даже приблизительно не представляю, как заставить мать отозвать своего «пса».

Если Логан прав, а скорее всего так и есть — в таких делах он разбирается, как никто, — то стоит мне рассказать родителям про последние слова Стива, как мама ухватится за них похлеще питбуля, и вот тогда братьям Бэк точно не поздоровится. Она недолго любила Майка с той самой аварии, когда погибли Джеки и Роберт. Ей нужны были виноватые. Я бы не удивилась, если бы узнала, что мама пыталась надавить на шерифа: Айлин Трупер потеряла лучших друзей и едва не осталась без дочери. Однако заключение дорожной полиции определяло случившееся, как несчастный случай. А обвинять Провидение или Судьбу — занятие неблагодарное. И бесполезное.

К неудовольствию матери, которой в отличие от Логана срочно требовался «козёл отпущения», Майк не нарушил правила. Он даже оставил включёнными фары и задние фонари, чтобы нас смогли заметить издалека. А вот Роберт согласно данным экспертизы превысил разрешённую скорость, что само по себе опасно, не говоря о том, что шёл ливень, а впереди находился узкий мост.

Только всё это не вписывалось в картину, которую нарисовала мама. Ей было плевать на какие-то бумажки, и на то, что каждый из нас уже заочно считал себя «убийцей» родителей Брэдли, поэтому она негласно объявила Майка главным виновником.

Мишель тоже попала в список виноватых, но, как ни странно, ей досталось гораздо меньше. Может быть, потому что с того самого вечера мы с ней не считались больше подругами и, если бы не Стив, вполне возможно я никогда бы больше даже не заговорила с Мишель.

Майк же с моего «радар» не исчез и исчезать не собирается. До сих пор.

Я прекрасно помню, как вела себя мать семнадцать лет назад. Отлично представляю, как она отреагирует, если узнает о последних словах Стива, и какую «охоту на ведьм» устроит. Именно это — одна из главных, если не самая веская причина, почему я молчала и не решилась признаться родителям сразу же после убийства. Да и сегодня я поступила практически так же, не питая никаких иллюзий о том, что будет, когда моя мать узнает правду.

Можно, конечно, не посвящать её с папой в некоторые детали. Это выход, чтобы не сгущать краски и не нагнетать без того раскалённую обстановку. Ридж, Дэниз, Логан, Скотт и Лиам будут молчать. Но оставалась Эми, а шансы убедить правдолюбку-сестру соврать — плюс-минус невозможность. К тому же, обман с Риджем и моё возвращение к Майку через пять секунд после убийства Мишель как-то объяснять родителям всё равно придётся.

Я натываюсь на внимательный взгляд Майка.

— Ты в порядке?

Я не успеваю ответить. Небо за окном вспыхивает ультрафиолетом, на мгновение выхватывая из темноты белоснежный островок террасы, и тут же грохочет.

— Так, дорогие мои. Вы тоже никуда не поедете! — выносит вердикт Логан, обращаясь к Скотту с сестрой. — Останетесь ночевать у меня. Места всем хватит.

— Вообще-то... — начинает Эми.

— Вообще-то, — продолжает вместо неё Скотт, — у нас сегодня первая брачная ночь. Или что-то вроде.

— Ну, «что-то вроде» сегодня не у вас одних. Без обид, приятель, — Логан с наигранным сожалением разводит руками, глядя на Риджа: — Сегодня здесь будет шумно. Придётся потерпеть.

Чёрт бы его побрал с такой прямоотой! Я стыдливо утыкаюсь лбом в спасительное плечо Майка.

— Как раз это беспокоит меня меньше всего, — со смешком отзывается Ридж. К счастью, он реагирует на происходящее адекватно. — Сегодня ночью я не прочь просто выспаться. А вот что будет завтра, меня действительно беспокоит.

— Завтра будет новый день, — философски изрекает Логан.

— И, очень надеюсь, будут готовы результаты вскрытия, — нарушает молчание Эми.

— И что? Они всё равно не объяснят, кто и зачем искромсал Мишель на ленточки, — бурчит Дэни. Всегда, когда сильно нервничает, сестра становится грубой и циничной. — Лински явится сюда и... опять арестует Стэйс. И...

— И тогда мы будем решать проблемы по мере поступления, — мягко перебивает её Логан. Сильнее обнимает Дэниз за талию, прижимая к груди. Ласково чмокает в висок. — У Питбуля нет повода цепляться к заразе.

— Зато он прицепится к Майку, — вздыхаю я. — А когда мама узнает про последние слова Стива...

— Мама об этом не узнает, Стэйс, — с нажимом произносит Эми, обмениваясь со мной выразительным взглядом. — Пока не узнает.

— Но...

Не верится, что сестра сама и добровольно предлагает мне пойти на спасительную ложь.

— Ты же говорила, что...

— Говорила, — хмуро признаёт Эми. — Но это было до того, как убили Мишель, а вас отвезли в участок.

— Айлин и Джеймс должны узнать правду, — вмешивается Майк. — Всю правду, Эм... Как раз теперь, когда погибла Мишель, это может быть важно.

— Фигня! — вносит свою лепту Логан. — По сути Стив не сказал ничего важного. И Мишель не сказала. Они вообще могли бредить. Так ведь, Скотт?

— Могли, конечно.

— Вот! А насколько я понял, зараза всё равно не собирается менять показания в полиции.

— Не собираюсь! — Я встречаюсь взглядом с Риджем. Судя по красноречивому выражению другу явно есть, что мне сказать, но он молчит. — Я уже говорила. Я не верю ни на секунду, — уверенно продолжаю я, обращаясь в основном к Риджу, — что эта информация хоть как-то приблизит шерифа к убийце. Зато слишком плодотворная почва для всякого рода домыслов и спекуляций. Я знаю маму. Знаю, что она сделает сразу же.

— Это неправильно, Стэйс, — Майк нежно дотрагивается до моей руки, сплетая свои пальцы с моими. Укоризненно качает головой. — Из-за меня ты снова врёшь, и это плохо.

— Плохо было врать раньше. Тебе, Логану, Эми. Плохо и неправильно. Я должна была рассказать и остаться. Я... ругаю себя, что не сделала этого. Может, это могло спасти Мишель. Но вряд ли когда-нибудь получу ответ на этот вопрос. Но теперь я вру не ради тебя, Майк. — Пожалуй, впервые за последние семь лет я так уверена в том, как и почему поступаю, и что всё это — не ошибка, а единственно верный способ получить ответы. — Поймите, я делаю это ради брата, ради Мишель, ради нас всех! — Пробегаюсь взглядом по хмурым лицам и снова смотрю на Майка. — Потому что пока Лински возится с тобой, настоящего убийцу никто искать не станет. А мне нужно, чтобы искали! Я хочу, чтобы искали и нашли! Чтобы никто больше не погиб и... — голос предательски дрожит, но я заставляю себя проглотить вставший поперёк горла ком: — Я должна знать, кто и почему убил моего брата и Мишель. Знать, что нам всем ничего не угрожает, и не надо бояться, кто — следующий.

— Я согласна с сестрой. Поэтому ни мама, ни полиция ничего не должны узнать. Об этом не должны, — тихо, но внятно произносит Эми. — Ты, — она смотрит на меня, — собиралась с утра поговорить с отцом, так?

Я киваю.

— Отлично. Первое, что ты сделаешь, когда приедешь к ним — спросишь папу, готов ли он быть твоим адвокатом. Он, естественно, согласится. Тогда ты дашь ему луни и скажешь, что нанимаешь его. С этого момента ему придётся общаться с тобой наедине, сохранив втайне всё, что ты ему расскажешь. Даже от мамы. Он найдёт способ сделать так, чтобы не навредить ни тебе, ни Майку.

Эми права. Отец обожал Майка и всегда пытался защищать от несправедливых нападков матери, правда, в большинстве случаев — не очень успешно, больше сглаживая углы и обходя «подводные камни», чем кардинально меняя курс «корабля». А когда мы расстались, он сильно переживал, пытался расспрашивать, чтобы понять причины и как-то нас

помирить. Наверняка теперь обрадуется, что мы с Майком снова вместе. Мама же радоваться не станет.

— Скотт, ты женился на гении, — одобрительно замечает Ридж, возвращая на журнальный столик пиво.

— Или на ведьме, — хмыкает Дэниз. — Что? — перехватив выразительный взгляд Эми, пожимает плечами. — Ведьмы — хитрые. Я только это имела в виду.

Все, как по команде, смеются. Что ж, если в подобных обстоятельствах мы не утратили чувство юмора и способны шутить, ещё не всё потеряно.

— Тебе, кстати, тоже не помешает обзавестись адвокатом, — Эми оборачивается к Майку.

Он едва заметно пожимает плечами, широко улыбаясь:

— Предлагаешь дать туни Добряку Джимми?

— Лучше мне.

— А разве можно? Ты же занималась нашим разводом и представляла Мишель.

Вот это новость! Интересно, почему сестра промолчала о такой важной детали? Конечно, посвящать в подробности она не стала бы, даже если захотела. Адвокатская тайна и всё такое. Но хотя бы поставить меня в известность о том, что Мишель и Майк разводятся, Эми могла давно. Не просто могла — должна была! Уж мне-то точно не помешало бы узнать, что их брак летит к чертям собачьим.

Открываю рот, чтобы наброситься на сестру с претензиями, но застываю под пристальным взглядом. Логан выразительно качает головой из стороны в сторону, явно призывая меня к молчанию. И как ни в чём ни бывало иронично бросает, обращаясь к Майку:

— Да соглашайся уже! Где ты ещё найдёшь адвоката-гения, готового прикрывать твой зад за два доллара?

— Да я согласен, конечно. Просто не хочу создавать проблем. Ещё больше, чем создал.

— Если ты о столкновении интересов, Майк, то их больше нет. Теперь, когда Мишель... — Эми шумно и тяжело вздыхает. — Зато я, как никто, в курсе ваших отношений. Даже Лински не сможет обвинить меня в предвзятости.

— А вот мама сможет, — предупреждает Дэниз. — И обвинит.

— Ни секунды не сомневаюсь, — улыбается Майк.

— А я даже вижу, как это будет, — ухмыляется следом Логан.

— Да тут только Ридж этого не видит, — с сарказмом встречаю я.

— Айлин я беру на себя, — обещает Скотт, обнимая Эми за плечи. Смотрит на неё с любовью: — Мы теперь муж и жена. Майк — практически мой брат, так что мы одна семья и закономерно, что я попросил тебя помочь. А ты вполне справедливо не могла мне отказать, тем более сейчас, когда твоя старшая сестра тоже влипла в неприятности. Не говоря о том, что Стэйс и Майк снова вместе.

— О, эта часть вызовет отдельный приступ восторга у мамы! — хихикает Дэниз.

— Зато с Джеймсом у вас не возникнет проблем. Это важно, особенно, если придётся выстраивать совместную линию защиты в суде, — добавляет Скотт. — Очень надеюсь, что до этого не дойдёт.

— Знаешь, ты и правда гений, — говорю я. — Но мне бы не хотелось, чтобы из-за нас ты ссорилась с матерью.

— Разберусь. Главное, смогу по праву не посвящать её во всё, что я знаю, —

успокаивает меня Эми. — И не придётся врать. Завтра наверняка будут новые детали и какие-то новости в расследовании. Ты поговоришь с папой, мы вместе поедem в участок, чтобы ознакомиться с уликами. А дальше будет видно, — философски замечает сестра: — «Собака лает, караван идёт».

— Надеюсь, нам в итоге не придётся сражаться, как в фильме «Отряд самоубийц», — произносит Ридж.

Я не могу сдерживать улыбки. Раз уж он вспомнил про аналогии из кино, значит, окончательно пришёл в себя. А вот остальные не сразу понимают, что имеет в виду Ридж, поэтому удивлённо тарачатся на него, явно ожидая пояснений. Которые, естественно, не заставляют себя ждать.

— Вы что? Не слышали? Это же самая классная премьера следующего лета! — он изумлённо вздёргивает брови.

— Я что-то слышала, — подкованной в области мирового кинематографа оказывается только Дэниз. — Это про девушку Джокера. Психопатку, которая в него влюбилась и стала суперзлодейкой.

— Спасибо большое! — довольно восклицает Ридж, с преувеличенным пафосом кланяясь сестре. — Правильно, доктор Харлин Куинзель, или Харли Квинн. Марго Робби играет. Только фильм не совсем о ней. Там команду злодеев собираются выпустить из тюрьмы и отправить на миссию в качестве шанса на искупление их вины, но суть в том, что они все должны в итоге погибнуть. Эдакие смертники.

— И это напомнило тебе нас, потому что... — Логан многозначительно замолкает.

— Меня больше интересует, кто из нас Харли Квинн, — смеюсь я. — Наверное, я. Да Ридж?

— Тогда я — Джокер, — подхватывает Майк.

— Так далеко я не заходил, — хитро улыбается Ридж. — Подумаю и обязательно сообщу.

Дэниз увела Риджа вместе с Эми и Скоттом наверх выбирать комнаты, а заодно постелить им бельё и приготовить всем полотенца. Майк отправился в кабинет, чтобы позвонить матери. Я же вызвалась помочь Логану убрать со стола и привести в порядок кухню, а заодно высказать ему наедине то, что вот-вот готово было сорваться с моих губ ещё в гостинной.

— Какого черта ты устроил мне пантомиму? — спрашиваю я, аккуратно запихивая в посудомоечную машину грязные тарелки.

Логан стоит рядом, стряхивая остатки еды с посуды в мусорный бак и подавая её мне. — Ты о чём, зараза? — невозмутимо интересуется он.

— Не притворяйся. Ты, — бросаю на него красноречивый взгляд, — знаешь, о чём.

— И кто сейчас устраивает пантомиму?

— А кто отвечает вопросом на вопрос, чтобы уйти от прямого ответа?

Логан усмехается, встречаясь со мной глазами:

— Ты же знаешь... Из меня хреновый воспитатель.

— Хреновый не то слово.

— Вот! А нарываешься, чтобы воспитывать.

— Меня поздно воспитывать, — пожимаю плечами. — Но ты не сдаёшься. Что же на этот раз я сделала не так?

— Собралась задать дурацкий вопрос и поставить себя в идиотское положение. Я тебя остановил. Не благодари.

— Вообще не дурацкий.

— Хорошо, давай обсудим, — смеётся Логан. — Ты сбежала за сотни километров отсюда и не хотела ничего слышать про Майка. Злилась, даже когда мы просто его упоминали. Но тебя почему-то задело, что Эми не растрепала о его разводе сразу же, как только ты объявилась в родном городе. А ещё лучше — гораздо раньше. И ты почти предъявила сестре претензии, хотя за минуту до этого именно она сообразила, как спасти ваши с Майком задницы от праведного гнева Айлин. Так? Так. Вот я и подумал, что свой лимит тупости ты исчерпала, когда представила Риджа женихом всей родне и мне в том числе. Поэтому вмешался и уберёг тебя от передозировки.

— Не когда объявилась, а... — Я едва не роняю тарелку на пол. — Не важно. Проехали.

— Ты злишься, потому что я прав, — довольно хмыкает Логан. — Можешь злиться дальше, только не доказывай мне, что я ошибаюсь. Я — кто угодно, но не дебил.

— Ладно. Ты прав. — Забираю из его рук хрустальный стакан. — Спасибо, конечно, но если бы Эми мне рассказала...

— Ты это сейчас серьёзно? — он замирает, с неподдельной иронией глядя на меня: — Если бы Эми тебе рассказала?..

Я злюсь сильнее, потому что прекрасно понимаю намёк. Но сдаваться без боя и признавать поражение не хочу:

— Знаешь ли, Брэдли, откровенность — далеко не всегда лучшее оружие.

— Согласен, — он кивает, передавая мне последний стакан. — Вот поэтому я не бежал всем рассказывать про нас с Кнопкой.

— Лучше бы ты не бежал рассказывать Майку про Сиэтл.

— Я... — Логан мрачнеет. — Я не собирался ничего ему говорить. Честно.

— Но потом передумал и рассказал. — Разворачиваюсь к нему с язвительной улыбкой, с силой захлопывая крышку посудомоечной машинки. — Жаль, меня не было рядом, чтобы уберечь тебя от передозировки тупости.

— Да не говорил я ничего Майку, Стэйс! Всё совсем не так было! Перед отъездом я пришёл к ним попрощаться. Мы пили пиво на кухне. Я и Лиам. Просто болтали о всякой ерунде, как всегда. Потом он вдруг попросил совета. Сказал, что ему давно нравится Кнопка, но он никак не решится её пригласить на свидание. Мол, они же столько лет знают друг дружку, выросли вместе и всё такое. А теперь он вдруг предложит ей совсем не дружеский поход в кафе. Как она это воспримет, стоит ли вообще надеяться. А я, клянусь, тогда даже не думал про Кнопку как девушку. Искренне хотел помочь. Ну и... Вспомнил про нас с тобой. Стал убеждать Лиам, что ему стоит попробовать. Максимум, его пошлют подальше. Или он убедится, как мы, что между ними ничего не может быть, что они просто друзья. И проблема решится сама собой. Или же... наоборот. Кнопка согласится и... у них может получиться.

— Ты так ему и сказал?! Привёл нас с тобой в пример?

— Конечно нет! Я говорил абстрактно, не называя имён. А Майк из комнаты услышал. Понятия не имею как, но он догадался, что речь шла о тебе. Потом отвёл меня в сторону и спросил напрямую, и я не смог соврать. Не смог и всё тут! — Логан виновато отводит глаза. — Пришлось признаться, что да, было дело. Я не вдавался в подробности. Не видел смысла. Да он и не просил. Но я не ожидал, что он так тяжело воспримет. Вы же тогда уже бог знает сколько времени, как расстались. Да вообще, вы же...

— Так тяжело?..

— Напьётся, а потом Мишель. Ну и...

Значит про «непорочное зачатие» Логан тоже в курсе. Впрочем, почему меня это удивляет? Мы с детства ничего друг от друга не скрывали, а здесь наверняка у всех возник вопрос, с какой такой радости Майк собирается жениться на Мишель. Интересно, знает ли Логан и про то видео, которое мне прислали на девичнике.

— Зараз, клянусь тебе! Если бы я знал, что в итоге всё так обернётся, я бы ни за что...

— Ты бы всё равно не смог ему соврать и рассказал бы правду. А если бы попытался, Майк бы понял, и было бы ещё хуже.

— Нет, Стэйс. Я... — бормочет Логан. Опускает глаза, избегая встречаться со мной взглядом. — Я бы сказал ему правду. Как всё было на самом деле. Но я соврал, а потом не мог отказаться от своих слов. Майк бы не поверил.

— Что значит «как всё было на самом деле»? — не понимаю я.

— Что мы с тобой, — он смущённо, прямо как в детстве, шмыгает носом. По-прежнему глядя в пол, еле слышно произносит: — Что ничего не было. Ну, между нами. Ничего не произошло... тогда в Сиэтле.

— В смысле не произошло?..

— Мы не переспали.

— Как не переспали?! Я же помню, мы целовались. Потом пошли в номер. В лифте и ещё в коридоре. А потом залезли в джакузи. Ты притащил шампанское.

— И от него ты вырубилась прямо там, а я кое-как тебя вытащил. Отнёс в кровать. И сам уснул рядышком.

— Уснул? То есть... Ты же сказал утром... Ещё предложил на трезвую голову.

— Ну, сказал, — с глупой, виноватой улыбкой бормочет Логан. — Потому что идиот. У

тебя была такая реакция, когда ты проснулась, что я не удержался. Не знаю, что меня задело. Захотелось доказать, что мы можем. Что я могу. Что не хуже Майка. Да не знаю я почему!

Тогда в душевой в Сиэтле, когда буквально через минуту мы оба почти одновременно осознали, что не можем даже по-настоящему целоваться, я почувствовала облегчение. Мы с Логаном — близкие друзья, не больше. И это — правильно. А всё якобы случившееся между нами накануне свалила на пьяную тоску и временное помутнение рассудка. Оно ровным счётом ничего не значило и ничего не меняло в наших отношениях. Я просто перевернула страницу, не задумываясь. Тем более ничего не помнила о той ночи. Абсолютно никаких подробностей. Почти забыла про Сиэтл и наше с Логаном пьяное randevu, пока не увидела запись Майка с Мишель на девичнике.

А теперь выходит, что и вспоминать-то мне нечего. Что кроме пьяных, невнятных поцелуев, от которых хотелось смеяться до слёз, а не срывать с Логана одежду и бросаться с ним в постель, ничего не случилось. Но, что ещё хуже, именно из-за них Майк переспал с Мишель, потому что идиот-Логан подтвердил ему то, чего никогда не происходило. Охренеть!

— Ты!.. — Я даже не могу понять, какие чувства обуревают меня в данный момент. Со всей силы бью Логана по физиономии, ощущая, как миллионы маленьких иголок впиваются в мою ладонь.

— А знаете... Если в моей семье или среди друзей есть ещё кто-то, кого вы заставили поверить, что переспали с ним, — слышу за спиной язвительный голосок младшей сестры, — самое время об этом рассказать.

Надо было двинуть по виноватой физиономии Логана ещё раз двадцать. Просто, чтобы выпустить пар: мне, как и матери, нужен «козёл отпущения». Но Логан быстренько ретировался вместе с Дэниз, оставив меня на кухне в гордом одиночестве мириться с действительностью, пока на звон «случайно» встретившейся с парцеланом хрустальной пепельницы не вышел из кабинета Майк. Он, выслушав мой сбивчивый рассказ о том, что случилось, торопливо собрал уродливые осколки, а потом увёл меня в спальню, где я отчаянно, но безуспешно пытаюсь успокоиться до сих пор. Не помогает даже контрастный душ, хотя торчу в ванной, стоя под струями воды, минут сорок. В итоге — надоедает, и приходится выходить.

За окном по-прежнему идёт дождь. Гроза, правда, поутихла, но её отголоски всё ещё слышны сквозь шум ливня.

Майк, развалившийся на постели в одних джинсах, встречает меня в полумраке комнаты внимательным взглядом. Отбрасывает на одеяло сотовый и, хмурясь, приподнимается на локте.

— Всё ещё злишься, — констатирует он. — Но уже не на Логана, правда?

— Правда.

Хитрые глаза довольно блестят, выдавая Майка с головой. На его месте нелепое враньё Логана меня бы тоже сейчас обрадовало. На своём — не получается не только радоваться, но хотя бы перестать злиться. Раздражение то утихает, то снова накрывает волной, и с новой силой мне хочется рвать и метать.

Я плюхаюсь на кровать прямо в халате, поправляю небрежно скрученное на голове полотенце в попытке удержать копну непослушных мокрых волос. Если бы во всём можно было обвинить Логана, я бы непременно поддалась такому соблазну и до сих пор

выговаривала непутёвому другу, что думаю о нём и куда ему идти. Но в глубине души и, если совсем откровенно — не так уж и глубоко, — я понимаю, что сама виновата в том, почему жгучая и неконструктивная ревность огненным кольцом сжимает мою грудь.

— Я злюсь на себя, Майк.

— Тогда рассказывай. — Он опускается прямо на пушистый ковёр, впритык к моим ногам, поджав под себя босые ступни.

— Что рассказывать? Почему я не злюсь на Логана?

— Хорошая попытка. — На губах Майка появляется хитрая улыбка. — Но нет, — он берёт меня за правую руку, сплетая свои пальцы с моими. Легонько сжимает. Второй рукой ласково гладит всё ещё влажное после душа колено. — Это я и так знаю, — смотрит снизу вверх, прямо в глаза, лукаво щурясь: — А вот почему ты злишься на себя — гораздо важнее.

Я не спешу с ответом.

Майк возвращает сейчас из прошлого ещё одно наше негласное правило — говорить откровенно, не держать в себе сомнения, страхи, обиды, разочарование, боль. Оно всегда работало в нашем союзе и даже, как выясняется, приносит плоды через годы разлуки. Раньше мы всегда так поступали, когда возникали трудности, и это помогало, даже если решение проблемы получалось найти далеко не сразу. Зато недомолвок и тайн между нами не оставалось.

Лишь однажды я нарушила его — когда убили Стива. Сначала — ошарашенная, сбита с толку и испуганная — отчаянно надеялась, что Стив выкарабкается. Затем, когда чуда не случилось, я выпала из реальности на несколько дней и не помнила, что делала, как жила, о чём тогда думала. Но к боли тоже привыкаешь. Шло время, в груди по-прежнему зияла огромная дыра, и всё же пошатнувшийся, весь в трещинах мир медленно возвращался, заполняя пространство привычными красками, голосами и запахами.

Жизнь продолжалась. Просто уже без Стива. А страшные слова брата стали последними, и с этим тоже нужно было учиться жить и как-то справляться.

У меня не получилось. Я не жила — лишь выживала, балансируя на тонкой грани, постоянно срываясь и совершая всё новые и новые ошибки в попытках ухватиться за обломки того, что осталось от прошлого. Только теперь, когда обстоятельства вынуждают обернуться и переосмыслить случившееся, я с ужасом осознаю, что натворила.

— Если скажу, что я — эгоистичная, ревнивая, самолюбивая тварь, — бросаю исподлобья на Майка виноватый взгляд, — этого хватит?

— Ты ведь знаешь, что нет.

— Знаю. Придётся признаваться во всех грехах.

Уверенности, что я готова к исповеди, у меня нет. Но и отмалчиваться не вариант.

— Хочешь, я начну? — предлагает Майк. — До твоего отъезда в Торонто я никогда не ревновал тебя к Логану. Хотя, если задуматься, поводов всегда хватало, — улыбается он. — Вы же с детства не разлей вода, что бы ни происходило. Ссоритесь, миритесь, бьёте друг дружку по больному и тут же великодушно прощаете.

— Можно подумать, у вас с ним иначе.

— Ну мне-то он не шлёт розочки, — Майк смеётся и тут же серьёзно продолжает: — У меня никогда мысли не возникало ревновать тебя к нему. Ни разу. Даже, когда ты уехала. В отличие от меня, с ним ты осталась на связи, продолжила общаться, встречаться, путешествовать. Но это выглядело так логично, так... правильно, что ли. Знаешь, я нашёл в этом своего рода успокоение. Как будто, когда ты с Логаном, частичка меня тоже с вами.

Что, если, не дай бог, что-то случится и тебе понадобится помощь, я буду хотя бы в курсе. Не открыто, не прямо, но всё равно смогу помочь.

— Он что, доклады тебе строчил о моей жизни?

— В это трудно поверить, но нет. Во всём, что касалось тебя, Логан был на удивление лаконичным. Он с самого начала принял и уважал твой выбор. Я бы сказал, даже потакал твоему стремлению вычеркнуть меня из своей жизни. Не навязывал попытки помирить, не предлагал стать посредником, не организовывал нам «случайные» встречи. Хотя мог. Логан ведь прекрасно знал, что я до сих пор тебя люблю и ужасно хочу вернуть нас.

— У него могло получиться.

— Сто процентов. Наверное, сам теперь жалеет, что не лез к тебе в душу. Почему ты ничего ему не рассказала? Хотя бы о своих подозрениях насчёт меня?

— Не хотела, чтобы он начал сомневаться. Ты же его знаешь. Он бы не отмалчивался, растрепа бы всем. Обязательно сказал тебе и моим родителям, а это как раз то, чего я очень боялась и пыталась избежать.

— Зря боялась. Логан бы никогда не поверил в то, что ты там про меня напридумывала. И тебе бы мозги вправил моментально.

Я виновато опускаю глаза. Майк прав, тысячу раз прав. Зря боялась, зря не призналась. Но тогда это казалось таким правильным. Не просто лучшим, а единственным выходом.

— Знаешь, я всё ждала, что Логан устроит мне допрос. Почему рассталась с тобой, почему даже после Оквилла не вернулась. Наверное, в какой-то момент я бы просто не смогла ему лгать в ответ, — вздыхаю я. — Но он ни разу не спросил.

— Можешь теперь его побить и за это тоже, — Майк подмигивает, на мгновение превращаясь в озорного мальчишку, каким был когда-то.

Какой бы заманчивой не казалась перспектива свалить всё на друга, себя обмануть не получится. Ведь это я не удосужилась рассказать ему о настоящей причине, почему отменила свадьбу и уехала из Риверстоуна.

— Бить надо меня, а не Логана.

— Ну, совсем недавно на кухне тебя это не остановило.

Мне не до смеха. Я раскаиваюсь во всём, что совершила, но ничего не могу изменить. От осознания этого только больнее.

Майк не знает всех деталей. Лишь то, что три с лишним года назад мы с Логаном напились в Сиэтле и якобы переспали. И что выяснилось сегодня: на самом-то деле мы просто уснули рядышком, только об этом маленьком нюансе Логан предпочёл промолчать, выдавая желаемое за действительное. О том, что «не случилось» между нами на следующее утро, Майк не имеет ни малейшего понятия, и рассказывать про идиотскую и неудачную попытку заняться сексом с лучшим другом «назло и вопреки» я не собираюсь. Тот самый случай, когда излишняя откровенность навредит больше, чем поможет. Нам бы разобраться со всем остальным.

— Я врзала, потому что он ввёл в заблуждение нас обоих. Особенно тебя, и ты...

— И я охренел, — подхватывает Майк, мрачней. — Но Логан не виноват. Серьёзно. Он болтал на кухне с Лиамом, убеждал пуститься во все тяжкие. Мол, пока не попробует, не узнает, что на самом деле чувствует к Кнопке, а она — к нему. Я не очень-то поддерживал эту идею. Не потому что они — друзья. Просто слишком разные. Как вода и масло. Но не вмешивался. Потом мне позвонил клиент, я вышел в гостиную, а когда закончил разговор, услышал, как Логан несёт какую-то ахинею про знакомую, с которой много лет дружил и

никогда не думал, что между ними может возникнуть сексуальное напряжение. Честно? Я не знаю, на что он надеялся в тот момент. Что я не услышу или... Но я услышал, — Майк многозначительно хмыкает, — и сразу понял, кого он имеет в виду. Ведь всё так очевидно. Я знаю всех его подружек, все похождения, все романы. Конечно, он имел в виду тебя! — Едва заметная улыбка исчезает с лица Майка, а в глазах появляется грусть. — Я не мог... не хотел слушать подробности, поэтому спустился к себе. Метался по комнате, как дикий зверь. Убеждал себя, что это ошибка. Что я не так понял, что мне просто показалось. Ведь это вы: ты и Логан, а вы не могли. Вы же лучшие друзья, самые близкие. Как брат и сестра. Какой к чёрту секс?!

Майк снова прав. Мы действительно как брат и сестра, потому не смогли, пусть из-за глупой ребяческой выходки Логана и моего одиночества всё же попытались. Но разве могла я знать? Да даже представить, чем всё обернётся в итоге?

— Я до последнего надеялся, что заблуждаюсь, — продолжает рассказывать Майк. — Потом понял, что неизвестность сведёт меня с ума. Спросил Логана, а когда он подтвердил, то... Это было... Жуть.

Чувствую, как дрожат его пальцы.

— Думал, что готов к такому. Оказалось, нет.

— Прости, — шепчу, опускаясь на пол рядом с Майком. Полотенце соскальзывает с головы, падает рядом, но мне всё равно. — Я знаю, как это больно. Прости.

Майк перехватывает мою ладонь, подносит к губам, целуя.

— Ты прости. Я должен был догадаться, что он врёт. Но я сошёл с ума от ревности. Логан ведь даже не говорил, что вы переспали. Только признал, что рассказывал Лиаму про тебя, но мне хватило! Я представлял в подробностях, как это... как вы... Как всё могло быть. И мир перевернулся. Я увидел совершенно в ином свете ваши отношения чуть ли не с самого детства. Спрашивал себя, почему не замечал раньше. Всё, вообще всё приобрело вдруг совсем другое значение. Постоянное внимание Логана к тебе, его забота, подарки. Что он никогда ни с одной девушкой не встречался долго, что всегда обожал тебя, и даже съехав от вас, старался проводить с тобой как можно больше времени. Особенно после того, как мы объявили о нашей помолвке. Только причины его внимания резко изменились. И я понял, что ужасно боюсь.

— Чего боишься?

— Что на самом деле нас... Тебя и меня. Таких, какими я помнил, никогда и не существовало. Что всё это обман, что Логан всегда был для тебя важнее, а теперь окончательно занял моё место.

Я невольно улыбаюсь. Ревность Майка льстит, хотя мне по-прежнему горько от всего, что случилось по моей вине.

— На следующий день Логан со Скоттом и твоими сёстрами улетел к тебе в Коллингвуд. А я банально напился. Один, в баре матери. Плохо помню, что делал, но отчётливо — о чём тогда думал. Убеждал себя, что раз прошло три года, а вы не вместе, мне нечего бояться, но продолжал представлять, как вы... — он ухмыляется. — Всё пытался разобраться, почему же меня это так задело. Ведь это не измена. Мы с тобой давно расстались. У нас есть... будут другие. Но не Логан. К такому я не был готов. Потом в бар зашла Мишель, увидела меня. Мы разговорились. И я, как последний болван, решил, что если я с ней... мы с тобой будем квиты.

— Квиты?!

Чёрт! Это же... Я сама думала так сегодня, когда Майк объяснил, почему он переспал с Мишель. Что мы квиты, что не имею права ревновать, потому что первой переступила черту. Поэтому сейчас злюсь. Ведь на самом деле с Логаном ничего не было... И это подло.

— Что подло? — хмурится Майк.

Выходит, последние слова я произнесла вслух.

— Ты жалеешь, что вы с ним не...

— Нет, Майк! Конечно нет. Я не жалею.

— Тогда что?

— Я веду себя подло. Всё спрашиваю себя, почему же у тебя, чёрт побери, получилось переспать с Мишель, а у меня с Логаном — нет! Вдруг на самом деле ты хотел этого с той самой вечеринки.

— И ждал столько лет? — улыбается Майк.

— Не смешно, — теряюсь под его ироничным взглядом. Теперь осознаю, что даже недавняя пощёчина другу — уже подлость с моей стороны! Потому что не со злости, а от бессилия. — Понятия не имею, за что на самом деле врезала Логану. За то, что он толкнул тебя к Мишель тогда, или за то, что лишил меня спасительной иллюзии сегодня.

— У меня с Мишель не было и сотой части вашей с Логаном близости. Да вообще ничего не было. В детстве воспринимал её, как твою подругу. Потом — как девушку Стива.

— И в каком же качестве ты её отымел? — вырывается у меня.

Майк смеётся. Громко, искренне и весело, как будто я только что рассказала на редкость удачную и смешную шутку.

— В качестве тебя, дурёха! — давясь смехом, отвечает он. — Ты бесподобна, когда так ревнуешь. К твоему сведению, это был самый ужасный секс в моей жизни. Как будто брал крепость штурмом и вовсе не потому, что мне оказывали сопротивление.

— Я в курсе, как ты... вы... это делали, — встречаюсь с Майком взглядом. Из его глаз моментально пропадает веселье. — Мне даже не нужно напрягать фантазию, потому что я видела, как... как вы... — Сильнее сжимаю его запястье. Шепчу, признаваясь в самом сокровенном: — Вы ведь не просто переспали. Вы жили вместе. Ты женился, ты спал с ней каждую ночь. Это не Логан занял твоё место, а Мишель — моё. Я сама подтолкнула тебя к ней, и меня выворачивает от одной только мысли об этом. Я презираю себя, потому что не имею права обвинять тебя. И её тоже. Теперь — точно. Мишель убили, а я жива. Она права. Я — дрянь и эгоистка. Потому что продолжаю ревновать и злиться. Сейчас даже сильнее, ведь теперь мы не квиты.

В отчаянии прикусываю нижнюю губу. Не хватало ещё расплакаться.

— Стэйс, пожалуйста, посмотри на меня, — просит Майк. Выждав, берёт за подбородок, вынуждая поднять голову. Пару секунд буравит пронизательным взглядом. Затем с силой подхватывает за талию, приподнимая меня в воздухе и одновременно вытягивая ноги. Сажает обратно, ближе к себе прямо на бедра, обнимает, притягивая к груди и крепко удерживая за спину. Тихо, но внятно, с нажимом произносит, глядя в мне глаза: — Я не собираюсь оправдываться, Стэйс. И от тебя не жду оправданий. Что было, то было. Здесь и сейчас мы оба переворачиваем страницу и начинаем с чистого листа. Прошое не имеет значения. Не должно. Никто никогда не мог и не сможет занять твоё место. Оно — твоё. Навсегда. И ждёт только тебя, — он едва заметно улыбается. — Конечно, ты можешь притащить туда всех своих подружек: ревность, сожаление, злость, сомнение и ещё долго делить с ними территорию. Но я предлагаю прийти одной. Сможешь?

— Попробую, — киваю, обнимая Майку за шею. Тянусь за спасительным поцелуем, но едва коснувшись губ, вспоминаю, что давно собиралась спросить: — Мишель могла знать про нас с Логаном? Что мы с ним...

— Да. Я ей рассказал. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я почти уверена, что она рассказала об этом шерифу.

— С чего ты взяла?

— Он как-то странно расспрашивал про меня и Логана. Что нас связывает, насколько мы близки. Как будто намекал на что-то. Таким тоном, словно знает, что мы...

— Ты подтвердила?

— Вот ещё! С какой стати? Тем более выходит, я даже не обманула.

Майк, видимо, размышляет о том, что я рассказала. Молчит, продолжая хмуриться.

— Теоретически Мишель могла ему сказать. Но зачем? Какое ему до вас дело? Ты же даже не живёшь в Риверстоуне.

— Как ты вообще узнал? Я имею в виду про них.

— От Мишель. После того, как она потеряла ребёнка, мы... У нас больше не осталось причин поддерживать видимость отношений. Но я не спешил разбежаться, мы и так жили каждый своей жизнью. Брак был лишь на бумаге, — Майк осекается. Смотрит на меня невидящим взглядом. Я не тороплю. — Мишель первой подняла тему о разводе. Я не возражал. Только удивился. Думал, ей понадобится время. Тогда она призналась, что у неё роман с новым шерифом и она хочет оформить бумаги как можно быстрее. Стать свободной, начать новую жизнь.

Офигеть! При таком раскладе настоящим отцом ребёнка может оказаться кто угодно. И Майк, и даже новый шериф.

— Вот так просто? Ой, Майк, я жду от тебя ребёнка, поэтому ты должен на мне жениться. Ой, Майк, ребёнка не будет, я хочу развестись, потому что у меня другой? Так, что ли?

— То есть теперь тебя не устраивает отсутствие любви и обоюдной привязанности в нашем с ней браке?

Я игнорирую его сарказм.

Вот чёрт! Ещё утром меня бесило до зубного скрежета, что Мишель вышла замуж за Майку, а теперь я почти жалею, что она на поверку даже отдалённо не походила на верную, любящую супругу.

Словно прочитав мои мысли, Майк уточняет:

— Вряд ли шериф — отец ребёнка. Он переехал в Риверстоун после того, как мы с Мишель расписались.

— Теоретически, это ничего не меняет. Они могли познакомиться до того, как... Потом Мишель забеременела, он не спешил брать на себя ответственность. Позже одумался, она простила.

— Лиам говорил, что о новом шерифе они в участке знали за полгода до официального назначения. Твоя мать не делала из этого тайны.

— Тем более, — ухмыляюсь я. — Лински наверняка приезжал в Риверстоун до того, как приступил к обязанностям. И не один раз. Мог видеться с Мишель.

— Мог. Но вряд ли поделится с нами, как все у них начиналось. Почему тебя это волнует? Какая разница? Ребёнка нет, Мишель убита.

— Вот поэтому и волнует, — я многозначительно вскидываю брови. — А ещё потому,

что, умирая, Мишель ни словом не обмолвилась о своём новом возлюбленном Брайане Лински, зато он на удивление оперативно явился в беседку, когда её убили. И теперь практически обвиняет нас в убийстве.

— Может, его позвала Мишель? Ты опоздала, и она решила, что ты передумала и вообще не придёшь. Позвонила или отправила сообщение Брайану, что ждёт его в беседке. Она ведь не хотела афишировать их отношения до развода.

— Боже, какая похвальная скромность, — кривляюсь и тут же мысленно одёргиваю себя.

О мёртвых говорят хорошо или не говорят вообще. Жаль, в отношении Мишель и то и другое невыполнимо.

— Ты всерьёз считаешь, что шериф мог её так...

— Без понятия, — пожимаю плечами. — Но доверия ваш Питбуль не вызывает. Попробую завтра узнать у матери, откуда он тут взялся.

— Кстати, о матерях. Что ты имела в виду, когда заявила Риджу про мою мать? Что-то про откровения и приглашение на свадьбу.

— Ты подслушивал?!

— Не подслушивал, но слышал, — усмехается Майк. — Когда злишься, ты очень громкая.

— Как мило! Надо было заткнуть уши.

— И пропустить самую увлекательную часть вашего разговора? — На его лице играет лукавая улыбка, а хитрющие глаза так и светятся от удовольствия: — Мне нужен Майк, всегда Майк, только Майк?

Обнимаю его за шею, пробегаюсь пальцами по густым мягким волосам:

— Не лопни от счастья.

— Постараюсь, но это не просто, — Майк крепче прижимает меня к себе. — Так что там с моей матушкой?

— Твоя матушка прислала мне приглашение на вашу свадьбу. Якобы, чтобы я вмешалась. Или чтобы меня позлить. Или и то и другое. Я была не в том состоянии, чтобы делать адекватные выводы, когда она откровенничала со мной в баре. Ты рассказал ей про нас?

— Что именно про нас?

— Ну, что мы помирились.

— Ещё нет. Хотел сначала убедиться, что мне не приснилось. Ты ведь больше не носишь моё кольцо, как раньше, — Майк наклоняется вперёд, встречаясь со мной взглядом. С невозмутимой улыбкой, медленно и едва прикасаясь к коже, разводит в стороны полы моего халата, обнажая грудь. Игриво пробегаются пальцами по ключице к плечу и обратно к шее, заставляя меня замереть в сладкой истоме.

— Вообще-то ношу. Но, учитывая, что у меня теперь новый жених, я решила временно оставить колечко дома в шкатулке. Во избежание недоразумений. Прецеденты уже бывали.

— О да! Ты так старательно делала вид, что не рада меня видеть и совсем не хочешь, чтобы я остался. Но на твоей груди болталось моё кольцо, и я решил, что попробовать стоит.

Улыбаюсь, тоже вспоминая.

— Спать будешь здесь.

Я щёлкнула выключателем, решительно возвращаясь из спальни обратно в гостиную. Нельзя дать понять, как на меня действует его близость. По-хорошему Майка надо было

вообще выставить за дверь. Я его не приглашала. В Оквилле полно гостиниц.

Майк молча наблюдал, прислонившись спиной к дверному косяку.

— Вот. Надеюсь, будет удобно, — я поравнялась с ним. Небрежно швырнула на диван одеяло и подушку. — Спокойной ночи.

Он перехватил за руку в последний момент, когда я уже выходила. Остановил, лёгким пожатием заставляя обернуться и встретиться взглядом. Замер, словно молча спрашивая разрешение или набираясь смелости. А потом мягко привлёк к себе.

— Я люблю тебя, — шепнул, обжигая лицо горячим дыханием. И поцеловал.

И я сдалась.

— Ты никогда не должен был уезжать из Оквилла и оставлять меня одну, — шепчу, закрывая глаза от удовольствия.

— То есть опять я виноват? — судя по голосу, Майк улыбается, продолжая ласкать мою грудь нежными прикосновениями вперемешку с поцелуями. — Ты же сама меня прогнала!

— Прогнала. А когда за тобой захлопнулась дверь, осознала, как ты мне необходим. Хотела броситься следом, но сдержалась. Залезла в душ и ревела, а потом целый день просидела в кресле у окна, занимаясь тем, чем умею в совершенстве — самоедством. Строила теории, находила неопровержимые доказательства твоей вины, мгновенно разбивала их в пух и прах и тут же придумывала новые.

Шесть лет назад эмоции глушили мысли. В горле комом стояли слёзы, в груди — невысказанные слова, а в душе — страх, растерянность, неопределённость. Я, как могла, сопротивлялась. Боялась, что не справлюсь. Жалела, что отпустила Майка, что его тёплые ладони больше не держат за руки. Что так и не смогла рассказать. Не спросила. Признавала, что не сделала этого, так как правда пугала ещё больше, чем незнание. И что на этот раз отпустить и забыть окажется сложнее.

— Пообещай, что мне никогда больше не придётся сомневаться в тебе, — прошу я, открывая глаза. — Я не смогу пережить это снова.

Майк перехватывает мой взгляд.

— Обещаю, Стэйс.

Вздрагиваю и открываю глаза. Какое-то время неподвижно лежу в крошечной темноте, борясь с обрывками сна и мысленно восстанавливая цепочку последних событий, с кем я, где нахожусь и почему. Вспомнив всё, прислушиваюсь.

Ливень за окном утих, только тяжёлые капли с крыши продолжают гулко и размеренно барабанить по жестяному карнизу, нарушая абсолютную тишину.

На осознание, что не так, уходит ещё несколько секунд. Машинально, в слепой, отчаянной попытке опровергнуть то, что я и так знаю, провожу рукой по наволочке и дальше вниз по шёлковой простыне, пока не натыкаюсь ладонью на скомканное одеяло. Убедившись, что лежу одна на двуспальной кровати, резко сажусь. Торопливо нащупываю выключатель в изголовье и невольно зажимаюсь от яркого электрического света, ударившего в глаза.

В комнате никого. Дверь в ванную чуть приоткрыта, за ней — темнота и тишина. Не похоже, что Майк там. Его джинсы с футболкой тоже исчезли, а вот серые кроссовки, как и спортивная сумка по-прежнему валяются на полу у окна рядом с моим раскрытым чемоданом.

Куда он мог уйти? Посреди ночи, босиком и без сотового — мобильный телефон лежит на прикроватной тумбочке с другой стороны кровати. Пару секунд я борюсь с необъяснимой тревогой, затем всё же заставляю себя погасить свет и лечь, обняв подушку. Что за чертова паранойя? Так нельзя! В конце концов, обходилась же я без Майка почти семь лет, а тут стоило сойтись и проснуться в одиночестве, как сердце готово из груди выпрыгнуть.

Не помогает. Через минуту я снова сижу на постели, обречённо признавая, что, во-первых, уже не усну, а во-вторых, спокойно лежать и гадать, где Майк и когда вернётся, не смогу. Едва коснувшись ступнями пола, замираю. Да что же это такое?! Мало того, что ревнивая, теперь вдобавок ещё и помешанная на контроле. Просто великолепно, если Майк всего-то спустился на кухню попить, а я как последняя идиотка отправляюсь на его поиски, как будто он — несмышлёный младенец. Ну уж нет.

Ложусь обратно в постель, набрасываю на голые щиколотки одеяло. Через миг натягиваю его до колен, следом — укрываюсь чуть ли не с головой. Ёрзаю, стараясь найти удобную позу, переворачиваюсь на другой бок. Ещё через минуту повторяю то же самое, только в обратном порядке. И снова сажусь, откидывая одеяло в сторону.

К чёрту! Скажу, что захотела пить.

В коридоре ожидаемо темно и тихо. Я сильнее запахиваю халат, на ходу завязывая пояс, и не спеша направляюсь к лестнице. На первых ступеньках слышу приглушённый разговор Майка и Риджа снизу. Перегибаюсь через гладкие, широкие деревянные перила и с нарастающей тревогой задерживаю дыхание, стараясь уловить суть беседы, но не могу разобрать ни слова.

Кажется, Майк и Ридж в подвале, где много лет назад Логан оборудовал что-то вроде ещё одной уютной гостиной с мини-баром и домашним кинотеатром. Других голосов оттуда не слышно, и мысль о ночных посиделках этих двоих вызывает у меня лёгкое беспокойство. Теперь им точно есть, о чём поговорить, но именно это и настораживает.

Ридж, вроде, смирился и принял мои доводы, но кто знает, что он думает на самом деле, и где гарантия, что не поделится собственными и необязательно лестными

умозаключениями с Майком? Тот в долгу не останется. Это с Логаном, братьями и моей семьёй Майк всегда само понимание, с остальными он обычно не церемонится. С чужаками, пытающимися лезть в его жизнь и указывать, что ему делать — тем более.

Прохожу через погружённый в полумрак первый этаж, продолжаю торопливо спускаться дальше, и с каждой ступенькой нечленораздельные звуки превращаются в чёткие, вполне различимые слова, а фразы обретают смысл.

— ...подруга. Поэтому ты решил остаться?

Я слышу только самый конец вопроса, на который Ридж не спешит отвечать. Зато, когда он начинает говорить, желание громко заявить о своём присутствии у меня моментально пропадает.

— Ладно, откровенность за откровенность. Ты прав. Стэйс — не просто моя подруга. Я... — Ридж замолкает, видимо, обдумывая, как лучше сформулировать фразу.

Замедляю шаг и останавливаюсь в последнем пролёте.

— Я никогда не думал о ней, как о женщине. В смысле, — слышится нервный смешок Риджа, — что у нас с ней что-то может быть. Или я хочу, чтобы было. Но когда она предложила притвориться женихом и невестой и поехать с ней на свадьбу, я... несколько иначе взглянул на нашу дружбу. Зря, в общем-то. Как теперь понимаю. Вряд ли она подразумевала что-то такое.

Конечно, я не подразумевала! Замираю на ступеньке, прижимаюсь спиной к стене, ища опоры. Как вообще ему пришла в голову такая безумная идея?! Он что? Окончательно слетел с катушек? Да ещё решил обсуждать это с Майком! Совсем рехнулся!

— Уверен, что нет, — доносится спокойный, ровный голос Майка. — Но, полагаю, на твоём месте я бы тоже задумался о такой... кхм... возможности. Если бы не знал Стэйс, можно сказать, с рождения.

— Ну, мы-то с ней, — замечает Ридж, — так долго друг друга не знаем. Хотя я сам виноват, что вообразил. Наверное, слишком вжился в роль суженого-ряженого.

Этого ещё не хватает!

Осторожно, стараясь шагать бесшумно, спускаюсь на несколько ступенек и наконец-то вижу Майка и Риджа. Оба сидят на высоких круглых табуретах. Тусклого, желтоватого люминесцента из овальных светильников, встроенных в подвесной потолок над баром, едва хватает, чтобы осветить стойку из чёрного мрамора в углу комнаты. Остальная часть просторной гостиной, включая бильярдный стол и лестницу, остаётся погружённой в темноту.

Майк сидит ко мне спиной, Ридж — напротив него, скрестив ноги. У каждого в руке по начатой бутылке пива.

На всякий случай прячусь за перилами.

— Или понял, что на самом деле испытываешь к ней нечто большее, чем просто дружескую привязанность, — судя по тону, Майк улыбается, но говорит без иронии или злости.

— Нет-нет, ты не думай! — восклицает Ридж. — Мы не... То есть я не... не помеха вам. В смысле, у тебя нет повода ревновать ко мне. Я вовсе не собираюсь влезть между вами.

— Я не ревную, — качает головой Майк. — Я люблю Стэйс и беспокоюсь за неё. Как друг ты ей дорог и необходим. Сейчас и потом, — он отпивает из бутылки. — Вопрос, насколько ты готов оставаться её другом и потом тоже.

— Намекаешь, что на самом деле я решил не возвращаться домой в надежде когда-

нибудь завоевать её сердце? — Ридж пытливо смотрит на Майка. — Но у меня ничего не выйдет?

Я возмущённо сжимаю кулаки. Очень хочется подойти и напастылять обоим. С какой стати сидят и вот так беседуют о своих чувствах ко мне? Возможно, в другое время в другом месте признание Майка или неожиданная заинтересованность Риджа польстили бы. Сейчас отвлекают от главного и злят. Как и вся ситуация. Что эти двое себе возомнили, встречаясь за моей спиной и обсуждая, кому из них я достанусь, если вообще?!

— Нет, не намекаю, — тихо, уверенно отвечает Майк. — Предлагаю всё хорошенько обдумать. Ты ведь сам сказал недавно, что мы — отряд самоубийц. Вряд ли представляешь, насколько, но ты прав. И поверь мне, — он многозначительно хмыкает, — в ближайшее время будет не до романов. Я пытаюсь прикинуть, сколько фронтов придётся открыть в этой войне. Пока понимаю, что одним точно не отделаюсь, — Майк усмехается. — Но не хотелось бы прятать спину от тебя. Мне... нам со Стэйс сейчас нужны верные союзники, а не враги.

Ридж неспешно отпивает. Затем опускает бутылку на стойку, медленно крутит за горлышко, делая вид, что разглядывает этикетку. Или на самом деле смотрит на неё, обдумывая ответ.

— Я не влюблён в Стэйс, если ты об этом, — наконец говорит он. — Не ревную и не планирую отбить у тебя. Но она мой близкий друг, я за неё тоже беспокоюсь. Очень.

Ну, слава богу! Значит, всё-таки друзья, без многоточий. И на том спасибо.

— Мысль о том, что вы вместе, напрягает меня по другой причине. Я сомневаюсь...

— ... в моей невиновности, — заканчивает за него Майк.

— Я не могу быть уверен, — Ридж, хмурясь, встречается с ним взглядом, — потому что... Исходя из того, что знаю о тебе... вас... Вернее, я ничего не знаю. Вообще. Стэйс никогда не рассказывала о своём прошлом. Лишь упомянула, что её брат был убит. А теперь...

— А теперь ты знаешь, что Стэйс не рассказывала ничего, потому что считала меня причастным к убийству Стива. Вдобавок, убита моя жена.

— Именно. Что, как ты понимаешь, причин доверять тебе никак не добавляет. А Стэйс... Она — человек крайностей. Вчера чёрное, сегодня белое. Пусть мы с ней не ходили пешком под стол и не болели ветрянкой в лесу в голопузом детстве, но я достаточно хорошо её изучил, чтобы осознавать всю бессмысленность любых попыток переубедить. С тем же успехом я могу пойти и побиться лбом о стену.

— Но вместо этого предпочитаешь оставаться рядом, чтобы присматривать за мной и, если понадобится, защитить Стэйс, — продолжает Майк. Судя по тону, он улыбается: — Ты мне нравишься всё сильнее.

— Тем, что не доверяю тебе?

— Именно. Если бы ты слепо доверял, я бы счёл тебя глупцом или решил, что ты преследуешь какие-то тайные цели. И сам не доверял бы тебе.

— То есть уверять меня в своей непричастности к убийствам ты не собираешься? — улыбается в ответ Ридж.

— Тебя бы это разве убедило? — Майк пожимает плечами. Делает ещё один глоток и отставляет бутылку в сторону. — Меня бы — нет.

— А ты всё равно попытайся.

— Хорошо, — он выпрямляется. С ощутимой долей сарказма произносит: — Ридж, я не

имею никакого отношения к убийству своего друга Стива Трупера и, тем более, не убивал Мишель. Ну что, поверил?

— Вообще-то я собирался предложить другой способ, — с ухмылкой отмечает Ридж.

— И какой же?

— За последние два дня у меня накопилось много вопросов. Ответишь?

— Валяй.

— Надеюсь, ты помнишь, что я — журналист? Умею задавать каверзные и не всегда приятные вопросы.

— Надеюсь, ты помнишь, что особо каверзные вопросы я могу просто игнорировать, — не остаётся в долгу Майк. Облокачивается на руку, подперев щёку кулаком. Чуть наклоняет голову на бок.

Во взгляде Риджа читается любопытство.

Возвращаться в кровати эти двое явно не собираются.

— Договорились. Молчание порой самый красноречивый ответ.

Собираюсь выйти к ним и прервать ночные дебаты, но в последний момент передумываю. Ридж способен озвучить то, что я никогда не посмею спросить у Майка, хотя хочу услышать ответ не меньше, а может и больше, чем сам Ридж.

Сажусь обратно на ступеньку.

Что ж, послушаем. Вмешаться всегда успею.

— Думаю, ещё пивка нам не повредит, — Майк соскакивает с табурета. Огибает стойку, заходя внутрь. Наклоняется к маленькому холодильнику. — С чего начнём? — деловито спрашивает он, возвращаясь на своё место с двумя новыми бутылками.

— Не возражаешь, если я запишу нашу беседу на диктофон? — предлагает Ридж, выуживая из кармана джинсов смартфон.

— Без проблем, — Майк откупоривает обе бутылки разом, ловко скрестив крышки, и опускает одну из них рядом с Риджем.

— Отлично, — тот пару мгновений колдует над мобильником, затем опускает его на стойку между ними. Поднимает глаза на Майка. — Я немного запутался, кто из вас кем кому приходится. Вы тут все то ли друзья, то ли родственники.

— Кто именно тебя интересует?

— Например, ты и Скотт. Вы — друзья или братья?

— Сводные братья. Его отец женился на моей матери, когда мы были детьми.

— Но у вас есть общий младший брат — Лиам, так?

— Почти. Лиам — мой сиблинг. И такой же, как я, сводный Скотту.

— Ясно, — Ридж морщит лоб. — Это его называют Волчонком?

— Да, в честь нашего отца, Райана Бэка. — Голос Майка не меняется, но я прекрасно знаю, сколько боли скрывается за невозмутимым тоном. — В городе его предпочитали звать Чёрным волком. Много лет назад он был шерифом и погиб. Несчастный случай. — Майк всегда избегает разговоров об отце. Странно, что вообще ответил. Наверное, действительно хочет заслужить доверие Риджа, только тот вряд ли оценит такую откровенность. Он ведь даже понятия не имеет, как сложно Майку об этом говорить. — В Риверстоуне любят раздавать прозвища направо и налево.

— Я заметил, — усмехается Ридж. — До сих пор колбасит от заразы.

— Можешь звать Стэйс как отец — Куколкой.

— Определённо лучше.

— Скажи это Логану. Вдруг у тебя получится его переубедить. У нас со Стивом не вышло. Хотя в отношении сестёр Логан принял сторону Добряка Джимми. Так зовут у нас Джеймса, — поясняет Майк. — С его лёгкой руки Дэниз — Кнопка, а Эми — Умница.

— А тебе какое досталось?

— Мне повезло меньше. Видимо, не заслужил. Хотя теперь, — добавляет он с коротким смешком: — Кто знает, какой-нибудь Майк-Потрошитель. С них станется.

— Ваши родители ведь дружили?

— В основном отцы. — В отличие от Риджа Майк продолжает опустошать бутылку с пивом. — Ещё с детства, они вместе учились. Моя мать с ними на одном потоке, а Джеки и Айлин на два года младше. После школы переженились, а ещё через год родились мы: Логан, Стив и Стэйс и я.

— Отец Логана был мэром, правильно?

— Угу. Роберт-Скала.

— Скала — это прозвище?

— Точно. Наверное, в честь фамилии, — Майк опускает на стойку полупустую бутылку. — Логан утверждает, что они прямые потомки Вильяма Логана. Знаешь, кто это?

— Геолог и путешественник. Кажется, основатель Геологической службы Канады, — тоном заправского отличника отвечает Ридж.

— Молодец.

— У Айлин тоже есть?

— Прозвище?

— Ага.

— Есть, — Майк кивает. — В Риверстоуне по негласной традиции его получает каждый мэр. Айлин досталось самое почётное из тех, что я знаю — Первая дама. Красивей только у матери Логана — Миледи.

— Она тоже была мэром?

— Нет. Но супругам перепадает. Порой — буквально.

Я невольно улыбаюсь, догадываясь, что собирается рассказать Майк:

— Тебе вот «зараза» не понравилась, а представь прозвище «Толстый дик»?

— Серьёзно? — Ридж удивлённо вскидывает брови.

— Более чем. Он был последним мэром до прихода к власти Айлин. Его жене повезло ещё меньше.

— Боюсь спрашивать.

— Шлюшка Энн. Между прочим, вполне заслуженно.

— Шаловливое прошлое?

— Настоящее, — усмехается Майк. — Правда, теперь-то считается прошлым. Кто-то застукал её в машине с пасынком. Фотографии попали в газету, и началось. Потом всплыла история про связи с несовершеннолетними самого мэра. Ну и понеслось. В итоге отделался отставкой. И разводом. Ах да, ещё переездом в Штаты. Куда-то в Новую Англию, кажется. Короче, в глушь подальше от правосудия.

— Стэйс рассказала мне, — переставая смеяться, произносит Ридж, — про аварию, в которой погибли родители Логана.

— Эм-м, — невнятно мычит Майк. Вряд ли ему хочется говорить об этом.

— Я всё думаю, каково пришлось бедняге. Даже не верится, что он так легко вас простил.

Я сжимаюсь. Угадываю раньше, чем слышу, как меняется тон Майка.

— С чего ты взял, что кому-то из нас было легко?

На миг кажется, словно вся комната или этаж обледенели, а на стенах вот-вот появится иней. Если дыхнуть — изо рта обязательно повалит пар, как в мороз.

Ридж ничего то ли не замечает, то ли искусно делает вид.

— Вы же остались близкими друзьями. Сегодня, например. Логан вас ждал, забрал из участка, привёз к себе. Возился со всеми, поил, кормил. Да, считай, всю семью Стэйс приютил у себя. Даже меня, нахлебника, — тараторит он. — А я ему вообще никто. Подумаешь, приятель Стэйс. Лгун, который притворялся женихом. И, тем не менее, он и мне предложил пожить у себя. Даже джип свой готов одолжить на время.

Майк, не шелохнувшись, слушает. Выдерживает паузу, холодно роняет:

— В этом весь Логан. Но это не означает, что тогда ему было легко.

...За окном темнело. Зима неожиданно вернулась в Риверстоун, с энтузиазмом подвывала метелью между домов, сбивала с ног холодным ветром, без устали заметала улицы и газоны снегом, пряча под белым пушистым ковром голые, уродливые деревья, пожухлую прошлогоднюю траву и грязный асфальт. Впрочем, не настолько неожиданно. Бывало, робкая весна сдавала позиции даже в конце апреля, а сейчас только первые числа марта. И всё равно не верилось, что четыре дня назад на город обрушился самый настоящий весенний ливень с грозой, а не успевшая толком оттаять земля не желала впитывать в себя воду, и лужицы на глазах превращались в озёра, лениво стекая мутными ручейками в обезумевшую от обретённой свободы Атабаску.

Я сильнее прижималась лбом к прохладному стеклу, почти не слушая Эми. Бесцельно выхватывала взглядом из кружащего за окном вихря снежинку, провожала её в хаотичном полёте, пока та не исчезала, касаясь заснеженной дороги, и выбирала новую жертву.

Меня выписали из больницы вчера днём. Покрытое синяками и ссадинами тело болело, но терпимо. Обходилась без обезболивающих. Но родители всё равно не взяли с собой на похороны. Оставили дома с сёстрами.

Может, и к лучшему. Я бы не выдержала.

Стив и тот вернулся с панихиды пришибленный, растерянный, каким я никогда его не видела, и почти сразу же куда-то ушёл. Расстроенный Майк так толком ничего и не сказал по телефону. Лишь предупредил, что Логан пока останется у них. Хотя бы до вечера, потому что моя мать настаивала поскорее забрать его к себе.

Как чувствовал себя Логан, думать было невыносимо и страшно.

С того самого вечера, когда произошла авария, мы до сих пор не виделись и не разговаривали. Брэдди не появился в больнице и ни разу не позвонил, а я боялась делать первый шаг. Он наверняка меня ненавидит. Теперь вдвойне, когда выяснилось, что по завещанию Джеки и Роберта его опекуном станет моя мать, и Логану придётся жить с нами в одном доме.

Я понимала, что сама вряд ли хотела бы делить крышу с убийцей своих родителей, но ничего не могла изменить. Слезы и мольбы о прощении в данном случае бессмысленны и жестоки.

Где-то в глубине дома что-то с грохотом встретилось с полом, моментально оборвав болтовню Эми. Из коридора послышались истеричное мяуканье Маккензи, и через пару секунд в комнату влетела обезумевшая кошка.

Я вскочила с подоконника, в немом изумлении наблюдая, как папина любимица

промчалась в нескольких сантиметрах от меня и метнулась к шторам. Ещё до того, как она в них запуталась, я уже знала, что последует дальше: на пол полетят горшки с любимыми мамиными орхидеями, но подхватить ни один не успею.

— Капец! — обрисовала ситуацию Эми.

Я согласно хмыкнула. К счастью, по-настоящему пострадал только один горшок. Два других при падении выжили, лишь лепестки немного осыпались и помялись. Оставалось надеяться, что расстроенная мама не заметит угробленные растения. Или хотя бы не сразу.

— Попробуй запереть кошку в спальне родителей. Только Дэни не разбуди. А я пока всё уберу.

Прихватив из подсобки в коридоре швабру с совком, я торопливо вернулась в гостиную. Присела, тщательно собирая с пола рассыпанную землю вперемешку с осколками.

За спиной со стороны кухни хлопнула, как от сквозняка, дверь. Едва слышно звякнуло стекло. И ещё раз. Я прислушалась. Звуки повторились. Отпустив швабру, я решила проверить.

— Стив? — негромко позвала я, выходя в коридор и упираясь взглядом в почему-то закрытую на кухню дверь. В щель снизу тянул холодный воздух. Чувствовалось: по ту сторону кто-то есть, хотя свет не горел и не доносилось ни звука. Крутанув ручку, я осторожно заглянула внутрь. — Стив?

В полумраке раннего вечера я легко смогла разглядеть то, что, похоже, и напугало Маккензи: на полу валялись осколки керамической вазы, привезённой откуда-то из Китая кем-то из родственников в подарок на годовщину свадьбы родителей. Дверь за спиной снова хлопнула, и в тихой, полутёмной кухне что-то изменилось.

Я вздрогнула, медленно подняла голову.

В проёме входной двери темнел силуэт. Высокий, худощавый, мужской. Похожий на Логана. Я не успела ничего сказать. В то же мгновение сзади раздался шорох. Я машинально обернулась, встречаясь взглядом с испуганной сестрой.

— Что случилось? — пробормотала она.

Я пожала плечами, поворачиваясь на звук шагов и хруст осколков.

Логан медленно приближался к нам, и я успела подумать, что никогда раньше не замечала, какая у него плавная походка. Как будто он перетекал из одной точки в другую. На стёкла на полу Логан не обращал внимания. Молча поравнялся со мной, остановился. Не моргая, уставился на меня.

Наверное, целую минуту, если не больше, мы буравили друг друга взглядами.

— Брэдли, — тихо позвала за спиной Эми. — Ты в порядке?

Он хмуро посмотрел через моё плечо на сестру. Бросил по сторонам беглый взгляд, снова встретился глазами со мной. На лице не было ни капли злости, только печаль и растерянность.

— Простите, что напугал. Мне не следовало сразу сюда, — медленно, непривычно растягивая гласные, заговорил Логан. — То есть... — он запнулся. Ещё больше помрачнел, но всё же вымученно улыбнулся. Дотянулся до стены, нащупал выключатель. Щелчок — и кухню залил яркий электрический свет. — Извините, — Логан неуклюже переступил с ноги на ногу, и только сейчас я заметила, что он почему-то босиком, а на светлом ламинате отчётливо видны кровавые следы от ступней.

— Ч-чёрт! Чудесно! Ты... Так. Стой, не шевелись! — первой опомнилась Эми. Схватила стул, поставила рядом с ним. — Садись скорей!

Логан проследил за её взглядом с каким-то обречённым безразличием.

— Сядь! — Я тоже пришла в себя. — Да садись же! Сейчас.

Я метнулась в ванную за аптечкой и тазиком с полотенцем. Чуть ли не бегом бросилась обратно, на ходу вытаскивая из коробки пакет с ватой, перекись и пинцет. Сунула их в руки сестры, сама подскочила к крану, чтобы набрать тёплой воды. Затем вернулась, поставив тазик рядом со стулом, на котором с пугающим равнодушием сидел Логан.

— Стэйс, что ты собираешься делать? — тихо спросила Эми.

— Стекло из его пяток вытаскивать. — Я подняла глаза на Логана: — Будет больно. Готов?..

Он перевёл взгляд с босых ступней на тазик, потом — на пинцет в моей руке, и снова на моё лицо. Едва заметно кивнул.

— Да... конечно. Спасибо.

— Стэйс! Стэйс, ну же! — откуда-то сверху раздаётся требовательный и одновременно обеспокоенный голос Майка. Чьи-то цепкие пальцы больно сжимают плечи, не сильно встряхивая. Через миг я прихожу в себя и могу разглядеть лицо Майка. — Как ты тут?.. Давно? Ты же спала, — сбивчиво бормочет он, опускаясь на ступеньки передо мной. — Почему ты плачешь? Ну, не плачь, пожалуйста. Родная моя, только не плачь. Что случилось?

Поднимаю глаза, замечаю за его спиной встревоженное лицо Риджа. Перевожу взгляд на Майка. Даже не понимая, почему, начинаю плакать. Шумно, навзрыд. Утыкаюсь лицом в футболку Майка, обхватываю его, как маленький ребёнок, за шею, громко всхлипываю и судорожно хватаю ртом воздух.

Сердце сжимается в малюсенькую точку, растворяется в беспричинном, жгучем, непреодолимом отчаянии под тяжестью горя и боли, объяснить которые я не в силах.

...Я проснулась с головной болью. Не сильной, но достаточно ощутимой, чтобы минут пять безуспешно уговаривать себя отпихнуть в сторону развалившуюся под боком кошку и вылезти наконец из-под тёплого одеяла. И хотя улеглась вчера гораздо раньше, чем обычно — задолго до полуночи — я совершенно не выспалась. Сначала мешали доносившиеся снизу звуки веселья, потом внеплановый праздник «свободной любви» перебрался из гостиной в комнату брата напротив. Бывшая подруга явно нацелилась дойти до «финала» победительницей, и чем закончится их вечер, угадать было не сложно. Вот только «уменьшить громкость» не додумались или не захотели. Стив тоже хорош! Неужели не понимает, что Мишель здесь лишняя?! Но нет... Стоило родителям уехать в Ванкувер, как из всех девушек, увивающихся за ним в школе, братец приволок домой именно эту суку!

Я зевнула, потянулась за мобильником. Ночью я буквально закидала Майка смсками, и на последние он наверняка отвечал рано утром.

Маккензи тут же подскочила, бодро прошлась по краю постели и уставилась на меня во все свои изумрудные глазки.

— Жрать просишь, да? — Я села, торопливо пробегаясь по новым сообщениям и отвечая на все разом в одном.

Я так до сих пор и не определилась, рада ли я или огорчена, что именно в этот уикенд Майку пришлось взять Лиаму на школьные соревнования по плаванию в Калгари. С одной стороны, жутко соскучилась и мечтала провести вдвоём с ним целые выходные. Нам и так требовалось проявлять чудеса изобретательности, чтобы встречаться тайком от всех после школы. С другой стороны, последний раз, когда мы собрались в похожем составе, закончился плачевно для всех. К тому же, одна только мысль наблюдать Майку в непосредственной близости от Мишель отзывалась в желудке болезненным спазмом, пусть я безоговорочно верила в его версию событий на вечеринке. В любимом я больше не сомневалась ни капли, а вот новоиспечённую подружку брата хотелось размазать по стенке ровным слоем. Злость никуда не исчезала, а обида медленно, но верно превращалась в ненависть. И я ничего не могла с этим поделать.

Миссис Грей, школьный психолог, к которому директриса направила принудительно чуть ли не весь класс, настоятельно советовала набраться смелости и откровенно поговорить лицом к лицу с «обидчицей», чтобы разобраться в случившемся, но я упрямо отказывалась. Я абсолютно не горела желанием выслушивать оправдания или сбивчивые объяснения Мишель, и так или иначе заново переживать всё, что произошло тогда, в который раз прокручивая в голове проклятый вечер. Не верилось, что я способна доверять той, кто так жестоко и подло обошлась со мной. Или хотя бы попытаться. Что вообще когда-нибудь буду готова её простить. Такое — не прощают. Никогда. Предательство искупается только смертью. Но, к сожалению, с моста на камни слетела вовсе не Мишель.

Разбитое стекло не склеить, Джеки и Роберта — не вернуть. Причины уже не имели никакого значения, и тратить на них время я не желала. Вместо этого предпочла стереть подругу из своей жизни и вполне успешно делала вид, будто той никогда не существовало, как и нашей дружбы. Так было проще справиться и похоронить в памяти если не «что», то хотя бы — «как» и «почему» случилось. Поэтому я сменила шкафчик, отказалась от всех совместных проектов и курсовых и даже в школьных коридорах между уроками на пару с

Майком старательно избегала разговоров с Мишель или встреч ненароком.

Маккензи негромко, но требовательно мяукнула, отвлекая от размышлений и напоминая, что сегодня, как и всегда, когда родители с сёстрами уезжали на выходные, именно на меня возложена великая честь кормить Её Высочество.

— Ладно, ладно. Встаю уже.

Кошка, кажется, только этого и ждала. Моментально соскочила с кровати и замерла под дверью, которую накануне пришлось плотно закрыть, иначе никак не удавалось заснуть. Нетерпеливо обернулась, снова мяукнула. На этот раз громко, настойчиво, явно давая понять, что не позволит себя игнорировать. Если сейчас же не покормить, вернётся, будет сначала тереться мокрым носом в ладонь и урчать, а потом пустит в ход «тяжёлую артиллерию» — начнёт царапаться и прикусывать пальцы.

Я нехотя накинула на пижаму шёлковый халат и вышла в коридор, одновременно прислушиваясь. Кажется, остальные ещё спали или успешно делали вид. Внизу тихо шелестел телевизор. Наверное, забыли выключить — вряд ли кто-то его смотрел в десять утра, если учесть, что в пять в доме ещё кипела жизнь. Я лениво побрела к лестнице. Маккензи бежала впереди, целенаправленно на кухню, к холодильнику и миске, как вдруг на последней ступеньке замерла, будто наткнулась на невидимую преграду, а потом неожиданно зашипела, выгибая дугой спину. Я тоже остановилась. Несколько секунд удивлённо смотрела на вздыбленную шерсть, потом осторожно подхватила животное на руки и спустилась в холл.

В гостиной на диванчике у окна вальяжно развалилась Мишель, только вместо вчерашних чёрных леггинсов и белого вязаного свитера с широким открытым вырезом — ярко-розовая фланелевая пижама Эми, а длинные, распущенные тёмные волосы собраны в озорной хвостик на макушке. На ногах — огромные мягкие тапочки-собачки, тоже розовые и принадлежавшие моей средней сестре. В руках — миска с кукурузными хлопьями. О завтраке для мисс Брукс точно можно не беспокоиться.

Я бросила на неё хмурый взгляд. Выбранная тактика «молчания» сегодня не спасёт, и целенаправленно игнорировать «подружку» долго не получится, если, конечно, не запереться в своей комнате, как постоянно делает Логан. Мишель же лучезарно улыбалась и как назло продолжала вести себя так, словно ничего ровным счётом не изменилось. Вообще. Не было ни аварии, ни гибели родителей Брэдли. Как будто не она пьяная вдрызг висла на Майке полтора месяца тому назад, не из-за неё мы поругались и уехали с вечеринки, а потом случилось то, что случилось. Как будто не ей, заявившейся в больницу, стоило мне прийти в сознание, прямо с порога не очень вежливо, но доступно объяснили, что нашей дружбе конец. Как будто она и понятия не имела, что с тех пор Логан разучился улыбаться, не появлялся в школе, пропускал тренировки и почти не выходил из своей комнаты, а Майку приходилось держаться за пушечный выстрел от нашего дома.

— Доброе утро, — невозмутимо поздоровалась Мишель, встречаясь со мной взглядом. — Или не доброе. Мы что? Совсем не дали выспаться своими криками?

— Угу, не дали, — еле сдерживая рвущееся наружу раздражение, резко ответила я.

Маккензи вдруг низко, утробно завывла, начиная отчаянно вырываться. Через мгновение у неё получилось — несильно поцарапав мне руки, кошка спрыгнула на пол и удрала обратно к лестнице. Проследив за спасающимся бегством животным, я мрачно обернулась к бывшей подруге.

«Кажется, ты ей больше не нравишься. Мне тоже», — мысленно добавила я.

— Прости. Мы не хотели... сильно шуметь, — Мишель отправила в рот ложку хлопьев и устала на экран, где Келли спорила с Бренданом о деталях предстоящей свадьбы. — Вот сволочи! Наобещали с три короба. Финал восьмого сезона всех удивит, бла-бла-бла. И чему я должна удивляться?! Лучше бы спать осталась, — с набитым ртом заявила она.

Ага, точно. Определённо лучше. Особенно, если бы спала у себя в кровати! Я продолжала буравить Мишель взглядом. Выслушивать объяснения, какого чёрта «подружка» делает в гостиной и почему не свалила с утра пораньше к себе домой, как, впрочем, любые разглагольствования из уст Мишель совершенно не хотелось. Зато высказаться откровенно, не стесняясь в выражениях, я была совсем не прочь. Но она то ли не замечала, то ли умело делала вид. На лоснящейся от удовольствия ненавистной роже — ни грамма косметики, вины или раскаяния:

— Фу! Весь сериал испоганили! Невозможно смотреть.

Я молча передёрнула плечами. «Беверли Хиллс» давно утратил актуальность, и в данный момент события на экране волновали меня меньше всего. Мишель же хотелось выставить на улицу пинками, а потом тщательно вымыть всё здесь с хлоркой. Может быть, даже сменить диван. Однако на наши крики обязательно спустится брат, ссориться с которым я не собиралась. Тем более, беспокоить Логана. Уж точно не из-за этой подлой, наглай шлюхи, пусть её присутствие и бесит до зубного скрежета. О чём только Стив думал? Или чем. Явно не головой, а совсем другим местом! Но если без «разбора полётов» не обойтись, я обязательно его устрою и прочищу братцу мозги. Позже и без свидетелей.

Я демонстративно развернулась и направилась на кухню, машинально отмечая, что в гостиной царит идеальный порядок. Ни тебе пустых стаканов из-под сока, ни бокалов, ни тарелок, ни недоеденной вчерашней пиццы. Следов пиршества не нашлось и на кухне. Кто-то был очень занят этим утром, наводя в доме чистоту. Неужели Мишель? На неё не похоже — даже в лучшие времена подруга не проявляла такой инициативы. Обычно её роль на вечеринках сводилась к двум задачам — как можно быстрее нажраться и перепихнуться. «Расширить половой кругозор», как говорила она сама. Может, сейчас пытается заглядеть вину за ночной кутёж с братом?

Я задержалась в проёме и обернулась. Мишель продолжала поглощать кашу из хлопьев и пялиться в телик. Весь её развязный видок никак не вязался с уборкой и попыткой подлизаться. У Стива, что ли, проснулась совесть? Привёл всё в порядок и вернулся в постель доспать? Верилось с трудом. На подобные подвиги брат мог пойти только в случае крайней необходимости или под дулом пистолета.

Я неторопливо насыпала кошке корма и, поскольку сомневалась, что та рискнёт спуститься на кухню в ближайшее время, собралась отнести миску в спальню родителей — убежище Маккензи по умолчанию. В этот момент в холле несильно хлопнула входная дверь, послышались чьи-то шаги, а следом — недовольный голос Логана:

— Ебать, Брукс! Ты всё ещё смотришь эту муть?!

Я была готова поклясться, что в его тоне звучит едва сдерживаемый гнев, и вряд ли он вызван приевшимся сериалом. Неужели игра «в молчанку» закончилась?

— Если не нравится, можешь переключить, — ответила Мишель заискивающим, елевым голоском, какого не слышала у «подруги» ни разу за все годы знакомства. — Могу вообще выключить. Если тебе мешает.

— Мне не мешает. Но твоим мозгам точно вредит. Стив ещё спит?

— Ага. Зато Стэйс уже встала. На кухне возится.

Я была уверена, что Логан, как обычно, сразу поднимется к себе. Но ошиблась. Из холла послышались приближающиеся шаги, и я окончательно растерялась. Опустила миску на пол, носком тапка судорожно отпихнула в сторону, отчего та отлетела к холодильнику и со звоном ударилась о дверцу. Часть корма, конечно же, рассыпалась вокруг, пачкая светлый ламинат. Ладно, потом разберёмся.

Шепча под нос проклятья, я зачем-то плюхнулась на табуретку. Подтянула согнутые колени к груди, обхватила их руками, пытаясь принять невозмутимую позу. Но стоило Логану появиться в дверях, как я тут же выпрямилась, напряглась и неуклюже замерла, свесив ноги.

— Как жизнь? — сухо осведомился он, останавливаясь в проёме и глядя прямо в глаза.

— Н-н-нормально, — Я хотела добавить привычное «А у тебя?», но поперхнулась неуместным, казавшимся сейчас грубым, даже диким вопросом.

Мы не разговаривали с того самого вечера, когда после похорон Логан пришёл к нам домой от Майка. Один, в тонкой весенней куртке, босиком, в мороз, прямо по снегу. Абсолютно неадекватный. Вдобавок, порезал ступни, прогулявшись, как заправский йог, прямо по острым осколкам разбившейся вазы.

А потом заболел — сильно и надолго. Полторы недели провалялся с температурой под сорок, не вставал и практически не ел. Сначала родители хотели отвезти его в больницу, но потом решили, что дома Брэдли будет всё-таки лучше. Мы с Эми и Стивом по очереди дежурили у его постели по вечерам, ночью нас сменял отец, а днём — мама.

Почти каждый день его заходила проведать Ирэн, чуть реже — Патрик со Скоттом и родители Мишель. Её отец, лечивший всю нашу семью, как и Логанов, исправно ставил Брэдли капельницы, делал уколы, но при этом утверждал, что медицина в данном случае бессильна. Мол, Логан должен захотеть выздороветь сам, нам же пока остаётся только молиться и надеяться на лучшее. А тот не спешил приходить в себя, находясь в прострации между сном и реальностью.

Часто, особенно по ночам, бредил, иногда звал родителей, но обычно его слова почти не удавалось разобрать. Я, к своему стыду, не особо стремилась — боялась, что однажды услышу что-то такое, от чего будет не отмахнуться и с чем не смогу справиться. Я и так не знала, куда деваться от постоянно грызущего чувства вины. Да и выглядела я едва ли лучше друга — бледная, осунувшаяся, потерянная. С той лишь разницей, что заставляла себя ходить на занятия в школу, правда, только для того, чтобы иметь возможность видеться с Майком, который тоже напоминал зомби.

А потом Логан выздоровел. Так же неожиданно и стремительно, как и заболел. Проснулся в день рождения Дэниз с нормальной температурой и попросил маму приготовить ему любимый завтрак — нарезанный кубиками жареный картофель с кусочками бекона. Только проще не стало. С тех пор он почти не выходил из своей комнаты и едва обмолвился с кем-то из нас парой слов. Сначала это напрягало, позже — все привыкли, смирились и больше не лезли с расспросами, решив дать Брэдли время.

И вот теперь он, исхудавший, бледный, с непривычно отросшими тёмно-русыми взлохмаченными волосами, в сером спортивном костюме с чёрными вставками, в таких же кроссовках и с торчавшими из кармана белыми наушниками от плеера, стоял в каких-то полутора метрах на той же самой кухне, где мы говорили в последний раз. Смотрел в упор, не моргая и без тени улыбки, отчего становилось совсем жутко. И продолжал беседовать со мной:

— Что делаешь?

— Ничего. Жду, пока вода закипит. Для кофе. Хочешь?

Логан бросил быстрый взгляд на чайник, тот даже не был включён. Скользнул глазами по пустому, прозрачному стеклянному кофейнику, стоявшему в углу у хлебницы.

— Ясно, зараза, — он хмуро посмотрел на меня. Потёр пальцами переносицу, сделал шаг вперёд, протягивая руку. Я вздрогнула, отшатнулась в сторону, пригибаясь, как от удара.

— Ты... что? Ты меня боишься?..

— Я... — я замолчала, опуская глаза в пол и пытаюсь понять, что же так напугало: позабытое детское прозвище, прозвучавшее сейчас как никогда грубо и обидно, или резкое движение. — Да... не знаю. Наверное.

— Прости. Не надо. Я ничего тебе не сделаю, — произнёс Логан. — Но ты права, я — зол. Немного. Возможно... на всех. На весь мир. Хотя не понимаю, почему. У меня ведь нет для этого оснований. Мир ничего мне не должен.

— Есть, — я заставила себя вздёрнуть подбородок, выдержать ледяной, пронизывающий насквозь взгляд голубых, таких родных, знакомых с детства и одновременно чужих глаз. — На меня — есть. Я виновата. Это из-за меня. Это я их... убила.

— Ты что?.. — Брэдли отпрянул. Медленно, растерянно, будто видел меня впервые в жизни, покачал головой: — Нет, зараза, ты... нет. Ты... Не говори так больше, хорошо? Я должен многое. Объяснить, выговориться. Просто не могу решить, готова ли ты слышать, — он прерывисто вздохнул. — Поверь, я не виню. Тебя... нет. Не в их... — замолчал, видимо, не сумев найти подходящего слова. — Слушай, давай мы... Пошли со мной на пробежку, зараза, — последнее предложение не прозвучало как просьба. Скорее, приказ.

— Прямо сейчас? — я уставилась на него. Мы бегали вместе много лет — по утрам, почти каждый день ещё с младшей школы. Последний раз — в утро того самого дня, когда случилась авария. И я почти поверила, что он действительно стал последним.

— Ага, — Логан выразительно оглядел меня с ног до головы. Со странной усмешкой, от которой по спине поползли мурашки, бросил: — Только ты и я.

— Знаешь, я была уверена, что ты собираешься что-то мне сделать. Наказать, наверное. Или покарать. Поэтому позвал на пробежку.

Даже не верится, что пару часов назад над нами бесновалась настоящая летняя буря. Однако гроза давно стихла и убралась вместе с ветром далеко в горы. Бархатное небо чуть посветлело и теперь искрится в призрачном желтоватом свете луны сотней ярких звёзд. Ночной воздух бодрит свежестью и ароматом влажного леса, но холода не ощущается. Может, потому что мы с Брэдли сидим рядышком на двухместных качелях на крыльце около входной двери, накрывшись одним на двоих мягким пледом. Разговариваем, вспоминаем.

— Покарать? — с усмешкой переспрашивает Логан. — Неужели правда так думала? — Я киваю, и он сильнее притягивает к себе. — Вот дурная! Но всё равно ведь пошла со мной, а?

— Я считала, что это справедливо. Что я заслужила, — я утыкаюсь лбом в его плечо. Вдыхаю такой знакомый и давно ставший родным запах. — Когда мы добежали до моста, где... — рассказывать об этом даже спустя столько лет до невозможного сложно. Голос срывается, слёзы сами собой наворачиваются на глаза, а в горле встаёт предательский ком. — Где всё случилось. Помнишь, ты тогда остановился, очень долго смотрел вниз, а потом попросил меня залезть с тобой на перила? — Я заглядываю ему в лицо.

— Конечно помню, — кивает он.

— Я подумала, что ты предложишь прыгнуть. И прыгнула бы, если бы ты попросил.

— Не сомневаюсь, — глухо отзывается Логан. Ему воспоминания даются ещё тяжелее. — Но я даже не думал об этом в тот момент. Смотрел на бурлящую внизу реку и пытался представить, смогли бы они выжить, случись всё сейчас. В смысле тогда, а не на полтора месяца раньше, когда Атабаска даже не успела толком оттаять. — Он молчит и вдруг смеётся, глядя на меня: — Зараза, а знаешь, ты ведь всегда ошибаешься в людях. Всегда думаешь о нас хуже, чем мы есть. Даже о тех, кого знаешь и любишь.

— Не правда. Не всегда.

— Да ну? — Логан насмешливо вскидывает брови. — Есть примеры?

— Да. Например, Мишель. Я не предполагала, что она способна... на такое. В юности да и сейчас тоже. Вся эта история с её ребёнком, — я многозначительно замолкаю. — Ей всегда удавалось побить личный рекорд мерзости.

— Да-а-а, — протягивает он. — Брукс умела удивлять. У неё был настоящий талант на подлянки.

— И всё же ты её простил. Хотя терпеть не мог.

— Это ещё мягко сказано, — признаёт Логан. — Как-то у нас с Брукс с детства не сложилось. Но сначала она была твоей подругой, потом — девушкой Стива. Мне оставалось сосредоточиться на хорошем, что в ней видели вы.

— У тебя отлично получалось.

— Благодаря твоему брату. Уж не знаю, как ему это удавалось, — друг едва заметно пожимает плечами.

Несколько секунд мы молчим.

— Думаешь, Мишель убили из-за Стива? — решаюсь спросить я.

— Вероятно. Если нож, правда, тот же. А может, не из-за него, но по той же причине. Учитывая, как убили, полагаю, кто-то их сильно ненавидел. Обоих, — Брэдли вздыхает, глядя на небо. Добавляет, хмурясь: — Что в отношении Брукс вовсе не удивительно. Она умела напасть. Но Стива за что? Не представляю.

— А вдруг это меня?..

— Тебя — что?.. — не понимает Логан. Оборачивается, пытливо вглядываясь в моё лицо.

— Хотели убить. Но перепутали с Мишель. Мы ведь похожи. Фигура, цвет волос. Сегодня особенно: одинаковые платья, причёски.

— Что?! — кривится Брэдли. — Вот только не носи ерунду! Похожи они, — скептически хмыкает он. — Ты-то здесь причём? Никто до вчерашнего дня даже не был уверен, что ты вообще явишься на свадьбу.

— Но явилась же!

— В последний момент. А такое убийство на экспромт не похоже, — он хмурится, задумчиво разглядывая макушки елей. — Кто-то всё продумал и рассчитал заранее. Не удивлюсь, если и правда собирались подставить Майка, но ты приехала, и убийце пришлось чуток импровизировать, — Логан снова смотрит на меня. — Потому и прислали тебе ту запись. С Мишель.

— Так ты уже знаешь?

— Майк рассказал, пока ждали тебя в участке. Я с ним согласен.

— В чём?

— Что сама Брукс эту запись и организовала. Майк тебе не сказал?

Я отрицательно мотаю головой.

— В смысле организовала? — Не то чтобы такие мысли не мелькали у меня самой. Например, позавчера на стоянке у бара я ни секунды не сомневалась, что видео — дело рук бывшей подруги. — Считаешь, что это Мишель прислала мне запись?

Логан отвечает не сразу:

— Ну, может, передать телефон с видешкой на девичнике — не её идея. Но саму запись сделала точно она.

— Мишель уверяла меня, что нет. Очень убедительно, кстати.

— Ага. Это Брукс умее... ла, — горько усмехается Логан. — Очень убедительно врать.

— Допустим, но объясни, зачем тогда она сразу рассказала про запись Майку? В смысле, про нас. Что я всё видела и обвинила её? — Я сама не могу понять, почему так отчаянно цепляюсь за слабую надежду, что Мишель сказала мне правду. Не могла же она всегда нам врать. Или могла? Во что ещё вляпалась «подружка»?

— Именно для того, чтобы в её непричастности не усомнились. От противного, чтобы выглядело признанием, а не запоздалыми оправданиями, — парирует Брэдли. — Брукс не могла знать, кому ты расскажешь про видео, если вообще. И как быстро это дойдёт до Майка. А вот про вашу ссору знал весь город сразу.

— В чём смысл? Они ведь всё равно разводились. Я не собиралась вмешиваться, и, если бы её не... убили, давно была бы в Торонто. Неужели чтобы тупо сделать мне больно?

Логан как-то странно смотрит на меня.

— И что означает этот взгляд?

— Ничего, забудь, — он отворачивается, снова уставившись на звёздное небо. Слишком поспешно, чтобы это выглядело естественно.

— Ну!

— Уверена, что хочешь слышать, что я на самом деле думаю? — Логан с усмешкой встречается со мной глазами. — Тебе вряд ли понравится моя версия.

— Говори уже.

— Ладно, — он тихо, явно взвешивая каждое слово, начинает: — Не удивлюсь, если выяснится, что к смерти Стива Брукс имела самое непосредственное отношение. Знала не только, кто, но и почему его убил. А теперь по каким-то причинам встала поперёк горла убийце. И её просто убрали с дороги. Избавились. Пустили в расход. Казнили, если хочешь. Возможных мотивов — великое множество. Брукс ведь никогда не была невинной овечкой.

— Ты думаешь о ней даже хуже, чем я.

— Я не думаю. Я анализирую. Чересчур многое ведёт к Брукс, включая эту запись. Сама подумай, кто мог в доме Майка поставить скрытую камеру? Да ещё в нужном месте в нужное время. Прямо в десяточку! В такие совпадения я никогда не поверю, — Логан многозначительно хмыкает. — Я говорил об этом с Майком. Он сам не знал, что случится в тот вечер, как далеко сможет зайти. Тем более, никому о своих планах не сообщал. Уверяет, что в доме кроме родных никого не было уже давно. Сантехники к нему не ходят, сам всегда всё чинит. Кто ещё мог? Скотт? Лиам? Решили последить за братом и случайно попали на компромат? Пф-ф! Я тебе больше скажу. Меня вряд ли удивит, если именно Брукс имел в виду Стив, когда пытался предупредить тебя в больнице, но не успел, а ты решила, что Майк. А вся эта предсмертная речь умирающей — не больше, чем притворство. Или она, наконец, осознала, что натворила, и таким образом пыталась загладить вину. Кстати, ты запомнила посылного? Смогла бы его узнать, если бы увидела?

— Да, наверное. — У меня всегда была плохая память на лица, не то, что у Стива. — Вообще-то я его не разглядывала. В смысле, только на тело посмотрела. Я же думала, он — стриптизёр.

Логан пару секунд буравит меня пристальным взглядом, а потом громко смеётся.

— Что ты ржёшь?

— Что ты мечтала о стриптизе, а получила порнушку с Майком в главной роли.

— Не смешно. — Я отворачиваюсь от Логана и смотрю на луну.

В его рассуждениях есть смысл. Особенно, если вспомнить, что Мишель собиралась навязать чужого ребёнка Майку. Как раз эта часть признаний «подружки» на свадьбе выглядит логично и правдоподобно, а заодно объясняет остальное. Наверняка Мишель позаботилась на случай, если Майк легко не купится и будет отрицать их связь. А поскольку анализ на отцовство в данном случае — не вариант, то побеспокоилась о более прозаичных доказательствах сексуального контакта. Старая добрая видеозапись, которая и не понадобилась вовсе, чтобы выскочить замуж. Зато сейчас пригодилась для других целей, чего бы Мишель ни добивалась. Эта часть тоже выглядит логично, учитывая, когда и куда прислали мобильник с видео.

— Ты говорил о своих подозрениях Майку? — спрашиваю я, оборачиваясь к Логану.

— Пока нет. И тебе не советую, — отвечает он, доставая из кармана толстовки пачку сигарет. Медленно, с наслаждением закуривает. — Слишком рано, — тихо добавляет он, выпуская к небу прозрачную струйку дыма. — Ты же его знаешь. Майки должен всё тщательно переварить и отрыгнуть. Пусть пламя само разгорится. Поленья в костёр будем подбрасывать потом. Постепенно. Иначе спалим всё к чёртовой матери.

— Почему ты ничего ему не объяснил? — я сама не ожидала, что спрошу. — Почему позволил ему думать, что мы с тобой?..

— Потому что искренне верил, что это поможет.

— Кому поможет?

— Майку, кому же ещё! Я ведь понятия не имел, почему вы с ним расстались. — Логан продолжает гораздо тише: — Вы оба молчали, а сам я о настоящей причине никогда бы не догадался, — бросает на меня выразительный взгляд, затягиваясь сигаретой. — То, что мельком упомянул Майк, подтверждало мою теорию. Тебе надоело, ты уехала, начала новую жизнь. А он — не может. Ни тебя забыть, ни новую жизнь начать. Вот я и решил его подтолкнуть. Подумал, что если он будет думать, что мы с тобой. Возможно, взглянет на всё иначе, избавится от зависимости тобой. Освободится от тебя, что ли. Ты не поверишь, но мне казалось, что так лучше для всех. Что в каком-то смысле я его даже спасаю.

— Из тебя хреновый спаситель, Логан, — ухмыляюсь я. Но верю каждому его слову и ни капли не сомневаюсь, что всё сказанное сейчас — правда.

— Согласен, — признаёт Брэдли. — Но всё же трахнуть Брукс — вовсе не моя гениальная идея. Я не предполагал, что у Майка так всё запущено. Вы вообще оба! Не знаю кто из вас дурнее.

— Из нас дурнее только ты, — я несильно ударяю его кулаком в плечо. — Меня ты тоже спасал, да? Тогда в Сиэтле, когда мы с тобой проснулись. Это же надо было додуматься!

— Сама виновата, — Логан дурашливо кривляется, строя мне рожи. — Не фиг было от меня шараться! Вскочила, замоталась в одеяло. Как стыдливая монашка, ей-богу. Спасибо, полицию не вызвала. А ведь первая полезла ко мне целоваться! Я всё помню, — он шутливо грозит мне пальцем.

— Да ладно! Между прочим, это был невинный братский поцелуй. — В отличие от Брэдли, события того вечера я помню довольно смутно. Но в одном Логан прав — я первая начала, причём оба раза. — В смысле, сестринский. Или как это там правильно называется.

— Это называется «зараза нажралась с горя и пустилась во все тяжкие», — улыбается он. — Обещаю не рассказывать Майку подробности даже под пыткой. Прощаешь?

— А ты меня?

— Иди уже сюда, дурная! — Логан ловко перехватывает тлеющую сигарету в левую руку, а правой притягивает меня к себе.

— Думаешь, мы справимся?

— Конечно, справимся, Стэйс. А как иначе? Назад нам нельзя. Остаётся только вперёд. Мы ведь и не с таким справлялись. Тем более, вместе.

— Уверен?

— Да ты посмотри на нас. Сидим в ночи в обнимку, вспоминаем наш пьяный, неудачный секс, пока твой старый-новый жених общается тет-а-тет с твоим же липовым женихом из Торонто. Мы же сумасшедшие. Кто нас таких одолеет?

— Ты всё-таки прелесть! — я благодарно целую Логана в щёку, прижимаюсь к его плечу и чувствую ответное объятие. — Спасибо, что всех приютил.

Доносится шум открывающейся двери и следом — родной, любимый голос:

— Эй, вы, не надоело обниматься? — с наигранным возмущением бросает нам Майк. В несколько шагов оказывается рядом. — Может, снимете себе номер, бесстыдники? — Он втискивается на качели сбоку от меня так, что я оказываюсь зажата между ним и Логаном.

Не сговариваясь, мы втроём смеёмся. Только появившийся на крыльце Ридж хмурится и поочерёдно разглядывает наши лица, и нам становится всё смешнее.

— Вы — странные, знаете? — выносит он вердикт. — Но именно этим нравиться мне всё сильнее.

— Поздравляю. Вот теперь ты в нас точно вляпался, — заявляет Логан, швыряя окурок в мокрую траву.

— Слушайте, вы вообще спать собираетесь? — Я только сейчас осознаю, который час. Вскликаю с качелей. — Что? — Чувствую на себе выразительные взгляды и передёргиваю плечами. — У нас нет целой ночи. Скоро рассветёт.

— О, точно! Вот кого вы мне напоминаете! — Ридж радостно хлопает в ладоши. — Трёх мушкетёров и Миледи! Помните боевик Пола Андерсона с Эвансом, Йовович и Лерманом?

— И это мы — странные? — хмыкает Логан.

— Я серьёзно, — не унимается друг. — Там в начале есть сцена, когда они спускаются в хранилище Да Винчи за ключом, но Атос подозревает, что всё чересчур просто. И оказывается прав. Тогда Миледи бросается под пули, а потом как раз говорит эту фразу. Прямо как ты, — Ридж кивком указывает на меня. — Тебе подходит.

— Вообще-то, Миледи в Риверстоуне уже есть. Так называли маму Брэдли. Майк тебе рассказывал.

— Прости, — мрачнеет Ридж. — Я не подумал.

— Все нормально, — простодушно улыбается Логан, тоже поднимаясь с качелей. Бросает на Майка хитрый взгляд и подмигивает. Затем смотрит на меня: — Мама бы не возражала. Тем более, Ридж прав. Тебе подходит, зараза.

— Особенно по части бросаться под пули, — добавляет Майк, приближаясь ко мне и мягко обнимая за плечи. — Наша «одна за всех».

— И все за одну! — в один голос, смеясь, добавляют Ридж с Логаном.

— Пошли спать, мушкетёры.

Всё-таки хорошо, что своей истерикой я разбудила Брэдли. И что Майк отправил нас вдвоём разбираться на улицу. Пусть жизнь проще не стала, но мы откровенно поговорили, и сразу вернулись позабытые спокойствие и уверенность, которых так не хватало. Теперь я точно знаю, что не одна. У меня есть верные друзья, семья и, конечно, Майк, который по-прежнему меня любит.

Логан прав. Вместе мы обязательно сможем найти нужные ответы. Когда-нибудь.

22 июня 2015 года, Риверстоун, Альберта.

Решив, что беседовать с отцом стоит на свежую голову, я попросила Логана предупредить Дэниз, чтобы она возвращалась к родителям завтра без меня. То есть сегодня, учитывая, что посиделки закончились с рассветом. Но, как выяснилось, моя младшая сестра менять планы не пожелала — где-то раздобыла запасной ключ от нашей комнаты и пришла за мной.

Чтобы не разбудить Майка, я не стала пререкаться и покорно выползла из кровати. Кое-как умылась холодной водой, отчаянно пытаюсь продрать слипающиеся веки. Впопыхах оделась в те же джинсы, рубашку и кроссовки, что и вчера. Затем, стараясь не налететь на что-нибудь в погруженной в полумрак комнате, торопливо рассовала по карманам кошелёк, документы и сотовый и вышла в коридор, где меня поджидала недовольная сестра. Хорошо хоть не с секундомером.

Я приготовилась высказать Дэниз всё, что думаю, на кухне за кофе, но, как оказалось, сестра спешит. Видите ли, в десять тридцать ей обязательно надо быть на лекции в Эдмонтоне, а перед этим успеть заехать домой, так что даже на кофе времени не оставалось.

— Заедем в «Тим Хортонс» по дороге, — то ли предлагает, то ли обещает Дэниз и семенит к входной в двери.

«Тим Хортонс» так «Тим Хортонс». Начинать бесполезный спор нет ни сил, ни желания.

В чём-то сестра права — не стоило менять планы и заставлять родителей мучиться в догадках. Поэтому, проглотив возмущение, я молча следую за ней до нового синего внедорожника, на капоте которого сверкают алмазами капли росы. Уточнить, не приобрёл ли Логан этот ренегейд на пару со своим джипом, чтобы подарить моей сестре, не собираюсь. Спрошу потом. Сейчас лучше спокойно подремать на пассажирском сидении хотя бы несколько минут — до закуской.

Мимо шоссе по обе стороны проносятся, сливаясь в сплошную тёмно-зелёную стену, высокие кроны деревьев. Несмотря на относительно раннее утро красноватое солнце успело вылезти из-за горизонта и теперь лениво карабкается по голубому небу. Куда ни глянь — ни одной маломальской тучки. Но оболящаться не стоит. Канадское лето переменчиво, а уж здесь, у подножья Скалистых гор, — тем более.

В уютном и, как ни странно, довольно просторном салоне новенького внедорожника совсем не холодно. Но я продолжаю кутаться в мягкий клетчатый плед-накидку, упрямо пытаюсь продлить иллюзию тёплой постели, откуда минут двадцать назад меня так немилосердно вытащила Дэниз.

— Значит, — спрашивает вдруг она, — ты окончательно помирилась с Брэдом?

— Я с ним и не ссорилась.

Дэниз насмешливо хмыкает. Ей явно приспичило скоротать и без того не длинный путь до города за разговором:

— По морде его тоже не ты вчера лупасила, да? Но, знаешь, я рада. Вы хотя бы помирились. Но ещё больше я рада, — сестра одаривает меня многозначительным взглядом, — что на самом деле вы не переспали. Не то чтобы я ревновала, но мысль о вас двоих на одной простыне меня не вдохновляла.

— Ты... — я резко сажусь на сидении. — Ты разве знала, что мы... — я никак не могу подобрать подходящее определение тому, что случилось тогда в отеле. — Про Сизтл?

Дэниз вытаскивает из кармашка на груди открытую пачку с воткнутой в неё зажигалкой, ловко прикуривает, удерживая руль коленями, и запихивает сигареты обратно. Затем приоткрывает окошко, выпуская в него струйку густого дыма.

— Угу, — кивает она, сосредоточенно глядя на пустую дорогу.

— Логан рассказал?

— Лиам. В качестве объяснения, с какого бодуна Майк женится на Мишель.

Я судорожно глотаю слюну. Кажется, мне самой бы не помешала сейчас сигарета. Но Дэниз не предлагает, а просить я не собираюсь. Бросила курить, значит бросила. Пора брать ответственность за собственные решения и их последствия.

— И что он тебе сказал?

— Ты точно не хочешь сейчас это слышать, — усмехается Дэниз. — Поверь мне.

— Верю, — отворачиваюсь к окну, глубоко вдыхаю сигаретный дым.

Мне действительно не хочется всё это слушать. Я прекрасно понимала и раньше, что неожиданный брак Майка и Мишель обязательно вызвал волну пересудов в городе, но только сейчас осознаю, что среди обсуждавших новоявленную парочку и личную жизнь Майка были также мои родные и друзья, младшая сестра с Лиамом в том числе. Зная последнего, я готова биться об заклад, что он не церемонился и сразу же спросил брата в лоб. А Майк, естественно, не стал ему врать. Как и своей матери. Так что Ирэн тоже в курсе наших с Логаном «похождений», и вряд ли пришла в восторг от последствий. Неудивительно, что прислала мне дурацкое приглашение на свадьбу. Спасибо, не антракс.

— Не переживай, ничего пошлого Лиам не сказал, — Дэниз по-своему расценивает моё молчание. — Это же Лиам. Ну ты понимаешь.

— Я не... — Обсуждать случившееся с сестрой не хочется. Однако отмалчиваться или менять тему — глупо. Глупо вдвойне, учитывая, что из-за романа с Логаном сестра рассталась с Лиамом, с которым сошлась опять же из-за балбеса Логана, решившего поиграть в купидона. — Ладно, раз уж заговорили. Когда ты собираешься рассказать Лиаму про Логана? — встречаюсь взглядом с сестрой. Она поспешно отворачивается. — Хорошо бы не затягивать, Дэниз.

— Учит та, кто семь лет всех обманывала. — Сказано без злости, скорее с досадой. Так, словно сестра сама прекрасно понимает — поговорить с Лиамом придётся.

— Именно поэтому. Потому что я врала. И потому что Логан соврал, а потом Мишель. Посмотри, чем всё закончилось.

— Это другое! Брэд хотел как лучше!

За последние дни моя вера в ложь во спасение сильно пошатнулась.

— Я тоже хотела как лучше. Но важно, как вышло, а не что каждый из нас хотел, Дэниз.

Она пропускает сказанное мимо ушей, возмущённо продолжает, то и дело оборачиваясь ко мне:

— Брэд же не знал, что вы... Почему расстались. Что ты... Что Майк... что он... Да Брэд иногда ведёт себя, как идиот! Не спорю. Но он не предполагал, что так всё закончится! Что Майк решит... Что вообще на Брукс взглянет!

Нет, вы только посмотрите на неё! По фамилии Мишель называл исключительно Логан, и надо же. Я не могу сдержать улыбки. Чего доброго, скоро ко мне младшая сестрёнка будет обращаться не иначе, как «зараза».

— Брэд же вас обожает. Вместе и по отдельности. Вы с Майком для него самые близкие люди. Он за вас жизнь отдаст, не задумываясь! Глотку любому перегрызёт, если понадобится, — Дэниз с силой впечатывает тлеющий окурок в пепельницу. — А Брукс — сука!

— Теперь уже мёртвая сука, что сильно усложняет нашу ситуацию. И незавидное положение Лиама тоже. — Я невольно люблю сестрой. Дэниз единственная из всей семьи, кто не выбрал профессию юриста, но лучшего «адвоката защиты» Логан вряд ли сумел бы найти во всей Альберте. — Ты меня знаешь. Я — вовсе не моралистка. И ты трижды права упрекая, что я — последняя, кто смеет предъявлять кому-то претензии. Да я даже Мишель не могу осуждать! И не должна. И не буду. Но речь не обо мне. Подумай, каково сейчас Лиаму. Он и так оказался между молотом и наковальней. Каково ему будет услышать от других, что лучший друг брата, его лучший друг, наставлял рога вместе с тобой.

Дэниз хмуро косится на меня.

— От меня, думаешь, будет легче это услышать?

— Не легче. Правильнее. Честнее. Ты ведь понима... — замечаю впереди тот самый мост, где погибли родители Логана, и замолкаю. Провожая взглядом прочные бетонные ограждения.

Вчера по дороге в «берлогу» я не разглядела в темноте, как мы проехали через Атабаску. Не вспомнила, не подумала, погружённая в собственные переживания из-за убийства Мишель. Но Брэдли помнил и думал — это я знаю совершенно точно. Его сердце замирает каждый раз, когда он оказывается здесь: каждый день как минимум дважды, по дороге туда и обратно, вот уже много лет.

Пусть шоссе давно расширили, а старый мост снесли, отстроив вместо него новый и более безопасный. Это ничего не меняло. Трагедия, унёсшая жизни Логанов, случилась здесь. На этом проклятом месте.

— Знаешь, я до сих пор считаю, что только я одна виновата в смерти Джеки и Роберта. Что это я их убила, пусть косвенно. Что бы ни говорил мне Логан. Или Майк. Но жизни продолжалась, и я должна была научиться жить с чувством вины. Со знанием, что причинила боль очень дорогим и близким людям. Это ужасно тяжело, Дэниз. Особенно признать это, не прятаться, найти в себе силы посмотреть в глаза и извиниться, понимая, что слова ничего не изменят. Но иногда — они единственное, что нам остаётся. И самое правильное. Откровенно поговорить, искренне попросить прощения и надеяться, что когда-нибудь тебя простят. Поэтому сейчас я ужасно жалею, что не поступила так с Майком. Что вместо правды выбрала ложь, что струсила, предпочла спрятаться, удрала от всех в Торонто. Что обманула его и вас тоже.

— Предлагаешь мне попросить прощения у Лиама?

Я смотрю на обернувшуюся ко мне сестру.

— Если есть за что, почему нет? Как минимум тебе стоит рассказать ему правду про вас с Логаном.

— Я не буду извиняться. Мне не за что! — после небольшой паузы упрямо отрезает Дэниз, вцепившись в руль двумя руками так, что белеют костяшки пальцев. Сосредоточенно глядя вперёд, она продолжает чуть тише и спокойней: — Я не виновата, что... Я не изменяла Лиаму. В смысле, пока была с ним, ничего такого с Брэдом не было. Мы даже не целовались. Почти.

Слетавшие с её губ фразы не похожи на оправдания. Скорее — признание. И я вдруг

понимаю, что даже не подозревала, как сильно зацепил сестру Логан. Может быть, гораздо сильнее, чем ей хотелось. Что это не просто интрижка или забава ради острых ощущений со взрослым опытным мужчиной. Между ними что-то очень нежное, глубокое, трогательное, пылкое, что превращает резкую, вспыльчивую девчонку в героиню какого-нибудь романа сестёр Бронте. Этакая современная Кэтрин из «Грозового перевала».

А Дэниз продолжает сбивчиво рассказывать:

— Не целовались по-настоящему, я имею в виду. Только один раз. Не специально. А потом я сразу рассталась с Лиамом. Потому что поняла, что с ним... Что он не...

Что он не Логан, мысленно заканчиваю за Дэниз фразу. Что ж, старина Брэдли, конечно, не Хитклифф, но определённо главный герой в новой взрослой жизни младшей сестры.

— Что же вы с ним делали все три месяца?

— Ничего такого, — Дэниз едва заметно пожимает плечами, по-прежнему не оборачиваясь. — Брэд помогал мне составлять бизнес-план. Для университета. Несколько раз ходили в кино, болтали, гуляли. Ещё на каток и на концерт. Но как друзья. А потом... две недели назад, — сестра смущённо шмыгает носом. — После презентации в честь окончания курса у нас устроили крутую вечеринку. Лиам работал, а я не хотела идти одна. Пропускать — тоже. Поэтому попросила Брэда. Он согласился. Вот там мы... Но, когда поцеловались, я сразу, — с жаром добавляет Дэниз, бросая на меня виноватый взгляд, — рассталась с Лиамом. На следующий день сказала ему, что всё кончено.

Удивлённо вскидываю брови. Только сейчас до меня доходит, что имел в виду Майк в наш самый первый разговор, когда привёз Риджа с мальчишника. А ведь он прав. Толстокожий, непробиваемый Логан действительно влюбился. Может быть, впервые в жизни. Вот так — сильно, искренне, по-настоящему. Чтобы возиться с чужими проектами, мотаться в Эдмонтон, ходить в кино, на каток, гулять по паркам.

Обычный легкомысленный и романтичный Логан, тот, кого я знала с пелёнок, на такое не был способен по определению. Он бы обязательно привёз избранницу на первое свидание куда-нибудь в горы и там, не задумываясь о последствиях и не заморачиваясь условностями, красиво трахнул под звёздным небом. Пообещал бы луну с неба и даже подарил бы её в виде дорогого кулона на память после расставания, потому что ни один из его романов никогда не длился больше месяца. А теперь по какой-то необъяснимой прихоти судьбы Логан влюблён в мою младшую сестру, с кем убеждал Лиам попытаться счастья и в итоге сам угодил в свою же «ловушку».

— Думаешь, Лиам мне поверит? — в голосе Дэниз сомнение. — Я бы ни за что не поверила! И не простила точно.

— Я бы тоже... никогда себя не... Но Логан ведь сумел меня простить. И Майк.

— А ты — Мишель, — напоминает сестра.

— А я — Мишель. Надеюсь, родители тоже смогут простить.

— Ты сейчас про себя или меня? — хмуро уточняет Дэниз.

— Про нас обеих, — усмехаюсь я. — Или, думаешь, мама обрадуется вашему роману с Логаном больше, чем моему возвращению к Майку? Даже не надейся. Достанется всем.

— Значит, вы с Майком вместе?

— Да, — я киваю, хотя сестра не может меня видеть, потому что смотрит на дорогу.

— А как же Ридж?

— Что Ридж? Он — не мой жених, я же говорила.

— Но ты всё равно ему нравишься. Сильно.

— С чего ты взяла? Мы с ним просто друзья! — выходит фальшиво.

Чёрт, ещё вчера я была уверена в этом так же незыблемо, как в том, что небо — голубое, а трава — зелёная. Но после ночных откровений, «расслышать» сказанное Риджем не получается. Теперь многие его поступки выглядят совсем не так невинно, начиная с незначительных мелочей ещё в Торонто и заканчивая его поведением в этот уикенд. И особенно вчерашний приезд с моим чемоданом к Логану.

Если смотреть на случившееся через призму ревности, многое становится понятней в его словах и действиях. И всё же мириться с создавшимся положением я не желаю. Я никогда не давала Риджу повода думать, что между нами может быть что-то больше, чем дружба. И его это, кажется, вполне устраивало. Вереница женщин в квартире друга не прекращалась все шесть лет, что я его знаю. Ну, а наши совместные выходы «в свет» меньше всего напоминали свидания — кино, концерты, выставки, каток. Как Логан и Дэниз.

Твою ж мать! Вот и доходились. Нет, я всё-таки законченная идиотка.

...Замшевые зимние ботинки Ридж чистил долго и с наслаждением. Тёмно-коричневые, на светло-бежевой рельефной подошве, красивые, но явно неподходящие для сегодняшней погоды. Мороз, державшийся всю последнюю неделю, неожиданно за три дня до Рождества сменился оттепелью, снег превратился в дождь, а вчерашние сугробы моментально стали грязными лужами. Но Риджу не терпелось похвастаться обновкой, значит следовало восхищаться и не умничать.

Сначала друг топал, стряхивая остатки слякоти на коврик у входной двери. Затем разулся, извлёк из кармана пальто крохотный мешочек, откуда достал специальную двустороннюю щётку для замши, которая тут же пошла в ход.

Я, прислонившись к стене плечом, терпеливо наблюдала.

— Это на потом, — сообщил Ридж, вытаскивая из второго кармана баллончик с водоотталкивающим средством для обуви и опуская на тумбочку у вешалки. — Сейчас — сохнуть.

— Может, мы ещё никуда и не пойдём, — пробормотала я, глядя, как друг спихнул на пол мои сапоги и бережно поставил вместо них свои ботинки — на самую верхнюю полку. — Уже поздно.

Ридж резко выпрямился и театрально насупился.

— Началось! В кои-то веки всё так удачно складывается! И выходной, и ты пока в Торонто, и... — третье «и», вероятно, относилось к ботинкам, которые надо срочно выгулять, но он вовремя заткнулся, понимая, этот аргумент точно не поможет. — А ты...

— А я не сказала «нет».

— Ты сказала «не пойдём».

— Имея в виду, что посмотрим. — Я не собиралась объяснять, что завтра в полдень мне вылетать в Калгари, где ждут Логан со Скоттом и Эми, а у меня ещё даже чемодан не собран. Кивком указала на гостиную. — Пошли, проведу экскурсию.

— Вот уж нет, — Ридж умело повесил пальто на вешалку, демонстрируя безупречный наряд джентльмена: тёмно-коричневый костюм-двойку и светлую бежевую рубашку. Не особо церемонясь, отодвинул меня в сторону. — Обойдусь без эскорта.

— Как хочешь. Тогда приготовлю нам кофе.

Купить квартиру я решила после того, как нашла работу непосредственно в даунтауне — в крупном агентстве по недвижимости. Платили прилично, плюс неплохой пакет

социальных услуг и даже какие-то надбавки за проезд. К тому же, неделю назад пришла на счёт выплата по страховке жизни Стива, позволившая и вовсе не влезать в долги по ипотеке.

С тех пор прошло чуть меньше года, и я ещё ни разу не пожалела, что в итоге поселилась именно здесь. Ничего не сломалось, никаких дефектов не вылезло, а в соседи достался смешной, неугомонный и очень милый журналист. Почти ровесник, всего на три года старше, который медленно, но верно заполнил пустоту, образовавшуюся после гибели брата и переезда в Онтарио. Мне был нужен близкий друг, а Логан — чересчур далеко и слишком уж напоминал обо всём, от чего я, сломя голову, убегала. С ним даже по телефону стало сложно общаться. Зато Ридж был за стенкой и про существование Майка не подозревал. С ним всегда легко и весело.

— У тебя самая настоящая девчоночья норка, — вынес вердикт он после того, как основательно покружил по квартире. Выглядел при этом то ли недовольным, то ли разочарованным. — Ничего необычного.

— А что ты ожидал найти? Врата Ада? — рассмеялась я, наблюдая, как в прихожей друг осторожно отодвигает зеркальную дверцу и с любопытством первооткрывателя суёт голову внутрь встроенного шкафа. — Или Нарнию?

— Что-то, — Ридж провёл ладонью по висевшим пальто и курткам. — Что объяснило бы, почему ты не пускала меня к себе до сегодняшнего вечера. Например, — он выпрямился, оборачиваясь ко мне, — какую-нибудь Красную комнату или хотя бы эксклюзивный набор вибраторов.

— Что значит «не пускала»?! — нарочито возмущённо воскликнула я, старательно игнорируя последнее предложение. — Что-то не припомню, чтобы ты сюда рвался, а я преграждала путь.

— Хорошо, не приглашала. Это одно и то же, — заметил приятель, выразительно скидывая брови. — Не погружаясь в дебри семантики, хотелось бы знать, почему. Должна же быть причина.

— Совсем не обязательно! — Не хотелось признаваться, что сходить с новыми людьми мне всегда было трудно. Ридж обязательно спросит, почему, а следом — как же я жила раньше, и где все эти хваленые друзья детства. Слово за слово придётся рассказывать о прошлом. Про Майка, Логана и всё остальное. Нет уж, новая жизнь должна начинаться с нуля. — Пошли, кофе стынет...

— Тебе только кофе? Или что-то ещё? — Дэниз возвращает меня из воспоминаний в реальность.

Я с удивлением обнаруживаю, что мы уже свернули с шоссе и приближаемся к практически пустой стоянке, раскинувшейся сплошным серым полотном вокруг одноэтажного здания из тёмно-красного кирпича с широкими прямоугольными окнами и характерной вывеской «Тим Хортонс».

Сколько же я не была в этой закуской? Кажется, лет семь. Даже больше. Последний раз обедала со Стивом, пытаюсь ненавязчиво выведать причины его ссоры с Майком. Ни один, ни второй так и не рассказали, продолжали утверждать, что это обычные пустяки «мальчишек». Логан тоже молчал, сохраняя, как всегда в таких случаях, нейтралитет. Потом они помирились, и невыясненный повод для бурных разборок отошёл на второй план.

А ещё позже брата убили, и всё вернулось, стало как никогда актуальным, но даже после гибели Стива Майк отказался что-либо говорить о той ссоре. Лишь невнятно бросил, что поругались из-за Мишель и, зная, как неадекватно и бурно я умею реагировать,

благоразумно решили не посвящать в детали. Мол, ничего серьёзного там всё равно не случилось.

Тогда я не поверила. Сейчас... Сейчас я совершенно чётко понимаю, что нам с Майком ещё о многом нужно откровенно и серьёзно поговорить. И что простым этот разговор не будет. За последние сутки мы по сути даже верхушку «айсберга» не затронули.

Но Логан прав. Майку необходимо дать время всё обдумать, переварить, а уж потом задавать ему сложные вопросы и быть готовой услышать непростые ответы.

А ещё я обязательно поговорю с Риджем. Прямо сегодня, когда разберусь с остальным. Что бы он там себе ни думал, ему совершенно нечего делать в Риверстоуне, раз он испытывает ко мне отнюдь не дружеские чувства. Здесь он будет только путаться под ногами и отвлекать. Лучше пусть возвращается в Торонто, остынет, сходит на парочку свиданий с моделями, созвонится с мозгами. Если наша дружба настоящая, то она никуда не денется. Майк прав. Настоящих друзей не теряют. Прав он и в другом: нам сейчас не до романов.

— Земля вызывает Стэйс Трупер! Приём, как слышно?! — судя по тому, как громко и настойчиво говорит Дэниз, эту фразу ей пришлось повторить как минимум трижды.

— Прости, задумалась.

— Она вернулась, вернулась к нам! — кривляясь и паясничая, кричит Дэниз. — Так тебе мафин, сэндвич, пай, печенье, тост? Только кофе? Я знаю, это очень сложное и ответственное решение, но я в тебя верю, сис! Ты сможешь!

— Посмотрим, — отмахиваюсь я. Меньше всего сейчас меня волнует еда. — Выберу что-нибудь там сама.

— Нет, «там сама» не получится, — Дэниз замедляет скорость, внимательно разглядывая стоянку, где кроме двух трейлеров и парочки легковушек других машин не наблюдается. — Выбрать надо уже. Сейчас. — Сестра направляет внедорожник в объезд закусочной с правой стороны. Наверняка не хочет терять времени, поэтому предпочитает купить через «автокаассу».

— Ну, тогда кофе и мафин. Черничный или малиновый, — говорю я и понимаю, что снова ошиблась.

Дэниз благополучно объезжает здание и, оказавшись на заднем дворе, резко крутит руль влево для разворота. Затем сдаёт назад, выравнивая джип, пока не встанет впрыток к чёрному доджу челленджеру в дальнем углу стоянки напротив закусочной.

— Я всё куплю и принесу сюда. — Сестра выключает двигатель и распахивает дверцу. Но, заметив, что я отстёгиваю ремень безопасности, поспешно добавляет: — Сиди здесь.

— Почему это? Пойдем вместе, раз уж приехали. Или давай я схожу одна.

— Сиди, говорю. Я даже не беру ключи, — с какой-то подозрительной настойчивостью повторяет Дэниз, избегая встречаться со мной взглядом. И торопливо выскакивает наружу, громко хлопая дверцей.

Я пару секунд удивлённо смотрю вслед сестре. Пытаюсь выйти, но Дэниз специально или случайно припарковалась слишком близко к соседней машине. Теперь, чтобы выбраться из автомобиля, мне необходимо перелезть на соседнее сидение.

В этот момент дверь со стороны водителя распахивается, и в джип садится Лиам. Протягивает мне высокий картонный стаканчик, закрытый белой пластмассовой крышечкой. Я послушно забираю, машинально отмечая, какой он горячий.

— Надеюсь, твои вкусы не изменились. Привет, — с усталой улыбкой здоровается

Лиам, захлопывая за собой дверцу. — Прости, что вышло как в шпионских фильмах. Надо поговорить, но я не хотел, чтобы нас кто-нибудь видел вместе. Пришлось попросить Дэниз посодействовать с организацией встречи.

В груди тревожно ноет.

— Всё настолько хреново? — я напряжённо разглядываю младшего брата Майка. На нём тёмные джинсы и чёрная толстовка с капюшоном, а сам бледный, хмурый, глаза красные, припухшие, на коротких всклокоченных волосах слипшиеся под дождём остатки вчерашнего геля. Весь его вид говорит о том, что на сон и отдых у младшего из Бэков времени за последние сутки не нашлось, и вряд ли так уж сильно мы сейчас отличаемся в этом смысле.

— Ну, в общем... да, — совсем невесело улыбается Лиам. — Тебе какую версию? Смягчить или сразу в лоб?

— После того, как Дэниз в буквальном смысле вытащила меня из постели силком, только хардкор. Говори, как есть.

Он долго буравит внимательным взглядом, будто прикидывает, как много дерьма сможет вывалить на меня прямо здесь. И с каждой новой секундой моё сердце сжимается сильнее.

В голове стремительно проносятся предположения о том, что успел накопать за ночь шериф, и чем всё это теперь для нас обернётся. Думать в позитивном ключе не получается. От этого на душе становится только гаже.

Вряд ли Лиам устроил встречу, чтобы сообщить хорошие новости. Их полиция преподносит сразу и обычно по телефону, не особо заморачиваясь условностями. А вот лично приезжают только в самых хреновых ситуациях. Тем более тайно, как сейчас.

— Майк знает, что ты со мной?

— Нет, и пока не должен знать.

— Хм, даже так. Почему же?

— Это одна из причин, почему я здесь, — Лиам кусает нижнюю губу, видимо, раздумывая, как сообщить то, что собирается. — Ты уже в курсе про нож, которым убили Мишель? — наконец он нарушает затянувшееся молчание.

— Да. В смысле, что на нём обнаружили и кровь Стива, если ты об этом.

— Об этом. Тебе Лински сказал? — всё тем же сухим, деловым тоном продолжает расспрашивать он.

— Нет. Шериф намекнул в конце допроса. Мол, есть причины считать, что этим же ножом убили и Стива. Я догадалась, что это кровь. А вечером Эми подтвердила. Ей сказал отец, после разговора с Лински.

— И всё? — Его слова вылетают, словно пули из пистолета, и бьют на поражение. Что-то в стальном взгляде, в отрывистом тоне кричит, что готовиться к худшему не вариант. Бесполезно. Что на самом деле всё гораздо хуже, чем я представляла. Во много-много раз.

Я киваю и, затаив дыхание, даже не пытаюсь больше угадать, какую новость «приберёт» Лиам.

— Поскольку Мишель — всё ещё жена Майка, а значит, официально мамина невестка, Лински не хотел, чтобы она осматривала тело. Пытался добиться, чтобы к нам прислали другого судмедэксперта. Но вчера было воскресенье, и всё затянулось. В Эдмонтоне потребовали, чтобы тело привезли к ним. Шериф отказался. А мамин напарник возвращается из Оттавы только в среду. В общем, Лински пришлось довольствоваться тем,

кто есть в его распоряжении.

Чёртов Риверстоун! С ума сойти можно. Единственный на всю округу судмедэксперт должна потрошить труп невестки, убитой предположительно её сыном тем же ножом, каким прирезали сына мэра, который, в свою очередь, брат-близнец бывшей подружки главного подозреваемого и тоже задержанной с ним вместе и не кем-нибудь, а любовником убитой и по совместительству шерифом города. В то время, как родной брат подозреваемого расследует убийство. Для полного абсурда не хватает, чтобы в итоге судил Патрик, а защищал — мой отец.

— Ирэн, конечно же, согласилась, так? Зачем? Она ведь могла отказаться.

— Могла, но не отказалась. Из-за вас с Майком, — отвечает Лиам. — Мама не доверяет Лински. Но вслух сказать этого не могла, поэтому убедила его, что так даже будет лучше. Мол, именно она осматривала тело Стива. А поскольку семь лет тому назад орудие убийства мы не обнаружили, сейчас ей будет проще сопоставить старые результаты вскрытия с новыми. В надежде, что найдёт что-то, что упустили тогда.

— Нашла?

— Нашла. Теперь это официально подтверждённая информация. Твоего брата и Мишель зарезали одним и тем же ножом, который принадлежал моему отцу.

— Что?

— Стива и Мишель зарезали охотничьим ножом моего отца, — громко, чётко, словно вколачивая гвозди со всей дури в стену, повторяет Лиам. И словно услышав готовый сорваться с моих губ вопрос, добавляет: — Никакой ошибки. Нож именной, серийный номер сходится. Я сам проверил. Дважды, — он шумно выдыхает, взъерошив пальцами обеих рук и без того лохматые волосы. Наклоняет голову вбок, перехватывая мой взгляд.

— Насколько это плохо, Лиам?

— Для нас — очень, — его голос звучит тише и мягче. Таким тоном врач сообщает пациенту, что он смертельно болен: — Мама подтвердила, что нож исчез в тот же день, когда погиб отец. Согласно её показаниям, он всегда брал его с собой вместе с табельным оружием, носил на ремне, но ни среди вещей, ни вокруг тела, ни в машине нож не нашли. Решили, что он затерялся в снегу. Тогда это было не так критично.

— А теперь вдруг стало?

Лиам кивает.

— Почему?

— Потому что отца и меня нашли вы: Майк, ты, Logan и Стив. Теперь Лински считает, что нож забрал один из вас. Предположительно, мой брат, потому что именно он искал ключи среди останков отца, чтобы открыть машину.

— Лински что?.. Охренел совсем?! — Я с такой силой сжимаю стакан, что выдавливаю из него горячий кофе прямо на пальцы.

— Именно это я и спросил у него. Правда, использовал другой глагол, поэтому меня отстранили от дела и отправили в бессрочный отпуск. Ты в порядке?

— Да. — Лезу в бардачок за влажными салфетками, встречаюсь взглядом с Лиамом. — Я могу для тебя что-нибудь сделать?

— Придумай, как сообщить всё это Майку, чтобы он не слетел с катушек. Особенно, если Лински решит озвучить ему свою версию событий.

...Буря утихла поздно вечером. С улицы больше не доносился протяжный вой метели, в окна не бился вихрь снежинок, а на ослепительно голубом небе ярко светило солнце. Светило, но совсем не грело.

С самого утра все были заняты поисками Райана с Лиамом, которые так и не вернулись из Эдмонтона. Папа твердил, что всё обойдётся, но я почему-то ему не верила. Майк, кажется, тоже. Его ещё ночью привезла к нам Ирэн.

Почти неделю мы торчали безвылазно по домам — школу из-за бурана отменили. И Брэдди не придумал ничего лучше, как с самого утра отправиться к замёрзшему водопаду, пока взрослым было не до нас. Стив, как всегда, поддержал затею друга и заявил, что Майк обязательно обрадуется такой прогулке, а вот мне лучше остаться с Эми.

Я сразу же послала его на фиг. Вот ещё! Сидеть дома слишком тоскливо и скучно. У младшей сестры третий день ангина с высокой температурой. Мама даже не разрешала ей вставать с постели, а телевизор с настольными играми мне давно надоели. Поэтому я увязалась с мальчишками к реке.

Ну и намело!

Я замедлила шаг, озираясь по сторонам. Знакомый лес выглядел чужим, пугающим и одновременно сказочным. Высокие ели степенно замерли, на пушистых ветках — полно снега. Стоило задеть одну из них, как за шиворот и на голову обрушивалась настоящая лавина.

А ещё было ужасно холодно. Щёки горели, от искрящегося снега слезились глаза, щуриться бесполезно — не помогало. Я не раз успела пожалеть, что вышла из дома. При каждом вдохе внутрь проникал колючий, ледяной воздух и обжигал пересохшее от долгой ходьбы горло. Чтобы совсем не околеть и не увязнуть в огромных сугробах, я уткнулась носом в мягкий шарф и семенила за Майком. Чуть ли не на бегу облизывала шершавые губы, и тонкая кожица, едва успевшая затянуть глубокие трещинки, не выдерживала, во рту появлялся отвратительный привкус крови. Приходилось сплёвывать слюну прямо в снег, зябко сжимать заледеневшие даже в тёплых варежках пальцы в кулаки и прятать их поглубже в широкие карманы куртки...

— Всё равно не понимаю, как нож мог оказаться у убийцы спустя столько лет, — глухо говорит Лиам, возвращая меня в реальность. Со вздохом добавляет: — Я бы поставил на то, что кто-то заранее его выкрал. Или забрал из дома позже. Но мама уверена, что отец никогда с ним не расставался, значит не мог оставить. Тем более потерять. Она вообще утверждает, что папа доверял ножу больше, чем пистолету. В чём-то она права.

— Почему?

— За каждую израсходованную пулю из табельного оружия приходится строчить отчёт, доказывать, что, мол, не было выбора и пришлось стрелять. С охотничьим ножом — проще. Особенно, если умеешь с ним обращаться. Только отца это не спасло.

— Не спасло.

— А это тоже наводит на определённые размышления.

— В смысле?

Лиам залпом допивает остатки кофе. Мнёт пальцами пустой стакан.

— Я много об этом думал. Не раз говорил с Майком, и брат со мной согласен. Есть что-

то странное в том, что... вернее, как случилось. Допустим, отец торопился, хотел вернуться домой до темноты. Но шоссе перекрыли из-за бурана, образовалась пробка, и он решил поехать через лес по объездной. Допустим, не справился с управлением. Мёркури занесло, вышвырнуло на обочину и перевернуло. А вот дальше — никакой логики, — Лиам хмуро смотрит на меня. — Получается, он выбрался из машины и пошёл в лес. Зачем? Заблудился? Не заметил стаю волков? Почему не вернулся сразу же обратно? Имея при себе пистолет и охотничий нож, просто позволил себя сожрать? Чувшь какая-то! Он же опытный охотник.

— Может, он был сильно ранен? Волки учуяли свежую кровь и...

Лиам нервно передергивает плечами:

— Отец — не дурак, не стал бы отходить от машины. Тем более так далеко от дороги. Не бросил бы меня там одного. Если только...

Пауза затягивается, и я не выдерживаю:

— Если что?

Лиам отвечает не сразу.

— Если с нами не было кого-то ещё, — наконец произносит он. — Дорого бы я дал, чтобы вспомнить хоть что-то.

Я тоже.

...Мы забрались почти по пояс в снег. Где-то здесь должна была проходить объездная дорога. Так уверял Майк, но с каждым шагом я верила ему всё меньше.

Брэдли со Стивом плелись позади нас, о чём-то тихо переговаривались. Слишком далеко, чтобы разобрать хоть слово, и я больше не пыталась прислушаться. Все мои силы уходили на то, чтобы не отставать от Майка, а он, вместо того, чтобы вернуться, упрямо продирался сквозь сугробы дальше в лес. И вдруг замер как вкопанный.

Я не успела замедлить шаг и со всей дури врезалась в его спину лбом. Поправила съехавшую на бок шапку, пробормотав извинения. Терпеливо переступила с ноги на ногу, дожидаясь, когда Майк снова тронется в путь.

— Это... это ведь папина машина, правда?.. — Он продолжал стоять, на что-то мне указал впереди себя, но я ничего не сумела разглядеть, кроме макушек высоких елей.

— Где? — Я попыталась приподняться на носки, чтобы заглянуть через его плечо — Майк был гораздо выше меня.

— Там.

Перехватываю хмурый взгляд Лиамы, аккуратно, чтобы не обжечься, отпиваю из картонного стаканчика. Зря опасаясь — кофе успел остыть.

— Ты совсем ничего не помнишь?

— Неа, — мотает головой он. — А ты?

— Смутно, — виновато пожимаю плечами.

От моих воспоминаний никакой пользы, они лишь бередят старые раны. Размытые образы яркими вспышками возникают перед глазами, водят замысловатый хоровод, дразнят запахами и звуками. Отчаянно пытаюсь ухватиться хотя бы за один из них, чтобы восстановить в памяти подробности, но мои детские впечатления слишком неуловимы. Они мелькают, как кадры старой выцветшей киноплёнки, обрываются, сменяясь новыми и снова пропадая.

— Надо спросить Логана. Если кто и может вспомнить что-нибудь полезное — это он.

— Спросим, — соглашается Лиам.

...Брэдли с братом не прекращали попыток выбить ногами лобовое стекло лежащей на

боку помятой машины: задняя правая фара разбилась, красные осколки валялись вокруг. Двери машины заклинило, или их заперли.

Внутри, скрючившись и сжавшись между задним и водительским сидениями, неподвижно лежал маленький Лиам. Через заледеневшее стекло не получалось рассмотреть, жив ли он вообще. Спрашивать об этом вслух я боялась, даже в глаза остальным избегала смотреть.

Райана нигде не было видно. Мы продолжали его громко звать, но напрасно. В ответ — тишина.

Я не успела осознать, кто первым из нас заметил бурые разводы на снегу — прямо на обочине в нескольких метрах от машины. Не сговариваясь, мы с Майком помчались туда. Он обогнал меня почти сразу, лишь на секунду остановился, увязнув по пояс в сугробе, но сумел выбраться и побежал дальше в лес. Я бросилась за Майком следом, понимая, что ничего хорошего нас не ждёт. Хотела крикнуть, чтобы он подождал меня, но морозный воздух на вдохе больно обжег глотку. Чтобы не потерять из виду синюю куртку Майка, я изо всех сил старалась не отставать и упрямо пробиралась сквозь сугробы вперед, не обращая внимания на снег, а он забивался везде: под шарф, в рукава, за шиворот, даже под джинсы в сапоги.

Я догнала Майка через пару секунд — он вдруг замер в неестественной позе посреди поляны. А когда поняла, почему, — крик застыл в глотке. Внутренности свело судорогой, а сердце сжалось в едва ощутимую, крохотную точку и, кажется, больше не билось.

Я в ужасе устала на кровавое месиво прямо на снегу, выхватив взглядом пятиконечную позолоченную звезду шерифа и окровавленную пятерню с блестящим на солнце обручальным кольцом на безымянном пальце...

— Чёрт, я не помню ничего, что случилось потом.

Мне всегда казалось, что так гораздо лучше, и я сознательно не копалась в памяти, никогда не пыталась вспомнить тот день. А сейчас впервые об этом жалею. И всё равно ни капли не сомневаюсь — никто из нас не стал бы забирать нож Райана с собой или прятать его в лесу до лучших времен, что бы там ни думал Лински. Мы были всего лишь перепуганными насмерть детьми, нам едва исполнилось по девять, и случись всё сейчас, нас затаскали бы по психологам. Но и без специалистов мы пережили, справились. Вместе. Лиаму повезло больше — будучи трёхлетним мальчишкой, он почти ничего не запомнил о том страшном происшествии. Но, видимо, и через двадцать пять лет хороший психолог не помешал бы, потому что кошмар не желал прекращаться.

— Не представляю, как Майк смог. Как вообще догадался проверить карманы на куртке отца, чтобы найти ключи от вашей машины.

— Так же, как ты сообразила отогреть меня теплом своего тела, — грустно улыбается Лиам. В серых как пепел глазах светится благодарность. — Вместе у нас всегда получалось находить правильные решения. Надеюсь, на этот раз мы тоже... выкрутимся, — он на миг замолкает. — Я правда рад, Стэйс, что ты и Майк снова вместе.

Новости в Риверстоуне разносятся на удивление быстро. Даже слишком.

— Так ты уже знаешь? Теперь ясно, почему ты вдруг решил вернуть меня в круг доверия.

— Вообще-то, не поэтому. Ты вернулась в него ещё в субботу утром, — Лиам смущённо улыбается. — А про вас с Майком мне рассказала Дэни вчера вечером. Кстати, это первое, что она мне написала, когда я отправил сообщение, что не могу до тебя дозвониться. Не буду врать, — он улыбается шире, — это добавило тебе плюсов. Не думал, что вы с ним так

быстро справитесь. Но если серьёзно, — улыбка моментально пропадает с его губ, — когда Майк рассказал, почему ты уехала. И про последние слова Стива. Я многое переосмыслил. Я ведь считал, что ты предала моего брата, а на самом деле ты его защищала. И вчера тоже, когда не стала рассказывать шерифу про Мишель. Такое, — он качает головой, — дорогого стоит. По крайней мере, для меня.

Надо же! Бывает и так, а я-то почти смирилась, что все вокруг обвиняют меня как минимум во лжи.

— Не представляешь, как я тебе благодарен.

Не могу удержаться от шпильки.

— Сказал тот, кто первым бросил в меня камень.

— Прости. За всё. За это тоже, — Лиам лезет в карман джинсов, затем протягивает мне на раскрытой ладони обычный сотовый телефон. — Я и предположить не мог, как всё обернётся в итоге. Что Мишель убьют и... Прости.

— Это же?.. — Я хочу взять мобильный, но, едва коснувшись, отдергиваю руку. Он кажется до боли знакомым — точной копией того, что мне вручил посыльный на девичнике, только весь в глубоких царапинах. Видимо, встреча с асфальтом около бара не прошла бесследно. — Откуда он у тебя?

— Забрал у Мишель. Не хотел, чтобы кто-нибудь его нашёл. А запись стёр.

— Майк рассказал тебе и про неё тоже?

— Не совсем. Я узнал гораздо раньше брата, — Лиам виновато отводит взгляд. — Это я прислал тебе телефон на девичник.

— Ты что?..

— Я ведь не знал, почему ты ушла от Майка! — он со злостью швыряет мобильник на панель приборов. — А потом ещё ты и Логан. Брат страдал, ну, а я, как всегда, злился. Хотел проучить тебя. Кое-что напомнить. Чтобы ты хотя бы приблизительно почувствовала, что творилось с ним, когда брат узнал про Сиэтл.

— Мы с Логаном не... — беспомощно закатываю глаза.

Да какая теперь к чёрту разница? Переспали мы или нет, кто кому и зачем рассказал, и кто из нас виноват больше. Последствия придётся расхлёбывать всем ещё долго. С ними и надо разбираться.

— Вы с мамой не в то время родились, Лиам. — Как ни странно, злости нет. Воображения вполне хватает, чтобы посмотреть на ситуацию глазами каждого, понять и даже простить. — Вам бы с ней в Инквизицию. Сожгли бы меня сразу на костре и всё.

Лиам пропускает язвительное замечание мимо ушей, продолжая оправдываться.

— Ты не думай, я не собирался тебе мстить. В конце концов, Майк сам виноват, что Мишель залетела от него и пришлось жениться. Но когда Логан рассказал, что ты приедешь на свадьбу Эми со своим женихом, я разозлился. Майк ведь... Ну ты знаешь. Счастлив с Мишель он не был. Да и до неё тоже. Он всегда любил тебя.

— Откуда у тебя вообще эта запись? — мельком смотрю на мобильник, снова перевожу взгляд на Лиам: — Знаешь, кто её сделал?

Он кивает, ещё больше мрачней. Отвечать не торопится.

— Рассказывай!

— Тебе не понравится.

— Начинаю к этому привыкать.

— Я серьёзно, Стэйс.

— Я тоже.

Причинить боль могло только одно имя — Майка, но к этому, хочется верить, я мысленно подготовилась. Так что если Лиам назовёт сейчас его, неожиданностью новость точно не станет. Хотя больно всё равно будет.

— Ладно, — вздыхает он. — Мишель.

Значит, Логан прав.

— Зачем? Неужели чтобы иметь доказательства, если Майк откажется признать её ребёнка своим?

— Нет. Майк бы никогда... Мишель это знала. Она пыталась убедить меня, что у них был секс. Поэтому сделала запись и показала мне.

— Майк знает, что ты прислал это видео?

— Нет конечно. Я — не самоубийца.

— А по-моему, очень даже. Логан уверен, что видео прислала мне Мишель. Или тот, кто её убил. Майк может думать так же. Нам придётся ему всё рассказать.

— Понимаешь, Стэйс. Всё несколько сложнее. — Лиам замолкает. Пару секунд смотрит перед собой невидящим взглядом. — До Майка у Мишель был роман с Патриком.

— С каким ещё Патриком?

— С моим отчимом.

Вот теперь я действительно удивлена.

— Может, и не роман вовсе, а так... Небольшая интрижка. Технически даже не измена. Всё началось уже после того, как Патрик ушёл из дома. Они с мамой переживали тогда не самый лучший период, даже подумывали разводиться. Поэтому Патрик уехал и какое-то время жил в Эдмонтоне.

— Ирэн в курсе?

— Нет. Я не стал ничего говорить, потому что они помирились, и мама выглядела такой счастливой. Они оба. Патрик изменился, стал внимательней к ней, добрее. Я не хотел ничего портить. Всякое ведь бывает, — Лиам переводит виноватый взгляд на меня.

— Как ты узнал?

— Наткнулся на них с Мишель в раздевалке в кантри. Гораздо позже, когда мама вернулась к Патрику, и он переехал обратно к ней, — Лиам хмурится. — Патрик был в ярости. Орал на Мишель, что всё давно кончено. Чтобы она оставила его в покое, что их связь — ошибка, что он жалеет обо всём, что между ними произошло, потому что любит мою мать и не собирается разводиться. Обычная дешёвая мелодрама. Но знаешь, я никогда не слышал, чтобы он так на кого-то разозлился.

— Они тебя не заметили?

— Нет. Я стоял за дверью в коридоре. Никак не мог решить, что же мне делать: уйти или вмешаться. Но потом из раздевалки выбежала Мишель вся в слезах, а я не успел спрятаться. Да и некуда было. Вот и стоял, как дебил, а она сразу ушла. Наверное, думала, что я устрою скандал, но я решил, что будет лучше для всех, если стану просто приглядывать за ними. А если что-то замечу, тогда и поставлю вопрос ребром. Я уверен, Патрик даже не знает, что мне всё известно. А потом, где-то через полтора месяца, когда Майк заявил, что женится, я вообще выпал в осадок. Не поверил, что у них что-то серьёзное. Решил, что Мишель собирается использовать моего брата, чтобы вызвать ревность у Патрика, но Мишель всё отрицала. Она подготовилась. Даже отдала мне это видео и заявила, что беременна от Майка и что Патрик был прав. Мол, всё, что между ними случилось — большая

ошибка и давно в прошлом. Что она изменилась и хочет создать семью. Хочет, чтобы у моего племянника был отец. А потом заявила, что ни к чему меня не принуждает. Что окончательное решение за мной, — Лиам хмурится. — Мол, я не обязан ей верить. Так что, если захочу, могу рассказать про их с Патриком роман брату и даже матери.

— И ты промолчал.

— Промолчал, — Лиам со вздохом качает головой. — Представил, что будет, если скажу.

Ирэн вряд ли простила бы Патрика и обязательно развелась. У Майка появилась бы ещё одна причина не любить отчима и держаться от него да и от Мишель подальше. В лучшем случае он потребовал бы анализ на отцовство, и никто не знает, какой результат их всех ожидал. Не говоря о том, как всё могло сказаться на отношениях Эми и Скотта. Возможно, Мишель пришлось бы уехать из города. Возможно, она осталась бы в живых.

Или нет.

Ненавистное условное наклонение. Тысячи «если», которых не станет меньше и от которых ничего не зависит. Выбор сделан.

— Я пытался убедить Майка, чтобы он сделал проверку и если ребенок действительно его, признал отцовство. Жениться на Мишель было вовсе не обязательно. Но ты же его знаешь.

— Знаю.

Мишель тоже знала. И Патрик.

Я вглядываюсь в лицо Лиама, пытаюсь понять, о чём он думает. Кажется, вопрос, кто настоящий отец этого ребёнка, его совершенно не волнует. В отличие от меня.

— Нам придётся рассказать твоему брату и это тоже. Я имею в виду роман вашего отчима с Мишель.

Он выглядит испуганным.

— Зачем? Может, лучше не ворошить старое? Ты ведь понимаешь, как Майк отреагирует.

— Прекрасно понимаю, Лиам. Но вчера на свадьбе Мишель призналась мне, что залетела вовсе не от Майка, и он уже об этом знает, — замечаю, как вытягивается лицо Лиама. — Я не стала от него скрывать. Конечно, это нельзя считать достоверной информацией. Мишель могла меня обмануть, но с такой же вероятностью его отцом мог быть и ваш отчим. Или шериф, — многозначительно добавляю я, ни секунды не сомневаясь, что Лиаму прекрасно известно про роман его начальника с невесткой.

Он не успевает ответить, потому что к машине чуть ли не бегом несётся моя младшая сестра.

— Брайан приехал! — кричит она, распахивая дверь со стороны Лиама.

— Вспомнишь говно, — мрачнеет он. — Один?

Дэни кивает.

— Он тебя видел?

— Вряд ли. Я заметила, как он паркуется, и сразу прибежала сюда.

Чёрт, не так я планировала провести это утро. Совсем не так! Придётся теперь выкручиваться — нельзя, чтобы Лински увидел здесь Лиама. Давать ему ещё один повод подозревать нас всех в сговоре отчаянно не хотелось, пусть у шерифа по-прежнему никаких веских доказательств нашей вины.

— Ладно, тогда мы с Дэни вернёмся в Тиммиз. Сделаем вид, что сами только что

приехали выпить кофе. — Я смотрю на Лиама: — Лински ведь знает твою машину? — Он кивает. — Тогда оставайся здесь. Постараюсь его отвлечь. Или, если получится, увезу отсюда.

— Каким образом? — кривится сестра. — Силой, что ли?

— Что-нибудь придумаю, — отмахиваюсь. Перевожу взгляд на Лиама. — Ничего не предпринимай. Просто жди, когда можно будет уехать. Дэни предупредит тебя смской. А пока сидишь, постарайся дозвониться до Эми. Она сейчас у Логана. Ты должен ей всё рассказать. Под словом «всё» я подразумеваю именно это, Лиам. Абсолютно всё. Больше никаких тайн. Эми — адвокат Майка.

Лиам кивает, возвращается в свой автомобиль, а мы с Дэни переставляем её внедорожник впритык к белому форду эксплореру с нарисованными на нём гербом Риверстоуна и пятиконечной звездой шерифа. Остаётся надеяться, что наши нехитрые махинации на внутренней стоянке остаются незамеченными.

— Сиди здесь, — вылезая из машины, одёргиваю рубашку. С силой захлопываю дверцу, вкладывая в удар всё своё раздражение.

— Ты уверена, что знаешь, что делаешь? — доносится мне вслед.

Уверена я, как же. Будешь тут после таких откровений. Не оборачиваясь к сестре, на ходу киваю и решительно иду к закусочной.

В мозгах не укладывается ничего из того, что я только что услышала про роман «подружки» с Патриком. Приходится сильно напрячь фантазию, чтобы представить их вдвоём. Например, в постели. Да даже просто вдвоём как парочку, и всё равно не получается. В голове прочно укрепился образ Ирэн в качестве спутницы жизни судьи Худа и увидеть на её месте Мишель не выходит. Что она вообще забыла в объятиях Патрика? У них же никаких точек соприкосновения, кроме Эми. Плюс огромная разница в возрасте. Лет тридцать, ни меньше. Патрик легко мог быть и её отцом тоже. Ни славы, ни денег там Мишель не светило.

В то, что это любовь, я отказываюсь верить напрочь. Значит, какой-то интерес всё же присутствовал. Знать бы ещё, в чём он заключался.

Всё-таки Логан и в этом прав. Мишель многим могла перейти дорожку, сама того не заметив. А может, специально, добиваясь каких-то, одному чёрту известных теперь, целей, как тогда на вечеринке с Майком.

Напрягаю память, пытаюсь вспомнить, как Патрик и Мишель вели себя вчера на свадьбе, оказавшись в непосредственной близости друг от друга. Но я была слишком занята собственными заморочками, чтобы обращать внимание на остальных, а уж за Патриком, раздражавшим одним своим видом, и вовсе не следила.

Ладно, об этом я подумаю позже. Вместе с Эми. Сестра обязана что-то знать, какие-то подробности личной жизни подружки, чем та руководствовалась в выборе партнёров, если Мишель волновали такие «мелочи». А сейчас неплохо бы сосредоточиться на Брайане. Как минимум, увезти его подальше от закусочной. А ещё лучше, убедить, что версия с ножом — абсолютно идиотская, и он просто теряет время.

Вот только как всё это сделать?

Несильно толкаю дверь и вхожу. Остановливаюсь, обводя деланно равнодушным взглядом кафе. Там мало что изменилось — такие же фирменные столики с красными диванчиками и креслами, огромная стеклянная витрина со множеством лакомств, прилавок с полным ассортиментом кофе в упаковках, тихая приятная музыка из колонок. Разве что

добавились плакаты бейсбольной команды «Торонто Блю Джейс».

Машинально поправляю волосы. Отчаянно хочется верить, что выгляжу сейчас именно такой, какой пытаюсь казаться — невозмутимой, спокойной, немного печальной. С шерифом нельзя давить на жалость или демонстрировать слабость, но и раздражать излишней бравадой не стоит. Он и так считает меня явно кем-то средним между Бонни Клайда и девушкой Бонда.

Лински, по-прежнему в форме, сидит в самом углу — за крайним столиком у окна, откуда прекрасно просматривается не только закусочная, но и парковка перед зданием. Кроме нас, персонала и ещё одной пожилой парочки больше никого нет, что само по себе странно. Насколько я помню, утром в будни здесь обычно не протолкнуться. Весь город спешит выпить кофе перед началом дня.

Сегодня Риверстоун изменил привычкам. Или за прошедшие годы завёл новые.

Лински смотрит на стол невидящим взглядом и вряд ли замечает, что творится вокруг. Лиам мог бы без проблем раз десять выехать со стоянки.

Я не решаюсь приближаться к шерифу. Слишком подозрительно. Только вошла и сразу лезу с разговорами? Как будто знала, что он здесь, или специально искала. Нет уж. Всё должно быть естественно: я заехала купить кофе по дороге, а тут такая неожиданность — шериф собственной персоной. Как не поздороваться и не поинтересоваться, если ли сдвиги в расследовании?

Иду к кассе, дружелюбно улыбаюсь юной официантке.

— Доброе утро.

Та бормочет что-то нечленораздельное и одаривает меня колючим взглядом. Кажется, после убийства Мишель рассчитывать на благосклонность местных жителей не приходится, пусть я сто раз дочка мэра.

— Дважды кофе «дабл-дабл», — сухо прошу я. Аппетита нет, а Дэниз наверняка что-то уже перекусила. В крайнем случае позавтракает дома. В историю с её лекциями я не верю, можно не торопиться.

Озвучить сумму служащей удаётся довольно чётко, но она по-прежнему словно избегает встречаться со мной взглядом, а я не настаиваю. Забрав с прилавка два высоких картонных стаканчика, медленно разворачиваюсь к двери. Словно невзначай бросаю равнодушный взгляд на шерифа.

Лински продолжает буравить глазами стол с таким видом, что удивительно, как тот ещё не воспламенился или не разлетелся в щепки. Приближаться сейчас к нему — как минимум, нарваться на неприятности. Но выбора нет. Мы и так по уши в дерьме.

— Утро. — Не то чтобы доброе. Я стою напротив, держа в руках два стакана. Сокращать расстояние не спешу. — Есть новости?

— Смотря что тебя интересует, — шериф отзывается на удивление мгновенно.

Выглядит он не ахти и это ещё мягко сказано. Бледный, мрачный, уставший. На переносице навечно поселилась глубокая морщина, ещё несколько, поменьше — в уголках рта. В синих припухших глазах притаились боль, сомнение и гнев. А ещё беспомощность и недоумение, словно весь мир рухнул, а он почему-то выжил, хотя больше всего желал умереть. Я слишком хорошо помню такой взгляд, слишком долго наблюдала его в зеркале у собственного отражения.

Брайану бы сейчас выговориться. Побуяннить, поорать, а лучше — провалиться в сон, который хоть и не принесёт покоя, но зато подарит забвение. Ненадолго, лишь на время. И

так — каждый раз, когда горе накатывает с новой силой. Будто играешь в догонялки с жизнью, врешь всем, а на самом деле — только себе. Потом привыкаешь, смиряешься и уже не просыпаешься в ужасе от кошмаров, всё реже и реже ощущаешь по утрам, только очухавшись от сна, как на плечи бетонной плитой наваливается печальная реальность вместе с воспоминаниями.

Но Лински сидит в закуской и топит своё горе в кофе. Всем своим видом демонстрирует: одно неосторожное слово, и вся чернота, что накопилась в его душе, выплеснется на меня.

Надо уходить, уносить ноги, пока не поздно. Вместо этого я сажусь напротив шерифа, отставляю в сторону стаканы с кофе и будто бы со стороны слышу собственный нервный голос:

— Поверь, Брайан, я знаю, каково это. Ты ищешь виноватых, думаешь, что сделал не так, где можно было ещё удержать, спасти, исправить. Я понимаю. Я вела себя так же, когда убили Стива.

Больно. Невыносимо больно терять тех, кого любишь. Осознавать, что их больше нет. Что никогда не будет. Остаётся лишь память, которая всё равно тускнеет и искажает даже то, что было. Как бы ты ни старался запечатлеть каждый миг. От этого страшно. Настолько, что жить не хочется. Кажется, что и невозможно. Незачем. Тебе говорят, что надо принять и смириться, а ты даже не представляешь, как это вообще. Ты не хочешь смириться.

Вопреки опасениям Лински не накидывается на меня с кулаками. Не пытается вышвырнуть вон, арестовать или просто уйти. Только скрещивает пальцы в замок перед собой. Иронично вздёргивает бровь:

— Значит, тебе уже рассказали про нас? Быстро, однако.

— Мне рассказала Мишель. Вчера, перед церемонией, — легко вру я. Какая разница, что имён она не называла. Сути дела это не меняет. Сейчас главное заставить шерифа увидеть, что у нас двоих много общего. — Знаешь, Стив любил повторять, что люди, как мотыльки. Шутил, что все мы, как безмозглые насекомые, бездумно летим на свет и сгораем. Что не задумываемся, как на самом деле коротка наша жизнь, как мгновенно обрывается. Пшик и всё, — щёлкаю пальцами. — Смерть всегда побеждает. Но, знаешь. Мой брат верил, что наш короткий полет того стоит. И я тоже хочу в это верить, Брайан. А ещё хочу знать, кто и почему их убил.

Он окидывает меня мрачным взглядом.

— Ты ж говорила, что работаешь адвокатом. Решила заделаться в психологи? Не обижайся, но обойдусь без твоей высокопарной херни.

— Я не обижаюсь, Брайан. Мы ведь толком не знакомы. А всё, что ты слышал про нас от Мишель, вряд ли дало тебе повод мне верить. Или верить Майку. Но мы в одной лодке. Тот, кто убил Мишель, убил и моего брата. Я не меньше, чем ты, хочу знать, кто.

— Ну, тогда обращайся к «красным мундирам», — зло ухмыляется он. — Они забрали дело себе. И дело твоего брата, между прочим, тоже. Будут искать убийцу сами, раз мы не смогли, — Лински встаёт. Окидывает меня хмурым взглядом, сжимая кулаки. — Твой брат был чертовски прав. Смерть всегда побеждает. Поэтому я найду того, кто убил Мишель, и придушу собственными руками. Но сначала заставлю пожалеть, что он вообще родился. Этот гандон умолять будет, чтобы я пристрелил его, как собаку, — он выходит из-за стола. На мгновение замирает, оборачивается, словно что-то вспомнив: — А ты лучше займись своими делами. Ты ведь ни черта не смыслишь и половины не знаешь, о чём берёшься рассуждать.

Даже о тех, кого так опрометчиво зовёшь друзьями.

— Что ты хочешь этим сказать?..

— Мамочку спроси, — небрежно бросает шериф через плечо. — Она лучше тебя знакома с твоим дружкой из Торонто. — И уходит.

...С самого утра весь мир вспоминал прошлогоднюю трагедию — Сычуаньское землетрясение, — унесшую десятки тысяч жизней. В новостях говорили о погибших, рассуждали о природных катаклизмах, выдвигали теории и сетовали, что как бы далеко ни шагнула техника, прогнозировать подземные толчки человечество до сих пор не научилось. И впереди — сотни тысяч потенциальных жертв.

А для меня, как и год назад, всё свелось к одной личной трагедии — убийству брата. Серый майский вечер, изменивший мою жизнь навсегда. Печальное число — двенадцать, как день нашего со Стивом рождения, который никогда больше не станет поводом для шумного веселья.

Говорят, время лечит. Ни черта подобного! Время лишь притупляет боль, учит с ней жить. Хотя вряд ли я преуспела и в этой «науке». Если бы не тимолептики, вряд ли у меня нашлись силы вылезать по утрам из кровати. Доктор Бёрнс самовлюблённо твердил о заметном прогрессе в моём состоянии, даже уменьшил количество наших сеансов до одного раза в неделю. А я не спешила его разочаровывать и сообщать правду. Зачем? Раз уж его психотерапевтические сессии всё равно не приносят мне ощутимой пользы, проще появляться в клинике только по понедельникам. Они всё равно теперь прокляты.

Если я чему-то и научилась за несколько месяцев терапии, так это отлично и естественно имитировать благополучие. Я больше не плакала днём, снова стала общительной и милой, с удовольствием ходила на работу, спокойно беседовала с родными и коллегами, не срываясь на истерику, обзавелась новыми знакомыми, приветливо улыбалась, шутила, смеялась и даже решила на парочку свиданий. Только всё это было и оставалось показухой на людях — красивой шуршащей обёрткой конфеты, внутри которой давно сгнила начинка. Стоило вечером захлопнуться входной двери в квартиру за моей спиной, стоило мне остаться наедине с собой, как маска слетала и наружу лезли уродливые черви. И никакие лекарства не спасали меня от себя.

Стив снился мне почти каждую ночь, и я привыкла. Не просыпалась больше, беспомощно давась рыданиями. Даже начала получать от сновидений какое-то болезненное удовольствие, ведь теперь это был единственный, доступный мне, способ делить жизнь с братом. Пусть в вымышленной реальности, пусть всего лишь галлюцинаторное исполнение желаний подсознания, как утверждал Фрейд. Не важно, ведь я видела Стива, говорила с ним и могла прикоснуться. Как раньше.

А по утрам к обрывкам сна добавлялись воспоминания вперемешку с сожалениями, страхами и сомнениями. Каждый новый день запоминался каким-то событием, совершенным впервые без Стива, не говоря уже о праздниках, давно превратившихся в пытку. Первый День Благодарения, первый Хеллоуин, первое Рождество. Я снова плакала, уткнувшись в подушку, снова плотала слёзы и таблетки, снова надевала маску счастья, которая так нравится окружающим, снова прятала под ней свои горе и боль. И Сансара делала новый оборот.

Повторить всё это сегодня оказалось сложнее, чем я думала. Обычно в такие дни люди отправляются на кладбище, а потом встречаются с родными и друзьями, чтобы устроить ещё один День памяти тому, кого с ними больше нет. Делятся приятными воспоминаниями, рассказывают о нём смешные и добрые истории, говорят, каким прекрасным человеком он

был, какую жизнь успел прожить, как много значил для каждого, поддерживают друг друга в одном на всех горе утраты. И всем легче. Но от одной только мысли вернуться в Риверстоун и увидеть Майку меня охватывала паника. Ни за что! Я не хотела да и не могла. Тогда зачем ехать? Зачем торчать там, где воспоминания не просто причиняют боль, а буквально оживают перед глазами? Наш дом, где Стив больше не живёт. Наша улица, где его никогда не встретить. Там нет даже могилы, а прах брата давно осел на берегах Атабаски.

Я собиралась устроить собственный День памяти брату — взять выходной, остаться дома, пить вино, забравшись на диван с ногами и завернувшись в тёплый плед, в который раз посмотреть видеозаписи и фотографии со Стивом. И плакать. А потом испугалась, что не справлюсь. Что вместо антидепрессантов захочу проглотить снотворное, чтобы уснуть, чтобы остаться с братом «где-то там» и никогда больше не разлучаться. Пришла в офис, целый день отвлекала себя делами и разговорами, специально напросилась на «горячий» контракт, получив вескую причину задержаться допоздна и не спешить домой. Почему-то в душном шумном зале для совещаний, среди чужих людей, которым нет никакого дела до моей жизни, мне даже дышалось легче.

Лишь в машине, на парковке у дома, я отважилась зайти с телефона в Фейсбук на профиль Стива, который мы с сёстрами решили не удалять, поклявшись не забывать и всегда оставлять там записи на все важные даты. Хотела написать кратко, поддерживая иллюзию смилившейся с утратой сестры, что помню, люблю и ужасно скучаю, но увидела новые сообщения на стене от друзей, коллег, родных — всех, кто помнил и чтит память Стива. А потом наткнулась на длинный пост Майки. И сломалась. Всё мое напускное безмятежное счастье с безразличием пошло трещинами. Все старые сомнения вернулись, притащив с собой новые. Я снова сходила с ума.

Разве смел человек, которого я считала виновным, писать такое? Все те слова, которые могла и хотела написать сама? Разве имел право зваться почти братом Стива? Разве должен был обнажать свои раны, открыто признаваясь в сети, что у него не получается смириться, что он теряет рассудок от горя, что не умеет и не знает, как жить дальше? Разве хотел бы найти убийцу, разве требовал от полиции это сделать? Разве мечтал вернуться в прошлое и поступить иначе?

Почему Майк всё это написал? Зачем? Сожалел ли он только о Стиве или о нас тоже? Врал ли всем в очередной раз, притворяясь безутешным другом? Врал ли он только мне?

У меня не было ответов. Правильных, настоящих. После которых ставят жирную точку, а не вопросительные знаки и многоточия. Зато в моем арсенале был целый карнавал сомнений.

Я всё ещё хотела верить Майку. И уже не могла.

Я не запомнила, как выбралась из машины. Только как душили слёзы, как больно было дышать, как с неожиданно громким треском раскололся брелок-сердечко, когда из непослушных пальцев выпали ключи, как меня подхватили чьи-то сильные руки, не позволив рухнуть на асфальт.

— Что случилось? — Понадобилось несколько секунд на осознание, кому принадлежит обеспокоенный мужской голос.

— Ридж... Я...

— Пойдём. Вот так, тихо-тихо. Держись за меня. — Сосед, видимо, понял, что я вряд ли сумею сейчас дать связное объяснение чему-либо, и просто повёл меня к лестнице, крепко обхватив за плечи. — Здесь ступенька, осторожно.

А чуть позже мы вдвоём сидели в холле у лифта на скамейке. Ридж не задавал вопросов и терпеливо ждал, когда я успокоюсь. А я изо всех сил старалась сделать это побыстрее, одновременно обдумывая, как объяснить ему свою истерику. Только от приходивших в голову вариантов и стыда хотелось плакать сильнее.

— В этот день... в прошлом году... убили моего брата, — продолжая всхлипывать, пробормотала я в надежде, что так смогу объяснить если не всё, то многое, и Ридж тактично удержится от дальнейших расспросов. А потом уйдёт.

— Вы были близки?

— Мы родились в один день, близнецы. Были.

— Он много для тебя значил? Вторая половинка и всё такое, да?

Я с удивлением уставилась на Риджа. Он не рассыпался передо мной неискренними словами сочувствия, как всегда делали остальные, будто им было дело до чужого горя, не пытался подбодрить или успокоить. Не говорил обычной чуши, что всё обязательно наладится, что со временем мне станет проще. Он просто задавал вопросы, которые, кажется, и правда его интересовали. И на которые уютно и неожиданно легко было отвечать. Мне совсем не хотелось, чтобы Ридж сейчас ушёл и оставил меня одну.

— Брат не был смыслом моей жизни, если ты об этом. Но без него... Без него смысла не стало совсем. Всё сломалось. Мне пришлось уехать, а это, — я потянула за рукав куртки, демонстрируя Риджу часы Стива на своём запястье, — единственное, что осталось от брата. Ношу теперь, как память.

— Это тоже его, да? — Ридж кивком указал на болтавшееся на моей груди помолвочное кольцо Майка. — На память?

Я решила не обманывать.

— Нет, оно принадлежало другому человеку. Тоже очень важному для меня. И его тоже больше со мной нет.

— Знаешь, я обязательно должен что-нибудь тебе подарить. Чтобы... ну... на память, — он лукаво прищурил один глаз. — Мало ли. Жизнь — непредсказуемая штука.

— Вообще-то у меня есть твоё полотенце с флагом.

— Лучше не напоминай! — Я невольно улыбнулась, заметив, как по щекам Риджа пополз багрянец смущения. — Можно как-то стереть эту часть нашего знакомства? Сколько мне это будет стоить?

— А если так? Я забуду, что видела тебя голым, если ты пообещаешь забыть, что видел меня в слезах. Согласен?

— А то? Конечно! Теперь в Тиммиз? Я слышал, малиновый мафин с горячим шоколадом — прекрасное средство от грустных воспоминаний...

Дэниз цепко хватает меня за предплечье и трясет:

— Стэйс! Стэйс! — Я поднимаю на неё взгляд, с удивлением обнаруживая, что всё ещё сижу в закуской за столиком. — Что случилось? Ты в порядке?

— Я?.. Да. Нет. Не знаю. Не важно, — отмахиваюсь. Смотрю на опустевшую стоянку за окном: кроме внедорожника сестры других машин нет. — Лински уехал?

— Ну да, — Дэниз хмурится, внимательно разглядывая меня. — Выскочил отсюда, как ужаленный. Сел в тачку и свалил. По-моему, даже меня не заметил. Но я, как договорились, ждала от тебя сигнала, а ты пропала. Сидишь тут в прострации и не реагируешь.

— Прости, задумалась. — Решаю пока не посвящать младшую сестру в причину моих воспоминаний. На что бы шериф не намекал, сейчас он явно не дружит с головой, раз даже

Риджа подозревает в каких-то связях с моей матерью. Хорошо, что расследование передали КККП. По крайней мере у них нет личных счётов с нами.

— Хотя бы сотовый включи, а то фиг до тебя дозвонишься. Даже кофе остыл, — Дэниз кивком указывает на стаканы. — Пойду попрошу, чтобы подогрели в микроволновке.

— Лучше купи новый. Там не очень-то любезная официантка.

— Да? — сестра оборачивается и ещё больше хмурится. — Так это же Кристи Брукс! Надеюсь, она хотя бы не плюнула в наш кофе.

Я перевожу взгляд на девушку за стойкой. Узнать в ней угловатую тихоню-подростка, то ли троюродную сестру, то ли двоюродную племянницу Мишель — невозможно. Зато становится понятным её «дружелюбие». Сегодня с утра мне поразительно «везёт» на встречи.

— Странно, что она на работе.

— Ну, — Дэниз пожимает плечами. — На её месте я бы тоже дома не сидела, убиваясь с горя.

— Не говори так.

— Хеллоу, сис? Ты знаешь многих, кто искренне любил Мишель? Ну, кроме её родителей, естественно.

— Твой брат и сестра, как минимум.

— Эми всегда защищает отверженных и бродяг, не считается. Стив — это другое. Это как с шерифом, не любовь, а... В смысле, не настоящая.

— А ты у нас любовный эксперт теперь, да? Частные уроки Логана? — беззлобно поддеваю я.

— Да ну тебя, — обиженно сопит сестра. Торопливо подхватывает стаканы, разворачивается и направляется к стойке.

Я же лезу в карман джинсов за мобильным телефоном. Включаю, с опаской дожидаясь загрузки — наверняка родители оставили кучу смсок. Ещё и Ридж вчера и, возможно, Эми сегодня, если Лиам всё-таки дозвонился до неё. Может, Майк тоже проснулся — за разговором с Лиамом, а потом с шерифом я полностью потеряла ощущение времени. Но единственное уведомление, которое высвечивается на экране, — голосовое сообщение с незнакомого номера. Судя по дате, его оставили вчера вечером во время свадебной церемонии. И я уверена, ничего хорошего меня не ждёт, но всё же подавляю первый порыв стереть сообщение, даже не слушая.

— Стэйс, чёрт! Ты что? отключила телефон? Нет-нет, подруга, ответь! — вещает мобильник взволнованным голосом Мишель, от которого меня почему-то бросает в жар, а по спине ползут мурашки. — Послушай, нам обязательно надо встретиться и поговорить. Это важно, пойми. Это касается Стива. Я кое-что нашла в его старых бумагах. Давно. Но не решалась рассказать, хотела убедиться, что не ошиблась. А Майк бы... В общем, тебе лучше увидеть всё самой. Ну же! Где ты? Мы же договорились, что ты придёшь в бесе...

Мишель замолкает, слышится какая-то возня, и сообщение прерывается. А я изо всех сил гоню прочь мысли о том, что и как случилось дальше. И что было бы, приди я туда вовремя, как обещала.

— Лиам уехал? — В два шага оказываюсь возле сестры.

— Нет вроде, — бормочет она, хмурясь. — Я не успела ничего ему сказать, сразу к тебе. Наверное, до сих пор ждёт в машине.

— Пошли, — хватаю Дэниз за руку и тащу за собой к выходу.

— А как же кофе? — слышу вдогонку звонкий голос Кристи.

— К чёрту кофе!

Лиам переводит удивлённый взгляд с меня на Дэниз и обратно. Он явно сбит с толку, пытаюсь сообразить, почему план «ждёшь сообщение и незаметно сматываешься отсюда» за каких-то полчаса превратился в «ты везёшь меня к вам в дом». И явно ждёт объяснений, а я не собираюсь ничего объяснять при сестре. Слишком много всего и сразу свалилось, я сама не знаю, как правильно реагировать, потому отчаянно не хочу обрушивать шокирующие новости на головы остальных, не разобравшись. Дэниз же обязательно проговорится, а тут и так с лихвой хватает того, что она уже знает. Стоило, конечно, сразу усадить её в машину и отправить обратно к Логану. Но, во-первых, я не была уверена, что Лиам всё ещё около закусочной и сможет вернуться за мной, а, во-вторых, не так-то просто избавиться от Дэниз, не ответив на все её «зачем и почему». Причём, последнее — моя главная проблема на данный момент.

— Мне нужно, чтобы ты отвёз меня к вам домой. Одну, — медленно, едва ли не по слогам повторяю я, пристально глядя на Лиам и избегая встречаться взглядом с сестрой. — Надеюсь, это не займёт много времени.

— Хорошо, Стэйс.

— А потом что? — недоумевает Дэниз.

— Потом я зайду к отцу в офис, как и собиралась.

— Тогда почему я должна возвращаться к Логану? — не сдаётся сестра. — Я отвезу тебя к Бэкам и к отцу.

— Потому что... Чёрт, Дэниз. Не спорь. — Чувствую, что начинаю злиться, а это уж точно делу не поможет. В упрямстве младшая сестра даст мне фору. — Пожалуйста, просто возвращайся сейчас к Логану и жди там, — старательно пытаюсь смягчить тон, чтобы мои слова звучали, как просьба, а не приказ. — Я позвоню кому-нибудь из вас.

— Почему я не могу поехать с тобой?

— Потому что рыться в личных вещах жертвы — противозаконно, — терпеливо объясняю я, надеясь, что такой аргумент окажется веским для Дэниз. Слава богу, Лиам слушает молча и не вмешивается. Видимо, доверяет, что я не спроста так кардинально меняю планы и рвусь к ним в дом. И за это я ему безумно благодарна. — Пойми, у меня уже неприятности. Я не хочу, чтобы они начались у тебя, Дэни.

— Почему я не могу поехать к отцу и подождать тебя там? Или домой? — Так просто младшая сестра не сдаётся.

— Ты можешь, — заставляю себя непринуждённо улыбнуться. Наверняка выходит криво. — Но там полно журналистов. Если ты хочешь провести пару часов, отбиваясь от них — поехали.

— Ладно. Сделаю вид, что поверила. — Подозрительный взгляд сестры утверждает обратное. — Но запомни. Я не маленькая. Не надо меня оберегать, — последнее слово она чуть ли не презрительно выплевывает мне в лицо. — Я хочу и могу вам помочь.

— Я знаю, Дэни. Только сейчас самая лучшая помощь — вернуться к Логану и дождаться меня. Хорошо?

Дэниз кивает и, не прощаясь, с видом оскорблённой добродетели топает обратно к своей машине. Я же обхожу Челленджер Лиам и сажусь рядом с ним на переднее сидение.

— Значит, ты собираешься рыться в личных вещах Мишель? — спрашивает он, заводя двигатель.

— Не совсем. Я собираюсь рыться в вещах Стива, которые, очень надеюсь, находятся у вас, а не в доме родителей Мишель. Или не хранятся где-то ещё. — Предвидя следующий вопрос Лиам, ставлю полученное голосовое сообщение на громкую связь. Добавляю, когда оно заканчивается: — Я не включала телефон с позавчера. Но судя по времени, Мишель оставила его, пока ждала в беседке.

— Думаешь, её убили поэтому?

— Понятия не имею, — честно признаюсь, провожая взглядом закусочную. Мы выезжаем на шоссе, и Лиам прибавляет скорость. — Если убийца не хотел, чтобы она рассказала мне, что нашла в бумагах Стива, наверняка он уже побывал у вас. И везде, где они могли храниться. Не думаю, что сумею что-то найти, но попробовать стоит.

— Ты знаешь, что конкретно искать? — Лиам с надеждой смотрит на меня.

Мотаю головой.

— Ни что, ни где. Но очень надеюсь, что пойму, если увижу. Хотя шансов мало. Отец ведь ничего не нашёл.

— А он разве искал?

— После гибели Стива все его дела и клиенты перешли к папе. Ему пришлось изучить и пересмотреть вообще всё. Частично там даже полиция покопалась. Ну, ты наверняка помнишь. Одна из их версий мотива была месть какого-нибудь осуждённого.

— Помню, — вздыхает Лиам. — Там не оказалось никаких зацепок. Или мы проглядели очевидное.

— Или не там искали. Знаешь, — я осторожничаю. Теперь, когда убийства Мишель и Стива явно имеют самое прямое отношение к гибели Райана, я искренне не хочу никого обнадеживать, что сумею найти ответы или хотя бы знаю, где их искать. — Не факт, что Мишель убили, потому что она что-то там увидела в бумагах моего брата. В конце концов, Мишель не полицейская и не адвокат.

— Я бы не спешил с выводами, Стэйс. Мишель очень любила твоего брата и была его невестой. Тот, кто убил Стива, разрушил и её жизнь тоже. Уверен, она не меньше нас хотела найти убийцу. И может, как раз ей удалось то, что не смогли мы. Вот только...

Он замолкает, хмуро смотрит на дорогу, и я тоже молчу.

Мне нечего возразить, Мишель действительно любила Стива. Но она также крутила роман с отцом Скотта, выскочила замуж за Майка и почти повесила на него чужого ребёнка, а потом спуталась ещё и с шерифом. И это только те, о ком я знаю. А сколько возможных любовников могло у неё быть за все семь лет? В юности Мишель была не особенно разборчива в связях. После смерти моего брата, видимо, тоже. Logan сто раз прав — такая, как она, многим могла перейти дорожку. Но Стив любил её, любил по-настоящему. И доверял ей.

...Брат с сестрой, как обычно в плохую погоду, торчали на кухне.

Я скинула куртку и остановилась в проёме, пригнувшись. Пахло кардамоном и чем-то ещё. Приятно, хотя резковато.

Эми сидела на табуретке, болтая ногами, а Стив колдовал у стола над чашками. Заметив меня, протянул мне одну из них.

— Что это за гадость?

— Не бойся, не отравлю.

Я осторожно отхлебнула. Напиток напоминал чёрный чай, в который добавили слабого кофе и хорошенько сдобрили специями. Необычный, терпкий, горячий, но, как ни странно,

вкусный.

— Мое новое изобретение, — загадочно улыбнулся брат. Протянул вторую чашку

Эми: — Держи.

— Скажи, а ты любишь Мишель? — вдруг спросила сестра.

Стив бросил на меня недовольный взгляд. Я передёрнула плечами, демонстрируя, что абсолютно ни при чём, но зато с удовольствием послушаю ответ.

— Ну, Стив! Любишь или нет? — Терпения у двенадцатилетнего подростка было немного.

— Да, конечно. Люблю, — смущённо кивнул брат, оборачиваясь к Эми.

— А почему её? — не унималась сестра. — Почему ты влюбился в Мишель?

Вопрос на миллион долларов.

— Я... — Стив покраснел.

— Только не говори, что жить без неё не можешь и прочую розовую чушь, — брезгливо скривилась Эми. — Влюбляются не поэтому. Человек должен сделать что-то хорошее, чтобы его полюбили.

— А, Стив? — ехидно подхватила я, опускаясь на соседнюю табуретку. — Ну-ка, расскажи нам, что тебе сделала Мишель, чтобы ты в неё влюбился. Такое вот прямо хорошее-прехорошее.

— Вы всё равно не поймёте, — заявил брат. — Поэтому просто смиритесь. Когда-нибудь Мишель станет моей женой...

Со странной смесью тоски и ликования выхожу из машины, оглядываюсь.

Дом Бэков абсолютно не изменился. Обшитый белыми гладкими досками, с причудливо скошенной крышей, ровненький, опрятный и такой родной он по-прежнему красуется в конце улицы. Как будто время над ним не властно, здесь оно остановилось, как в сказке — замерло, погрузило всех в сон в тот самый момент, когда я уходила отсюда в последний раз, не собираясь возвращаться никогда. И всё же вернулась. Стою сейчас на крыльце дома, который так и не стал моим, семь лет спустя, и отчаянно надеюсь на чудо.

— Вы проводили здесь обыск? — запоздало вспоминаю я. — В смысле, не ты сам, конечно. Полиция, Лински?..

— Нет. — Лиам опережает меня, доставая из кармана ключи. Возится с замком. — Шериф решил, что нет причин. Орудие убийства нашли, мотив ясен. Ему ясен, — горько усмехается он, — причин для ордера — ни одной. — Лиам широко распахивает дверь. — Прошу.

Я благодарно киваю и захожу. Останавливаюсь в прихожей, неуверенно топчусь и глазею по сторонам. Чувствую себя ужасно неудобно, словно и правда собираюсь подглядывать за чужой жизнью. Идея покопаться в вещах Мишель больше не кажется такой привлекательной.

— Слушай. Может, лучше позвонить шерифу и рассказать ему про сообщение?

— Зачем? — Лиам удивлённо оборачивается. — Он и так про него уже знает.

— И ты тоже знал? До того, как я дала послушать?

— Я — нет. Откуда? Меня же отстранили сразу после твоего допроса. Но Лински обязательно проверил бы телефон Мишель, все входящие и исходящие за последний месяц, все её переписки и сообщения. Он наверняка знает, что Мишель звонила тебе последней.

— Но не знает, что она мне сказала.

— Если не спросил тебя, значит уверен, что знает. Или считает, что это не важно. Ведь

ты же всё равно пришла в беседку.

— А что, если Лински успел получить ордер и на мой номер тоже?

— Вот это вряд ли, — Лиам задумчиво качает головой. — Тогда в первую очередь он потребовал бы твой телефон ещё на допросе.

— Думаешь? — всё ещё сомневаюсь я, хотя прекрасно отдаю себе отчёт: причина моей внезапной неуверенности вовсе не связана с шерифом, а имеет прямое отношение к Майку.

Меня совершенно не радует, что я собираюсь рыться в доме в тайне от него. Но если позвоню сейчас и расскажу, зачем я здесь, придётся сообщать и обо всём остальном тоже. Вот уж нет. Майк узнает о таком не по телефону впопыхах между уточнениями, в каком ещё «грязном белье» жены мне стоит покопаться.

— Уверен. Но нам лучше поспешить. «Красные мундиры» церемониться не станут, получают ордер и нагрянут с обыском и сюда и куда захотят, как только узнают про связь Мишель с Лински. Чего ты думаешь, он так бесится? Потому что у самого рыльце в пушку. В КККП будут читать его горячую переписку с Мишель и ржать в голос. — Судя по тону, последнее обстоятельство Лиам отнюдь не радует.

— Тогда давай шевелиться. Откуда мне начинать? — спрашиваю я, подразумеваю немного другое в надежде, что Лиам догадается сам.

В доме Бэков мне всегда нравилась планировка. Снаружи двухэтажное здание выглядело довольно компактно, но фактически выходило, что этажей целых три, и это не считая подвала. Справа от прихожей располагалась огромная гостиная с камином и просторная светлая кухня с высоким потолком. Слева от входной двери вверх и вниз убегала деревянная лестница. Наверху находились небольшая ванная с туалетом и три комнаты, где когда-то жили маленькие Лиам, Скотт и Майк. А под ними — родительская спальня, кабинет, комната для гостей, ещё одна ванная и гостиная поменьше, «для своих». Позже Скотт обзавелся собственным домом, а Ирэн с Патриком переехали в свой задолго до нашей с Майком помолвки. Лиам остался наверху, а Майк перебрался вниз и переделал весь этаж для нас. Только кто и где сейчас из них живёт и спит, я не имею ни малейшего представления.

Но всё оказывается ещё проще.

— Наверху справа — комната Мишель. Две другие сейчас пустуют. Хотели сделать там детскую и студию для Мишель, но... Сама понимаешь. Ну, а мы с Майком — внизу. Он в своей старой, я — в бывшей гостевой спальне.

— Так они не спали в одной комнате? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю заткнуться.

Лиаму трудно не смеяться, и я его не виню. Слишком уж обрадованно прозвучал мой голос.

— Расслабься, Стэйс. Они никогда не спали вместе. Ну, кроме того случая на записи. Считай, свечку им подержала, — веселится он. — Я — молодец.

Да уж, молодец. Мы тут все молодцы, каждый по-своему.

Предпочитаю молча ретироваться, пока не сморозила ещё какую-нибудь глупость. Чувствую себя полной дурой — столько всего случилось, столько неприятностей, которые неизвестно как могут аукнуться и мне, и Майку, а я готова пуститься в пляс от одной только мысли, что супружеская жизнь бывшей подруги не удалась.

Но переступив порог комнаты, замираю. Ликование моментально исчезает, растворяясь в каком-то паршивом ощущении, которое сложно объяснить. Наверное, я не должна, но всё

же чувствую себя виноватой перед убитой подружкой. За всё разом. За то, что именно меня выбрал и всегда любил Майк, за то, что Стив погиб, а у Мишель не получилось наладить свою жизнь. За все наши с ней ссоры, за пощёчину на девичнике. Но сильнее всего — за опоздание в беседку. Я почему-то теперь уверена, что могла спасти Мишель. Что приди я туда вместе с ней или ещё раньше, она осталась бы в живых. А я, вероятно, знала бы об убийстве Стива в разы больше, и не пришлось бы сейчас обыскивать спальню в поисках непонятно чего.

— Стэйс, спускайся быстрее сюда! — доносится снизу встревоженный голос Лиама.

Я не слышу даже намека на весёлые нотки, лишь волнение, поэтому тут же иду к нему. Нахожу Лиама в малой гостиной около раскрытых картонных коробок, их немного, всего три. Ничего не разбросано, не похоже, что кто-то до нас тут рылся. Одна доверху забита печатными листами, в остальных — аккуратно подшитые в папки документы и сбоку фломастером от руки написана цифра 1999. Машинально отмечаю, что в этот самый год разбились родители Логана. Судя по папкам — это явно копии. Архив отца, где хранились оригиналы, выглядел иначе, если, конечно, они взяты оттуда.

— Думаю, под «старыми бумагами» Мишель подразумевала эти коробки, — Лиам выразительно обводит глазами комнату. Кивком указывает мне на пустую бутылку martini. — А это явно признаки её последней вечеринки.

Грустно вздыхаю. Хороша вечеринка, ничего не скажешь. Пить в одиночестве, обложившись пожелтевшими от времени старыми документами. Не после ли одной из таких мы с Мишель встретились у бара? Немудрено, что она сыпала проклятиями, обвиняя, что я украла у неё даже память о Стиве.

— С какой начнём? — Лиам напоминает мне, зачем мы здесь. А следом озвучивает мучающий меня вопрос: — Интересно, откуда Мишель их притащила? Не помню, чтобы она перевозила сюда вещи. Вечно бегала к родителям, а одежду вообще хранила в магазине. Думаешь, они принадлежат Стиву?

Сосредоточенно перебираю в памяти всё, что когда-либо видела в комнате брата.

— У нас дома я не помню таких коробок, хотя он вполне мог хранить документы в офисе или где-то ещё. Спрошу Эми. Может, она знает. Кстати, ты с ней поговорил?

— А, нет. Забыл тебе сказать. У неё телефон отключён. Спит ещё наверно. Я решил, что смской будет слишком. Такое надо говорить лично.

— Ладно. — Кажется, мы расскажем ей лично даже быстрее, чем сюда явятся «красные мундиры». Дэниз наверняка поставит на уши всех, начиная с Логана. — Так, давай ты начнёшь с этих, — киваю на датированные 1999 годом, — а я посмотрю, что здесь. Предлагаю читать подряд. Всё равно не знаем, что искать.

Мы садимся на ковёр и погружаемся в изучение документов. В моей коробке — копии по делу о гибели Райана: десятки страниц из допросов очевидцев и родных, показания коллег, какие-то технические характеристики Мёркури, отчёты следственной экспертизы. Ничего, что привлекло бы моё внимание вчера утром. Но сегодня всё выглядит иначе.

Допустим, Мишель не соврала и все эти документы собирал мой брат. Зачем? Что конкретно искал Стив? Неужели подозревал уже тогда, что Райана убили? Но кого? Кому рассказал о своём расследовании, если вообще? Стало ли оно мотивом для убийства? Почему-то сейчас такая версия выглядит почти аксиомой. Жаль, в суде не прокатит. Понадобятся веские доказательства, улики. Где их взять? Что, если убийца Мишель побывал здесь и давно забрал то, что мы надеемся найти?

— Стэйс, — от его тона по моей спине бегут мурашки, — я не знаю, это ли имела в виду Мишель, но... — Лиам замолкает, вытаскивая из папки документы и раскладывая перед собой на полу. — Вот, смотри сама. Это копия экспертизы после аварии. И это, — Лиам тычет пальцем в помятый жёлтый лист с какими-то графиками и таблицами, — тоже она. Видишь, та же дата, номер машины, модель, технические характеристики. Но остальные показатели отличаются.

— И что это значит?

— Надо показать их Майку, он в этом разбирается лучше меня. Но если я всё правильно понимаю, — Лиам пробегается взглядом по экспертизе. — Скорее всего один из них — подделка. Вот, здесь сказано, что у автомобиля были повреждены тормоза. А тут, — он подхватывает второй листок, — об этом ни слова. Стандартные данные, никаких неисправностей.

— Но как?..

— Не знаю, — Лиам выпрямляется. Бросает мне отрывисто, холодно и даже немного грубо: — Но у меня есть все основания подозревать, что авария Логанов вовсе не несчастный случай, как считалось до сих пор. Это вы с Майком на шоссе тем вечером — случайность. Не авария. Логаны бы всё равно разбились. Не там, так в другом месте.

— Хочешь сказать?.. — начинаю понимать и чувствую, как по спине снова ползёт предательский холодок.

— Я ничего не хочу сказать, Стэйс. Пока не хочу. Но получается, кто-то специально испортил тормоза в их машине, а потом подделал документы, чтобы это скрыть. Что в свою очередь свидетельствует об отличных связях в полиции и возможности подкупа официальных лиц. Или этот человек сам работает в полицейском департаменте и имеет доступ ко всем документам. А это означает, что я сейчас понятия не имею, кому должен сообщить о нашей находке.

Никак не получается представить то, что я только что услышала. Ведь если это правда... Если авария на самом деле подстроена... Если... Нет, в голове не укладывается.

— Погоди, Лиам. Ты понимаешь, что будет, если ты сейчас выложишь всё Лински? Это ведь непроверенные данные. Мы не знаем, кому принадлежат коробки, откуда взялись в вашем доме. Сам подумай, у нас ведь никаких доказательств. Что, если он скажет, что мы сами их подделали. Или обвинит в подлоге Майка.

— Стэйс, я — лейтенант полиции. Я не могу просто сделать вид, что ничего здесь не видел и не читал. Я обязан подать рапорт, в противном случае...

— Можешь и сделаешь, — придвигаю листки к себе. — Мы не знаем, что ещё в этих коробках. Но если ты прав, и аварию подстроили, то Стив мог об этом узнать. Тогда его убийство тоже связано. И убийство Мишель. А ещё нож твоего отца.

— Именно об этом я и говорю. Я должен доложить обо всём шерифу.

— Представь, что ты только что ему позвонил. Но у него отключен телефон. Твой шериф спит. Неужели ты собираешься поехать к нему домой?

— Что ты предлагаешь, Стэйс? — хмурится Лиам.

— Предлагаю забрать коробки в офис к моему отцу. Он — адвокат и был другом Райана и Роберта. Расскажем ему обо всём. Посмотрим, что он скажет. Надеюсь, хотя бы ему ты доверяешь?

Конец третьей части.

...Мы с Логаном забрались на верхнюю перекладину моста и теперь молча стояли, взявшись за руки и глядя вниз. Под нами, метрах в двадцати, гудела по-весеннему шумная Атабаска. Избавившись от ледяных оков, река ожила, разлилась и проглотила даже огромные прибрежные валуны. Холодная мутная вода, не ведая страха, бурным, пенистым потоком неслась вперёд, готовая смести на своём пути любые преграды.

Я больше не боялась. Умирать ведь совсем не страшно. Жить так, как мы сейчас, пугало сильнее. И если Логан захочет. Если только попросит. Я прыгну. Заслужила.

Всё вдруг сделалось очень простым. Понятым. Один лишь шаг, несколько секунд полёта с замирающим сердцем и конец — нас подхватит, как щепки, закрутит, задавит мощью. Беспощадное половодье навсегда избавит от всех вопросов, от чувства вины, от любых «если».

Жаль всё-таки, что я тоже не погибла в аварии. Это было бы справедливо.

За спиной пронзительно взвизгнули тормоза.

— Стэйс! — донесся следом отчаянный вопль брата. Мы с Логаном, не стовариваясь, обернулись. — Не смей! — Стив, бросив машину посреди моста, уже бежал к нам. — Не смейте! Оба! — Он ухватился за наши толстовки и с силой рванул на себя, вынуждая нас спрыгнуть на асфальт. — Вы!.. Вы что?.. Вы охерели совсем?!

— Стиви, Стиви, спокойно. Всё хорошо, друг. Мы в порядке, видишь? — начал Логан, похлопывая его по плечу, но брат, казалось, ничего не слышал.

— Это не выход! Так нельзя! — продолжал орать он, вцепившись в одежду, как клещ. В покрасневших от недосыпа глазах застыл испуг, непричёсанные волосы нелепо торчали в разные стороны. А на шее отчётливо виднелся засос. — Самоубийство — не выход, ясно вам?!

— Ты решил, что мы...

— А что выход, Стив?! — перебила Логана я. Со злостью ударила брата по руке, пытаюсь вырваться. — Что?! Притащить в дом шлюху, напиться и забыться сном?! Это по-твоему выход, да, Стив?!

— Эта шлюха — твоя подруга!

— Была подругой! До того, как собралась переспать с твоим другом! А теперь раздвинула ноги и для тебя! У Мисс Брукс акция! Два плюс один? Или даю за еду?!

— Прекрати! Ты не знаешь всего! Ты...

— Зато ты у нас всё знаешь! Решил заделаться в адвокаты Мишель?!

— Стэйс, да пойми ты! Я не оправдываю её.

— Конечно не оправдываешь! — взорвалась я. — Ты просто её трахаешь, как похотливый козёл, и получаешь удовольствие! Тебе плевать, что я видеть её не могу! Что одно только имя выводит меня из себя! Я пытаюсь забыть, что случилось здесь. Пытаюсь жить дальше, а ты берёшь и приводишь её в наш дом! Тебе насрать на всех! На меня, на него, — я кивнула на Логана, — на Майка! Во всей Вселенной существуют только ты и твои хотелки!

— То есть теперь я во всём виноват?! — Стив отпустил наконец-то наши толстовки. Отступил назад, гневно сверкая глазами. — Ты ведешь себя, как истеричка, Стэйс! Никого не слушаешь, делаешь дурацкие выводы, орёшь, обвиняешь, а потом... — брат замолчал, но

слишком поздно. Я и так прекрасно поняла, что он собирался сказать.

— А потом выскакиваю на шоссе и убиваю людей, Стив! Вот такая у тебя идиотка-сестра!

Не поспоришь, я ведь считала так же. Но от этого стало только больнее. Можно обвинять Мишель во всех смертных грехах до скончания века, но себя не обманешь: по-настоящему я злилась на неё только из-за поцелуя с Майком. Всё остальное сделала я сама. Ревнивая истеричка, а теперь ещё и убийца.

Брат виновато опустил глаза.

— Я не это имел в виду, Стэйси.

— Не ври, Стив! Это! Именно это! И знаешь, что? Ты прав. Вы все правы! Его родители погибли из-за меня! Только из-за меня! Потому что я — ревнивая истеричка и!.. — Я захлебнулась криком, закашлялась и всё равно продолжала говорить, давась словами: — Вы молчи-те, ж-ж... Жа-але-ете ме-ня... Вы... — и осеклась, услышав нервный смех Логана. Перехватила хмурый взгляд брата и в недоумении уставилась на друга.

А он хохотал всё сильнее. Вытирал слезящиеся глаза, пытался что-то сказать, но не мог и продолжал громко смеяться.

— Вы... себя... со стороны... — сумела разобрать я.

— Ты в порядке? — с неподдельным беспокойством подался вперёд Стив. Попытался подхватить его под руку, видимо, собираясь отвести к машине, но Логан лишь отмахнулся. Зато хотя бы перестал сотрясаться от жуткого, неестественного хохота.

— Вы правда думаете, это сейчас важно? — продолжая по-дурацки улыбаться, хрипло спросил он.

— Что важно? — одновременно уточнили я и брат.

— Кто виноват в аварии.

Я медленно кивнула.

— Серьёзно? — Пугающая, нелепая улыбка на лице Логана сменилась удивлением. — Зря. На самом деле это не имеет никакого значения. Сама подумай, зараза. Допустим, во всём виновата ты. Или Майк. Или Мишель. Или вы все вместе взятые. И что? Даже если вы дружно сиганёте в реку с моста или наплотаетесь снотворного, что изменится? Разве это вернёт моих родителей? Нет. Но тогда я потеряю вас, а вы — единственное, что у меня осталось. Вы — моя семья.

— Но... — попыталась возразить я и замолчала под пристальным взглядом Логана.

— Не спорь. У тебя есть Стиви, — он кивнул на моего брата, — Майк, Эми и Дэниз, родители. У меня кроме вас — никого. Без вас я сдохну, понимаешь? А я хочу жить, что бы ты, — Логан перевёл взгляд на Стива, — себе ни придумал.

— Поэтому решил заняться воздушной акробатикой с моей сестрой?

— Отличный способ проветрить мозги. Скажи, зараз? — подмигнул мне он.

Я предпочла промолчать, всё ещё пытаюсь осмыслить его слова.

— Мишель разбудила меня и сказала, что вы ушли на пробежку, — словно оправдываясь, заговорил брат. — Я подумал, что это странно. Пытался до вас дозвониться, но вы были вне зоны доступа. Тогда я поехал вас искать, а когда увидел на мосту...

— Решил, что я настолько идиот, что собираюсь убиться прямо здесь, а заодно прихватить твою сестрёнку с собой на очную ставку с родителями, — закончил за него Логан. Поёжился, пряча руки в широкие карманы толстовки. — Стиви-истеричка. А Брукс — трепло. Пошли домой, холодно.

— Как думаешь, он уже в норме? — тихо спросил Стив, наблюдая вместе со мной, как Логан направляется к машине. — Он же не врёт?.. Вы не собирались прыгать?

— Зависит от того, что ты считаешь нормой, — я предпочла не отвечать на вторую половину вопроса. Если и собирались, это не имело больше значения. Вряд ли Логан когда-нибудь признается, о чём думал в тот момент. — Ему понадобится время пережить и смириться. Нам всем.

— В смысле? — нахмурился брат. — Он что-то говорил тебе, пока вы... Вы, правда что ли, бегали?

— Ага. Бегали. Но я ему не верю. Ты помнишь, какой сегодня день?

— Третье апреля, а что?

— День рождения Джеки. — Я яростно пнула камешек с моста в реку. — Логан должен нас ненавидеть. Ну или хотя бы меня. Я убила его родителей.

— Прекрати! Ты никого не убивала, Стэйс.

— Да? А кто тогда? Кто-то ведь виноват.

— Не ты.

— А кто, Стив? — Я подняла на него взгляд. — Майк? Мишель? Провидение? Скажи ещё, что тоже считаешь, как Логан.

— Не считаю. Но ты моя сестра. Я всегда буду тебя защищать, пусть это последнее, что я сделаю в этой жизни.

Я закатила глаза:

— Ты будешь самым пафосным адвокатом в Альберте, Стив Трупер.

— А ты похожа на побитого спаниеля, Стэйс Трупер. Но я всё равно тебя люблю. Так что мой выбор очевиден.

— Угу. Поэтому ты спишь с Мишель?

— Я сплю с ней потому... — брат смущённо улыбнулся. — Кажется, её я тоже люблю.

Мы с Лиамом возимся уже полчаса. Назойливая мысль, что криминалисты из КККК могут заявиться в дом Бэков в любой момент, вынуждает меня шевелиться быстрее. Я тороплюсь, пытаюсь заснять хотя бы самые важные документы, что нам удалось найти в коробках. Но от спешки и волнения руки трясутся, часть фотографий выходит смазанными, и приходится переделывать.

Повисшее в гостиной молчание действует мне на нервы.

— Знаешь, брат всегда подозревал, что с аварией Логанов не всё чисто. Мол, Роберт был отличным водителем, всегда ездил осторожно, ни одного штрафа за превышение, а тут ни с того ни с сего сорвался куда-то, да ещё в такой ливень. А мы с Майком отмахивались. Мне казалось, что это какая-то идея-фикс. Ведь всё было ясно. Почему и как случилось в итоге. — Я придирчиво разглядываю получившийся снимок и отправляю его в зашифрованный архив. Склоняюсь над новым листом. — Считала, что Стива зациклило. Даже злилась на него.

— Почему? — интересуется Лиам, собирая отснятые и разложенные на полу документы в аккуратную стопку. Наверняка из вежливости, чтобы поддержать разговор — ведь ответ для него очевиден. Мы слишком хорошо и давно знакомы. Да и Майк обязательно рассказывал.

Но я продолжаю рассуждать вслух только, чтобы не молчать.

— В какой-то момент я приняла позицию Логана, что случившееся не имеет значения. Что стоит жить дальше, оставлять прошлое в прошлом, не тянуть за собой. Тем более такое

прошное. А ещё боялась, что он узнает про расследование. Что все эти поиски и гипотезы разбередят старые раны. И без толку. Ну, появится причина, почему его родители помчались из города поздно вечером, и что дальше? В конечном итоге, что это меняет? А теперь, глядя на это, — я выразительно обвожу глазами коробки, — готова дорого заплатить, чтобы узнать ответ.

— По-моему, это как раз теперь не важно. Беспокоит друго... — Лиам замолкает. Хватает меня за предплечье, прижимая указательный палец к своим губам.

Испуганно прислушиваюсь. Сверху отчётливо доносится возня с замком на входной двери и приглушенные голоса.

Неужели?..

Чёрт, мы ведь почти успели! Осталось совсем чуть-чуть.

Я тянусь к тоненькой стопке.

— Нет. Спрячь телефон, — шёпотом одёргивает Лиам. — Это улики. Ты — всё ещё одна из главных подозреваемых. Не помогай им сбиться со следа, сами справятся. — Еле слышно напоминает, практически вынуждая меня читать по губам: — Если что, мы недавно пришли, чтобы забрать машину Майка, нашли здесь коробки и как раз собираемся звонить «красным мундирам», — он ободряюще улыбается, подбрасывая на ладони мобильник. — Смотри, я уже достал сотовый.

— Думаешь, они здесь? — С облегчением узнаю голос средней сестры.

— Должны быть. Челленджер в гараже. Если не ушли куда-нибудь пешком, — второй голос принадлежит Майку.

— Мы внизу! — зовёт Лиам, ловко вскакивая на ноги. Протягивает мне руку, чтобы помочь подняться с колен.

Невольно морщусь — ступни затекли и теперь неприятно покалывает. И всё же я почти счастлива, что в гостиную торопливо спускаются вовсе не «красные мундиры». Не помню, когда последний раз так радовалась чьему-то появлению.

Майк, как и я, в той же одежде, что и вчера вечером. А вот Эми вырядилась так, словно собралась на слушание в Верховный Суд в Оттаве: неброский макияж, волосы собраны в элегантную кичку на затылке, отутюженные аккуратные стрелочки на черных шелковых брюках и бежевая блузка с накрахмаленным воротником-стойкой дополняют картину. Из украшений — маленькие серёжки-гвоздики и обручальное кольцо.

С трудом верится, что совсем недавно, меньше, чем сутки тому назад, это была нежная воздушная невеста, собиравшаяся сегодня отчалить с мужем в свадебное путешествие. Мне вообще странно думать, что всё: от бракосочетания сестры до убийства Мишель, случилось вчера. Кажется, прошла вечность.

Лиам первым подходит к ним, обменивается приветствием с братом, заключает Эми в объятия. Я с удивлением наблюдаю за ними. По-моему, за последние семь лет их отношения заметно потеплели. Сестра, обычно сдержанная даже с Логаном и Майком, с откровенной нежностью целует Лиаму в щёку, ласково жмёт ему руку, по-свойски отвечает на шутку про брачную ночь и только потом кивает мне.

А Майк почему-то не спешит подходить. Мнётся у лестницы, как будто специально сохраняет между нами дистанцию. Какого чёрта?! Даже в парке перед свадьбой на глазах у всех родственников он был куда приветливей.

— Всё в порядке? — тут же пугаюсь я, приближаясь. Осторожно, опасаясь, что он отпрянет в сторону, прикасаюсь губами к его щеке.

Майк не отворачивается, а обнимает и целует меня в ответ:

— Это ты мне скажи. Я проснулся, а тебя нет, — жалуется он. Пытается казаться серьёзным, но в любимых глазах искрится знакомая смешинка вперемешку с радостью: — Я испугался. Решил, что ты передумала и сбежала.

— Ага, конечно, — довольно улыбаюсь я, чувствуя, как его рука уверенней сжимает мои плечи и притягивает к себе. — А Риджа оставила вам с Логаном на память.

— Он ещё не спускался, когда мы уезжали. Как и Логан, — встречается Эми.

— Дэниз? — Лиам успеваает меня опередить, озвучивая догадку.

— Она самая, — кивает сестра. Оборачивается, на мгновение задерживаясь взглядом на коробках. Хмурится. Внимательно смотрит на меня, потом на Лиаму: — Ну, что тут у вас?

— Дэниз успела что-то рассказать? — уточняю я.

— Да она нам столько всего наговорила. Ты же её знаешь, — пожимает плечами Эми. — Считаю, что ничего, но напугать меня ей удалось, поэтому лучше всё с начала и по порядку.

Бросаю красноречивый взгляд на Лиаму. Он со вздохом кивает в ответ. Честно говоря, я его прекрасно понимаю. Мне и самой бы хотелось оставить очень многое «за кадром», а ещё лучше — развидеть и расслышать, и тем более — не ковыряться сейчас в грязном белье наших семей. Но не то чтобы у кого-то из нас был хоть какой-то выбор. Да и со временем туго.

Задумчиво кусаю губы, пытаюсь восстановить в памяти хронологию событий и хоть как-то утрясти всю информацию, что я узнала за сегодняшнее утро, выделив то, что важнее остальных новостей на данный момент.

— Давайте быстро и о главном. Лиам отстранен от расследования, но это не критично, потому что дело забрали у шерифа и отдали «красным мундирам». Как вы понимаете, эти церемониться не станут. Как только получают ордера, нагрянут с обыском и сюда и куда захотят. Не удивлюсь, если даже к нам с Риджем в Торонто. Скорее всего они возобновят дело о гибели вашего отца, Майк. И соединят его с убийством Стива и Мишель.

— Наверняка, — соглашается со мной Эми. — Из-за орудия убийства. Им придётся это сделать.

— Боюсь, им также придётся вытащить из архива ещё одно дело. Аварию Логанов.

— Зачем? — хмурится Майк. Вслед за Эми бросает настороженный взгляд на коробки.

— Именно поэтому, — кивком указываю на спрятанные там документы, вытаскиваю из кармана сотовый. — Сегодня я удосужилась наконец-то включить телефон и обнаружила вчерашнее сообщение Мишель.

Ставлю запись, снова слышу сбивчивый, торопливый голос подруги. И в который раз мысленно сокрушаюсь, что у неё не хватило мужества позвонить мне и всё рассказать гораздо раньше. Или хотя бы Эми. Они ведь дружили, сестра была её адвокатом, почему же она не доверилась ей?

Когда-то мы могли рассказать друг другу любую тайну. Почему всё стало вдруг таким сложным?

— Оливер — дурак! — Мишель сидела на самом краю крыши, свесив ноги вниз. Барабанила пятками по стенке. Иногда, очень тихо, шмыгала носом — наверняка не хотела, чтобы я слышала.

Но я слышала.

— Оливер — дурак, потому что он на полгода младше тебя. — Я осторожно встала на

колени, наклонилась, высматривая в темноте спаниеля Мишель, который должен был бегать внизу во дворе, всегда бегал, но сейчас его нигде не было видно.

Подруге явно было плевать — она вызвалась выгулять Лакки только для того, чтобы удрать из дома на ночь глядя, пока отец дежурил в больнице.

— Это тебя он младше на полгода, Стэйс. Меня — нет.

— Ну, всё равно он маленький. Не переживай. Подумаешь! Не хочет приходить на вечеринку? Свободен. Обойдёмся без него. Вот увидишь, потом он жалеть начнёт! Только поздно будет.

— Этот не начнёт.

— Начнёт. Я его лучше знаю. — Я перебралась поближе к подруге и села рядом с ней: — Прикинь, а у меня ещё одна сестра будет. Сегодня узнала.

— Э... а... Ни фига себе!

— Вот-вот, я примерно так и сказала маме. У нас же больше, чем двенадцать лет разницы будет. Представляешь? Мы со Стивом поедem в универ, а она даже в школу не будет ходить. Чувствую, и портал не понадобится — другой мир сам придет к нам. С криками и памперсами.

Почему Мишель ничего никому не сказала про документы? Боялась обращаться к Майку или Логану, но были ведь остальные. Хотя бы Лиам. Или мой отец. Или её родители.

А может, дело именно в том, что она всё-таки рассказала? Но не тому человеку.

— Это ведь вчерашняя запись? Значит, Мишель так замолчала, потому что... — трясущимися губами бормочет белая, как мел, Эми. Ни один тональник не смог бы скрыть такую бледность. — Потому что... Поэтому, да?

Лиам кивает, обнимая сестру. А я чувствую, как напрягается рука Майка на моём плече. Из всех сил гоню от себя страшные мысли. Жалею и благодарю бога одновременно за то, что не сумела прийти в беседку вовремя.

Того, кто сотворил такое с Мишель, нельзя назвать человеком. Это чудовище. Чудовище, убившее Стива. А может, Логанов и Райана тоже.

— Мы должны отдать запись в полицию, — заявляет Эми.

— К сожалению, это далеко не всё. Там, — Лиам указывает на коробки, — есть вещи похуже.

Майк с Эми мрачают. У них нет оснований нам не верить, но вообразить что-то страшнее убийства Мишель вряд ли возможно.

— Мы понятия не имели, где и что искать, — торопливо нарушаю тягостное молчание. — Решили начать с вашего дома. Проверить её комнату, вдруг, сможем найти какую-нибудь подсказку, что Мишель имела в виду. В магазин нас никто не пустит. Не врываться же в дом к её родителям. Мы всё равно не знаем, что искать.

— Поэтому решили устроить несанкционированный обыск здесь. Я спустился сюда, — подхватывает мой рассказ Лиам. — Увидел все эти коробки, позвал Стэйс. Оказалось, что в одной — копии документов из дела нашего отца. В основном допросы. Может, что-нибудь ещё. Мы пока не успели всё хорошенько просмотреть.

— А в другой — авария Логанов, — догадывается Майк. Убирает руку с моего плеча и направляется к документам. — Что вы нашли?

— Я хочу, чтобы ты взглянул сначала вот на эти, — Лиам подходит к брату и поднимает с ковра несколько отложенных в сторону листков. — Это один и тот же документ. Но данные отличаются. Смотри сам.

Майку хватает беглого взгляда на цифры.

— Какой же я мудака! — почти кричит он. Со стоном опускается на пол, раскачивается, сцепив на затылке пальцы. Листки бумажным водопадом падают рядом.

Мы молчим в ожидании объяснений. Я почти не дышу. Кажется, уже знаю ответ.

— Стив говорил тебе?

Майк поднимает голову, виновато смотрит мне в глаза:

— Помнишь нашу с ним последнюю ссору?

— Только не говори, что ты семь лет назад узнал, что аварию подстроили и старательно подделали техосмотр, но до сих пор молчал. — Мне сложно определить, чего больше в голосе Лиамы: изумления или страха. Я и сама понятия не имею, что чувствую сейчас.

— Конечно, нет! — Майк вскакивает. — Я — идиот, но не настолько.

— Тогда почему...

— Потому что Стив пытался мне рассказать. Не прямо. Намекал на возможность подделки, но он же был адвокатом до мозга костей, осторожничал. Ничего конкретного не сообщал. Только попросил, чтобы я изучил какие-то документы. А я не стал слушать! Думал, его зациклило. Что он просто хочет нам доказать, что прав. Велел прекратить копаться в дерьме. Пугал, что добром не кончится. Ведь если Логан узнает, чем он занимается... В итоге мы поругались. Стив заявил, что справится без моей помощи. Я пожелал ему удачи.

— Но вы же помирились потом, — вспоминаю я.

— Незадолго до смерти Стив пришёл ко мне, сказал, что глупо не разговаривать, когда я собираюсь жениться на его сестре. А я обрадовался. Решил, раз он ничего не выяснил, значит, я оказался прав. Либо информация не подтвердилась, либо он прислушался к моему совету и оставил это дело. Идиот!

— Ты не идиот. — Подхожу к нему, заботливо беру в ладони его руку. Как никто понимаю его. Жаль, помочь ничем не могу. У каждого из нас собственные причины сожалеть о прошлом. — Мы не могли знать, что Стив не ошибся. Никто не мог. Но мы с тобой там были, когда произошла авария. Значит, самые необъективные, хотя и считали наоборот.

— Я должен был ему доверять, — глухо, в никуда роняет Майк. — Получается, я сам отправил его на верную смерть.

— Не носи ерунды! — сердится Эми. — Два сапога пара! Заладили. Одна с Мишель теперь ты. С чего вы взяли, что могли их спасти? А вот погибнуть вместе с ними или вместо — легко! Так что слава богу, вы живы.

— Но если бы я...

— Никаких «если», Майк! — обрывает она. — Стив должен был идти не к тебе, а в полицию со всеми своими догадками и доказательствами. И это именно то, что теперь сделаем мы. Роберт был мэром в конце концов. Пусть открывают дело. Мы не в какой-нибудь Венесуэле живём.

— Согласен, — нарушает молчание Лиам.

— Согласен он! Ты первый должен был позвонить «красным мундирам». Сразу же, как нашли эти коробки. А ещё лучше, когда услышали сообщение. Не мне тебе объяснять, что происходит. Погибли люди. Как минимум двое из них убито. Подозреваю, что так или иначе в случае Логанов речь идёт о насильственной смерти. Вероятно, ваш отец тоже пострадал отнюдь не по вине волков, как считалось до сих пор. Это всё не игрушки. Я не хочу больше трупов в своей семье. Вообще трупов и убийств! Предпочитаю, чтобы моя свекровь сидела

без работы. И я тоже.

— Мы бы позвонили, Эми, — вступаюсь за Лиам, который явно готов провалиться в подвал. Рассказывать сестре о том, что я собиралась привезти коробки в офис отца, больше не вижу смысла. — Позже. Я хотела сфотографировать самые важные из тех, что мы нашли. На всякий случай. Мало ли. Шериф ведь был любовником Мишель. А нас с Майком подозревают в её убийстве! Между прочим, это тоже не игрушки. — Понимаю, что начинаю заводиться, и затыкаюсь.

— Расследование у него уже отобрали. Полагаю, как раз по этой причине, — миролюбиво заявляет Эми.

Внимательно смотрю на неё. Она может сколько угодно быть первоклассным адвокатом, но я-то знаю её с пеленок. Эми никогда не умела врать, зато недоговаривать и «забывать» рассказать важные новости научилась превосходно.

Но мы ведь не зря родные сёстры — я тоже быстро учусь на ошибках. Особенно на своих.

— Не обошлось без мамы, да? — ухмыляюсь я. — Мадам Мэр надавила на нужные кнопки, чтобы Лински отстранили, правильно?

— Понятия не имею, Стэйс.

Вот теперь она точно врёт. Наверняка даже Лиам с Майком это замечают.

— Мудро. Верный пёс не наломает дров. Посидит, погрустит. Впредь умнее будет. Ещё и должен останется за спасение своей драгоценной шкуры. А «красные мундиры» пусть поднимают все старые дела и ищут убийцу сына мэра. Раз уж за столько лет местный департамент не справился с задачей.

— Их трудно винить, когда вокруг развелось столько любителей частного сыска, — с сарказмом бросает Эми.

— Погодите, — Майк обводит нас обеспокоенным взглядом. — Выходит, Стив погиб, потому что раскопал подделку. Но успел спрятать документы, а Мишель всё это время знала, где они хранятся? И молчала? Но кто-то узнал. Или она сама рассказала. Поэтому её тоже убили из-за них. А коробки оказались у нас в доме. Вы понимаете, что это означает?!

Крепче сжимаю в ладонях его руку. Эми права — мы с ним слишком похожи. У нас даже мысли сходятся.

— Я понимаю, — сестра садится на корточки и решительно сгребает в кучу разбросанные по полу листки. — Надеюсь, вы теперь тоже. Но строить гипотезы и искать доказательства будем не мы, а КККП. — Она оборачивается ко мне: — Поедешь с нами. Им понадобится твой телефон.

— Нет. Сначала я поговорю с отцом. Расскажу ему всё, что давно должна была. — Многозначительно смотрю на Эми. Пусть она умнее, но я упрямей. — Как ты сама советовала. Заодно покажу снимки документов. Предпочитаю, чтобы он узнал об всём от меня. Лично. Райан и Роберт были ему не чужими, а Стив — вообще его сын.

— Возьмешь мою машину, — Майк не предлагает, не спрашивает — он озвучивает факт.

И я не пытаюсь спорить, пусть от Бэков до дома родителей не больше километра. Бродить по улицам в моём положении и при сложившихся обстоятельствах — не самая удачная идея. Майк прав.

Благодарно киваю, соглашаясь:

— Спасибо.

— Отлично, — Эми выпрямляется, поворачиваясь ко мне. — Тогда встретимся в полиции позже.

— Не спеши. Сначала Лиам вам кое-что расскажет.

— Кое-что? — с опаской переспрашивает Майк.

— Про видеозапись, которую мне прислали на девичник. И... — Мне жаль подставлять Лиаму, но с тайнами и загадками между нами придётся покончить. Хотя бы с теми, для которых нашлись отгадки. Перевожу взгляд на сестру: — Это касается твоего свёкра. Боюсь, тебе не понравится.

У нашего дома ещё прогуливаются несколько журналистов, но они послушно расступаются, пропуская машину и позволяя мне без проблем припарковаться практически напротив дома родителей. Никто не бросается ко мне с диктофоном, не слепит вспышкой фотоаппарата, как было семь лет назад. Может, потому что теперь убили не моего брата, а всего лишь бывшую подругу. Может, потому что теперь я — дочь действующего мэра, баллотирующегося на третий срок. Или потому что у входа дежурят двое полицейских.

Они сдержанно кивают мне в ответ на вежливое приветствие. Для них я всё ещё главная подозреваемая. Или новая-старая подруга супруга жертвы. Или им просто плевать. Устали после бессонной ночи, а вместо удобного кресла приходится торчать под палящим солнцем.

В гараже рядом с отцовским замечаю джип матери. Значит, и она решила остаться сегодня дома. Наверняка, как и большинство, взяла выходной после свадьбы дочери. Кто ж знал, что вместо отдыха будет такое?

Почти бесшумно вхожу в дом, но не спешу подниматься на второй этаж. Задерживаюсь в холле у зеркала.

Я осознаю все свои бесконечные «если», но решение принято. Мой лимит исчерпан — я не имею права на ошибку. На миг кажется, что отражение кивает мне в знак поддержки. Ему я могу признаться: больше всего на свете хочу сейчас, чтобы за спиной хлопнула дверь и раздались тихие, знакомые шаги. Тогда я обернусь, перехвачу взгляд родных серых глаз, возьму Майку за руку. И будет не так страшно. Ведь если он сумел простить мою ложь, родители тоже смогут. Или нет? Что, если они никогда меня не простят?

Я всё еще могу позвонить Майку и попросить приехать. Он тут же примчится, я ни капли не сомневаюсь. Но нет. Нельзя. В этой «битве» мне придётся сражаться одной.

— Ты в порядке? Почему одна? — вместо приветствия набрасывается с вопросами мама, когда я сталкиваюсь с ней в коридоре. Она ни на шутку взволнована и, по-моему, всю ночь не сомкнула глаз. — Где Ридж?

— У Логана.

— Почему он там, а ты — здесь?

— Потому что он всё ещё спит, а я нет, — пытаюсь отшутиться. Получается плохо.

— Стэйси, ты не должна разгуливать по городу без него! Особенно теперь.

— Что? — не понимаю я. Ах, да. Родители ведь по-прежнему считают его моим женихом. Хотя нет, им же всё рассказала полиция. Тогда почему?.. Совсем некстати вспоминаю последнее напутствие шерифа в закусочной. Неприятное подозрение противно сосёт под ложечкой. Я ужасно боюсь спрашивать. Боюсь услышать правду. Боюсь, но должна. — Мама, что вас связывает с Риджем?

— Да расскажи ты ей уже, — слышу за спиной усталый голос отца. — Пока они действительно не поженились.

Мама колеблется. Тогда вместо неё говорит папа:

— Ридж — телохранитель. Мы наняли его, когда ты переехала в Торонто.

— Вы что?.. — Его слова доходят до меня не сразу.

— А что ты хотела? — Мама как всегда нападает, защищаясь. — Мы потеряли Стива. Я не собиралась терять ещё и тебя. Нужно было, чтобы кто-нибудь за тобой присматривал.

— Но как же?.. Его квартира, наше знакомство. — Я упрямо отказываюсь верить в эту чушь. Хватаюсь за «соломинку», но срываюсь и тону в океане лжи и сомнений.

— Пришлось кое-что продать в Джаспере.

На входе в самолёт невысокий лысоватый стюард с прилипшей к лицу услужливой улыбкой кивал словно китайский болванчик каждому новому пассажиру. Пробормотав ему приветствие, я торопливо юркнула в салон и направилась по узкому проходу. С облегчением вздохнула, увидев нужные мне ряд и место. Можно наконец-то расслабиться и попытаться собраться с мыслями.

Запихав кожаную сумку под потолок в багажное отделение, я плюхнулась на сидение и огляделась. Полупустой самолёт постепенно заполнялся пассажирами. Незнакомые люди сосредоточенно двигались по проходу, приветливо улыбались, что-то говорили. Я не вслушивалась. И чтобы не встречаться с ними взглядом, уставилась в окно.

Снаружи кипела непрекращающаяся ни на минуту жизнь аэропорта, мелькавшего в темноте яркими разноцветными огнями. Когда прилечу в Пирсон, будет почти ночь. Ещё один повод не звонить родителям.

В Оквилле меня никто не ждал. Там никому не было до меня дела. И это именно то, чего хотелось больше всего: раствориться среди людей, стать маленькой незаметной песчинкой. Отмолчаться, отболеть, не берeditь раны сомнением и ложью, позволить себе забыться. И забыть.

Я поступила правильно. Я сделала то, чего хотела больше всего — сбежала от всех, решив, что это моё единственное спасение. Но в горле комок стояли слёзы, а перед глазами застыло бледное печальное лицо Майка. Он просил... умолял меня не уезжать.

Нет! Нельзя о нём думать. Майк — прошлое, а мне надо сосредоточиться на будущем. Решение уехать далось слишком тяжело, чтобы позволить себе мучиться угрызениями совести и новыми сомнениями. Торонто — город, где меня никто не знает. Там больше не существует Трупер и Бэк, там можно начать с чистого листа.

— Можешь злиться, сколько хочешь, — напоминает о своём присутствии мама.

Она сидит в кресле рядом с отцом, сжимает в ладонях огромную коричневую чашку с кофе. Ещё одна, точно такая же, стоит около меня на журнальном столике. На обеих нарисованы заснеженные пики «Трёх сестёр» — давным-давно Стив привёз их родителям в подарок из Канмора. Нам на память достались другие — разного цвета с изображением только одной вершины и размашистой подписью-названием: «Вера» для меня, «Милосердие» для Эми и «Надежда» для Дэниз. Брат как знал, что очень скоро нам понадобится всё это, чтобы пережить его гибель.

Папа молчит. Терпеливо ждёт моей реакции. Он всегда так делает: сначала слушает, потом реагирует. Мягко, но чётко — по существу. Но почему-то сейчас очень хочется, чтобы «правила» изменились. Чтобы вместо гробового молчания слышать его бодрый, радостный голос, прижаться к груди, почувствовать, как в юности, папины ласковые пальцы на своей макушке. Не выйдет. Да и не поможет больше. Нас тревожат совсем не детские заботы. И я давно не бунтующий ранимый подросток.

— Я не злюсь, мам, я...

Я ошарашена, сбита с толку. Никак не могу разобраться в собственных чувствах и даже мыслях. Мне больно, обидно и что-то ещё. Что-то безумно важное, что никак не получается ухватить. Что-то, что действительно имеет значение. Я упрямо стараюсь понять, но ураган ощущений вперемешку с воспоминаниями не даёт ни малейшего шанса сосредоточиться и

швыряет меня из крайности в крайность. Хочется то кричать, то разрыдаться, то истерично хохотать. И я, сцепив на коленях пальцы, молча буравлю глазами нарисованные на чашке горы.

Наивная идиотка. Размышляла ведь, почему так легко родители отпустили меня в Онтарио, почему не лезли с дотошными расспросами о моей новой жизни, почему не настаивали на возвращении. Но каждый раз приходила к выводу, что они смирились. Поняли, что я изменилась, повзрослела. Поверили в меня. Как бы не так. Отпустили, потому что нашли способ контролировать мою жизнь даже за тысячи километров.

Сколько же тайн мы скрываем друг от друга? А сколько ещё осталось? Мы погрязли во лжи, запутались, дошли до точки. Мы все. Все без исключения. Грани стёрлись, остались иллюзии — точь-в-точь, как на картинах Гонсалвеса, которыми мама обвешала комнату.

Господи, когда всё это началось? Когда разбились Логаны? Когда Стив поклялся разобраться и найти виноватых? Или спустя девять лет, когда брат оказался на пустыре у дома Бэков, где был убит? Кто из нас начал врать первым? Неужели я, скрыв от всех последние слова брата? Или Мишель, когда ставила крест на нашей дружбе, целуя Майка на вечеринке вместо того, чтобы просто поговорить со мной? Или тот, кто подстроил аварию Роберта и Джеки? А может, гораздо раньше?

Готова ли я узнать правду обо всём? Кто убил брата и Мишель, кто угробил Логанов, что на самом деле произошло с Райаном и Лиамом в ту страшную февральскую ночь? Я сейчас-то с трудом справляюсь с меньшим, а что будет, когда ответы станут очевидны? И станут ли? А если всё-таки да, сможем ли мы жить с ними дальше? Что, если ложь во спасение действительно святая, а в незнании заключается счастье?

Десятки вопросов и ни малейшего понятия, что с ними делать. Кажется, что стою на перепутье, но ещё могу развернуться и найти дорогу обратно. Стоит сделать шаг — всего лишь один маленький шагок вперёд — как точка невозврата будет пройдена. Всё изменится, никогда не будет больше прежним.

Или я сильно заблуждаюсь. Всё уже изменилось, а выбор сделан очень давно и вовсе не мной?

Интересно, если бы мне рассказали, какой сюрприз приготовили родители в Торонто, я бы всё равно уехала? Или осталась в Риверстоуне? Можно лишь гадать, как сложилась бы моя жизнь и жизни остальных, не сбеги я подальше от сомнений и чувства вины.

Но всё точно было бы сейчас иначе, останься Мишель в живых. Не так остро, не так больно. Не так обречённо и безнадежно.

— Не спеши судить, Стэйси. Когда у тебя родятся дети, ты поймешь, почему мы так поступили. С тобой нельзя было по-другому, — говорит мама. Голос тихий, даже нежный — ни намёка на упрёк.

— Тогда — нельзя было, — вторит ей отец.

Вот оно! Вот! То, что ускользало, а сейчас неожиданно яснее ясного!

Мне не нужны свои дети, чтобы понять. Я понимаю без них. И мне стыдно, ужасно стыдно. За всё.

За то, что собственные страдания и горе я ставила на первое место. Что думала только о себе, не заботилась о сёстрах, не поддерживала Мишель. Что врал Логану, сомневалась в Майке. Что не хватило духу поговорить, рассказать им про брата.

Мне стыдно, что я струсилась и предпочла сбежать от проблем. Что сама превратилась в проблему, втянула в неё остальных, спряталась в непробиваемую скорлупу, закрылась от

мира. От близких и друзей, от себя, от правды и сомнений — от всего и всех разом.

Мне стыдно за слабость и глупость. За то, что рыдала на груди у Риджа, делилась с ним своими бедами и радостями, считая близким, но всё же «посторонним» другом. Тем единственным, кто, как я думала, не имел к моему прошлому никакого отношения.

Он знал обо мне всё с самого начала. И тогда, когда я цеплялась за него на подземной парковке, как утопающий за соломинку, в годовщину убийства брата. И гораздо позже, когда неделю тому назад предложила ему выдать себя за моего жениха. Теперь мне стыдно за каждый миг, когда я сваливала на него свои несчастья, притворялась, использовала. Даже за вчерашний вечер, когда Ридж появился на пороге берлоги с моим чемоданом. Что он там кричал? «Ты хоть понимаешь, каким идиотом я выгляжу в глазах твоей семьи и друзей?!». О да, теперь понимаю. И какой идиоткой выгляжу — тоже.

Я недоговаривала. Значит — врала. Ридж притворялся. Значит, тоже врал. Вся наша дружба — ложь. Или даже хуже — вся моя жизнь. Последние семь лет — абсолютно точно.

Мама что-то добавляет. Я не слушаю. Сгораю от стыда, обреченно перебирая в памяти фальшивое прошлое в Торонто.

Однажды, той же весной почти сразу после нашего знакомства, Ридж уговорил меня сходить на какой-то боевик с Микки Рурком. Кажется, на «Киллера». А в конце фильма, когда мы выходили из зала, в шутку бросил, что настоящий мужчина должен уметь стрелять. А он — не умеет. И я тут же потащила его в тир. Долго, терпеливо объясняла, как целиться. Рассказывала про виды оружия, пристрелку, какой калибр лучше использовать для тренировок. Важно повторяла слова Роберта Логана, обучавшего нас управляться с винтовкой: «Оружие — ваша последняя линия обороны. Крайняя мера. Всегда помните об этом».

Я радовалась, как дурная, когда у Риджа начало получаться и он не палил мимо мишени. Мне и в голову не пришло, что он уже умел стрелять. Ведь телохранитель, как минимум, обязан владеть огнестрельным оружием в совершенстве. Что всё это — не больше, чем хорошо разыгранный спектакль.

Зачем? Наверное, чтобы проверить мои навыки. Чтобы заставить меня тренироваться, думая, что я — учитель, а не ученик. Затем же, зачем Ридж записал нас на двухнедельные курсы самообороны, якобы на спор — как развлечение. Пошла бы я туда, скажи он мне — так надо, Стив убит, а твоей жизни угрожает опасность? Ни за что. Знай я, что его роль — охранять меня от неприятностей, я бы не подпустила Риджа к себе за километр. Но я не знала и потому позволила ему войти в мою жизнь, сделала его её частью. Важной и необходимой. Считала лучшим другом. Считаю до сих пор. Или больше нет?

Что именно входило в его обязанности? Как много поведали Риджу обо мне родители? Выдали с потрохами или всего лишь попросили позаботиться о моей безопасности? Как много подробностей получали о моей жизни все эти годы? Кто ещё был в курсе? Логан? Потому узнал про квебекский отпуск и послал цветы заранее? Потому приехал нас встречать и так легко сошёлся с Риджем? Потому потащил его с собой на мальчишник? Потому Ридж вернулся к нам с Майком? Что, если Майк тоже знал? Логан вполне мог поделиться секретом, раз уж рассказал ему про Сизтл. Тогда что это было ночью в подвале между Риджем и Майком? Я ведь была там, видела, слышала. Их беседа никак не смахивала на подделку. Майк никогда не умел притворяться. А вот Ридж — вполне. После всего, что я знаю теперь, у меня ни малейших сомнений. Только зачем?

Догадка ослепляет. Я вскакиваю, едва не задев чашку и не расплескав кофе.

Ну конечно же! Я ведь призналась ему во всём, рассказала про Майка и про настоящую причину отъезда в Торонто. Я доверяла Риджу, я выдала ему почти все свои тайны. А он обязательно доложил моим родителям. Ещё один верный пёс Мадам Мэр.

Кажется, я зря пришла. Гениальная идея Эми нанять отца адвокатом утратила актуальность. Они не просто догадываются. Они уже всё знают в подробностях.

Родители с тревогой следят за мной. Наверняка ждут шквал вопросов. А я молчу, потому что не вижу смысла спрашивать. Я всё равно им не поверю. Я вообще не понимаю, кому могу теперь верить. Вряд ли даже себе.

Хочу злиться. Хочу сорваться, выплеснуть все свои страхи в отчаянный крик. Лишь бы не анализировать, потому что от бесконечных размышлений схожу с ума.

Не получается. Я не могу никого винить, родителей — тем более. Я заварила эту кашу, я тоже виновата. Может быть, только я.

— Куколка, — папа заискивающе улыбается. — Не молчи. Поговори с нами.

Поговорить? Что ж, он прав. Нам давно надо поговорить.

— Майк не виновен. — Я сажусь обратно в кресло. Перевожу взгляд с отца на маму и обратно. Жду их реакцию, особенно мамину, но Мадам Мэр угрюмо молчит. Она нервничает, потому сцепила пальцы в замок, опустила глаза — точь-в-точь я сама несколько минут назад. — Что бы вы себе сейчас не думали, он не убивал Стива. И Мишель тоже не убивал.

— Мы ничего такого не думаем! — Папа волнуется, пытается не подать вида, но безуспешно. Или это я во всём теперь вижу подвох. — И никого не обвиняем.

— Хорошо, — соглашаюсь я, хотя не уверена, что это на самом деле так.

Риджу сто процентов пришлось объяснять им, зачем он приехал со мной из Торонто и притворяется моим женихом. Вчера или гораздо раньше. Может, он позвонил моим родителям на следующий день или даже в тот самый вечер, когда в моей голове появилась бредовая идея сделать его своим тылом и пригласить на свадьбу Эми. Ридж вряд ли соврал или придумал какую-нибудь небылицу, а их устраивало, что я доверяю ему полностью. Вот почему он так разозлился, когда я исчезла после допроса. Вот почему заявился к Логану с чемоданами в придачу. Если это вообще была его идея, а не требование моей матери. Как там она заявила мне? Я не должна никуда ходить без Риджа.

Но почему тогда он отпустил меня утром? Почему не напросился вместе с нами? Проспал? Или был уверен, что поеду сразу к отцу? Почему же не позвонил, когда в берлогу вернулась Дэниз и поставила всех на уши? Почему не увязался за Майком и Эми? Неужели спит до сих пор или догадывается, где я и с кем, поэтому выжидает, чтобы не вызвать подозрений? Наверняка.

Откуда ж ему знать, что я встречу Лински и он проболтается, а родители не станут скрывать правду. Вернее, отец не станет. Мамина бы воля, она ни за что бы не призналась. Знает прекрасно, как я могу отреагировать.

Интересно, если бы не Лински, как долго я находилась ещё в неведении? Всю жизнь? Ридж вообще собирался мне когда-нибудь рассказать? Вряд ли. Он, как и мама, отлично представляет, с кем имеет дело и чем это может обернуться для него. И что дальше? Как долго мой верный дружок собирался за мной следить? Не до самой же смерти.

Нет, так я окончательно свихнусь! К чёрту Риджа! С ним я разберусь потом. Сейчас он — вовсе не главная моя проблема.

— Вы помирились? — нарушает молчание мама. — Я имею в виду с Майком.

По голосу не определить, насколько возможность нашего примирения ей не нравится. Нет ни злости, ни раздражения, ни недовольства. Впрочем, восторга и радости тоже не заметно. Не то чтобы я удивлена. Выразительно закатываю глаза:

— Вообще-то мы с Майком не ссорились.

— Хорошо, милая. Вы не ссорились. Давай, мы сейчас тоже не будем ссориться, — мама миролюбиво поднимает руки. — Просто поговорим и всё выясним. Спокойно, без криков и взаимных обвинений. Мы ведь очень тебя любим и переживаем.

— Как удобно. Да, мам? — вырывается у меня. Слишком резко, но мне уже наплевать. — Может, позвонишь Риджу, попросишь его присоединиться к нашим милым семейным посиделкам, а? Устроим очную ставку. Расставим наконец-то все точки на *i*. У него наверняка всё записано для вас по часам. Где я была, что делала, что говорила!

— Прибережём его записи на крайний случай, — с добродушной иронией торопится вмешаться отец. Опускает ладонь на колено мамы, вынуждая её промолчать. — Давайте попробуем без него. Спокойно и конструктивно всё обсудим. Как и должны решаться проблемы в нормальной семье.

Я шумно выдыхаю. Вряд ли мы нормальная. Но папа прав. Скатиться во взаимные обвинения — худшее, что мы с мамой сейчас можем сделать. И я честно хочу этого избежать, хотя почти не верю, что сумею.

— Я пришла не ссориться. Я... — передёргиваю плечами, пытаюсь подыскать правильные слова. — Я пришла извиниться. Всё объяснить. Пусть это уже не важно. Мне всё равно очень жаль, что я ничего не сказала. Я не хочу ничего от вас скрывать. Не хочу больше никаких тайн. И тогда не хотела.

— Мы тем более, куколка.

— Конечно, не хотим, милая, — поддерживает его мама. — Но войди в наше положение. Вы с Майком отменили свадьбу, расстались. Ты уехала, ничего не объясняла и просила не расспрашивать. Мы так и поступали все эти годы. Уважали твоё решение. А теперь ты приезжаешь и вдруг обнимаешься с Майком на глазах у всех. Потом вас вдвоём находят рядом с убитой Мишель, увозят в участок. Затем ты исчезаешь, прячешься у Брэдли, не отвечаешь, не звонишь, ничего нам не рассказываешь. А сейчас заявляешь с порога, что Майк не виноват в убийствах. Как будто мы с отцом хоть раз обвиняли его в чём-то подобном.

Часть про Риджа мама благоразумно опускает, но меня бесит её тон оскорблённой добродетели, и я не могу сдержать горькой усмешки:

— Ты — да!

— Неправда.

— Неужели, мам? Тебе напомнить, как ты запрещала мне с ним встречаться после аварии Логанов?

— Это другое, Стэйси.

— Разве?

— Конечно! Вам едва исполнилось семнадцать. Ты чудом осталась жива, а на меня столько всего свалилось. Я переживала за тебя, хотела уберечь.

— От Майка уберечь?

— От всех!

— Но не разрешала встречаться только с ним. Очень логично, мам!

— Меньше всего меня заботила тогда логика, Стэйси. Мне нужно было время

смириться. Пойми, погибли люди. Близкие мне люди. Мои лучшие друзья. Ты тоже могла погибнуть.

— О, да! — Я злюсь всё сильнее, выпуская на свет старые обиды. — Поэтому ты требовала у шерифа перепроверить всё по сто раз, сомневалась, просила разобраться с Майком.

— Не с Майком, а с ситуацией! — сердито обрывает мама. — То, что произошло с вами на мосту, было... подозрительно. Как будто Майк специально привёз тебя туда, а ты выскочила из машины в самый неподходящий момент.

— Вау! Нет, правда, вау! Нет, я понимаю. Это же твоя профессия — заставлять людей чувствовать себя виноватыми, но всё равно — вау! — Я с наигранным восторгом аплодирую. — Полагаю, нам крупно повезло, что тебе предложили должность прокурора гораздо позже. В противном случае Майк бы закончил в какой-нибудь колонии для несовершеннолетних. Да, мам?

— Стэйс, я не... Я всегда уважала и любила Майка. Но я старалась разобраться, что произошло на самом деле. И сейчас делаю то же самое.

— Надо же какое совпадение! — всплёскиваю руками я. Конструктивный настрой улетучивается со скоростью света. — Представь себе, я тоже. Например, почему вдруг расследование передали «красным мундирам». Ты случайно не в курсе, а, мам? Никаких догадок?

— При чём здесь?..

— При том, мама. Хочешь поговорить со мной откровенно? Во всём разобраться? — Я не позволяю ей вставить ни слова. — Тогда прекрати мне врать! Прекрати вести себя, как зашуганная домохозяйка, чей мир начинается и заканчивается на прилавках Гудвилла! Ты — мэр! Ты знаешь об этом городе больше всех. Ты им управляешь!

— Я не...

— Ты — да. Это для меня убийство Мишель — личная трагедия. Для нас всех. Не только не для тебя. Ты даже мыслишь иначе. Не как мать, не как жена. Ты вообще давно вращаешься совсем на другой орбите. Связи, приоритеты, планы, амбиции, светские вечеринки! На твоём Олимпе смерть Мишель — фиаско. Твоё личное фиаско, мам! Получается, ты не только не сумела найти убийцу родного сына, но и допустила новое убийство. Не где-нибудь, а на свадьбе дочери! А вишенка на торте — в списке подозреваемых другая дочь и её бывший, которые однажды уже отправили на тот свет мэра с женой! И так некстати, ведь скоро выборы.

Отец молчит и не вмешивается. Значит, согласен, и я права. Эта мысль только подстёгивает меня. Я поднимаю голову и натываюсь на изумлённые лица Патрика и Ирэн в проёме за спинами моих родителей. Как давно они там стоят? Что они вообще здесь забыли? Да какая, к чёрту, разница?! Пусть тоже знают. Пусть все знают! Хватит с нас тайн и лжи.

— Я люблю Майка, мама. А Майк — меня. Тебе так нужен козёл отпущения? Отлично. Давай для разнообразия ты обвинишь меня, а не Майка. Ведь я виновата. И тогда и сейчас. Это я устроила истерику на вечеринке. Раз, — начинаю загибать пальцы. — Два — это я орала в машине на Майка и вынудила его остановиться. Три — это я выскочила на дорогу под колёса Логанов. Из-за меня Стив занялся расследованием аварии, из-за меня ссорился с Майком и врал Логану. Это я решила, что он обвиняет Майка, я никому не сказала, я сбежала в Торонто. Я втянула во всё Риджа. Из-за меня и моих ошибок Майк женился на Мишель, из-за меня она пришла в беседку вчера, из-за меня погибла. Всё это случилось из-за

меня! Только из-за меня! Тебе нужны виноватые? Я виновата! Ну и что ты теперь будешь с этим делать? Вы все?!

— Ты ни в чём виновата, родная моя. — Папа пересел и теперь заботливо обнимает меня за плечи, прижимая к себе. Оказывается, я плачу, потому что он ласково вытирает слёзы на моих щеках. И продолжает утешать: — Ты ни в чём виновата, куколка. Всё это ужасное совпадение. Так тоже бывает. Жизнь жестока. Нужно быть сильной. Какие-то вещи надо просто пережить. Рано или поздно всё выяснится. Всё наладится. А пока надо держаться всем вместе. Изо всех сил, родная моя.

Я не хочу больше держаться. Не хочу быть сильной. Я устала, измотана и напугана. У меня больше нет сил. Но и выбора тоже нет. Я даже убраться из Риверстоуна не могу.

— Мы-ы на-аш... шли бу... ма... ги Сти... ва, — громко всхлипываю я. Судорожно вздыхаю, стараясь не плакать, но не выходит. — Майк и Ли... ам... счи... та... ют, что ава... аварию Лога... нов... кто-то по... подстрои... ли... Там бы... были до... куме... менты про Райана... тоже...

Чувствую, как замирает отец.

— Какие документы? — очень тихо спрашивает он.

— Се... сейчас... пока... жу, — достаю из кармана сотовый, собираюсь переслать ему на электронную почту папку со снимками, что успела сделать. — При... неси... лэптоп.

Снизу доносятся возгласы, один из них точно принадлежит Лиаму, второй напоминает рык обезумевшего в заточении зверя. Прежде, чем осознаю, что происходит, вижу, как в коридоре появляется Майк, стремительно разворачивает к себе Патрика, хватая его за грудки и вместе с ним вваливается в комнату. С силой швыряет спиной на стену, задевая и роняя одну из картин, яростно цедит сквозь зубы:

— Мразь! — И наотмашь бьёт кулаком в лицо.

Патрик жалобно охает, оседает.

— Майк! — пронзительно кричит Ирэн, бросается к ним.

Мама, как и я, вскакивает с кресла, папа несётся к дерущимся, чтобы разнять. Но Лиам успеваает первым. Виснет на плечах брата, отбрасывает от отчима, одновременно втискиваясь между ними.

— Прекрати! Это не выход! — орёт он, закрывая Патрика собой. — Так ты ничего не добьёшься!

— Плевать! — рычит Майк и пытается отпихнуть младшего брата.

Ему почти удаётся, когда папа подскакивает к ним. Крепко держит Майка за запястья, заламывает ему руки за спину, вынуждая прогнуться и отступить. Но не замолчать:

— Блядский урод! Это ведь был твой ребёнок, да? Подонок!

— Какой ещё ребёнок? О чём ты? — бормочет Патрик, вытирая ладонью кровь из разбитой губы.

— Ребёнок Мишель! Ты использовал её и бросил, да?!

— Не говори ерунды! Мишель — дочь Грегори! Моего лучшего друга! Я знаю её с пелёнок, — Патрик выпрямляется, гордо вскидывает голову. — Псих! Я всегда тебе говорил, — он зло смотрит на оторопевшую и смертельно бледную Ирэн. — Твой сын — сумасшедший! Его место — за решёткой! Или в психушке! Весь в отца!

— Мерзавец! — продолжает орать Майк.

Нелестное упоминание Райана вряд ли успокоит его. Я уверена, оно злит и папу. И, конечно же, бесит Лиаму, но, слава богу, младший Бэк не торопится бить морду отчиму.

Вместе они способны отправить того в больницу надолго.

— Не думай, что это сойдёт тебе с рук! — осмелевший Патрик оборачивается к Майку, со злорадством наблюдая, как он безуспешно пытается вырваться из цепких объятий Лиамы и моего отца. — Вот увидишь! Засужу за нападение и клевету!

Клевету? Неужели?! Как же меня бесит всё это вранье! Как надоело!

— Рискни! — Я подлетаю к Патрику, отталкивая говорящую по телефону маму. — Вас вместе видел Лиам, а мне рассказала Мишель! Вчера в беседке! Она собиралась рассказать больше, но её убили. Как, думаешь, такие шикарные подробности отразятся на твоей карьере? Всё ещё хочешь стать мэром?

Мне тоже уже плевать. Кажется, пришла пора выбирать сторону. Прости, сестрёнка.

Теперь, когда Эми и Скотт женаты, случившееся чревато новым витком скандала и коснётся всех. Слово Патрика против моего. Пусть я ничего не докажу, пусть не исправлю и не верну Мишель, но хотя бы заставлю этого труса рассказать правду про их роман. И одним грязным секретом в этом городе станет меньше.

— Нет, вы только посмотрите на неё! Скатилась до мелкого шантажа? — злобно тарашится на меня Патрик. — А кто тут так красиво распинался и брал на себя все грехи? Не ты ли только что призналась, что виновата в гибели брата и Мишель?

Не думая, с размаху ударяю его в челюсть. Вряд ли так же сильно, как Майк, но костяшки пальцев противно саднит.

— Сучка! — шипит Патрик, сплёвывая кровь.

Папа с проклятьем кидается на него, отпуская Майку. Вдавливает в стену:

— Не зарывайся, Худ! Ни слова больше!

Майк рвётся за ним, а у Лиамы не хватает сил удержать брата.

— Прекратите! — голос Ирэн срывается на визг. — Прекратите сейчас же! Все!

В комнату вбегают какие-то люди. Кажется, те самые полицейские снизу и ещё несколько в штатском. Что-то говорят, оттаскивают в сторону моего отца, выводят в коридор Майку. Один из них подхватывает меня под руку, настойчиво ведёт за собой к лестнице и вниз по ступенькам. За моей спиной мама требует у кого-то срочно принести ей лёд.

Улица практически опустела, если не считать глазающих на нас журналистов и голубоватых вспышек от их камер несмотря на яркое полуденное солнце. Удивительно, но они даже не раздражают. В голове — сумбур, на душе — тревога. По ощущениям — я сиганула в пропасть и лечу на скалы, мысленно готовясь разбиться.

Майка только что увезли в участок, Лиам поехал с ним. Отец пообещал, что предупредит остальных, и вернулся в дом — к маме и Ирэн. Патрик, кажется, тоже до сих пор там. Даёт показания. На лужайке стоим только мы: я и спокойный как удав полицейский из КККП в штатском. Очень высокий. Наверное, даже выше Риджа. Я обращаю внимание сразу: когда говорю, мне приходится задира́ть голову, а учитывая мой немаленький рост, обычно делаю это редко. Вместо «красного мундира» — голубой галстук под цвет глаз и элегантный костюм-двойка тёмно-синего цвета.

Он перехватывает мой изучающий взгляд. Приветливо улыбается.

— Майка арестуют? — Не вижу смысла скрывать от него своё беспокойство.

— Ну... Придётся, если судья Худ выдвинет обвинения. Не похоже, что до этого дойдёт. Пока только допросят. Болит? — он выразительно косится на сбитые костяшки на моей правой руке.

— Жить буду. А, — силюсь вспомнить его имя, — ты, наверное, представился. Извини, в тот момент мне было не до тебя.

— Сержант Невилстоун. Можешь звать меня просто Том, — невозмутимо отвечает он.

— Так я могу идти, просто Том? Или моя свобода тоже зависит от воли судьи Худа? — зачем-то ёрничаю, хотя этот дружелюбный парень не сделал мне ничего плохого. В конце концов, это его работа. Но меня бесит сама ситуация.

— Вообще-то... — он задумчиво вскидывает брови. Оглядывается по сторонам, смешно морща лоб и становясь похожим на жизнерадостного спаниеля. Вылитый Лаки, когда родители вручили его Мишель. Даже глаза такие же, как у щенка — лучистые и задорные. Явно косит под «доброго полицейского» из той парочки, которую прислали за нами. Бедному Майку опять не повезло — ему достался «злой». — Предлагаю где-нибудь перекусить. Время ланча, а я ещё даже не завтракал. Поедем на твоей? — он кивком указывает на стоящий у дома красный Вайпер Майка. — Подбросишь потом до участка. Тебе же всё равно забирать оттуда своего друга.

Я на мгновение теряюсь, не зная, как реагировать. Не то чтобы у меня есть возможность отказаться, но и отказываться как-то глупо. Ощущение, что меня только что пригласили не на допрос, а на обычный перекус закадычных друзей. С Логаном мы устраивали такие сотни, если не тысячи раз.

— Ключи с собой? — спрашивает Том, принимая молчание за согласие или просто пользуясь моим замешательством.

Я настороженно киваю. Лезу в задний карман джинсов, доставая оттуда связку. Только сейчас замечаю, что брелок с потускневшим бизоном на выцветшем гербе провинции — тот самый, что я купила для Майка в наш с ним последний отпуск в Манитобе. Надо же, он хранил его до сих пор. Не выкинул.

Сжимаю брелок в ладони. Мы выпутаемся, обязательно выпутаемся. Пусть упадём, но как кошки — на лапы. Ни за что не разобьёмся.

— Ладно, поехали в Тиммиз. Здесь недалеко. — Решительно направляюсь к машине, отключая сигнализацию. — Спрашивай, что хотел, Том.

— Вот так сразу и в лоб? — улыбается он, приближаясь к Вайперу с другой стороны. — Я надеялся, ты сама всё расскажешь.

— Не поверишь, я бы с удовольствием это сделала, — забираюсь на водительское сидение, захлопываю дверцу, — если бы что-нибудь знала. Но меня не было в городе много лет. — Завожу двигатель, снимая машину с ручника. — Я практически ни с кем здесь не общалась. Кроме семьи и Логана.

Провожая глазами пёструю толпу журналистов. Их заметно прибавилось. Наверняка пронюхали про драку.

На секунду среди десятка лиц мелькает знакомое — Майка. Но как?.. Его же увезли на допрос. Удивлённо оборачиваюсь, вглядываясь внимательней. Нет, просто показалось. Нервы.

Милые выйдут заголовки. «Нападение на мирового судью в доме мэра». Или «Убитый горем вдовец избил своего отчима за роман с убитой». Или что-нибудь похлеще. И это, если они до сих пор не в курсе о находках в доме Майка. Зато в качестве иллюстрации я усаживаю следователя в машину бывшего жениха. Красочно, цинично, оригинально. Лучше не придумаешь.

— Тогда расскажи мне про отца Майка, — предлагает Том, как только мы отъезжаем от дома родителей.

Внимательно окидываю его взглядом, но нет, кажется, он вовсе не шутит.

— Про Райана Бэка?

— Ага.

Я молчу, сосредоточенно обдумывая не сам вопрос, а возможную причину, почему его задали. Ответ напрашивается сам собой.

— Вы что-нибудь обнаружили в коробках брата? — Слышу, как от волнения дрожит мой голос: — Это был не несчастный случай? Райана тоже убили?

— Пока не знаю, — уклончиво отвечает Том. Отворачивается, делая вид, что изучает пейзаж. А может, правда изучает.

Вряд ли он местный или из Альберты. Обычно для громких дел в КККП приглашают следователей из Онтарио. Это нормально. А вот то, что он делится со мной хоть какими-то деталями и размышлениями, как минимум неожиданно. На моём не таком уж скудном опыте общения с полицией это впервые.

— Мы только начали изучать документы. Спасибо твоей сестре, сразу же сообщила нам. Но менястораживает сам факт: почему их хранили вместе. По идее, оба дела — гибель шерифа и авария мэра — никак не связаны между собой. Или мы чего-то не знаем. Вы же там были?

Я не могу отделаться от странного ощущения, что Том на что-то намекает.

— Там — это где? — осторожно уточняю, сворачивая на шоссе. — И кто — мы?

— В доме Майка, когда обнаружили коробки. Ты и он.

— Вообще-то, их нашёл Лиам. С моей подачи.

Разнообразия ради решаю рассказать Тому правду. Эми права. Всё зашло слишком далеко и стало слишком опасным. Пусть убийц ищет полиция. Мы с Майком — не убийцы. Значит, нам нечего скрывать. И незачем.

— Мишель настаивала на разговоре со мной. Ещё на свадьбе. Но я опоздала, а её... —

Молчу, глотая вставшие в горле комом слёзы.

— Она успела что-то рассказать? Важное, на твой взгляд?

— Упомянула, что нашла какие-то старые дела моего брата. Что якобы среди них есть какая-то очень важная информация, которую я обязательно должна узнать. Вот их мы и искали с Лиамом. Решили проверить в её комнате. А они оказались внизу.

— Не возражаешь, если я послушаю это сообщение?

Я удивлённо смотрю на него. Они в КККП все такие обходительные или сержант Невилстоун — особый случай? Лински бы на его месте уже давно отобрал у меня сотовый.

Тянет отказать просто, чтобы посмотреть, что же будет дальше. Но это глупо. И неуместно.

— Когда приедем, ладно? — Не рискую отдавать Тому мобильник в машине, пока я за рулём. Мало ли, Логан или сёстры прислали смски. Или Майк. Про Риджа даже вспоминать не желаю, потому что сразу же начинаю злиться.

— У тебя есть предположения, зачем твой брат хранил документы у себя?

— Из-за аварии мэра. Роберта Логана и его жены. Тебе наверняка рассказывали эту жуткую историю?

Том коротко кивает. На мгновение в его глазах мелькает сочувствие. Или мне очень хочется его там видеть.

— Знаешь, я столько раз проговариваю и вспоминаю её, что кажется, будто и не про нас вовсе, — с грустью улыбаюсь. — Но, к сожалению, это всего лишь иллюзия. Потому что мы все... Я, Майк, Мишель... считали... считаем до сих пор себя виноватыми в их смерти. Особенно я. Потому что выскочила на дорогу. А Стив утверждал, что дело не в нас. Что авария сама по себе — очень странная. Моя мать, кстати, считала так же. Но расследование не обнаружило ничего подозрительного.

— Твой брат смог.

Значит, Эми рассказала КККП про подделку данных техосмотра.

— Смог. Стив был прав с самого начала.

— А это уже веский мотив для убийства. Так?

Он что? Советуется со мной? Или проверяет, насколько мы в курсе расследования? Но увильнуть не вижу смысла.

— Вполне. Если Мишель нашла документы недавно и кому-нибудь рассказала. Или показала. То и для её убийства тоже.

— К тому же, мы не знаем, были ли там ещё какие-нибудь документы. Куда более красноречивые доказательства того, что случилось на самом деле.

— Не знаем, — вздыхаю я. Сбавляю скорость, поворачивая на стоянку у Тиммиз. Там по-прежнему пусто. И это по-прежнему странно.

— Закажем в автомате и поедим здесь? — предлагает Том.

Видимо, не хочет выходить из машины и разговаривать в закускойной.

— Без проблем.

Я съезжаю в правую полосу, чтобы объехать стоянку. Решаюсь спросить:

— Получается, Логанов всё-таки убили? Без вариантов?

Если проигнорирует, я пойму. Настаивать не буду. Он и так чересчур откровенен со мной. Но Том без запинки отвечает, будто давно приготовил ответ и ждал этого вопроса:

— Есть много вариантов. Убить мэра или его жену. Или кого-то другого, кто должен был сесть за руль этого автомобиля. Например, их сына. Насколько я понимаю, Логаны были

довольно состоятельными людьми, а Брэдли — их единственный ребёнок и наследник. Пока ясно только одно — личная машина мэра была неисправна и именно это пытались скрыть. А вот кому предназначалась поездка в один конец — неизвестно. Насколько я в курсе отношений между вашими семьями, это действительно мог быть кто угодно.

Мысль о том, что кто-то хотел убить Логана, не приходила мне в голову ни разу. От неё перехватывает дыхание. Я гоню её, гоню изо всех сил. Ведь Логан жив. Никаких аварий, никаких несчастных случаев с ним никогда не происходило. Но если Том прав, и в коробках хранилось ещё что-нибудь, то Стив мог знать, кого собирались убить. Мишель — тоже. Что, если?

От промелькнувшей догадки темнеет в глазах.

Что, если последние слова Стива и Мишель только подтверждают, что опасность грозит Майку?

— Эй, ты в порядке? — с тревогой спрашивает Том.

Оказывается, от охватившего ужаса я затормозила и остановила машину посреди дороги.

— Я? В порядке, да. Не знаю. — С испугом смотрю на него, понимая, что готова развернуться и мчаться в участок к Майку, только чтобы убедиться — он жив и ему ничего не угрожает.

— Стэйс, что случилось? Ты что-то вспомнила?

— Не вспомнила, нет. Я это знала. Но никому не говорила до вчерашнего дня.

— Что именно?

— Мой брат, умирая, прошептал: «Майк, осторожно». Вчера в беседке Мишель сказала то же самое. Что, если это Майк в опасности?

Том хмурится, буравит меня внимательным взглядом. Потом качает головой, прикусывая верхнюю губу. Как Логан, задумчиво ерошит тёмно-русую шевелюру.

— Нет, не думаю. Но теперь даже не сомневаюсь, что убийства имеют к нему самое прямое отношение.

Внутри всё холодеет.

— Ты считаешь, Майк — убийца?

— Нет. Я имел в виду другое. Прямое отношение — это Райан Бэк. Например.

— Хочешь сказать, его тоже убили?

— Твой брат хранил копии документов по его делу. Только сам их он сделать не мог.

— Почему?

— Из-за срока давности, — терпеливо поясняет Том.

А ведь правда! Как я об этом не подумала сразу? Райан погиб, когда нам было девять. То есть двадцать пять лет тому назад. Допустим, Стив начал собирать доказательства, когда поступил в адвокатуру и получил пропуск в полицейские архивы. Всё равно прошло слишком много времени. Никто бы не стал хранить эти документы столько лет. Их бы даже оцифровывать никто не стал. Подумаешь, несчастный случай. Таких миллионы. Значит, тот, кто их сделал, собирал копии гораздо раньше. Но кто?

— Их могли сделать сразу, как дело закрыли. Или чуть позже. На пару-тройку лет. Максимум — семь. Например, лучший друг Райана, мэр Риверстоуна, имеющий неограниченный доступ ко всем архивам города, — то ли отвечая на мой вопрос, который я незаметно для себя задала вслух, то ли догадавшись, о чём думаю, произносит Том.

— Роберт? — ошарашенно выдыхаю я.

— Этого всего лишь рабочая версия, — он внимательно на меня смотрит. — Одна из. Но мне она кажется самой убедительной на данный момент. Многое связывает: и найденные документы, и возможные мотивы убийства, и даже орудие убийства.

Точно! Тот самый злополучный пропавший охотничий нож Райана, который чья-то безжалостная рука воткнула в грудь Мишель и оставила там.

— Но кто мог убить Райана? И зачем? Его же все любили.

— Знаешь, что, Стэйс? — Том неожиданно улыбается. Искренне, по-доброму. И становится совсем не похож на следователя. — А давай-ка я сяду за руль, мы закажем еду, и ты расскажешь мне про Логанов и Райана. Всё, что вспомнишь. Договорились?

Неказистое двухэтажное кирпичное здание на въезде в Хинтон похоже на городскую библиотеку, а вовсе не на новенький полицейский офис «красных мундиров». Над центральным входом с огромными стеклянными дверьми гордо развеваются два флага: красно-белый Канады и синий с гербом Альберты. Тоже новые, ещё не успевшие обтрепаться на ветру. А вокруг — бескрайние пшеничные поля. Только вдалеке, у самого горизонта, темнеют Скалистые горы. Торжественно. Красиво.

Я никогда здесь раньше не бывала. И дорого бы дала, чтобы не находиться здесь сейчас. Но жизнь диктует свои правила.

Том аккуратно втискивается между Челленджером Лиама и новеньким внедорожником Форд Эксплорер, ставит на ручник и выключает двигатель.

Неужели Логана тоже вызвали на допрос? Хотя почему меня это удивляет? Теперь ведь речь идёт о возможном преднамеренном убийстве бывшего мэра и его супруги. Конечно, «красные мундиры» захотят допросить их сына в первую очередь.

Том возвращает мне ключи от Вайпера и неторопливо вылезает из машины:

— Тихо у вас. И люди другие. Не такие, как в Торонто.

— Тебе виднее.

Я следую его примеру, прикидывая в уме остаток на банковском счету — на случай, если Патрик всё же решит подать заявление и придётся вносить залог за Майка. Должно хватить, если им в голову не придёт обвинить ещё и в убийствах. Просить денег у Логана не хочется — ему сейчас не до наших заморочек.

— А ты разве не замечаешь?

— Мне сложно судить. Я слишком отсюда.

— Ты же не была в Альберте целых семь лет.

— Ну и что? — пожимаю плечами. — Родилась и выросла я здесь. А ты, наверное, в Онтарио. Поэтому сразу чувствуешь разницу.

— Вообще-то... — Том говорит серьёзно, но в его глазах появляется смешинка, как будто он только что вспомнил какую-то, понятную только ему, шутку. — Вообще-то я в Торонто всего пару лет. А родился и вырос — в Драмондвиле, это маленький городок на полпути из Квебека в Монреаль. Потом уехал учиться и работать в Ванкувер.

— У меня там тетя. Папина сестра. Ну, в Ванкувере, я имею в виду. То есть сейчас она, конечно, здесь. В Риверстоуне. Из-за свадьбы, — сама не знаю зачем, сообщаю я. Тому наверняка уже известна вся история нашей семьи: кто, когда и откуда. — Значит, ты из Квебека.

Едва удерживаюсь, чтобы не ляпнуть рвущееся с языка «как Ридж». Интересно, с ним «красные мундиры» успели побеседовать или только собираются? А может, протекция мэра

для телохранителя дочери ставит его на особое положение? Спрашивать об этом не хочу. В нашем разговоре Том ничего про моего «жениха» не спрашивал, и я решила не проявлять инициативу. Не собираюсь и сейчас.

— Из Квебека. Повезло. Не пришлось специально учить французский, чтобы попасть в КККП.

— Ясно.

Пробегаю глазами по экрану мобильного, прежде чем убрать его в карман вместе с ключами. Ридж до сих пор не позвонил, даже смску не прислал с невинным вопросом, где я и когда вернусь. Может, ему хватит мозгов просто исчезнуть из моей жизни? Например, свалить обратно в Торонто и, пока я торчу в Альберте, продать студию, чтобы больше никогда не попадаться мне на глаза. Разочарованно вздыхаю: слишком прекрасно, чтобы оказаться правдой. В моей реальности Ридж обязательно уже переговорил с Мадам Мэр, подготовил тысячу оправданий и притащился в участок вместе с Логаном. Или поджидает меня в берлоге.

— Думаешь, они закончили допрашивать Майка? — с надеждой интересуюсь у Тома, когда мы входим в здание.

— Вряд ли. Но тебе всё равно придётся задержаться, — доверительно сообщает он, придерживая тяжёлую дверь и пропуская меня вперёд. С улыбкой поясняет, видимо, заметив мой испуг: — Чтобы подписать показания. Обещаю печатать быстрее и только по существу.

Его дружеское расположение выглядит сейчас ещё более странным. Одно дело сочувствовать мне на стоянке закусочной, где нас никто не видит, и совсем другое — на глазах коллег, подчиненных и начальства. Как-то слишком неправдоподобно даже ради попытки втереться ко мне в доверие. Я и так откровенно рассказала ему обо всём, что знаю, и наверняка гораздо больше, чем следовало. Вряд ли Том думает, что мне известно что-нибудь ещё. Хотя кто его разберёт.

Всё-таки решаюсь спросить:

— Я всё ещё ваша главная подозреваемая в убийстве Мишель?

— Нет, — качает головой Том. — Ты можешь вернуться домой. Я имею в виду обратно в Торонто. Если хочешь.

— Не хочу.

— Понимаю. Сюда, — с той же невозмутимой, вежливой улыбкой он указывает мне, куда идти.

Внутри офиса царит тишина, изредка нарушаемая телефонной трелью и тихим голосом дежурной на стойке. Ну точь-в-точь библиотека.

— Я думала, вы тут все на ушах. Шум, гам. Как в офисе шерифа.

— Мы тут все заняты делом. — По тону не определить, иронизирует Том или говорит серьёзно. — Подожди здесь, — просит он, кивая на длинный ряд оранжевых пластмассовых кресел вдоль серой стены. И исчезает за ближайшей к нам дверью — точно такой же, как десяток её сестёр-близнецов, — оставляя меня в безлюдном коридоре наедине с моими мыслями и страхами.

Бесконечный день не спешит заканчиваться. Я успела дважды перечитать и подписать собственные показания, наткнуться в холле на Лиама, чуть не сбить с ног мрачного после допроса Логана, вместе с ним выйти на улицу покурить, затем вернуться, отправить их на ещё один перекур уже вдвоём, чтобы они смогли раз и навсегда поставить точку в

отношении Дэниз, а прошло всего-навсего пару часов.

Майка и Эми до сих пор не отпустили. И мы втроём сидим в коридоре, нервно ёрзая на неудобных креслах. Наверное, раз пять успеваем обсудить все известные нам факты, столько же извиниться друг перед другом за все возможные грехи и пожелать убийце гореть в аду. Вряд ли кому-то из нас становится легче. Вряд ли когда-нибудь станет.

Наших близких жестоко убили, наши собственные жизни сломали — ни одна тюрьма, ни одно даже самое жестокое наказание никогда не сможет искупить вину того, кто стоит за всем этим. А самое ужасное — никто и никогда не вернёт нам родных, не укажет лазейку в какую-нибудь параллельную реальность, где по-прежнему живы Райан, родители Логана, мой брат и Мишель. В конце расследования нам достанется только правда и правосудие. Точка, как говорит Лиам.

И приносит всем горячий кофе из автомата.

Я хочу верить, что он прав. Что однажды мучительное чувство вины и беспомощности утихнет.

Логан делает глоток и нарушает затянувшееся молчание:

— Майк же не только сын Райана. Он близко знал моих родителей и Стива. А ещё он — муж Мишель. Ну, формально муж. Вот они его и мурьжат дольше всех.

— Плюс сегодняшняя драка, — хмуро добавляет Лиам и садится обратно в кресло между нами.

— Вот! Ещё и чёртов Патрик! Чего Майк вообще на него с кулаками полез? — Они обмениваются выразительными взглядами, и Логан сбивчиво продолжает: — Не, я помню, чего, просто... Надеюсь, Патрику хватит ума не раздувать скандал. В его же интересах.

— Бедная мама, — вздыхает Лиам. — Надо было сразу ей рассказать, чтобы не так в лоб, на глазах у всех.

— Я представляю, что будет, когда история дойдёт до Грегори. Да он собственными руками Патрика закопает!

Предпочитаю не вступать в дискуссию. Кто-кто, а я прекрасно понимаю, что двигало Майком — то же, что и мной. Собственное бессилие и желание докопаться до правды. Она необходима, иначе вместо точки нас ждёт вечное многоточие. Только уверенности, что когда-нибудь мы её узнаем, с каждой минутой всё меньше. Как и веры в то, что отец Мишель размажет Патрика по стенке за интрижку с дочкой, выбив из него всю подноготную. Грегори и не такое спускал единственной дочери, а с лучшим другом они прошли огонь и воду. Патрик не идиот. Будет отрицать до последнего вздоха, твердить всем, клясться и божиться, что между ними ничего не было. Я верю Лиаму, я даже склонна считать именно Патрика отцом неродившегося ребёнка Мишель, но мы никогда ничего не докажем. Кому в итоге теперь поверит Ирэн: мужу или сыну — вопрос открытый. При условии, конечно, что она ни о чём не подозревала с самого начала — слишком уж была не рада предстоящей свадьбе Майка с Мишель, раз пыталась выцарапать меня из Торонто обманом. Даже интересно, что бы произошло, купишь я на липовое приглашение и приедь тогда в Риверстоун. Ещё одно «если», на которое я никогда не получу однозначного ответа.

Дверь одного из кабинетов распаивается, и в коридоре появляется Том. Быстрым шагом приближается к нам.

— Мне передали, что ты просила кофе с соевым молоком? Пойдём, — громко и без тени улыбки бросает он на ходу.

— А, да. Спасибо.

Пихаю свой практически полный стаканчик в руки удивлённому Лиаму и вскакиваю. Что-то подсказывает мне — это не шутка.

Плохие новости? Очень плохие? Неужели Майка всё-таки арестуют и предъявят обвинение?

Нарочно тащусь чуть позади и терпеливо жду, когда Том заговорит первым, хотя от страха сердце замирает, а перед глазами плывут разноцветные круги. В полном молчании мы проходим через холл, останавливаемся у двери с недвумысленной табличкой «Вход только для служащих». Том прикладывает к электронному замку карточку, и мы оказываемся в небольшой комнате отдыха.

— Вот, держи, — он распахивает холодильник, достаёт оттуда картонную упаковку.

— Угу. — Я послушно забираю молоко и направляюсь в противоположный угол делать себе кофе, пить который не собираюсь. Терпеть не могу сою, но уверена — меня позвали не ради неё. — Будешь? — Голос от волнения дрожит, руки не слушаются.

— Нет, спасибо. — Том подходит ближе, помогает мне вставить рожок-ручку. Произносит чуть громче сквозь шум тарахтящей кофемашины: — Я только что говорил с судьёй Худом по телефону. По его словам, никакой драки в доме мэра не было. Так, незначительная ссора на бытовой почве. Твоего друга скоро отпустят. У нас нет причин его задерживать.

Я с облегчением выдыхаю, но под пристальным взглядом Тома теряюсь:

— Это же хорошо?..

— Не уверен.

— Поче...

— Не позволяй Майку надеть глупостей, — перебивает Том. — И сама не делай.

— Каких ещё глупостей?

Кофемашина затыкается, выплёвывая в стаканчик кипяток.

— Просто будь осторожна. Никаких игр в Шерлоков и Мстителей. Если что, — он вытаскивает из переднего кармана пиджака визитку, протягивает мне, — сразу звони. В любое время.

— Ну и что это было? — интересуется Логан, когда я возвращаюсь.

— Так... Ерунда. — Внутренний голос подсказывает не торопиться с откровениями. Том не зря не стал говорить при них, а навредить ему я хочу сейчас меньше всего. Раз уж он мне зачем-то помогает.

— Чего мы не знаем, Стэйс? — Лиам выразительно смотрит на картонный стакан в моих руках. — Это тот самый коп, который тебя выгуливал?

— Это — кофе.

— Тот самый значит, — ухмыляется Логан. — Оставь, она не расскажет.

— Да нечего рассказывать. Правда, нечего.

Конечно, нечего. Просто полицейский, который почему-то хочет мне помочь. Или делает вид. Но так или иначе пытается добиться моей симпатии. И, кажется, у него получается.

За спиной слышу звук распахивающейся двери и знакомые голоса. Оборачиваюсь, встречаясь взглядом с сестрой. Эми устало кивает, и я, сунув ей в руки кофе, бросаюсь к Майку.

— Ну вот, — с поддельной обидой тянет он, — а мне вкусняшки?

— Наконец-то! Живы?! — шумит Логан, приближаясь и похлопывая его по плечу.

— Живы, живы, — Майк старается беззаботно улыбаться, но меня не обманешь: он не просто измотан и расстроен. Он всё ещё в ярости.

— Тогда пойдёмте уже отсюда. Весь зад отсидел!

— Мы вас догоним. — Настойчиво перехватываю ладонь Майка, удерживая его.

— Твою ж мать! Опять, что ли, кофе попить? — Логан закатывает глаза. — Ну-ну. Только не долго. Пошли, на улице подождём, — кивает он Эми и Лиаму. — Я хоть покурю.

Майк провожает их взглядом, смотрит на меня:

— Что я пропустил?

— Ты в порядке?

— Конечно, Стэйс.

— Не ври. Никто из нас не в порядке, Майк.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Чтобы ты признал.

— Что я не в порядке? — он улыбается. Грустно, но всё же искренне. Сильнее сжимает мои пальцы в своих. — Хорошо, признаю. Я ни черта не в порядке, Стэйс. Мой дом битком набит криминалистами, мой отчим — редкостное дерьмо, а моего отца убили и пытались это скрыть, едва не угробив моего брата. Но Роберт обо всём догадался, и тогда убили его тоже. Вместе с женой. Ты и сама чуть не погибла. А потом убили Стива и теперь вот Мишель. Возможно, один и тот же человек.

— Это тебе они сказали? — машинально киваю на дверь за его спиной, имея в виду следователей.

— Мне не нужно ничего говорить, Стэйс. Я же не идиот, — Майк сердито передёргивает плечами. — Они допрашивали меня несколько часов. Задавали те же по сути вопросы, по кругу. Может, надеялись запутать, чтобы я проговорился. Или у них работа такая — спросить об одном и том же раз сто и сравнить ответы. Но я умею складывать в уме. Дважды два всегда четыре.

— И что ты намерен делать?

— Конкретно сегодня?

— Хотя бы.

— Есть варианты?

— Могу перечислить те, что делать ни в коем случае не стоит.

— Например?

— Не бить морду Патрику. А ещё лучше — никому не бить.

— А напиться можно?

— Напиться можно, — усмехаюсь я. — Можем даже напиться вместе. И Логана позовём. Он уже знает про аварию.

— Тогда давай сегодня напьемся и ни о чём не будем думать. Подумаем обо всём

завтра.

— Звучит как план. Как чертовски отличный план. Пойдём? — Я делаю шаг, но Майк удерживает меня за плечи, прижимая к себе:

— Знаешь, я люблю тебя, Стэйс Трупер. Очень люблю.

— А я — тебя, Майк Бэк.

— Значит, я могу поцеловать невесту?

— Прямо здесь?

— Почему бы нет?

Действительно, почему? Мы с ним определённо заслужили капельку счастья посреди всего кошмара.

Я первой нахожу его губы, но отшатываюсь, слыша за спиной недовольный окрик:

— Нет, вы только посмотрите на них! Ни стыда, ни совести! Мрази! — Нельзя кричать шёпотом, но у Клэр каким-то образом получается. Красивое лицо перекошено от гнева, с губ срываются оскорбления. Она словно готова ринуться на нас и разодрать в клочья, и только крепкое объятие мужа удерживает её от последнего шага. — Что?! Дождались наконец-то?! Избавились от досадной помехи? Просто развод вас не устраивал, да? Убийцы!

Майк, как и Грегори, молчит, но я чувствую, как он напряжён. Хватит искры, чтобы все взлетели на воздух.

Делаю шаг вперёд, вклиниваясь между ним и родителями Мишель.

— Клэр, мы... Я... — Надо что-то сказать, но не получается. Смотрю ей в глаза и вижу боль вперемешку с ненавистью. Мать Мишель не просто обвиняет нас в смерти единственной дочери. Нет. Она уверена, мы — виноваты. Никакая логика, никакие доводы не пробьют сейчас эту стену. Каждое наше действие, каждый жест, каждый звук Клэр растолкует по-своему. Извратит, опошлит, выплюнет обратно ядом. Но не услышит. Не сможет. Не достучаться — нужно время. Нам всем нужно время.

— О, да! Ты особенно! Мне никогда не нравилась ваша дружба. Я знала, что ты её погубишь! Знала! Но твой брат, он... Я должна была что-то сделать, как-то помешать. Увезти дочь отсюда. Я должна была её спасти. Я... — визгливый голос Клэр дребезжит, срывается, тонет в рыданиях.

Грегори крепче прижимает плачущую жену к груди, с нежностью целует в затылок, поправляя выбившиеся пряди. Ласково шепчет что-то. Только вернуть дочь он не силах...

Помню, как разрывалась на части, когда погиб Стив. Но я даже приблизительно не могу представить, что чувствовали наши родители тогда, что чувствуют теперь. Всё это неправильно, жестоко, кошунственно. Родители не должны хоронить своих детей.

— Простите нас. Мы сожалеем. Сочувствуем вашему горю, — бормочу, лишь бы не молчать и не слышать всхлипывания Клэр.

— Не нужно мне твоё сочувствие, мерзавка! — взвивается она. — Лучше бы ты погибла, лучше бы сдохла!.. Вы оба!

— Что zde... — в коридор вбегает Том в сопровождении дежурной и ещё одного мужчины в штатском. Увидев нас, троица замедляет шаг.

— Тише-тише, милая. Не надо так, — Грегори подхватывает жену за талию, пытается усадить в кресло. Клэр доверчиво жмётся к нему и больше не сдерживает рыданий.

— Лиз, принеси воды, — просит Том у дежурной, пока его коллега помогает Клэр сесть.

Опускаю голову, чтобы не встречаться ни с кем взглядом. Перед глазами всё плывёт из-

за непрошенных слёз. Мне больно. Больно и обидно. А ещё ужасно стыдно. Мы не заслужили проклятий Клэр. Так не должно быть, не должно. Теперь родители Мишель ни за что не поверят в нашу версию. И вся история с Патриком обернётся против нас же.

— Убирайтесь, — глухо роняет Грегори. — Не вздумайте появиться на похоронах моей дочери и никогда не приходите в наш дом.

Майк молча берёт меня за руку и ведёт к выходу.

На улице он останавливается, сжимает моё лицо в своих ладонях, вынуждая посмотреть в глаза:

— Ты же знаешь, что Клэр не имела в виду. Знаешь ведь?

Я знаю, но знание ничего не меняет. Нас только что прокляли, пожелав смерти. И я вряд ли когда-нибудь об этом забуду.

Мы не успеваем толком объяснить остальным, чем закончилась ссора с родителями Мишель, когда на стоянку перед офисом КККП на скорости влетает серебристая Хонда. Резко тормозит, противно взвизгивая в лёгком дрифте, и останавливается в паре метров от нас — прямо посреди парковки.

— Скотт? — И без того хмурое лицо сестры мрачнеет ещё больше.

— Майк, какого чёрта?! — он выскакивает из автомобиля, несётся к нам, угрожающе сжимая кулаки. — Ты совсем офонарел?!

— Послушай, Скотти, — Майк примирительно поднимает руки. Логан и Лиам, не сговариваясь, обступают его по бокам и оттесняют нас с Эми к машинам. — Ты прав, прости. Я не должен был.

— Не должен был! — орёт Скотт. — Конечно, не должен! Ты соображаешь, что творишь?!

— Всё несколько вышло из-под контроля.

— Ты так это называешь? Вышло из-под контроля? Всего-то, да? Подумаешь!.. — он замирает в каком-то десятке сантиметров от Майка. — Ты помнишь, когда последний раз что-то контролировал в своей жизни? Хотя что-нибудь? Или тебе больше нравится искать виноватых? Кто вообще дал тебе право распускать руки?

— Послушай, — мягко встречает Логан, делая крохотный, почти незаметный шаг к Скотту. — Ты прав. Но давай для начала успокоимся?

— Успокоимся?! — продолжает бесноваться Скотт. Я ещё никогда не видела его таким злым. — Ты бы успокоился, если бы избili твоего отца, а, Логан?! Ах, чёрт, у тебя же нет отца! Откуда тебе знать.

— Скотт, прекрати! — вклинивается Лиам. — Перегибаешь.

— Ну конечно ты его защищаешь! Как же иначе, — смеётся Скотт, и от этого жуткого, каркающего смеха мне становится не по себе. Уверена — остальным тоже. — Вы же братья.

— Ты тоже наш брат, — Майк протягивает руку, видимо, собираясь положить её на плечо Скотта, но тот отшатывается.

— Точно? Ты уверен? Посмотри внимательней на меня, Майки! — гримасничает он. — Я же Худ! Может, это я обрюхатил Мишель, а? Или мы сделали это вместе с отцом? Тебе разве не хочется меня ударить?

— Мне хочется, — Эми втискивается между Майком и Лиамом. — Я не оправдываю драку, но ты ведёшь себя отвратительно.

— Отлично! — Скотт делает несколько шагов назад, аплодируя. — Даже моя жена против меня. Просто великолепно! Из-за какой-то потаскухи, которую трахал весь город во

главе с шерифом! У меня просто нет слов. Братьев — тоже нет. И, видимо, уже жены. Молодцы! Великолепный подарок на свадьбу! — Продолжая хлопать, он поворачивается к нам спиной и бредёт обратно к машине.

— Скотт, подожди! Скотт! — пытается остановить его Лиам, но бесполезно. Тот не реагирует.

— Давайте, я поеду с ним, — предлагаю я. — Ему нельзя в таком состоянии за руль.

— Нет, лучше я. Держи, — Логан протягивает Майку ключи от Форда. — Вернёшься на моей. Потом подбросишь меня домой. Я позвоню.

— Ты как? — я поставила перед заспанной Мишель чашку с капучино.

Подруга понюхала содержимое, поморщилась. Отставила. Движения были неуверенные, неторопливые и осторожные.

— Кажется, я ещё не проспалась, — пробормотала она. — Может, лучше чай?.. У Логана же есть чай?

— Есть. В охотничьем домике мэра всё есть, — я не стала сдерживать улыбку. Подозревала, что так и будет, поэтому сразу включила чайник. — Чёрный, зелёный?

— Чёрный. С лимоном. С сахаром. Покрепче, — Мишель, подперев голову рукой, наблюдала, пока я колдовала с заваркой. — Майк спит?

— Ага. Представляешь, даже не заметил, когда я вылезала из кровати.

— Мужики все такие. Дрыхнут после секса как сурки. Гонгом не разбудишь, — ухмыльнулась она. Зевнула. — Знаешь, пока не умылась, мне казалось, я намного бодрее. А сейчас чувствую себя, будто мне не шестнадцать, а все шестьдесят.

— Вы что? Все запасы Логанов выпили?

— Ну зачем же все, это могло плохо отразиться на дальнейшем... — Мишель хихикнула, тут же шумно выдохнула и принялась, когда я опустила перед ней чашку. — Ах, вот чай — это то, что доктор прописал. Не мой отец, конечно. Мне бы он только пиздюлей прописал за разврат и пьянство.

— Не прописал бы. В первый раз, что ли.

— Главное, чтобы не в последний. Подробности хочешь?

— Я хочу, — подал голос вошедший на кухню Стив. Наверняка подслушивал. — В общих чертах я получил представление по ходу пьесы.

Мишель, глупо улыбаясь, уткнулась в чашку. Виновато поглядела на меня исподлобья.

— Ты тоже слышала?

— Мы все слышали, — брат плюхнулся на стул. — Сделаешь мне кофе? Спасибо, сестрёнка. А ты рассказывай, рассказывай, — он перевёл взгляд на Мишель, — не отвлекайся.

— А... С чего бы? — подруга задумалась, покусывая верхнюю губу и постукивая ярко розовым ноготком по столешнице. Она тянула, догадалась я. То ли напилась больше, чем признавалась, и ночь осталась в тумане, то ли просто не хотела говорить. Хотя обычно даже просить не требовалось. Детали так и сыпались из Мишель. — Ну, Шон... Он сильный.

— В смысле сильный? Он там что, штангу поднимал? — не затыкался Стив.

— А тебе-то что? — Я села рядом, придвигая к нему чашку с кофе. — Иди лучше к своей пассии.

— Может, мне интересно. Потом буду знать, что делать, чтобы не ударить в грязь лицом. Ну, так что там Шон? Сильный значит?

— Сильный, — Мишель снова уткнулась в чашку.

— Приятно чувствовать себя пушинкой? — улыбнулась я.

— Ой, подумаешь! Пушинкой! — фыркнул Стив. — С ним и мусоровоз будет себя пушинкой чувствовать!

— Не ори. Весь дом перебудишь. Шона в том числе, — прыснула я.

— Ага, проснется он, как же. Ближе к ужину. — Стив одним глотком допил кофе. Брякнул пустой чашкой по столу. — Ладно, я обратно в постельку. Надеюсь, по мне соскучились. Я, конечно, не Шон, — брат подмигнул Мишель, — но кое-что могу. Особенно, когда вдохновляют. У Мэй такое обалденное тело, — он мечтательно прищурился, и пальцы, казалось, зажали своей жизнью, рассказывая, к чему именно сейчас мысленно прикасается Стив. — Попроси её потом поставить мне оценку. Будешь удивлена.

— Угу, обязательно, — насмешливо хмыкнула я. — По десятибалльной шкале. Иди уже, хвостун. — Проводив брата взглядом, я тоже подмигнула Мишель. — И какую оценку ты бы ему поставила?

— Стиву? — нахмурилась она.

— Шону, конечно! При чём тут Стив?

— Башка у меня не очень варит, — Мишель рассмеялась. Многозначительно вскинула брови. — Для Шона делений не хватит! Честно. И с инициативой всё в порядке, и никакой отрешенности, которая тебе вчера мерещилась, — подруга довольно потянулась. — Не знаю, что там у него не сложилось с подружкой и почему они разошлись, но у меня никаких претензий пока.

— Говорят, хорошим парням часто не везёт.

— Ну, зато повезло мне.

— Надеюсь, мне тоже.

Всё, что ни делается — к лучшему, как заклинание продолжаю твердить себе по дороге в берлогу. Напиться ещё успеем. Впереди ведь целый вечер. Зато смогу поговорить с Риджем с глазу на глаз, без свидетелей. Глядишь, повезёт, и он уберётся из города до того, как вернутся Майк и Логан. И объяснять ничего не придётся. Уехал и уехал. Срочно понадобился на работе. Да мало ли причин. Сойдёт любая, лишь бы не рассказывать, какую слежку за мной устроили родители. И так с лихвой всем доказала, какая я на самом деле дура. Не вижу дальше собственного носа!

Но как только въезжаю за ограду, взгляд выхватывает тоненькую фигурку младшей сестры на террасе. Чёрт! Я совсем забыла, что Дэниз тоже здесь. Что ж, беседы без свидетелей не выйдет. Также к лучшему — иначе мирной она наверняка не будет.

Вряд ли сестра в курсе драки с Патриком и остального — Логана вызвали на допрос почти сразу же, как Эми сообщила в КККП о содержимом коробок. Он сам тогда ничего толком не понял, а потом точно не рассказывал подробностей Дэниз, пообещав объяснить, когда вернётся домой. Разве что родители предупредили Риджа, и у него хватило ума ляпнуть что-нибудь моей сестре. Или она вдруг решила изучить местные новости в интернете.

— Как вы тут? — нарочито беззаботно бросаю через опущенное стекло, как только заканчиваю парковаться.

— Живы, — прячется за привычным сарказмом Дэниз, наблюдая, как я вылезаю из машины Майка.

В данный момент меня это устраивает. Врать не хочу, но и пускаться в подробные

объяснения тоже не собираюсь, а короткая версия только напугает сестру. Детали могут подождать до вечера.

— Где Ридж?

— В гостиной смотрит телик, — хмурится Дэниз. — А где все? Я думала, вы вместе вернётесь.

— Логану пришлось поехать со Скоттом, им надо кое-что уладить. Майк и Лиам повезли Эми к нам домой, потом встретятся с Ирэн. Надеюсь, скоро приедут.

Дэниз не спешит мириться с такой выжимкой событий.

— Что-то случилось? — настойчиво спрашивает она и хмурится сильнее. — Я имею в виду, что-то ещё?

— Тебе мало? — теперь уже я прячусь за саркастической ухмылкой. Как там? Нападение — лучшая защита.

— Мне было слишком ещё вчера, но спасибо, что спросила, — не остаётся в долгу Дэниз.

— Потом, ладно? — смягчаю тон. В конце концов, сестра не виновата, что всё это дерьмо свалилось на наши головы именно теперь. — Не волнуйся, Логан скоро вернётся и расскажет.

— Боюсь, с этим у нас возникли небольшие проблемы, — доносится с крыльца голос Риджа. Мы обе пропустили, когда он успел выйти из дома, и теперь как по команде оборачиваемся к нему. — Только что звонил ваш отец...

— Почему тебе? — вырывается у меня.

— ...и просил передать, что Брэдли и Скотт попали в небольшую аварию. Вроде бы ничего серьёзного, какое-то животное перебежало дорогу, — вскидывает руки Ридж, словно успокаивая. — Они в порядке. В смысле, живы, но пока в больнице. В Хинтоне. Лиам повёз туда Эми. Майк едет с Ирэн. Ваши родители тоже.

— Что?.. — растерянно смотрю на него, отказываясь верить. Мой лимит потрясений за последние сутки исчерпан полностью.

Нельзя было пускать Логана, нельзя! Надо было поехать самой или отправить со Скоттом Лиамом. Я же видела, в каком он состоянии!

Из оцепенения меня выводит голос сестры:

— Поедем на моей. — Дэниз на удивление собрана и спокойна. — Только возьму ключи и переоденусь. Тебе тоже не помешает, Стэйс. К вечеру обещали ливень, — заботливо и слишком по-взрослому бросает она, становясь похожей на мать. И деловито продолжает командовать, поднимаясь по ступенькам: — Не возись. Через пять минут выезжаем.

— Я повед... — начинает Ридж, но сестра обрывает его на полуслове, даже не оборачиваясь:

— Нет. Поведу я. Ты не знаешь, где это.

Ровно через пять минут или даже раньше мы сворачиваем на шоссе в сторону Хинтона. Дэниз — за рулём, Ридж в полном молчании сидит рядом с ней, я — сзади. С тоской смотрю на мелькающие за окном берёзы и безуспешно пытаюсь дозвониться до кого-нибудь. Майк не отвечает, наверняка ведёт джип Логана, номер Лиамом я не знаю, а сотовый Эми вообще отключён. Ирэн с родителями наверняка известно не больше нашего. И раз уж отец не пожелал предупредить нас с сестрой лично, вряд ли сейчас он расскажет подробности по телефону, даже если что-то знает. Ну и ладно. Пусть и дальше общаются только с Риджем. Хоть кто-то хочет с ним говорить, потому что я — нет. Мне даже в одной машине с ним

находиться сложно, не то что вести беседы.

Лишь бы с Логаном и Скоттом обошлось, а потом Ридж может убираться на все четыре стороны. Без объяснений. Я ничего не хочу знать. И видеть его тоже не хочу. Никогда.

Когда я от отчаяния готова набрать Тома — он ведь предлагал обращаться к нему, если что-нибудь случится, — мне наконец-то перезванивает Майк:

— Прости, не мог ответить. Искал парковку. — Он очень старается не показать, как переживает, но получается плохо. Или я слишком хорошо его знаю. — Где ты, милая?

— С Дэниз. Едем в больницу. Минут через десять будем. Может, раньше.

— Хорошо. Мы в хирургии. Третий этаж и сразу от лифта направо.

Я помню, где это. Прошло семь лет, но я — помню. И боюсь думать, что и на этот раз кто-то из моих близких может остаться там навсегда.

— Как они?

— Слава богу, живы и в сознании. У Скотта — перелом голени. У Логана — сотрясение. Машина — всмятку.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Но главное — живы. Ведь это же сейчас главное? За это надо цепляться. Кости срастутся, раны заживут. Мы переживём это вместе.

— Ты не виноват, Майк. Ты ничего не мог изменить.

— Мог.

— Не больше, чем каждый из нас.

— Поговорим потом. Я люблю тебя. Жду.

Он отключается, а я продолжаю прижимать мобильник к уху, слушая короткие гудки.

Майк не набросился бы на отчима, если бы не услышал от брата про роман с Мишель. Лиам не стал бы рассказывать о нём, если бы я не настояла. Если бы не признался мне... Ему вообще не о чём было бы рассказывать, если бы Патрик не крутил с Мишель. Если бы признал её ребёнка или хотя бы предохранялся. Если бы он вообще никогда с ней не связывался. Так бы и было, если бы Стив остался в живых. А Стив никогда бы не погиб, если бы мы не считали себя виноватыми в аварии Логанов. Если бы сумели простить и отпустить. Если бы я не злилась на Мишель за тот проклятый танец с Майком, если бы мы не поссорились на вечеринке, если бы не поехали домой. Все эти чертовы «если», которые и есть жизнь. Никто не виноват, просто из миллиона возможностей обстоятельства складываются именно так, а не иначе. Мы все делаем выбор. Ежеминутно, ежесекундно, постоянно. И у каждого — последствия. Есть, были и будут. Эффект домино.

— Кто-нибудь проголодался кроме меня? — нарушил молчание Скотт, помогая снять Эми дублёнку, когда мы втроём вошли в квартиру.

— Все. — Сестра встряхнула мокрую от снега шапку и забросила её на полку над вешалкой. — Там была замечательная холодная пицца. Мы заказали утром ещё одну. Если, конечно, твои тараканы её не схарчили, пока нас не было.

— Не схарчили, — заверила я. — Она в холодильнике.

Скотт хмыкнул.

— Пиццу второй день подряд? — рассмеялся он. — Давайте, я что-нибудь приготовлю?

Возражений не последовало. И Скотт прошёл на кухню к холодильнику, распахнул дверцу, довольно улыбнулся.

— Да у тебя тут находка для гурмана просто, Стэйс.

— А ты думал, я латук с морковкой грызу целыми днями? — хихикнула я, приближаясь. Всё-таки Ридж мог быть умничкой, когда хотел: абсолютно все полки были забиты до отказа

продуктами.

За спиной скрипнула по полу табуретка. За стол уселась успевшая переодеться в домашний спортивный костюм Эми.

— Не против? — хитро поинтересовалась она.

— Почему я должен быть против? — удивился Скотт.

— Ну... вдруг буду отвлекать от процесса, — улыбнулась сестра.

— Исключено! Я слишком голодный, — засмеялся он, наклоняясь и извлекая из нижнего ящика несколько перцев и луковицу. — А вот ты рискуешь оказаться замешанной в процесс.

— Не вопрос! Главное, чёткие указания. Потому что мне совсем не стыдно признаться, я — никудышный повар! Это Стив у нас был кулинар, а мы со Стэйс так... Больше по «потом быстренько схавать».

— Ну и прекрасно. Кухня не терпит одновременно двух шеф-поваров.

— Тогда мы в группе поддержки, — подвела итог Эми.

— Доверишь мне приготовление куриного филе с овощами? — Скотт взглянул на меня. — Обещаю, что никто не отравится. А если вдруг — вылечу. Я же доктор.

— Лучше пообещай, что потом не придётся драить кухню всю ночь, — улыбнулась я. — А то знаю я вас, шеф-поваров. После ужинов Логана капитальный ремонт можно в квартире делать.

— Зато какой у него митлоф выходит. Объедение! Скажи, Эми?

— Стэйс, ты в порядке? — взволнованно спрашивает Ридж. На пару с сестрой он пристально смотрит на меня в проём между сидениями.

— Да, — киваю, только сейчас замечая, что, оказывается, машина стоит на парковке возле больницы.

— Уверена? — хмурится Дэниз. — Ты плачешь.

— Разве? — Мне стыдно, что младшая сестра держится куда лучше меня, и я отчаянно пытаюсь взять себя в руки. — Вовсе нет. Не плачу, видишь? — изо всех сил стараюсь беззаботно улыбнуться, одновременно вытирая мокрые щёки. — Идём?

— Дэниз, ты пока иди, а мы догоним, — просит Ридж. — Третий этаж. Твои родители уже там.

Я понимаю, куда он клонит и зачем просит сестру уйти. И хотя ни на какой конструктивный разговор с Риджем я не настроена, спорить при ней не решаюсь. Ещё больше напугаю — вряд ли сейчас я вообще способна на адекватную реакцию.

— Ладно, — тихо роняет Дэниз, внимательно разглядывая нас. Протягивает Риджу ключи. — Не задерживайтесь.

— Если ты ещё не заметил, я абсолютно не хочу с тобой разговаривать, — холодно чеканю, когда сестра отдаляется от машины.

— Пойдём.

— Не хочу.

— Я не спрашиваю.

— Требуешь? — со злостью ухмыляюсь.

— Прошу.

На миг теряюсь, не зная, как реагировать. И всё же качаю головой:

— Я никуда с тобой не пойду. Меня ждут.

— Здесь недалеко, Стэйс. Пожалуйста.

— Куда?

— На детскую площадку в парке напротив, — мягко улыбается он.

— Какую ещё площадку?.. Зачем?

— Пошли, увидишь. Считаю, это моя последняя просьба.

Я подчиняюсь. В конце концов, нам всё равно надо поговорить и расставить точки над

i. Если Ридж хочет сделать это на свежем воздухе, а не в машине, так тому и быть.

— Садись, — просит он, указывая на качели.

— Серьёзно?

— Тебе надо успокоиться. Мне — выговориться. А качели успокаивают.

— Неужели? — Демонстративно плюхаюсь на тонкую металлическую дощечку. —

Прости, но мне всё ещё не спокойно.

— Я не буду извиняться. — Ридж игнорирует мои кривлянья, садится рядом — на соседние качели. — Но хочу рассказать тебе свою версию событий. И готов ответить на твои вопросы.

— Внимание, первый вопрос! — продолжаю ёрничать. — Какого чёрта ты не рассказал, что мои родители наняли тебя? Какого чёрта врал, делая вид, что понятия не имеешь, кто я? Всё это представление с захлопнувшейся дверью. Зачем, Ридж?

— Глупо, согласен. Но сработало же, — он почему-то улыбается. И его улыбка окончательно сбивает меня с толку.

— Подло, а не глупо.

— Прости. Тогда это казалось правильным.

— Угу. Видимо, и всё, что ты делал потом. Все шесть лет, что мы знакомы. —

Порываюсь встать. — Больше вопросов нет.

— Нет, Стэйс, — он перехватывает мою руку, накрывая своей ладонью. — Я давно не работаю на твоих родителей. Почти пять лет.

— Что?..

— Меня наняли, когда ты собралась переезжать в Торонто отсюда. Насколько я понимаю, твои родители опасались, что тебе кто-то угрожает. Или что ты знаешь больше, чем им рассказала. Что в этом может быть замешан Майк. Косвенно или напрямую.

Ошеломлённо молчу, а Ридж продолжает рассказывать:

— Ты отменила свадьбу, не приезжала, никому не пожелала дать свой новый адрес. Словно сбегала от чего-то или кого-то. Или пряталась. Тогда твоя мать связалась со мной через охранное агентство.

— Ты следил за мной с самого отъезда из Риверстоуна?

— Почти. И когда в Оквилле появился Майк, мы не на шутку перепугались. Но всё обошлось. Ты пустила его к себе, даже оставила ночевать. А утром он уехал.

— Полагаю, мне крупно повезло, что ты не вломился ко мне в дом? — усмехаюсь, невольно вспоминая ту ночь.

— Была такая мысль, но вы не спорили, не было признаков борьбы.

— Ты подслушивал?

— Можно сказать и так. — По тому, как он отводит взгляд, я понимаю, что именно слышал Ридж. И сама заливаюсь краской стыда. — В общем, рано утром Майк уехал, а ты начала искать квартиру в Торонто. Тогда твои родители предложили мне стать твоим соседом.

— И другом.

— Это была моя идея. Я пытался найти способ быть рядом без того, чтобы приходилось прятаться в твоей ванне.

— Ты что?.. Прятался в моей ванне? — от изумления не сразу нахожу нужные слова, чтобы возмутиться.

— До этого, слава богу, не дошло. Но я рад, что несколько раз смог оказаться рядом.

— Как тогда на стоянке, — тихо произношу, не поднимая на Риджа глаза. — А я-то думала, что ты правда переживаешь за меня. Что у меня появился друг в Торонто. Настоящий.

— Я правда переживал за тебя, Стэйс. Поэтому через год отказался от этой работы, решив быть только другом. Близким другом.

— Да ну?! — недоверчиво хмыкаю. — Поэтому остался жить в квартире.

— Я выкупил её у твоих родителей. Они не возражали.

— Ну ещё бы они возражали! Тот же телохранитель, только бесплатно.

— Ты слишком плохо о них думаешь, — улыбается Ридж. — Они любят тебя и беспокоятся.

Молча передёргиваю плечами. Что ж, можно сказать и так. Особенно, если цель оправдывает средства. Наверное, я могу их понять. Наверное — даже простить. Я ведь сама подозревала Майка, а для них вся ситуация выглядела куда более запутанной. И всё же сейчас предпочитаю злиться и обвинять.

— Почему ты вообще согласился? С самого начала.

— Потому что ты напомнила мне меня.

— Что?..

Ридж печально вздыхает.

— Мою младшую сестру убили много лет назад. И когда это случилось, я долго не мог принять её смерть. Пил, злился, страдал. Даже пытался покончить с собой. Опустился на самое дно, начал употреблять наркоту. Меня поймали под кайфом во время работы под прикрытием, в итоге выгнали из полиции.

Мне трудно представить, что такой рассудительный оптимист и жизнелюб, как Ридж, мог принимать наркотики и хотел убить себя, ещё сложнее — что он мог работать в полиции. Но ничего из его слов не объясняет, почему он продолжал мне врать.

— Ты должен был рассказать. Сам. Хотя бы неделю назад, когда я потащила тебя на свадьбу. Вместо этого ты предпочёл очередной обман.

— Послушай, — Ридж бросает хмурый взгляд на центральный вход в больницу, смотрит мне в глаза. — У меня были причины. Веские. Возможно, я должен тебе рассказать всё. Но у нас сейчас мало времени. Да и здесь не место. Потом, ладно?

— Потом значит никогда? Тогда зачем ты притащил меня сюда?

— Не мог больше делать вид, что ничего не знаю. Ты же говорила с родителями, они тебе про меня рассказали. И да. Я был не прав. Каюсь, — он грустно качает головой. — Я должен был тебе признаться сразу или уехать. Но не смог. Не захотел. Всё время боялся, что если расскажу, потеряю тебя навсегда. Убедил себя, что не имеет значения, как и почему мы познакомились. Что, если у нас что-то выйдет, это будет уже не важно.

— Что выйдет?

— Ты мне нравилась. Всё ещё нравишься. Гораздо больше, чем друг. Но когда ты заговорила про свадьбу, я понял, какой я болван.

— Ты хочешь сказать? — начинаю осознавать я. Не может быть. Нет. Просто не может

быть!

— Я лишь хочу сказать, что вёл себя как последний придурок. У тебя есть все причины меня ненавидеть. Но прежде чем уеду, я хочу вернуть тебе это, — Ридж неуклюже лезет в карман, смущённо возится и протягивает на раскрытой ладони кольцо.

— Что это?

— Твоё помолвочное кольцо.

От изумления не сразу получается сформулировать то, что я хочу спросить. Или сказать. Или? Теперь я окончательно сбита с толку.

— Но как? Откуда у тебя?.. Зачем?

— Это не важно. Думаю, оно тебе пригодится. Майк — отличный парень.

Я в отчаянии бьюсь в дверь, но она не поддаётся. Чувствую, как слабею. Перед глазами плывут очертания комнаты. Серый потолок, старая обшарпанная мебель, светлые обои в мелкий цветочек. Всё сливается в мутное пятно.

Боли почти нет, только в голове странный гул по нарастающей и ноги не держат. Чтобы не упасть, хватаюсь за ручку, висну на ней, и дверь со скрипом распахивается. Я вываливаюсь в коридор, цепляюсь за стену, стараюсь удержаться. Надо дойти до лестницы. Надо. Я должна. Ради них. Я должна рассказать. Должна их спасти.

Не получается.

Сползаю на пол, шепчу как молитву:

— Майк... осторожно...

— Стив ещё спит! Представляешь? Ни на что не реагирует, — провозгласила Мишель, появляясь на кухне в пёстром халатике моей сестры. Как будто свой из дома взять трудно. Видимо, чужое ей нравится больше. — Не, ну надо же. Как-то вот даже обидно. Да.

— Пинать пробовала? — ухмыльнулся Майк, со стуком опуская на стол чашку. Кажется, такое вторжение ему тоже не понравилось.

— Пробовала, конечно. И пинала, и щипала, — Мишель возмущённо уставилась на меня. — Твой брат дрыхнет, как сурок, Стэйс!

— Что ты хочешь, чтоб я сделала? — Я исподлобья взглянула на неё. Спит Стив, ну и пусть спит. Зато когда проснется, ему придётся кое-что мне объяснить. Много чего.

— Ничего. Наверное. Просто жалуюсь. — Мишель потянулась. — Ладно. Будем тогда развлекаться по старинке, — она по-хозяйски открыла холодильник, но тут же захлопнула и виновато посмотрела на Майка. — Прости. Забылась. Жрать охота. Может, пиццу закажем?

— Есть в микроволновке. Вчерашняя, — лениво протянул он.

— Отлично, — оживилась Мишель. — Поищите что-нибудь по телику. Не в тишине же с бодуна сидеть. А я пока проверю, как там Стив. Вдруг уже проснулся.

— Хочешь, сходим куда-нибудь? Возьмём машину, съездим на каток или в боулинг? — предложил Майк, когда Мишель ушла. — Или в горы. Логана позовём с собой, развеемся. Давай?

Я не успела ответить, потому что на кухне снова возникла Мишель. На этот раз испуганная и бледная.

— Стэйс, — тихо позвала она таким голосом, что я моментально передумала язвить. — Стив не реагирует. Кажется, у него жар.

— Что?..

— Жар. И он не просыпается. Может, отцу позвонить? — Мишель, видимо, успела себя хорошенько накрутить. Что-что, а это она умела, особенно, когда речь шла о болячках.

Майк забрал из моих рук чашку с недопитым кофе, аккуратно отставил в сторону и поднялся.

— Пошли.

Брат лежал на животе, подмяв под себя подушку, а на его обнажённой пояснице уютно свернулся гигантским клубком Граф — огромный серый котёнок, любимец Патрика.

— Давай только его мы поливать не будем. Раздерёт до костей. Потом, правда, придётся неотложку вызывать, — предупредил Майк, и я покорно опустила на тумбочку стакан с

водой, которой намеревалась будить Стива. — Наглое ты животное, — громко сообщил он коту. Граф даже не пошевелился, только чуть дернулся кончик пушистого хвоста. — Согласен, сами виноваты. Дверь надо было закрывать, а они забыли.

Я тоже собралась прокомментировать откровенную звериную наглость, когда Мишель опустилась на край постели и приложила ко лбу брата ладонь.

— Точно температура, говорю вам.

— Сейчас принесу градусник, — Майк торопливо вышел из комнаты.

Я присела на корточки возле кровати. Осторожно прикоснулась к запястью брата и замерла. Действительно горячий. Как Логан, когда пришёл к нам после похорон родителей.

— Чувствуешь?

— Да.

— Может, у него инсульт? Я читала, при инсульте температура может доходить до тридцати девяти.

— Не истери! У него не инсульт. Цвет лица в порядке, дыхание, рвоты не было. Не было же?

— Не было вроде, — неуверенно промямлила Мишель. — Я бы заметила.

— Ты бы заметила! Так, — я выпрямилась. — Давай положим его на спину.

— Уверена, что можно? В смысле, двигать. Вдруг инсульт? Папа рассказывал...

— Прекрати.

Она виновато пожала плечами:

— Я боюсь, Стэйс. Что с ним? Я же проверяла. Разве температура могла так резко подскочить?

— Не знаю. — Мне тоже было страшно, но признаваться в этом Мишель не хотелось.

— Надо что-то делать! Он ведь не приходит в себя.

— Мы делаем.

Перевернуть Стива оказалось не так уж просто. Хорошо, что вернулся Майк и помог. Заодно принёс градусник и выдворил из комнаты кота.

— Майк, он не спит!.. Он без сознания. А если Стив в коме?! — Мишель вскочила, заметалась по комнате.

— Помолчи, пожалуйста. — Я дотронулась до запястья брата и попыталась сосчитать удары. Главное, не позволять Мишель развивать губительные теории. И самой не паниковать. Паника — плохой советчик. — Пульс вроде бы в норме.

Мишель остановилась, уставилась на меня:

— И что это значит?.. Это хорошо?

Я пожала плечами.

— Тридцать девять и семь, — нарушил молчание Майк. — Многовато.

— Я же вам говорила! Чёрт! Почему я такая тупая, слепая, безмозглая дура, — запричитала Мишель. — А если он отравился?

— Вы что-нибудь принимали? — мгновенно подскочила я. С этой идиотки станется! — Какую-нибудь наркоту?

— Нет! Ничего такого. Только травку, как всегда, — она растерянно переводила взгляд с меня на брата. — Слушайте, может, у него анафилактический шок.

— Какой ещё шок?! Не говори ерунды. — Майк хмуро посмотрел на меня. — Думаю, лучше вызвать скорую. Или отвезти в больницу самим.

Неужели всё так серьёзно? Не может быть. Это же Стив! Он ведь никогда не болел,

даже ветрянкой. Я вдруг поняла, что всё ещё сжимаю руку брата в своей ладони и понятия не имею, что делать дальше.

— Нет, лучше позвоню отцу, — твёрдо заявила Мишель, покрутила головой. — Видите где-нибудь мою куртку?

Мне холодно. Ужасно холодно.

Это единственное ощущение, на котором удаётся сосредоточиться. Кажется, будто чьи-то тёплые сильные руки приподнимают на мгновение мою голову и осторожно опускают её обратно на мягкую подушку, заботливо убирают с лица щекочущие пряди, накрывают меня одеялом.

Я ничего не могу разглядеть. Не получается. Даже не понимаю, открыты ли у меня глаза или просто вокруг слишком темно. И снова проваливаюсь в чёрную пустоту.

Снегопад и не думал прекращаться даже к вечеру.

Зато в номере было тепло и уютно. Негромко потрескивал зажжённый камин и аппетитно пахло свежей сдобой и кофе. Круглый столик, уставленный маленькими тарелочками со всевозможными сырами, колбасами и закусками, буквально ломился от еды. Но есть не хотелось.

Я устроилась на коленях Майка в кресле и, прижавшись щекой к его макушке, наблюдала, как за окном в прощальном танце кружатся снежные хлопья.

— Скажи, у тебя когда-нибудь сбывались желания? — спросил Майк. — Например, что-нибудь простое. Чтобы ты захотела, а оно раз и случилось?

— Вот чтобы раз и случилось? Наверное, нет.

— А в детстве? Какой-нибудь подарок или желание? Такое случалось?

— Ты случился.

— А кроме меня?

Я нахмурилась, выпрямляясь и встречаясь с Майком взглядом.

— Не помню. Ты как-то слишком серьёзно спрашиваешь. Что-то произошло?

— Нет. Что у меня могло произойти? — улыбнулся он. — Только ты.

— Точно?

— Точно. — Майк нежно чмокнул меня в щеку. — На чём мы остановились?

— На том, что тебя что-то мучает. Мне начинать паниковать?

— Нет. Тем более, раз ты до сих пор не запаниковала, теперь уже поздно, — рассмеялся он.

— Это ещё почему?

— Потому что неизвестность страшнее всего. Хотя, — озорная улыбка сменилась задумчивой гримасой. — Иногда мне кажется, лучше не знать.

— Не знать чего? — настороженно уточнила я.

— Что нас всех ждёт впереди.

— Ты такой из-за отца, да?

Ненавистное пятнадцатое февраля. Мы могли убежать вдвоём хоть на край света, но расстояние ничего не изменит: куда бы ты не поехал, ты всё равно берёшь с собой себя.

Майк пару минут сосредоточенно смотрел в окно. А когда заговорил — глухо, печально, — ещё сильнее прижал меня к себе.

— Может, умереть молодым — не так уж плохо. Как мой отец. Или Логаны. Ты на пике. Вокруг бурлит жизнь, у тебя куча планов и желаний. А потом просто всё. Ты исчезаешь. Буквально. Был и больше нет. Раз, и пустота. Конец. — Он щёлкнул пальцами, и я от

неожиданности вздрогнула. — Ты бы предпочла всего этого не слышать?

Я отвернулась, уставилась на огонь в камине.

— Я бы предпочла, чтобы у тебя никогда не было причин всё это говорить.

Прохладный воздух пахнет кедром и лимонами.

Силюсь разлепить веки — напрасно. Не выходит. Пошевелиться — тоже. Я даже пальцев не чувствую. Зато вместо опостылевшего гула начинаю различать звуки. Настоящие. Например, громкий повторяющийся писк сбоку от меня, как будто из микроволновки забыли вытащить разогретую еду. А ещё тихий шум кондиционера наверху.

Продолжаю неподвижно лежать, прислушиваясь. Где-то вдалеке по карнизу стучит дождь. Пытаюсь сообразить, где нахожусь. Ни единой мысли на этот счёт. Сосредоточиться не получается, вспомнить что-нибудь — тоже. Думать больно: голова тяжёлая, виски сдавило, а тело будто залили цементом. Стараюсь расслабиться и снова отключиться. Но сон не идёт.

Совсем рядом со мной тихо начинает играть забавная электронная полочка, резко обрывается, сменяясь чьим-то шёпотом. Не могу разобрать фразу, но голос кажется знакомым.

Шёпот приближается, я выхватываю несколько слов:

— ...изменений... верить... позвоню...

Очень хочется пить. Мне просто нужно заставить себя проснуться и подняться с кровати. Или попросить кого-нибудь принести воды, но для начала неплохо хотя бы понять, где я и с кем. Первая попытка — неудачная. Вторая тоже. На третьей мне удаётся слегка приоткрыть веки и тут же сильно пожалеть об этом — яркий электрический свет на миг обжигает радужки, ослепляя. Больно так, что из пересохшего горла вырывается хрип. От этого становится ещё больнее — внутренности словно набиты стеклом. Каждое движение отдаётся в теле обжигающей резью, как будто сотни острых осколков впиваются в меня одновременно.

Вжимаюсь в постель, боюсь даже дышать. Господи, да что со мной такое?

К равномерному писку добавляются шорох и чьи-то торопливые шаги.

— Стэйс, милая! Слава Богу! — Кто-то касается моей руки, сжимает в горячих пальцах моё запястье. — Стэйс! Ты меня слышишь?

Я знаю этот голос.

— Ло... ган?

— Да, родная, да! Наконец-то. Сейчас, милая, не плачь, сейчас.

Разве я плачу?

— Сейчас, — повторяет он. Волнуется, я чувствую это по его дыханию. — Я позову врача. Всё будет хорошо, милая.

Значит, я в больнице.

Пытаюсь удержать его ладонь в своей. Осколки впиваются сильнее, терпеть невыносимо, но я заставляю себя задать вопрос:

— Майк... где?..

Логан замирает. Молчит. Молчит слишком долго.

— Нужно позвать врача, милая, — он аккуратно высвобождает свою руку. — Я мигом.

Логан уходит раньше, чем у меня получается выдавить из себя хоть что-нибудь, чтобы его остановить. Зачем мне врач? Мне нужен Майк. Я хочу видеть Майка. Врач может подождать.

Через мгновение тишина нарушается голосами. Их несколько — два мужских и один женский. Какие-то люди негромко переговариваются. Я их не знаю. Наверное, доктора. Не могу разобрать ни слова из их болтовни и почти ничего не вижу — мне всё ещё тяжело смотреть на свет, а его становится только больше. Как и суеты вокруг — ко мне прикасается сразу десяток рук. Они держат, тянут, зачем-то задирают одеяло и мою одежду. Тело отзывается невыносимой болью. Пытаюсь сопротивляться, но так только больнее. И я смиряюсь, позволяя им делать, что пожелают.

Может, так они быстрее закончат? Пусть уже закончат. Я не хочу их видеть. Не хочу, чтобы меня трогали. Я хочу к Майку. Почему его нет? Он должен быть здесь со мной.

Постепенно боль уходит. Затихает вместе с голосами. Веки тяжелеют, слипаются.

— Тебе надо поспать, Стэйс. — Снова Логан. — Я никуда не уйду, милая. Я всё время буду рядом. Ничего бойся.

С чего он взял, что я боюсь?

— Пусть при... дёт Майк.

Слышу, как он прерывисто вздыхает.

— Майк не придёт, милая.

— По... чему?

— Майк... Он погиб. Он... Прости, — еле слышно шепчет Логан.

Темнота перед глазами становится осязаемой. Вязкой, липкой.

Я просыпаюсь. Несколько секунд тупо смотрю в потолок, прислушиваясь к дождю за окном. А потом возвращаются воспоминания. Все и разом. Наваливаются, накрывают с головой, утаскивают за собой на самое дно.

Кажется, что задыхаюсь.

Цепляюсь за поручни кровати, судорожно хватаю ртом воздух, хочу кричать, но не в состоянии издать ни звука.

Это сон, просто сон. Кошмарный сон, который обязательно сейчас закончится. Майк не мог умереть, не мог. Этого не может быть! Не Майк! Только не Майк!

Пытаюсь сесть, но путаюсь в подключенных ко мне проводах. Их много, они — везде. Как паутина. А ещё дурацкая капельница воткнута в кисть и ужасно мешает.

Больно. Меня мутит, горло сдавливают рвотные спазмы, перед глазами всё расплывается. Но мне всё равно.

Я должна уйти отсюда. Немедленно. Сейчас же!

Я должна найти Майка.

Снова пытаюсь сесть, тянусь вперёд, чтобы свесить ноги и опустить мешающий поручень. С силой дёргаю за него — не поддаётся. Дёргаю ещё раз. Ещё. Ещё! Бесполезно.

Что-то с грохотом падает за спиной, дверь распаивается, и в палату вбегает мама.

— Стэйс, родная. Что ты делаешь? С ума сошла? — Она хватает меня за плечи, силой укладывает обратно на подушку. — Ты должна лежать. У тебя же швы! Ты...

— Где Майк, мам?

— Стэйси, милая.

— Это ведь неправда?! Скажи, что это неправда! Пожалуйста, скажи мне, что это неправда, мам!

Она замолкает, бледнеет, отводит заплаканные глаза. Сжимает мою руку в своих ладонях. Они почему-то дрожат.

— Майк и Ридж погибли, куколка.

Это правда.

Правда.

Мой мир разбивается вдребезги.

— Нет... Нет... Нет... — трясую головой. Отказываюсь в это верить, отказываюсь принимать. Не желаю, не могу. Не стану.

Время остановилось. Умерло. И я тоже хочу умереть. Больше всего на свете.

Понятия не имею, сколько лежу вот так — уставившись в потолок невидящим взглядом. В комнате полумрак — жалюзи подняты, но за стеклом, испещрённым каплями, хмурится серое небо и льёт слёзы. Совсем как я.

Врач советует выговориться, но не могу. Не готова. Какой в этом смысл? Разве разговоры вернут мне Майка и Риджа?

С их смертью всё закончилось. Моя жизнь тоже. Они погибли из-за меня.

Патрик прав — это я их убила. Мой брат, Мишель, Ридж и Майк остались бы в живых, если бы не я. Если бы не уехала в Торонто, если бы доверяла семье, если бы никогда сюда не возвращалась. Проклятые, неумолимые «если». Вот и всё, что мне осталось. Гадать, как могло бы сложиться. Сожалеть о том, как всё случилось. Перебирать воспоминания, нанизывать их как бусинки на нитку времени. Пытаться понять. Если сумею когда-нибудь.

А пока я даже не знаю, зачем выжила. Дважды.

Клэр права — лучше бы я погибла тогда в аварии.

На улице с самого утра не прекращается ливень. Из постели я вижу, не поднимая головы, как ветер беспощадно треплет зелёные макушки берёз. Там сыро и холодно, но в палате светло и тепло. Холод внутри.

Со мной постоянно кто-нибудь находится. Родители, сестры, Логан, даже Лиам. Наверное, боятся, что я что-нибудь с собой сделаю. Пытаются казаться сильными, утешают меня, поддерживают. Думают, я ничего не замечаю. Но я вижу. Я чувствую. Я знаю. Нам всем плохо. Мы все теперь — живые трупы.

Не представляю, как они держатся. Зачем? У меня не получается найти ни одной причины цепляться за свою жизнь.

А потом мой самый большой кошмар становится явью: меня навещает Ирэн. Что я могу сказать женщине, чей сын погиб из-за меня?

Папа отводит её в сторону, они долго шепчутся у окна, обнявшись. Затем он выходит, оставляя нас наедине.

Я хочу исчезнуть. Хочу раствориться в воздухе, рассыпаться на атомы, лишь бы не видеть её, лишь бы ни о чём не говорить с ней. Но мать Майка здесь и уходить не собирается.

Она придвигает стул к моей кровати. Металлические ножки противно скрипят по линолеуму.

— Не возражаешь, если мы с тобой побеседуем?

Нервно передёргиваю плечами. Как на девичнике Эми: это максимум, на что я способна в данный момент.

— Мне необходимо выговориться. Я устала держать в себе... это, — Ирэн сглатывает, молчит. Несколько секунд бурлит взглядом больничное одеяло. Поднимает на меня глаза, в

которых застыли слёзы: — Думаю, ты тоже. Только так мы сможем жить дальше.

— Зачем?

— Зачем жить дальше? — она грустно улыбается. Просто отвечает: — Потому что мы живы. И жизнь продолжается, хотим мы этого или нет.

— Это легко исправить. В моём случае даже нужно.

— Ты заблуждаешься, милая. Потому что считаешь, что виновата.

— Потому что я виновата! Из-за меня всё. Из-за меня Майк... и Ридж.

Она придвигается ко мне, наклоняется. Ласково гладит меня по голове, но в голосе звенит металл:

— Это неправда. Во всём виноват Патрик. Только Патрик.

— Этого не случилось бы, если бы я не...

— Если бы не ты, мы могли никогда не узнать правду, — перебивает Ирэн. — Думаешь, так было бы лучше? Вряд ли. Думаешь, мы все не виним себя? Конечно, виним. Я, твои родители, родители Мишель. Что не заметили, не поняли, упустили. Что потеряли их, чуть не потеряли тебя. Мы две недели сходили с ума, молили всех святых, чтобы ты выкарабкалась. А ты очнулась и хочешь умереть?

— Только не надо просить, чтобы я была сильной.

Она крепко обнимает меня, прижимая к себе.

— Ты и так сильная. Думаешь, у меня не было таких же мыслей, как у тебя? Поверь, были. Даже хуже. Ведь если бы я вышла замуж за него, никто бы не погиб. Райан остался бы в живых, и Роберт с Джеки тоже. Твой брат, Мишель, мой сын.

— И Ридж.

— И Ридж. Если уж искать виноватых, начинать надо с меня. Но это не так. Виноват только Патрик. Мы не должны брать на себя вину за чужие ошибки. Не имеем права. Выжившие продолжают жить. А причина, чтобы жить, всегда найдётся.

Мне нечего возразить, но я вовсе не такая сильная, как Ирэн. Поэтому плачу, уткнувшись в её плечо.

— Без Майка... нет смысла. Он всё, что у меня было. Я не знаю, как... Как теперь жить когда его больше нет.

— Ты найдёшь новый смысл, Стэйси. Не сразу, но обязательно найдёшь. Поверь мне. Так устроена жизнь. Всё так, как должно быть.

Я внимательно наблюдаю, как сестра собирается домой, надевает плащ, достаёт зонт и смотрит на часы. Она измотана, и мне стыдно, что я продолжаю доставлять ей столько хлопот.

— Ты вовсе не обязана торчать со мной по ночам, Эми. Это же больница. Я никуда не денусь.

— Я торчу с тобой по ночам, Стэйс, не потому что ты куда-то денешься. Может, мне больше нечем заняться.

Сестра пытается шутить, но за напускным весельем спрятано слишком много горя. Его столько, что хватит на весь город.

Мы все будем расхлёбывать последствия ещё долго. Может быть, до конца жизни.

— От Скотта по-прежнему никаких новостей? — решаюсь спросить я.

— Нет. Лиам ездил к нему вчера, но... Он даже не захотел с ним говорить. Мои звонки тоже сбрасывает. — Эми передёргивает плечами. — Наверное, надо было давно ему всё

рассказать.

— О чём?

Сестра отвечает не сразу. Смотрит задумчиво в окно, покусывая нижнюю губу.

— Я ведь всё знала про них. Про Патрика и Мишель.

— Откуда? Ты видела их вместе?

Эми мотает головой.

— Мишель рассказала. Здесь, в больнице. В тот день, когда потеряла ребёнка.

Я не удивлена. Они всегда были близки, с самого детства. И особенно потом, когда Стив начал встречаться с Мишель. В каком-то смысле Эми заменила ей меня. И раз уж она призналась даже мне, что Майк — не отец, то, конечно же, рассказала всё сестре. Жаль, я не подумала об этом раньше.

— Мишель твердила, что выкидыш — наказание за её обман. Что она всё сделала неправильно. Поддалась минутной слабости, связалась с Патриком, использовала Майка, убедила Лиама молчать. Что очень сильно хотела этого ребёнка. Собиралась назвать его Стивом. Что на чужом несчастье новую жизнь не построишь.

Горько усмехаюсь. Мы с Мишель похожи гораздо больше, чем я думала. Только мне повезло, что моей минутной слабостью оказался Логан, а не какой-нибудь Патрик. И рядом всегда был Ридж.

— Ты согласилась молчать?

— Мишель не просила молчать. Наоборот, хотела всё рассказать Майку. Её мучило, что он так убивается, хотя даже не отец. Это я убедила её не говорить. Раз она всё равно потеряла ребёнка и собирается развестись. Я подумала... Кому от этого знания станет легче? Всё только запутается, а это ни к чему, ведь меньше через полгода наша со Скоттом свадьба. — Сестра оборачивается и виновато смотрит на меня. — Я круто облажалась, Стэйс.

— Мы все облажались, Эми. Ты не больше других.

— Знаешь, что Скотт сказал мне, когда уходил? Что у меня профессия такая: находить людским порокам оправдание и выставлять их в выгодном свете. Что он не хочет, чтобы я пыталась повернуть такое с ним и его отцом, потому что у меня может получиться. А он этого не заслуживает.

— И что ты собираешься делать?

Вижу, как она подбирается — вытягивается по струнке, словно оловянный солдатик. Даже становится чуть-чуть выше.

— Собираюсь уважать его решение. Я ведь не могу заставить Скотта вернуться ко мне, правда?

Неизвестно, кому из нас сейчас труднее. Мне, потерявшей Майка и Риджа навсегда, или сестре, оставшейся вдовой при живом муже. Но и Скотта винить сложно. Понятия не имею, как бы поступила я сама, если бы это мой отец перебил моих родных и близких. Я ведь бросила Майка и удрала из города подальше от всех при куда менее тяжких обстоятельствах.

— Я могу как-то помочь?

— Помоги себе и этим поможешь всем нам. Договорились? А вот и твоя сиделка, — Эми оборачивается к вошедшему в палату Логану. Приветливо кивает ему, забирая из его рук пластиковый стакан с кофе. — Спасибо.

— Как ты заказывала: с соевым молоком и без сахара.

— А говорят, рыцарей больше нет.

— Тебе я тоже принёс подарок. Держи! — Логан выуживает из кармана кожаной куртки продолговатую коробочку из белого картона и протягивает мне. — В наше время нельзя без айфона.

Они стараются вести себя обычно. Словно ничего не случилось. Не потому что им легче сейчас, чем мне. Я знаю, уверена, что нет.

Может, так и надо? Может, так правильно? Может, Ирэн права? Выжившие продолжают жить. Должны.

За окном снова гроза. Почерневшее небо грохочет, взрываясь яркими вспышками. Крупные капли барабанят по карнизу, а ночью вообще шёл град.

— Тебе принести что-нибудь? Кофе ещё нельзя, колу тоже. Может, сок? Хочешь черничного? Внизу продают свежий, без всех этих концентратов в пакетиках. Или сэндвич?

С улыбкой качаю головой. Логан возится со мной, как с ребёнком. Настоящая курица-наседка. Из него выйдет отличный отец.

— Слушай, тебе на работу не надо? В офисе, наверное, забыли, как ты выглядишь, — очень стараюсь, чтобы голос звучал бодро и строго. — А ты в больнице прозябаешь сутками третью неделю.

— Не переживай. Я шлю им селфи.

— Я серьёзно, Брэдли.

Мне совсем не хочется оставаться одной, но я не заслужила, чтобы со мной так нянчились. Тем более мне гораздо лучше.

— Брэдли? Ух ты, — Логан насмешливо вздёргивает брови. — Я тоже серьёзно, зараза. Думаешь, я тупенький? Нетушки, — он, хитро прищурившись, стучит указательным пальцем по правому виску. — Я нанимаю только профессионалов, чтобы они выполняли основную работу. Поэтому могу быть здесь столько, сколько захочу. Шестерёнки крутятся без меня. Смирись.

— Тогда... Давай поговорим, пока не пришла Дэниз.

— А сейчас мы, по-твоему, чем занимаемся?

— Расскажи, как они погибли. Майк и Ридж. Что ты знаешь?

— Ты... — Логан хмурится. — Это такой изощрённый способ выдворить меня отсюда, что ли?

— Нет. Я хочу знать. Я готова.

Я не уверена, что это на самом деле так. Что готова. Что когда-нибудь буду. Что к этому вообще можно подготовиться. Но тянуть дальше не могу. Все вокруг подыгрывают мне, беспокоятся. Не спрашивают о том, что случилось со мной. Не говорят того, что я не хочу слышать, что изо всех сил отрицаю. Но наивная надежда, что однажды проснусь и всё это окажется дурным сном, давно растаяла. Я должна услышать, как всё произошло. Только так смогу окончательно принять реальность и попробовать смириться.

Логан встаёт с кресла, придвигает стул ближе к кровати. Садится. Он не спешит рассказывать и заметно нервничает.

— Я выдержу. Я должна знать.

— Ладно, — вздыхает он. — Когда ты не пришла в больницу, первым забеспокоился Майк. Сначала пытался тебе дозвониться. Мы все пытались. Но ты не отвечала. Майк увёл Риджа туда, где он тебя оставил — в парк. Там нашли твой сотовый в песке и поняли, что что-то произошло. Что-то очень плохое. Ты ведь не могла уйти без него, никому не сообщив. В больницу сразу же приехала полиция. Тот следователь, что беседовал с тобой.

— Том?

Логан кивает.

— Да. Вместе с Лински. Их вызвали прямо с допроса. Потом и остальные подтянулись. Оцепили парк, начали допрашивать персонал, искать тех, кто что-нибудь видел или знает.

Ты всё-таки дочь мэра, и в свете последних событий. В общем, они не церемонились. Сразу подняли твоё исчезновение в статус приоритетных расследований. Ридж и Майк съездили ко мне и в дом твоих родителей, но тебя нигде не было. А потом, — он лезет в карман и вытаскивает сотовый. Пару секунд возится, сбрасывая пароль. Протягивает мобильник. — Мне и Майку пришло это сообщение с неизвестного номера. Его пробили по базе КККП — оказался одноразовым телефоном, купленным полгода назад в «Уолмарте» за наличные.

Я пробегаюсь глазами по тексту: «Никому не говори и не привлекай полицию. Если хочешь, чтобы она жила, давай всё решим тихо и по-семейному. Как настоящие мужчины. Как поступил бы твой отец. Приезжай на Лосиное озеро».

Представляю, что чувствовал Майк, когда читал это. Я уверена, он сразу догадался, кто отправитель. Логан наверняка тоже. Мы провели там не один уикенд — Патрик и Ирэн всегда устраивали семейные праздники в загородном домике Худов на берегу озера.

— Почему ты его не остановил?

— Не успел, — тяжело вздыхает Логан. — Меня накачали лекарствами, телефон валялся на тумбочке. Я не сразу заметил. Вернее, не следил за телефоном вовсе. Все ведь были в больнице, рядом. Если бы что-то случилось, мне бы сказали. Я так думал. Когда увидел, было уже поздно. Скорее всего Майк решил, что сообщение получил только он один, и умчался. Ридж поехал за ним.

Ридж... Он наверняка считал себя виноватым. Ведь это он привёл меня в парк, он оставил меня там, а сам ушёл, когда я захотела побыть одна. Если бы только я пошла с ним.

— Патрик бы всё равно нашёл способ заманить нас в ловушку, — Логан крепче сжимает мою руку в своих ладонях. Оказывается, последнюю фразу я пробормотала вслух.

— Мы не можем этого знать. Не отрицай. Если бы я не потребовала рассказать про Мишель, Майк бы не устроил драку. Ирэн бы не выгнала Патрика из дома, и он бы не слетел с катушек окончательно. У нас... У полиции было бы время найти его раньше, чем он. — Я пытаюсь сдержать слёзы, но они сильнее меня. — Всё могло сложиться совсем по-другому.

— Могло. И даже хуже, — мрачно перебивает Логан. — Если бы Майк не устроил драку, Патрик не накрутил бы Скотта до истерики. Мне не пришлось бы сесть за руль его машины, я не загремел бы в больницу. И тогда бы точно не пропустил сообщение. Возможно, я не сидел бы сейчас здесь и вряд ли дышал. Получается, я должен благодарить чёртову козулю за то, что жив. И тебя. За то, что убедила Лиама рассказать, а Майка — что он был таким правильным психом.

Был. Я никогда не привыкну говорить о нём в прошедшем времени.

— У Патрика было преимущество, Стэйс, — Логан не позволяет мне возразить. — Он — больной ублюдок. Он перебил бы нас всех по одиночке. Пойми, уже чудо, что ты — жива. Прекрати себя изводить. От нас ничего не зависело. Мы не виноваты, что выжили. Тем более не виноваты, что другие погибли.

Я заставляю себя задать самый страшный вопрос:

— Как это произошло?

— Патрик ждал нас. Знал, что приедем. Без вариантов. Поэтому подготовился. Устроил засаду и выстрелил в Майка из винтовки на дороге, когда он подъезжал к дому. С Риджем ему пришлось повозиться. Видимо, Ридж услышал выстрелы и спрятался в лесу. Но он не знал эту местность так, как Патрик. В темноте в дождь там сам чёрт ногу сломит. А когда я увидел сообщение, сразу же набрал Майка. Он не ответил. Я попросил Кнопку поискать его в коридорах. Но Майк как сквозь землю провалился. Риджа тоже никто не видел. И я понял,

что не успею, — продолжает говорить Логан. — Показал сообщение Лински. Он рассказал следователю из КККП. Тот велел мне оставить сообщение Патрику на его обычный мобильник. Мол, мне всё известно о том, что он сделал с Райаном. Потом предложить сдать. А сам выслал на озеро группу захвата. Ирэн поехала с ним. Понятия не имею, зачем он её взял с собой. Наверное, надеялся, что она сможет убедить Патрика отпустить вас. Только отпускать было некого. Ирэн выстрелила в него через окно, когда Патрик собрался поджечь дом. Думала, он держит тебя в подвале. Но ему удалось всех обмануть. Полицейские прочесали лес, нашли только тела Майка и Риджа. Тебя нигде не было. А Патрику повезло — сдох по дороге в больницу. Иначе... — Логан в бессильной ярости сжимает кулаки.

Закрываю глаза, молча давлюсь слезами, от которых ни капельки не легче. Я слишком хорошо могу всё представить. Кажется, даже слышу, как шумит на ветру мокрый лес. Прерывистое дыхание, звуки выстрелов. Вижу, как Ирэн вскидывает винтовку, целится в того, с кем прожила двадцать с лишним лет и кто убил её мужа и сына. Кто чуть не убил второго. И меня.

Наверное, она знает, о чём говорит, когда утверждает, что жизнь продолжается. Несмотря ни на что. Но у меня нет её силы. Стив погиб, потому что собирался доказать мою невиновность. Мишель — потому что хотела рассказать мне про найденные документы. Майк и Ридж угодили в ловушку, спасая меня. С этим мне придётся теперь жить всегда, пусть я понятия не имею как. И зачем. Патрик оставил меня истекать кровью. Я должна была умереть. Но я спаслась. Какой в этом вообще может быть смысл?

— Как вы меня нашли?

— Не мы. Одна из камер наблюдения засекла машину Патрика вечером накануне на выезде из промышленной зоны. Полиция перевернула там всё вверх дном, но без толку. Повезло, что тот следователь из КККП догадался проверить заброшенный мотель. Отправил туда Лински. Ты что-нибудь помнишь?

— Смутно. Патрик остановил машину, когда я как раз шла в больницу. Сказал, что хочет поговорить про Мишель. Что мы теперь одна семья и должны всё выяснить. Что Ирэн и её сыновья не станут его слушать, а меня — да. Я подумала, что так будет лучше для всех. Но когда села к нему в машину, Патрик что-то вколол мне в ногу. Я начала орать и попыталась открыть дверь. Тогда он ударил меня об стекло головой, и я вырубилась. Очнулась уже в комнате на полу, но всё было как в тумане. То ли от снотворного, то ли от удара. Не знаю. Может, он даже не собирался меня убивать сначала. Но потом заметил на пальце кольцо Майка и будто свихнулся. Орал, что ненавидит нас. Что мы испортили ему все планы. Начал крушить мебель. Я пыталась до него достучаться, но он даже не слушал. Снял с меня кольцо, долго смотрел на него, что-то бормотал про Ирэн. Наверное, знал, что оно досталось ей от матери Райана. Потом пообещал, что оставит меня умирать, а сам сделает, что давно должен был — избавится от тебя и Майка. Выстрелил мне в живот. Кажется, дважды. И ушёл. Не помню. Наверное, я потеряла сознание. Когда пришла в себя, попыталась выйти, но не смогла дальше коридора.

— Лински привёз тебя в больницу без сознания. Мы... Я... Я боялся, что ты не выживешь. Что ты тоже... уйдёшь. Как они. Врачи сказали, у тебя остановилось сердце, — голос Логана звенит от волнения и переходит на шёпот. — Никогда больше не смей так делать, слышишь? — он наклоняется ко мне, сжимает моё лицо в своих ладонях. В глазах блестят слёзы — я ни разу в жизни не видела Логана таким. — Никогда не смей меня так

пугать, зараза. Клянусь, я вытащу тебя даже из этого света, поняла? Ты мне как сестра. Ты гораздо больше. Ты — всё, что у меня осталось от нас. От них.

Дверь распахивается, миловидная докторша входит в палату и нерешительно косится на усевшегося обратно на стул Логана. Он смущённо отворачивается.

— Мы получили результаты твоих последних анализов. Я бы хотела кое-что с тобой обсудить, — она снова бросает короткий взгляд на затылок Логана. — Наедине.

Чувствую, как по спине ползёт предательский холодок. Как бы вытаскивать меня с того света снова не понадобилось слишком быстро.

— Что-то не так?

— Это... эм-м...

— Можешь говорить при нём, — разрешаю я.

— Ты уверена? — мнётся докторша.

Приходится как можно убедительней кивнуть.

— Да. Он — семья.

— Ты беременна.

С приходом июля над Риверстоуном нависли тучи, и небо словно прорвало. Лишь изредка превращаясь в мелкий косохлест, всю неделю шёл проливной дождь — с той самой ночи, когда я очнулась. А сегодня с утра на голубом небе ни тучки, яркое солнце немилосердно слепит даже сквозь опущенные жалюзи, обещая, что день будет жарким.

Желание хотя бы на полчаса выйти на прогулку появляется и тут же пропадает. Я привыкла к этой палате, она — как скорлупа, защищает меня от мира. Но что будет, когда придёт время уходить? Я даже не знаю, где теперь мой дом. Есть ли он у меня вообще.

Не хочу возвращаться к родителям. Тем более не представляю, как смогу войти в свою квартиру в Торонто. Да я даже порог берлоги Логана боюсь переступить, зная, что никогда больше не услышу голос Майка. Стоит мне покинуть стены больницы, как всё вокруг будет напоминать о тех, кого уже никогда не будет в моей жизни.

Я не должна торопиться. Меня ведь ещё даже не выписали. Потом смогу перебраться к Эми. Ей не мешает компания. Или поехать к тёте в Ванкувер. Поживу там, по крайней мере до тех пор, пока не буду точно знать, что дальше. У меня в запасе восемь месяцев, чтобы определиться.

А сейчас просто хочу немного побыть одна, чтобы подумать. Я ведь до конца не осознаю даже тот факт, что у меня скоро родится ребёнок.

Ребёнок от Майка! Утешительный приз судьбы, как пошутил Логан. Но в чём-то он прав — я отчаянно искала смысл, ради чего жить дальше. Теперь он у меня есть.

В дверь негромко, но настойчиво стучат. За последние сутки у меня побывал чуть ли не весь город, а столик у изголовья ломится от букетов. В этом один из минусов моего нынешнего положения — нельзя сделать вид, что меня нет дома. Приходится принимать всех.

Устало откликаюсь, разрешая войти. Кто бы это ни был.

— Извини, что беспокою. — В проёме появляется усталое лицо Тома. — Решил навестить тебя перед работой.

— Ты? — Я даже не пытаюсь скрыть удивления.

За всю долгую неделю полицейские побывали у меня дважды. Оба раза приходил тот самый «красный мундир», которого я видела в холле вместе с Клэр — Адамс, кажется. Он

ничего не говорил про Тома, даже не упоминал его имя в разговоре. Быстренько взял показания, задал несколько вопросов про Патрика и всё. Я тоже не стала его расспрашивать и совсем не ожидала когда-нибудь увидеть Тома ещё раз.

— Привет, — он прикрывает за собой дверь. — Прими мои искренние соболезнования.

Собирался заглянуть к тебе сразу, как ты пришла в себя, но никак не получалось.

— Ничего страшного. — Я тоже стараюсь быть вежливой. — Спасибо.

— Как ты себя чувствуешь?

— Живой. Благодаря тебе.

— Тебе уже рассказали? Прости, что не удалось спасти всех. — Теряюсь под его взглядом. В нём, как и в голосе Тома, столько неподдельной грусти, что я не знаю, как реагировать. Он показывает на стул. — Можно?

— Конечно. Что-нибудь случилось?

— Вообще-то я к тебе с неофициальным визитом, если можно так выразиться. Хотел попроситься и кое-что отдать. Вот, держи, — Том протягивает на раскрытой ладони маленький прозрачный пакетик, в котором обычно хранят улики. Внутри — моё помолвочное кольцо. — Оно не записано, как вещественное доказательство. И я подумал, что вернуть его хозяйке — не такая уж плохая идея.

Испуганно смотрю на Тома, не решаясь прикоснуться к кольцу. Какое-то дежавю, словно судьба насмехается надо мной снова и снова.

Том по-своему расценивает моё молчание.

— Это ведь твоё? Я ничего не перепутал?

— Моё... То есть Майка. В смысле он подарил мне его на нашу помолвку. Только я не знаю, что с ним теперь делать. — Я действительно не знаю. А ещё боюсь до него дотрагиваться. — В последний раз, когда мне его отдали, погибли очень близкие люди.

— Вряд ли оно заколдованное. Но если настаиваешь, я верну его в архив.

— Нет! — Я всё-таки преодолеваю страх и забираю пакетик. Смущенно тереблю его в руках. Понимаю, что выгляжу сейчас в глазах Тома полной дурой. — Спасибо тебе.

— Не стоит. Оно твоё.

— Нет, правда. Это кольцо много для меня значит. Ты вообще не должен был мне его возвращать. Поэтому спасибо. Я... я буду хранить его. На память.

— Память — это всё, что у нас остаётся, когда больше нет надежды. — Он вдруг широко улыбается. — Мне сказали, я могу тебя поздравить? Или женщин не принято поздравлять с беременностью?

Невольно улыбаюсь в ответ.

— Не знаю. Наверное, нет. Но всё равно спасибо. Снова.

— Давай-ка я лучше перейду сразу к делу, а то ты так и будешь меня благодарить без конца. — Том снова становится серьёзным. — Расследование почти закончено. Полагаю, они не станут торопиться с выводами, ведь убийца мёртв, никакого обвинительного процесса проводить не требуется. К тому же многое не доказать, а речь идёт о судьбе, и компрометировать систему без доказательств никто не отважится. Но я через несколько дней улетаю обратно в Торонто, поэтому подумал, что будет честнее самому всё тебе рассказать. Тем более ты сильно помогла следствию.

Я не замечаю в его голосе сарказма, но последняя фраза звучит, как жестокая насмешка.

— Помогла следствию? Я? Чем, интересно? Что чуть не погибла сама? — говорю резче, чем должна. — Я и представить не могла, что Патрик Худ. В самом страшном сне. Что он —

тот самый человек, который убил Райана. Моего брата и... Их. Всех. Майка. Не понимаю зачем? За что он так ненавидел нас? — Комок в горле мешает договорить. Замолкаю, чтобы не разрыдаться прямо на глазах Тома.

— Никто не мог представить, Стэйс. Но ты приехала, разворошила улей и...

— И погубила своих близких, — заканчиваю за него я.

— Ты не виновата в смерти Майка, если ты об этом. Тем более в смерти Риджа. Они не должны были ехать на озеро одни. Слишком самоуверенно и глупо. Надо было предупредить полицию. Хотя бы Лински, как сделал Логан. Или меня. Никто бы не погиб и мы гораздо быстрее нашли бы тебя. Но они совершили ошибку, которая стоила им жизни. Если кто и мог предвидеть такое, это я. Но я тоже ошибся, — Том печально разводит руками. — К сожалению, мы не можем знать всего наперёд.

— Но вы ведь узнали, почему Па... — мне сложно называть его имя. — Почему он убил их всех. Правда?

— И да, и нет. Худ оставил свой дневник Ирэн. Всё выглядит так, что он не собирался увиливать на этот раз или пускаться в бега. Он предполагал, что не выберется живым. И как любой псих жаждал внимания. Жаль, что его заиклило на прошлом.

— В каком смысле на прошлом?

— Буквально. На Ирэн, её замужестве с Райаном Бэком и собственном неудачном первом браке. По версии судьи шериф Бэк погиб в результате несчастного случая. Правда, я бы классифицировал это иначе — как непредумышленное убийство.

Что-то подсказывает, что Том гораздо ближе к истине, чем этот дегенерат в своих писульках.

— Если вкратце, то Худ возвращался домой сильно пьяным, не справился с управлением и столкнулся на дороге с шерифом. Насколько я понимаю, Райан Бэк был очень принципиальным и честным человеком. Он не пожелал списать «это маленькое недоразумение» по старой дружбе, пообещал не только выписать штраф, но и подать на судью официальный рапорт, что сулило тому огромные неприятности. Между ними завязался спор, Худ ударил Райана его же ножом. А потом запаниковал, оттащил тело в лес и сбежал. В дневнике он клянется, что был уверен — шериф ехал один. И только на следующий день узнал про Лиама Бэка, когда благодаря вам они нашлись. Ну, а дальше по цепочке. Роберт Логан что-то заподозрил, затеял частное расследование. Худ испугался, попытался воспользоваться своим положением, а потом решил и вовсе избавиться от дотошного мэра. У вас тогда была вечеринка, и Худ использовал это, чтобы заставить Роберта выехать из города на шоссе.

— А потом Стив нашёл доказательства, что авария Логанов — не случайность, и тоже погиб.

— К сожалению, ты права. Твой брат шёл к Майку, чтобы показать данные технического осмотра. Майк ведь разбирался в машинах, верно?

Молча киваю.

— Вот. А нарвался на его отчима и каким-то образом проговорился. А может, ещё раньше, когда собирал информацию. У Худа наверняка были связи в архивах, — продолжает рассуждать Том. — Он ничего об этом не писал, но, думаю, уже тогда пытался подставить Майка. Поэтому использовал для убийства охотничий нож шерифа и бросил тело на пустыре возле его дома.

— Но ведь Стив был ещё жив. Откуда Па... Откуда Худ мог знать, что Стив не успеет

его выдать?

— Не мог. Видимо, не успел добить. Наверняка его кто-то испугнул. Вернувшись со смены раньше обычного Лиам или кто-то другой. Тот вечер добавил судье пару седых волос. Как и убийство твоей подруги Мишель. Только в этот раз добить её помешала ты, когда пришла в беседку.

— Он убил её из-за их романа, да?

— Думаю, дело в другом, — Том задумчиво трёт переносицу. — В отличие от истории с Райаном Худ не очень-то многословен насчёт Мишель. Но если учесть показания всех, кого мы успели допросить, то скорее всего он сам был инициатором их романа. Видимо, чтобы прощупать почву. Её родители рассказали нам, что незадолго до этого она сообщила им про свою недавнюю находку — какой-то старый блокнот с личными записями Стива. Наверное, Худ испугался, что среди них может быть опасная для него информация. А может, пытался разыскать те самые документы, которые мы нашли в доме Бэков. Но потом передумал или решил, что Мишель безобидная. Но он явно недооценил её, потому и избавлялся так грубо — прямо на свадьбе собственного сына. Даже нож бросил там же.

— Может, он хотел подставить Майка снова?

— Сомнительно, — качает головой Том. — Как судья он должен был знать, что это лишь косвенная улика. Тем более без отпечатков. Вряд ли он надеялся, что один из вас вытащит нож из тела. Если вообще предполагал, что Майк придёт в беседку вместе с тобой.

Он прав. Майк пошёл туда из-за меня, а этого Худ никак не мог знать. Даже если подслушал часть нашего разговора с Мишель.

— Тогда зачем ему нож Райана? Он ведь хранил его столько лет.

— Как ни банально, — Том разводит руками, — трофеем убитого врага грел ему душу. В его дневнике об этом целый абзац. Так что вряд ли он собирался расставаться с ним на свадьбе. Но ты помешала.

— Слишком поздно помешала, — вздыхаю я. — Как он вообще выбрался оттуда? Ведь полиция всё оцепила.

Том пожимает плечами.

— На самом деле это не так уж и сложно. Худ приехал на свадьбу одним из первых, задолго до появления гостей. У него было достаточно времени всё заранее спланировать и подготовить. Он ведь знал, где вы будете ждать невесту. А потом заманил туда Мишель или воспользовался тем, что она договорилась встретиться в беседке с тобой и пришла одна. Согласно свидетельским показаниям, судья Худ уезжал из парка во время свадьбы. Якобы, чтобы убедиться, что его первая жена благополучно добралась до гостиницы. К сожалению, этих деталей мы никогда не узнаем. Для закрытия дела достаточно того, что именно Худ убил Мишель.

— То есть нам повезло, что Ирэн его застрелила, — с горькой усмешкой констатирую я. — Иначе нас ожидал бы длинный судебный процесс.

— Нам повезло, что мы нашли тебя живой после того, как Худ был убит. Я должен был догадаться раньше. Но беспокоился и думал о другом.

Теперь моя очередь внушать остальным, что они не виноваты в том, что случилось.

— Ты просто выполнял свою работу, Том.

— Не совсем.

— В смысле? — Мне становится неуютно под тяжестью его взгляда. — Что ты хочешь этим сказать? Ты разве не полицейский?

— Полицейский, конечно. Но оказался здесь вовсе не по воле случая. Всё несколько сложнее и имеет отношение к Риджу. Это он попросил меня приехать и заняться этим делом.

Вот теперь мне по-настоящему страшно. Из сотни вопросов, проносящихся сейчас в голове, озвучиваю, наверное, самый идиотский:

— Разве вы сами решаете, каким делом заниматься?

— Конечно нет. Но при определенных обстоятельствах можно проявить достаточно инициативы, чтобы желания и возможности совпали, — уклончиво отвечает Том.

— И ты оказался достаточно инициативным, чтобы приехать в Альберту, потому что...

— Я несколько лет занимаюсь одним делом, в успехе которого очень много моей личной заинтересованности. Естественно, не противоречащей принципам и уставу КККП. И твой брат имел к этому делу прямое отношение.

— Стив? — тупо переспрашиваю я, запоздало понимая, что других братьев у меня нет.

— Тринадцать лет назад в Ванкувере взорвали ювелирный магазин, чтобы добраться до сейфа с бриллиантами. Моя невеста работала там в тот вечер и была убита. А твой брат добивался амнистии для осуждённой за это преступление.

— Ничего не понимаю. При чем тут Худ? И Ридж?

— У Стива ничего не вышло. Он подал ещё одно прошение, но его тоже отклонили. Ридж подозревал, что твоего брата убили именно из-за этого. Своеобразная месть сообщников той девицы за неудачу. И что убийство Мишель — тоже на их совести. Она была невестой твоего брата, могла что-то узнать про них или каким-то образом помешать.

— Какое Риджу дело до всего этого?

— Погибшая от взрыва девушка была его сестрой.

— То есть ты... и он... Нет, погоди. Стой. — Я пытаюсь вспомнить всё, что знаю о Ридже. Всё, что он говорил в нашу последнюю встречу. И осознаю наконец, что Ридж слишком многое не успел или не захотел мне рассказать о том, почему он принял предложение моих родителей и чем конкретно занимался весь уикенд в Риверстоуне. А следом — что для Тома Ридж далеко не просто очередная жертва преступления.

И я понятия не имею, как реагировать на обрушившуюся на меня информацию.

— Ридж позвонил мне в тот же вечер, когда тебя и Майка увезли в участок. Вкратце рассказал, что у вас происходит, и предупредил, что мэр собирается передать это дело нам. Просил добиться перевода сюда. Не сразу, но у меня получилось. И как раз тогда, когда я приехал, стало ясно, что убийца Мишель и твоего брата не имеет никакого отношения к моему делу. Что у вас здесь всё намного сложнее.

— Ты поэтому был так обходителен со мной, да? Из-за Риджа? Это он попросил тебя?

Том смотрит на меня с грустной улыбкой.

— Ридж очень тобой дорожил, Стэйс. Ты ему нравилась. Теперь я понимаю, почему.

19 июня 2016 года, Торонто.

Пирсон совсем перестал справляться с нагрузками. Летом, в разгар отпусков, это особенно ощутимо. Шум, гам, толпы туристов в одинаковых бейсболках и с именными бейджиками на груди. Везде очереди: в кафешках, у киосков с едой, у прилавков магазинчиков и даже в дорогих бутиках. Найти свободные кресла в зале ожидания — настоящее везение. Молодёжь не заморачивается — садятся прямо на пол, подложив за спину рюкзаки и вытянув ноги. Приходится быть ещё внимательней — с широкой коляской передвижение по терминалу превращается в непростой квест.

И всего два Тиммиз на весь аэропорт.

Хорошо хоть кондиционеры работают — в этом году вторая половина июня всё больше напоминает филиал ада на Земле. Интересно, в Риверстоуне такая же жара? В спешке я даже не уточнила прогноз, по привычке набив чемодан одеждой на все сезоны разом.

— Вполне оправданный риск, — Том кружит рядом, прижимая к уху сотовый и меряя широкими шагами крохотный пяточок свободного пространства. Взад-вперёд. — У министерства бюджет не резиновый. Начинать с нуля — гораздо дороже. И дольше. Ты знаешь, что я прав.

Он как обычно одет с иголочки. Точь-в-точь как Ридж. Это я обливаюсь потом и подыхаю от жары в одном тонюсеньком сарафане, а Том невозмутимо рассекает под палящим солнцем в накрахмаленных рубашках и хоть бы хны. Неужели все квебекцы такие чокнутые?

— Мы можем не успеть, — продолжает внушать он телефону. — Ты можешь не успеть, Скай. Круг сужается, а у нас в запасе всего год. Максимум полтора. Иначе контакт гладким не выйдет. Я слишком люблю тебя, чтобы хоронить в начале опера... Что? Да, я произнёс это вслух и что с того?

Я отворачиваюсь. Передо мной — ещё человек пять-шесть, уже видна витрина с сэндвичами. Зато позади нас — настоящий кошмар. Хорошо, что мы сообразили выехать пораньше. Торчали бы сейчас до сих пор на досмотре.

— Ну и давка, — Том встаёт рядом, прячет мобильник в карман. Надолго ли? Смотрит на близнецов. — Уморились бедняги.

— Лучше бы в самолёте уморились, — сетую я. — Что ты смеёшься? Я серьёзно. Перелёт с трёхмесячными грудничками — сомнительное удовольствие. А тут ещё народу битком.

Разворачиваю коляску к себе, перевожу взгляд на любимые сопящие моськи. С умилением наблюдаю, как в унисон двигаются в крохотных ротиках разноцветные «пятилистники»: фиолетово-голубой и сине-белый. Смешно — я могу мгновенно отличить двойняшек, но только не две одинаковые соски. Мне вообще сыновья кажутся совершенно непохожими друг на друга. Райан всегда серьёзный и постоянно кряхтит, как старый дед. А Майк — озорная улыбка. Но со мной согласен только Том. Остальные вечно путают. Наверное, потому что он знает малышей с рождения.

— По-моему, для первого путешествия они ведут себя восхитительно.

— У тебя будет два с половиной часа, чтобы раскаться в своих словах, — шутливо угрожаю ему. Видимо, недостаточно шутливо.

— Ты в порядке? — Том пристально смотрит на меня.

Эти его смены настроений сводят меня с ума. Наверное, я никогда к ним не привыкну.

— В моей голове хаос. Теперь более-менее контролируемый, но всё ещё хаос. — Я не собираюсь никого обманывать. В первую очередь — себя. — Надеюсь, что справлюсь. Легко это не будет, знаю.

— Ты справишься.

У него снова звонит сотовый.

— Давай-ка мы подождём тебя где-нибудь там, — Том неопределённо машет рукой в сторону кресел у панорамного окна напротив. — Мне как обычно — двойной со сливками. — Он забирает коляску, снимает её с тормоза, одновременно доставая из кармана мобильник и прижимая его плечом к уху: — Невилстоун.

Господи, он вообще когда-нибудь отдыхает? По-моему, Том только во сне не думает о работе. И то не факт. Я бы свихнулась.

Очередь медленно, но верно сокращается.

Мне достаётся улыбчивая понятливая китайка, и через пару минут я с двумя стаканами, воткнутыми в картонную переноску, устало топаю к Тому и малышам.

— Стэйс?

Я не сразу узнаю в окликнувшем меня бородатом мужчине Лински.

— Брайан? — Он сильно изменился. На лице — густая щетина, тёмные волосы убраны в хвост, вместо униформы — потрёпанные джинсы и выгоревшая красная футболка с невнятным чёрно-белым принтом. Только глаза те же — синие и печальные.

Видимо, на моём лице написаны все мысли и эмоции разом, потому что Лински слегка, будто извиняясь за внешний вид, кивает мне. Скидывает с плеча дорожную сумку прямо на пол и смущённо одёргивает задравшуюся футболку.

Чтобы сгладить неловкую паузу, выдавливаю из себя максимально любезно:

— Не зря говорят, мир тесен. Так ты теперь в Торонто?

— Проездом.

— Ясно. Как поживаешь?

— Ну... поживаю. Как-то.

От его односложных ответов становится совсем неуютно. В конце концов, это он меня окликнул, но взять и просто уйти я не могу.

— Отлично выглядишь, Стэйс.

— Спасибо.

Озвучить ответный комплимент язык не поворачивается. Чтобы скрыть смущение разворачиваюсь к Тому и призывно машу ему, показывая, что всё в порядке — вряд ли на таком расстоянии он узнает в моём неожиданном собеседнике бывшего шерифа Риверстоуна. Том на миг останавливается, задирает вверх большой палец и возвращается к телефонному разговору, продолжая расхаживать с коляской вдоль окна.

— Это же Невилстоун? — Лински хмурится и переводит на меня удивлённый взгляд.

— Да.

— Вы что, теперь вместе?

— Мы что?.. — Смысл вопроса доходит не сразу. — Нет-нет, — я с улыбкой качаю головой. — Мы... — Объяснять ему, как так вышло, что квартира Риджа в Торонто досталась Тому, и мы не просто стали соседями, но и хорошими друзьями, да и всё, что случилось потом — слишком долго. И вряд ли интересно. Поэтому я ограничиваюсь короткой

версией: — Мы вместе летим в Риверстоун. На годовщину, — непрошенный комок в горле мешает закончить фразу легко и непринуждённо. Я сглатываю, заставляя себя договорить: — На свадьбу моей сестры. А оттуда — в Леви к...

Последнее Лински пропускает мимо ушей.

— Эми выходит замуж снова?

Не знаю, чего в его тоне больше: изумления или сарказма, поэтому невольно улыбаюсь.

— Не Эми. Дэниз. За Логана.

— Вот как, — хмыкает Лински и расплывается в широкой, вполне искренней улыбке. —

За Брэдли Логана, значит. Твоего близкого друга, — смеётся он. — Насколько близкого, Стэйс?

— Очень близкого. За моего брата, — со смехом подхватываю я. Кажется, с того допроса прошла вечность.

Мы оба молчим.

— Ну что ж... Удачи. Рад был повидаться. — Он поднимает с пола сумку. — Передавай своим родным мои наилучшие пожелания. Они заслужили счастье.

— Брайан! — удерживаю его за предплечье, когда он почти поворачивается ко мне спиной, чтобы уйти. — Я же так и не поблагодарила тебя.

— За что? — Лински непонимающе смотрит на меня через плечо.

— Прости, я должна была сразу позвонить, но я не смогла. В тот момент я не... А потом, когда меня выписали из больницы, ты уже уехал из города, — виновато развожу руками. — В общем, спасибо, что спас меня, Брайан. Не знаю, что принято говорить в таких случаях. Но спасибо! Я обязана тебе жизнью.

— Не мне. Ему, — Лински кивком указывает в сторону Тома. — Его надо благодарить. Я ничего не сделал.

— Неправда, Брайан. Ты...

— Я даже её не смог спасти, — перебивает он. — Единственную, кого должен был. Но не сумел. Знаешь, я всё думаю. Могло бы у нас что-нибудь получиться? По-настоящему. Или она всё равно продолжала бы любить твоего брата?

Я молча тереблю болтающееся на груди кольцо. У меня нет ответа, но Лински его и не ждёт.

— Это был долгий год, Стэйс. Очень долгий. Не повторяй её ошибок.

Больше книг на сайте - Knigoed.net